

СТАТЬИ

РУССКАЯ ПОЛИТИКА НА БАЛКАНАХ И НАЧАЛО ВОСТОЧНОЙ ВОЙНЫ

С. Никитин

В период обострения русско-турецких отношений в связи с вопросом о «ключе от никогда не запиравшейся церковной двери» разразился черногорско-турецкий конфликт. Его исходные моменты связаны с теми переменами во внутреннем строе Черногории, которые произошли со смертью Петра II, последнего повелителя этой страны, соединившего в своих руках и светскую и духовную власть. Преемником его должен был быть племянник Петра II, Данило, воспитывавшийся для занятия архиерейского поста. В момент смерти Петра Данило находился в Вене, откуда он должен был ехать в Россию учиться и где он получил письмо от русского посла Мейендорфа, подтверждавшее права Данилы на владычество в Черногории. Это письмо¹ было направлено против брата покойного Петра — Пера Петровича, стремившегося взять княжескую власть в свои руки. Не имея никакого желания надевать монашескую рясу, Данило, с согласия России, 8 сентября 1852 г.² добился провозглашения себя князем.

Такая секуляризация верховной власти не встретила одобрения в Турции, всегда претендовавшей на господство в Черногории. Турция сочла момент удобным для выступления и решила осуществить его в форме военного вмешательства. Но не успел покоритель Боснии и Герцеговины, один из лучших турецких генералов, Омер-паша³ двинуть свои войска, как черногорцы в ночь на 12 (24) ноября 1852 г. захватили расположенное на берегу Скадрского озера турецкое укрепление Жабляк. Повод для этого набега дали турки же, благодаря интригам и подкупу которых от Черногории отложился округ (нахия) Пипери, а отдавать его без борьбы черногорцы не собирались. Сконцентрировав силы, они препятствовали движению турок в сторону Жабляка; турецкие призывы к албанцам не подвинули последних на выступление против Черногории. Это позволило черногорцам одержать в первых числах декабря новые успехи у Гаскова. 14-го числа того же месяца Турция объявила блокаду Черногории и сообщила об этом послам представленных при ней держав⁴. Вскоре черногорские отряды потерпели поражение у Жабляка и, предварительно разрушив Жабляк, были вынуждены очистить его. Тем временем положение Черногории становилось всё более угрожающим: к берегам Албании отправился турецкий флот. Омер-паша во главе своих войск приближался к границе, скадрский паша был готов ударить с другой стороны. Бедная военными ресурсами страна была вынуждена переплавить на пули типографские шрифты, использовать церковные книги на производство патронов⁵. И независимо от военных приготовлений в

¹ Оно напечатано у П. Ровинского «Черногория в прошлом и настоящем». Т. III, стр. 18—19. Пггр. 1915.

² Даты, где это специально не оговорено, приведены по старому стилю; двойная датировка заимствована из дипломатических документов.

³ Омер-паша ранее был австрийским офицером. В 1828 г. дезертировал, поступил на турецкую службу и принял мусульманство.

⁴ Frilley G. et Wlahowitj J. «Le Montenegro contemporain», p. 64. Paris. 1876.

⁵ Лавров П. «Пётр II Петрович Негош, владыка черногорский, и его литературная деятельность», стр. 57. М. 1887.

Вену и Петербург был отправлен дядя князя Даниила с просьбой о вмешательстве.

Конфликт, естественно, уже привлёк к себе внимание России и Австрии. Первая в самом начале военных действий рекомендовала черногорскому князю «прекратить всякое наступательное движение против войск султана и возвратиться в свои горы, где и защищаться в случае нападения»¹. Одновременно посол в Константинополе сделал представление о несправедливости и несвоевременности объявления войны не подчинённому Порте народу. Австрия, после 1848 г. опасавшаяся повторения восстаний в своих пределах, привела в военную готовность войска, расположенные в Далмации, двинула часть флота для воспрепятствования появлению турецких судов у своих берегов, концентрировала и усиливала свои войска в Хорватии². Все эти приготовления имели целью помешать расширению антитурецкого движения не только в славянских провинциях Австрии, но и пресечь возможность каких-либо поползновений этого рода со стороны Сербии. Надо сказать, что опасения подобного рода были и в Турции.

14 (26) января поверенный в делах в Константинополе Озеров сообщал о приведении на военное положение редифов, прибытии военного снаряжения в Адрианополь. «Это боязнь восстания христианских народов заставила принять такие угрожающие меры. В то же время паши получают неограниченную власть и поддерживаются повсюду регулярными войсками и бандами башибузуков, уже давно жаждущими крови и резни»³.

Как показывает депеша консула в Белграде Туманского от 27 января, эти опасения имели некоторые основания. По крайней мере в Сербии «белградская публика и народ обещают помочь своим братьям. Что же касается сербского правительства, не разделяя общего энтузиазма, оно сохраняет спокойное отношение, не высказываясь ни за, ни против в этом вопросе, который может быть решён лишь благоприятно сложившимися для той или другой из борющихся сторон обстоятельствами»⁴. Австрийское правительство в январе 1853 г. отправило полковника Стратимировича в Боснию, Сербию и другие соседние области, чтобы ознакомиться с настроениями. В подробном отчёте о поездке Стратимирович успокаивал австрийское правительство и указывал на отсутствие вождей в Боснии, отрицал наличие у босняков связей со славянами в пределах Австро-Венгрии, утверждал, что революционной пропаганды в этих областях не ведётся⁵.

Столкновение в Черногории вызвало интерес и в отдалённых странах. Лондонская «Таймс» 14 января 1853 г. нов. ст. поместила статью, где говорилось, что европейские государства не могут спокойно глядеть на происходящие события. Английская газета рекомендовала вмешательство великих держав⁶.

Тем временем военные действия продолжались⁷, но не прекращались и усилия дипломатии. 19 (31) января 1853 г. из Петербурга был отправлен со специальной миссией в Черногорию Егор Петрович Ковалевский. Выбор пал на него не случайно. Ковалевский (1811—1868) — горный инженер

¹ Архив внешней политики (АВП). Азиатский департ., I отделение, политический стол, оп. 45, д. № 1, 1853 г. «О командировке Ковалевского Е. П. в Черногорию для наблюдения за ходом столкновения с Турцией», л. 6 (далее указываем номер дела, год и лист).

² Вегер А. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774», S. 435—436. Prag. 1883.

³ АВП. Канцелярия (К.), 19, Constantinople, 1853, л. 49—50.

⁴ АВП, К., Belgrade, 1853 г., л. 3.

⁵ Borbeluh, V. «Урна Гора и Аустрија 1814—1894», стр. 71—74. Белград. 1924.

⁶ Зоровић В. «Лука Вулаквич и херцеговачки устанци от 1852—1862 године», стр. 19. Белград. 1923.

⁷ Обзор военных действий см. у Gerba R. zur Geschichte der Ereignisse in Bosnien und Montenegro. 1853 Mitteilungen des K. K. Kriegsarchivs. Bd. I. Wien. 1887.

по образованию и первым годам своей службы — вскоре перешёл в министерство иностранных дел и в 1837 г. был командирован по просьбе Петра II в Черногорию. Не столько геологоразведочные работы, сколько постройка порохового завода были целью его поездки. В 1839 г. он был послан в Бухару. В 1847 г. ездил в Египет для разведки золота и совершил экспедицию в глубь Африки, о чём, как и о своей черногорской поездке, опубликовал интересные записки. В 1850 г. сопровождал русскую миссию в Пекин и участвовал в заключении Кульджинского договора, открывшего торговый путь в Западный Китай. В том же году он вновь побывал в Черногории¹. Человек, прекрасно знавший местную обстановку, свободно объяснявшийся по-сербски, находчивый и решительный, европейски образованный, обладавший хорошими техническими знаниями, — это был лучший из возможных представителей России.

В данной Ковалевскому инструкции так формулировалась его задача: «...успокоить, насколько возможно, умы, советовать сдержанность и осторожность и помешать жестокостям в бесполезных репрессиях, делающим борьбу лишь кровопролитнее, а умиротворение труднее». Эти общие задачи должны были быть конкретизированы в Вене и окончательно уточнены в Дубровнике. На случай, если бы призывы к умиротворению были безрезультатны и наступление Омер-паши продолжалось, Ковалевскому поручалось совместно с командованием австрийских войск принять нужные меры², а независимо от того войти и в личные переговоры с Омер-пашой³.

По приезде в Вену Ковалевский, помимо встреч с министром иностранных дел графом Буолем и австрийским генералитетом, получил аудиенцию у Франца-Иосифа, на которой исходатайствовал для Черногории шесть пушек (сверх шести, уже отправленных австрийцами ранее) и получил заверения относительно сочувствия бедственному положению этой страны⁴.

Пока Ковалевский был в Вене, австрийское правительство отправило своих представителей — Калика и Иовановича — к Омер-паше. Они 6 (18) февраля заявили ему то же, что Франц-Иосиф говорил Ковалевскому: австрийские войска вторгнутся в пределы Турции, если турки нарушат австрийскую границу или сделают попытку использовать Клек и Суторину⁵ для военных целей. К этим предупреждениям было прибавлено требование об удалении из турецких войск всех венгерских и польских эмигрантов. Омер-паша заявил об отсутствии намерений двигаться в сторону Австрии и выразил согласие фиксировать положение Клека и Суорины, а из эмигрантов хотел оставить при себе лишь одного врача⁶.

Независимо от миссии Калика и Иовановича Австрия концентрировала войска на границе Боснии и направила в Константинополь графа Лейнингена с ультиматумом об отозвании турецких войск из Черногории и теми требованиями, какие были уже предъявлены Омер-паше. Эти осложнения в русско-черногорско-австрийских отношениях с Турцией протекали в то самое время, когда подготавливалось разрешение гораздо более крупных и существенных международно-политических вопросов.

22 января (3 февраля) происходил известный разговор Николая I с

¹ Позже (1856—1861) Ковалевский был директором Азиатского департамента, а с 1861 г. — сенатором. Собрание сочинений Ковалевского содержит важнейшие его работы, выходившие отдельными изданиями.

² АВП, д. № 1, 1853 г., л. 6—13.

³ Там же, л. 14.

⁴ Там же, л. 21—22.

⁵ Клек и Суторина — земельные участки, уступленные Турции Рагузанской республикой, стремившейся отгородиться турецкими владениями от нападений Венеции, владевшей Катарро (Котор) и Спалато (Сплит). Наполеоном они были включены в состав иллирийских провинций. В 1814 г. Австрия передала их Турции. Австрия претендовала на создание особого *status'a* для этих территорий.

⁶ В e e r A. Op. cit., S. 439—440.

лордом Г. Сеймуром, разговор, которым Николай пытался вовлечь Англию в раздел имущества «умирающего больного»¹. Попутно был затронут и черногорский вопрос как иллюстрация положения христиан в Турции. Хорошо известна безрезультатность этих переговоров. Слишком большую определённую в постановке вопросов во время этой беседы вскоре пришлось маскировать Нессельроде в своих комментариях к этим беседам. Невозможность происшедшей неудачи понимал Нессельроде, говоря в письме к послу в Англии Бруннову о перспективе разгрома русской торговли и приморских городов соединённым флотом Турции, Англии и Франции. Тем не менее 29 января (10 февраля) 1853 г. в Константинополь был отправлен со специальной миссией князь А. С. Меншиков, но результатом его миссии, как известно, было дальнейшее обострение восточного кризиса. Недаром одна из его инструкций, начинавшаяся уверенностью в удачном выполнении миссии, заканчивалась наставлениями на случай разрыва отношений. Но независимо от последствий переговоров Меншикова вопрос о Черногории должен был решаться в направлении умиротворения. Правда, русская дипломатия не обольщалась в этом отношении надеждами на успех переговоров Меншикова, так как было ясно, что австрийские меры будут быстрее и эффективнее. Русский посол в Вене об этом писал: «Князь Меншиков также будет очень твёрдо говорить в Константинополе по поводу Черногории, но решительный удар будет нанесён графом Лейнингеном, который там уже находится, в то время как Меншиков прибудет туда не ранее чем через две недели»².

Действительно, хотя первые шаги Лейнингена были не лёгки, однако вскоре морские державы дали совет Порте уступить. Было слишком существенно разорвать то сближение, какое намечалось между Россией и Австрией на почве черногорского вопроса. Турецким правительством были даны Омер-паше распоряжения о выводе войск из Черногории. Оставалось улаживать только детали в вопросе о восстановлении status quo. К этому и перешёл Ковалевский.

Грахово — территория, представлявшая предмет спора между Черногорией и Турцией, — было очищено войсками Омер-паши, а последнему были возвращены захваченные у турок орудия. Приходилось спешить с восстановлением мирных отношений, в частности, потому, что неудачу своей попытки покорить Черногорию турки вымещали на пленных, ставя их в условия, при которых в течение недели в скадрской тюрьме из четырёх человек умерло трое.

16 (28) февраля 1853 г. между Омер-пашой, с одной стороны, Ковалевским и австрийским полковником Зайтсеком³ — с другой, было подписано в Подгорице соглашение. Оно предусматривало взаимный возврат пленных; Черногория должна была возвратить взятые в боях у турок орудия и захваченный скот; договорились также о соблюдении порядка в пограничных районах во время полевых работ⁴. Вскоре турками была прекращена и блокада побережья, примыкающего к Черногории⁵.

Итоги этого непродолжительного, но острого столкновения Черногории с Турцией Ковалевский оценивал так: «Если война Турции с Черно-

¹ Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Т. 1, стр. 389. СПб. 1908.

² Meyendorff P. «Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien». Bd. III, S. 10—11, Berlin. 1923. Приведённые факты ясно говорят, насколько неправ Бапст, утверждающий, что «императору Николаю очень не нравились действия Австрии; он полагался на черногорское восстание, и подавление его, возможно, неразумное, турками должно было доставить мотив для оправдания русского военного вторжения в Османскую империю» (Bapst E. «Les origines de la guerre de Crimée», p. 335. Paris. 1912).

³ Зайтсек был преподавателем военных наук у кобургских принцев. За неудачи при подавлении революции в Венгрии назначен комендантом Катарро.

⁴ АВП, т. № 1, 1853 г., т. 31.

⁵ АВП, К., 19, Constantinople, 1853 г., л. 125.

рней имела несчастные последствия для последней, особенно тем, что возбудила поплеменную вражду внутри её, как неизбежное последствие подкупа и прокламаций Омер-паши и измены некоторых племён,— то она была гораздо пагубнее для войск турецких¹.

Но и Черногория потребовала известных восстановительных расходов. В донесении от 12 (24) марта 1853 г. Ковалевский сообщал, что хлебом черногорцы снабжены достаточно, так как он был пожертвован австрийским правительством и жителями Триеста, но на постройку уничтоженных жилищ, церквей и т. д. Ковалевский решил выдать 5600 гульденов из средств, ассигнованных царским правительством на военные нужды Черногории². Несколько позже Ковалевский вынужден был увеличить эту сумму вдвое — до 11 600 гульденов³.

Не лишено интереса то обстоятельство, что деньги эти хранились у австрийского генерал-губернатора Далмации генерала Л. Мамулы, которому Ковалевский и поручил передать эту сумму поверенному князя Данилы. Этот факт, равно как приводившееся выше указание на снабжение Черногории пушками из Австрии, свидетельствует о том единодушии, какое имело место между Россией и Австрией по вопросу о ликвидации черногорско-турецкого конфликта. В данный момент, когда надежда на мирный исход восточного кризиса ещё не была потеряна, когда вопрос о расстановке сил в эвентуальном столкновении представлял так много неясностей, что Нессельроде готов был рассчитывать на Англию как на будущего союзника⁴, Россия не имела интереса к расширению турецко-черногорской борьбы. Помочь решению основного вопроса и быть чем-либо существенным для решения крупных проблем мировой политики Черногория не могла, а углубление этого частного конфликта грозило осложнениями, в данный момент нежелательными.

В этой связи понятно, почему не имели успеха те дальнейшие представления, какие были сделаны Ковалевским относительно черногорских дел. В донесении от 5 (17) июня он представлял довольно подробный и интересный анализ положения страны, усматривая существенную причину постоянных черногорско-турецких столкновений в неясности её пограничной черты и недостаточной государственной консолидации, чему способствовало отсутствие точной границы. «Несколько отдельных племён, не признающих над собою ни власти турок, ни зависимости от Черногории и управляемых своими воеводами и сердарями (местными старшинами.— С. Н.) со времени падения Сербского царства, как, например, васовичи, журжевы, ступы и др., дополняют беспорядок, существующий на границах Черногории и Турции». Эти бесконечные пограничные распри создают «постоянное осадное положение» страны, которая подчас лишается даже необходимейших средств существования и не имеет выхода для сбыта своих продуктов. Ковалевский предлагал территориальный обмен, который открыл бы Черногории выход к морю через порт Антивари.

¹ АВП, д. № 1, 1853 г., л. 31, 32. В своей депеше от 5 (17) июня 1853 г. Ковалевский возбуждал вопрос о разрешении переселиться в Россию боснякам и герцеговинцам — участникам борьбы с турками на стороне Черногории. После обещания, данного Омер-пашой о непреследовании их, человек 60 возвратились домой, но там были схвачены и казнены турками. Прочие воздержались от возвращения. Положение их было тяжёлое. Расселить боснийских крестьян в имеющей мало удобной земли стране было трудно. Временный выход из положения был найден Ковалевским, убедившим князя поселить их на своих землях. Тем не менее они оказывались бременем для страны. Ссылаясь на пример Австрии, принявшей в 1851 г. участников боснийского восстания, Ковалевский предлагал разрешить их переселение в Россию, обеспечив переселенцев известной суммой денег (там же, л. 68—69). Однако эта мысль не нашла отклика у заинтересованных: желающих переселиться не нашлось (Ф о р б е в и н В. Указ. соч., стр. 86).

² АВП, д. № 1, 1853 г., л. 42.

³ Там же, л. 69.

⁴ См. Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Приложения. Т. I, стр. 365. СПб. 1908.

Но совершенно понятно, что этот вопрос в условиях общего кризиса не мог стать предметом дискуссии.

Не мог найти разрешения и другой вопрос, поднятый Ковалевским в той же депеше, — вопрос о признании Турцией независимости Черногории. Прошло ещё двадцать пять лет, прежде чем оба эти вопроса нашли своё решение в Берлинском трактате, и именно такое, какое намечал Ковалевский. Только один вопрос из поднятых Ковалевским в этой связи оказался быстро разрешённым. Это вопрос о расширении контингента черногорцев, обучавшихся в русских военных и духовных школах. Вопрос этот был тесно связан с текущей политической ситуацией, и министерство иностранных дел уже в июле 1853 г. извещало посла в Вене Мейендорфа о мерах, принятых им по этому вопросу¹.

К моменту ликвидации черногорско-турецкого конфликта восточный кризис был в полном разгаре. В день подписания указанного выше соглашения между Омер-пашой, Ковалевским и Зайтсеком — 16 (28) февраля — князь Меншиков прибыл в Константинополь. Два с половиной месяца длились переговоры русского посла, но вряд ли они могли изменить направление дела, исход которого был предрежён позицией заинтересованных держав. «Правительства со своей старомодной дипломатией никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и многих других, выпадет на долю европейской революции»².

6 (18) мая 1853 г. произошёл разрыв русско-турецких переговоров. Правительство Николая I уже ставило на очередь осуществление тех планов, какие предварительно намечались им ещё в период переговоров. Мысль о десанте в Константинополе, выдвинутая Николаем I в январе 1853 г.³, была вскоре оставлена. Появилась идея активной наступательной войны — десант в Варне и Бургасе и наступление через Дунайскую Болгарию и Балканы к Константинополю⁴. Но под влиянием Паскевича, «отца-командира», как звал его Николай, появился новый план, разделявший всю совокупность мероприятий на три «эпохи». Отправной точкой в формулировании Николаем этого плана была всеподданнейшая записка Паскевича от 24 марта 1853 г.⁵ В ней Паскевич выражал сомнения в выполнении наступательного плана борьбы, считая, что такой план потребует гораздо больше затрат и живой силы, чем это предусмотрено даже в том случае, если турецкие войска Боснии и Далмации будут отвлечены австрийцами. Вместо того он предлагал занять княжества Молдавию и Валахию и объявить, что они не будут очищены до тех пор, пока Турция не удовлетворит требований России. Это будет выгодно, так как войска будут содержаться княжествами, а фураж вообще не будет стоить ничего. Молдаво-валахское войско следует увеличить вдвое, до 20 тыс., сделав его ядром для дальнейших формирований. В то же время «можно воспользоваться оставшимся влиянием нашим на христианские племена в Турции, на болгар и даже сербов. Вопрос о святых местах для них — дело священное. Они сами будут переходить к нам за Дунай. Им недостаёт оружия и пороху; дать им то и другое, сделав предварительно запас до 30 тыс. рублей в Измаиле».

В дополнениях к этой записке он говорит о важности иметь агентов в Болгарии, «которые бы поддерживали привязанность к нам», и думает, что они появятся при первом поощрении. «Предлагаемая мера, когда бы

¹ АВП, д. № 1, 1853 г., л. 78—79.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IX, стр. 395.

³ См. Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.». Приложения. Т. I, стр. 582.

⁴ Там же, стр. 597—598.

⁵ Опубликована дважды: в «Русской старине» за август 1876 г. и в работе А. Зайончковского «Восточная война 1853—1856 гг.». Приложения. Т. I.

то угодно было Вашему Императорскому Величеству, могла сделаться началом распада Турецкой империи». Помимо материальных преимуществ, способ этот «достигает цели без объявления войны и, следовательно, даёт возможность иностранным державам видеть в том только простое возмездие за неисполнение Турцией трактатов», а главное, «даёт нам на будущее время такое орудие, которое в случае нужды без войны может повести в три, четыре года к верному завоеванию Европейской Турции»¹.

Цель Николая, как известно, заключалась именно в этом. Что же удивительного, что этот проект, при всей его политической нелепости, понравился Николаю? Ведь он в это время был вполне уверен в поддержке Австрии, тем более Пруссии, а русские дипломаты полагали, что английский посол в Турции Каннинг ведёт в Константинополе личную политику, а не политику кабинета; Брунов в своих депешах вуалировал в прекрасных французских фразах неблагоприятные для России заявления английских государственных деятелей, иные же, как Титов, посланник в Константинополе, решительно отвергали возможность создания антирусской коалиции западных держав, полагая, что она рассеется при одном слове Николая о нежелании увеличивать свои владения «территориальными останками» Турции².

Если последняя мысль была свидетельством известных сомнений относительно возможности раздела Турции без участия европейских держав, позиция которых в этом вопросе была ясна, — сомнений, которые разделял и Николай, говоря о «неопределительности цели действий»³, — то, зайдя так далеко в своём давлении на Порту, Николай был вынужден что-то предпринять. Это «что-то» он и формулировал в своей майской записке. План, начертанный там, распадался на три этапа («эпохи»). Первый из них состоял в занятии княжеств, производимом после того, когда выяснится нежелание Турции идти на уступки. «В этом положении... будем мы ждать, какое впечатление занятие сие произведёт на турок»⁴. Во втором этапе предусматривались занятие Австрией Сербии и Герцеговины, блокада Россией Босфора и её угроза признать независимость Сербии и княжеств. Задачи третьего этапа, как они сформулированы Николаем, ещё раз свидетельствуют о той растерянности, которая отразилась в словах о «неопределительности цели действия»: «Ежели и угроза не подействует, тогда наступит время угрозу исполнить и признанием независимости княжеств положить начало разрушения Оттоманской империи. Один всемогущий Бог определить может, что за сим последует. Но приступать к дальнейшим действиям я и тогда не намерен».

В этом плане сквозит надежда на то, что положение Турции настолько плохо и она так слаба, лишена средств и сил для борьбы, что легко падёт даже от малого усилия. Что тут имело место такое убеждение, видно и из других высказываний Николая. В письме Францу-Иосифу от 20 июня (2 июля) 1853 г. он говорит: «Я не могу больше удерживать в мире болгарский, греческий и другие народы, раздражённые и нетерпеливые. Возможно, если не наверное, что они все восстанут... Результатом этого будет разрушение Оттоманской империи в Европе, без какого-либо содействия нашего оружия»⁵. Русская дипломатия и Николай I совсем не учли тех сигналов, какие поступали из Константинополя. Ещё 24 апреля (6 мая) Меншиков уведомлял об организации Оттоманского банка: «Компания, которая только что образовалась под руководством (patronage)

¹ «Русская старина» за август 1876 г., стр. 687.

² Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.», Т. II, Ч. 1-я, стр. 27.

³ Записка Николая I от 16—17 мая 1853 года. Опубликовано дважды: «Русская старина» за август 1876 г.; Зайончковский А. «Восточная война 1853—1856 гг.».

⁴ Подчёркнуто в подлиннике.

⁵ Приложения. Т. II, стр. 243.

нескольких богатых армянских семей, подданных Порты, но которая в ещё большей части есть английское предприятие, чем национальное, начнёт свои операции с 1 июня и будет действовать пятнадцать лет»¹. Капитал компании определялся в 100 млн. пиастров, из которых 30 давало государство, а остальные получались от продажи акций. Ближайшей задачей банка был переход на полноценную монету, но совершенно очевидно, что этим дело не могло ограничиться. То обстоятельство, что устав Banque Ottomane подчёркивал, что в числе других отделений банка будет открыто также лондонское отделение «для нужд внешних сношений» (pour la nécessité de ses relations extérieures)², подтверждало вполне сообщение Меншикова. Источник финансирования военных расходов Турции был найден. Ещё менее учитывалась реальная политическая обстановка. Цитированное дружеское письмо к Францу-Иосифу содержало предложение поддержать программу расчленения Турции на ряд независимых от Порты государств, находящихся под совместным протекторатом России и Австрии, и образования интернационализованной зоны свободного города (ville libre) в Константинополе под гарантией всех держав. Сообщение Мейендорфа, что такие планы не встретят сочувствия Австрии, так как она «ничего не выиграет от падения Оттоманской империи»³, не оказывали никакого действия. Тем более не могли сочувствовать этим планам Англия и Франция.

21 июня (3 июля) 1853 г. планы Николая I начали реализовываться: русские войска перешли Прут и вступили в княжества.

В подписанной Николаем 30 мая инструкции на имя князя М. Д. Горчакова, командующего оккупационной армией, определялись его отношения к строю и управлению княжествами: «Во время оккупации ничто не должно быть изменено во внутренней организации княжеств и в формах их управления. Но органический устав с изменениями, какие были введены Балто-лиманской конвенцией, должен остаться в силе, и князья Гика и Сфирбей, которые не переставали до сих пор заявлять о своей преданности и добрых намерениях, должны быть удержаны на своих постах со всеми атрибутами власти, какая была им доверена при их избрании в 1849 г., по крайней мере до тех пор, пока они не дадут явных доказательств измены». Следует заверить, говорилось далее в инструкции, что будущее княжеств и их господарей в их собственных руках. Армия княжеств остаётся под командой господарей и выполняет свои обычные функции. Никаких повинностей не следует налагать на население, исключая военного постоя. В конце инструкции сообщала секретные сведения о революционных настроениях в княжествах. «Они имеются главным образом среди молодых бояр, воспитанных во Франции и Англии, что даёт зародыш вредному настроению (le mauvais esprit), поддерживаемому к тому же подстрекательствами некоторых иностранных консулов и, в частности, покровительством оттоманского правительства, в своём ослеплении доверяющего этим личностям, которые в его глазах заслуживают это, так как выказывают себя врагами России и нашего протектората». Так как господа не раз заявляли о революционных настроениях в княжествах, то при наличии новых сообщений о проявлении революционных настроений Горчаков должен был войти в сношения с князьями и при действительном наличии преступления наказать по всей строгости закона. Независимо же от этого — учредить за кем следует строгий полицейский надзор⁴.

В румынской исторической литературе отмечается наличие этих, нежелательных с точки зрения русского министерства иностранных дел, элементов, при этом утверждается, что иные из них не только намеревались

¹ АВП, К., 19, Constantinople, 1853 г., л. 109.

² «Journal de Constantinople», 4 mai 1853, № 443.

³ Заиончковский А. Указ. соч. Приложения. Т. II, стр. 45.

⁴ АВП. К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 201—207.

сражаться в рядах войск морских держав, но бежали даже в турецкий лагерь¹. Однако Горчаков в одной из своих депеш отмечает незначительность и политическое бессилие этих элементов². Больше того: с молдавско-валахскими властями и чиновниками установились столь дружественные отношения, что Горчаков ходатайствовал о наградах особенно полезным лицам. Так же довольны были русские власти и поведением господарей.

В секретной инструкции от 10 (22) июля консулу в Бухаресте Халчинскому было сказано: «До сих пор мы имеем основания быть довольными господарями и их готовностью делать распоряжения для снабжения нашей армии, какие мы просим»³. Министерство рекомендовало сохранить такие дружеские отношения и дальше, достигая этого путём предоставления им свободы внутреннего управления, суда — всего, что составляет их прерогативу, согласно действующему законодательству. Однако уже и в это время министерство иностранных дел понимало, что этим добрым отношениям может настать конец, и учитывало формальную зависимость господарей от Порты.

Определяющими моментами здесь были, с одной стороны, неизбежное вмешательство русских властей в действия местной администрации, с другой — и это главное, — изменение их положения в связи с началом русско-турецкой войны. Это вмешательство оправдывалось русскими военными деятелями. Вот что говорит о нём в своих записках дежурный генерал при Горчакове Н. И. Ушаков: «Вмешательство это было неизбежно и основывалось на том, что господари, управляя вверенными им областями под турецким владычеством, умели всегда приобретать неограниченную власть над народом, ко вреду сего последнего, и ворочали делами по своему произволу... Поэтому, с одной стороны, опека наша не могла им нравиться, а с другой — все военные требования наши встречали большею частью не только разные замедления, но иногда даже и скрытные противодействия, если исполнение не согласовывалось с личными выгодами господарей и степенью их прежней власти»⁴.

Но главное было не в этом. Посредничество держав, выработывавших на конференциях в Вене компромиссные предложения, было Россией отклонено. Турецкий ультиматум от 27 сентября 1853 г. об очищении княжеств не произвёл ожидаемого действия. 21 октября Николай опубликовал манифест о войне. Вполне естественно, что и положение в княжествах должно было радикально измениться. Действительно, после объявления войны господари заявили о своём желании отказаться от своих постов и удалиться в частную жизнь⁵. Правда, валахский князь Стирбей имел намерение сохранить свой пост, независимо от отставки, какую ему дали бы из Константинополя, но этому воспротивилась Россия, не желавшая утвердить «сохранение им поста и признание его авторитета его подчинёнными»⁶. «Кн. Стирбей и кн. Гика выехали в Вену без всяких неприязненных к нам отношений, по крайней мере наружных»⁷. Эта оговорка чрезвычайно существенна. Уже находясь в Вене, Стирбей и Гика совместно с эксгосподарями Бибеско и Стурдзой предлагали Австрии после поражения России принять княжества под своё покровительство. Это предложение вызвало интерес, и для проверки расположения бояр к такой

¹ Jorga N. «Geschichte der Rumänen und ihre Kultur», S. 313. Hermanstadt Sibin. 1929. Тот же автор говорит, что благодаря австрийским интригам они не имели возможности участвовать в войне. Но эта фраза имеет в виду иной, более поздний момент.

² См. депешу от 14 (26) декабря 1853 г. АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 98.

³ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 213.

⁴ Ушаков Н. «Записки очевидца о войне России против Турции и западных держав (1853—1855)». Сборник «Деятельный век», стр. 043. Изд. П. Бартенева. М. 1872.

⁵ Депеша Нессельроде Бруннову 29 октября 1853 года. АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 238—240.

⁶ «Mémoire pour servir d'instruction au commissaire général des les Principautés», АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 222—231.

⁷ Записки Н. Ушакова, стр. 043.

комбинации в Бухарест был командирован майор Тома. Никаких реальных последствий поездка не принесла, но самый факт тем не менее небезынтересен¹. Да и в самих княжествах уже осенью 1853 г. стал проявляться «дурной дух», с которым Николай рекомендовал бороться «строгими примерами»².

Возглавлять молдаво-валахскую администрацию в должности генерального комиссара был назначен генерал-адъютант Будберг. При нём был создан правительственный совет, произведены были известные перемены в личном составе управления, чины которого назначались комиссаром. Ему же были подчинены русские консулы. Перестроенная молдаво-валахская администрация должна была служить целям войны.

С момента вступления в княжества внимание России было привлечено расположенными на другом берегу Дуная болгарскими землями. Чтобы были ясны надежды, возлагавшиеся на возможность восстания в Болгарии, следует иметь в виду обстановку, которая там сложилась к рассматриваемому моменту. Турецкий гнёт в Болгарии не мог остановить развития страны. Среди выраставшей болгарской буржуазии и ремесленных цехов — еснафов — находили живой отклик события в других балканских странах — сербское восстание, борьба греков за независимость. Возникали различные попытки то мирной взаимопомощи (такие цели ставило себе сливенское «братство», организованное Селиминским в 1825 г., члены которого «показали исключительный успех в торговом отношении и в общественной деятельности»)³, то повстанческой борьбы. Во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. известна не встретившая поддержки русских военных властей попытка поднять восстание, предпринятая Георгием Мамарчевым, командиром болгарской добровольной дружины. В 1835 г., в ответ на погромы делибашей, начал подготовку восстания тырновский торговец Велчо Атанасов. Но восстание было ликвидировано в самом зародыше из-за предательства чорбаджия⁴ Юрдана из Елены и грека, митрополита Иллариона. В 1841 г. произошло восстание, захватившее сербские и болгарские районы близ Ниша, Пирота, Лесковца. Это восстание привлекло внимание держав, и один из исследователей — французский учёный Бланки, объехавший разгромленные турками районы восстания, — оставил много интересных сведений в написанной в результате этой поездки книге «Voyage en Bulgarie pendant l'année 1841». И, наконец, совсем уже перед восточным кризисом разразилось в 1850 г. восстание в Видине. Причинами его были всё те же притеснения турок, непосильные налоги, вымогательские способы их собирания. Плохо организованные части повстанцев, не имевших достаточного количества оружия, были разгромлены турками. Террор, царствовавший в Болгарии после подавления этой попытки повстанческой борьбы, не ослаблял недовольства населения и его стремления избавиться от чуждого гнёта. Вот что писал русский консул в Белграде послу в Константинополе в январе 1852 г.: «Ежедневно группами болгары приходят к сербской границе. Но князь Карагеоргиевич из угодничества к султану отказывается их принимать, и они возвращаются обратно. Очевидно, эти люди, не имея возможности выносить свои бедствия далее, будут вынуждены в некий день прибегнуть к чему-то отчаянному»⁵.

¹ Палаузов С. «Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении», стр. 255. СПб. 1859.

² Зайончковский А. Указ. соч. Приложения. Т. II, стр. 143.

³ «Библиотека д-р Ив. Селиминский». Кн. I, стр. 13. Изд. Мин. нар. просв. София. 1904.

⁴ Чорбаджи — торговцы, откупщики.

⁵ Годоров-Хиндалов В. «Народни движения и възстания от предосвободителната епоха според новооткрити турски офиц. документи», стр. 70. София, 1929.

Вся эта предшествующая история болгарских восстаний, в связи с чисто военными интересами России, заставляла внимательно прислушиваться ко всему, что происходило по ту сторону Дуная.

Возможность активного сочувствия русским планам и помощи их действиям учитывали не только на левом берегу реки, — её хорошо знали в английском посольстве в Константинополе. «Английский вице-консул в Варне г. Neel возвратился из Тырнова, — писал 9 (21) июля 1853 г. Горчаков Нессельроде, — где он провёл три недели. В течение этого времени он старался возбудить умы жителей против России. Он старался уверить христиан, что для разрешения (conclusion) современных дел на Востоке при помощи вмешательства Англии оттоманское правительство предоставит им привилегии. Он призывал к подаче прошения Порте, чтобы выразить их признательность султану за благожелательную заботливость об их благе, прошения, которое г. Neel предлагал им составить. Но его настояния (insinuations) не имели никакого успеха»¹. В другом документе мы читаем: «Английский консул в Тырнове при проезде через Рушук призывал к себе учителей христианских школ, приказывал им внушать народу особенную преданность Англии, на что они отозвались, что народ, издревле признательный к благодеяниям России, не может изменить постоянной привязанности своей к ней тем более, что от Англии он никогда не видел никакой для себя пользы»². Такая антирусская пропаганда велась англичанами и в других городах, в частности в Систове³.

В сентябре 1853 г., накануне начала войны, в руководящих военных кругах России вновь усиливаются разговоры о необходимости использования подвластных Турции народов для борьбы против неё. Паскевич в записке от 11 сентября предлагал использовать войска княжеств в качестве основы для формирования ополчений из среды христианских народов Турции. «Чем сильнее возбуждён будет фанатизм мусульман, тем легче побудить и христиан к вооружению, хотя бы для собственного их сохранения», — рассуждал фельдмаршал. «Выбрав затем из них болгар, сербов и греков, составить из них отдельные роты или команды и распустить за Дунаем прокламации, приглашая всех христиан, в их неверном, при ожесточении турок, положении и при опасности, угрожающей христианству, присоединиться к составившимся уже ополчениям болгар или сербов или греков; объявив притом, что каждому явившемуся воину дано будет оружие, порох, провиант и деньги, платимые помесечно».

Вера «отца-командира» в выгоды кунктаторской тактики и «оборонительного положения» была так велика, что за три дня до турецкого ультиматума об очищении княжеств, 24 сентября, он писал Николаю: «Никто ныне в Европе войны не хочет, а наше положение делается между тем день ото дня лучше». И дальше: «Даже Англия, вероятно, скоро должна стараться о мире». Зачем сражаться с турками, терять людей, чтобы всё же не получить выгод, так как Европа не даст воспользоваться плодами завоеваний? Ведь у России «есть... более страшное для Турецкой империи оружие, успеху которого ни одно государство в Европе воспрепятствовать не может: это влияние наше на христианские племена в Турции». «Веру сию, — продолжал он убеждать подавителя революций и противника восстаний угнетённых против «законных государей», — нельзя, мне кажется, смешивать со средствами революционными. Мы не возмущаем подданных против своего государя; но если христиане, подданные султана, захотят свергнуть с себя иго мусульман, когда мы с ними в войне, то нельзя без несправедливости отказать им в помощи; ибо христианин в Турции не есть только подданный султана; он, по закону, безответная жертва фанатизма или прихоти каждого визиря, паши и даже какого-ни-

¹ АВП. К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 8.

² Там же, л. 157—158.

³ См. там же, л. 142.

будь аяна, т. е. городничего»¹. Однако шагов к исполнению советов Паскевича не принималось.

В сентябре 1853 г. в Браилов прибыла депутация «запорожцев-некрасовцев». Она была направлена в Бухарест к Горчакову. Инициатива посылки этих представителей, по сведениям Горчакова, шла от некоего Радовича, авантюриста, жившего шпионской работой на два фронта — и для русских и для турок. Депутация привезла прошение, где жаловалась на попытку турок призвать их на военную службу, от чего они отказались, и просили разрешения «жертвовать всем и кровь свою проливать за Его Императорское Величество и за веру христианскую». Горчаков, приняв их, заявил, что войны с Турцией нет, а если начнётся, — пусть покажут себя на деле, и в дальнейшие переговоры не входил. Тактика Горчакова нашла полное одобрение Николая, написавшего на тексте депеши: «Прекрасно выполнено» (*parfaitement agé*). Позже выяснилось, что делегация была действительно шпионской, а один из участников её — Герасимов — оказался дезертиром Иваном Ивановым².

Но наряду с такими посетителями были и действительные представители народа. Мы видели, что в Видинском пашалыке после подавления восстания 1850 г. скрытое волнение продолжалось. Оно обострилось под влиянием слухов о черногорском движении и сведений о напряжённости русско-турецких отношений. Ещё на 28 мая (9 июня) 1853 г., как сообщал консул в Бухаресте Халчинский, намечалось начало нового восстания, но оно было отложено под давлением Сербии, сообщившей, что с её стороны не только не будет помощи, но что она откажет в приюте участникам восстания в случае его неудачи. Тогда были начаты переговоры с Валахией. Но и здесь был получен такой же ответ. Князь Стирбей заявил, что, по существующим правилам, доступ на валахскую территорию разрешается лишь при наличии турецкого паспорта³. Всё это вынуждало вопрос о восстании снять. Решили действовать иначе. 23 сентября Горчаков сообщил о прибытии трёх болгар — Живка Георгиевича, пона Панту Ивановича и Петра Стояновича — с полномочиями от 37 приходов просить помощи войсками. Они пришли, преодолевая различные препятствия, чинившиеся не только турками, в это время уже запретившими выдачу болгарам паспортов в Сербию и Болгарию⁴, но и валахскими властями. Депутаты эти явились из Видинского района, бывшего ареной восстания и последовавшего затем погрома. В показаниях, какие они дали о состоянии страны, мы находим длинный перечень всевозможных насилий, чинившихся турками над болгарским населением. «В Видинской епархии, — показали депутаты, — в село Вартоп присхал один из земских полицейских чиновников, кои назначены преследовать и ловить разбойников, и расположился квартировать у местного жителя. А как сему последнему нужно было ехать, то он и просил его перейти на другую квартиру, а за это и более за то, что он спрятал молодую жену свою, чиновник рассердился и убил его». «В Берковиче турки убили одного богатого человека по имени Никола, а несколько времени спустя отравили сына его кофеем и зарезали жену сего последнего».

Кроме значительного количества фактов подобного рода прибывшие сообщили о той широкой антирусской агитации, которая велась католическими и англиканскими миссионерами. Они «уверяют народ, чтобы он не ожидал никакой помощи от России, а с другой подстрекают турок против болгар с тою целью, чтобы народ искал защиты и покровительства их». Вызывали горькие жалобы и общие условия жизни райи⁵. Помимо сбора

¹ Записки Паскевича опубликованы дважды: «Русская старина» за август 1876 г.; Заиончковский. Указ. соч. Приложения, Т. II.

² АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 22, 96.

³ Там же, л. 113—114.

⁴ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 29.

⁵ Презрительное обозначение христианского населения Турции.

прежних, тяжёлых налогов, в связи с подготовкой войны, турками была введена трудовая повинность¹.

Это было началом той системы салахорства, которая развилась позже и потом повела к огромному развитию чумы. Молодых людей в возрасте 20—30 лет (их-то и называли салахорами), связанных по 10—12 человек, угоняли в Варну, Шумен (Шумла) и другие крепости, где они под начальством английских и польских инженеров должны были рыть окопы и строить укрепления². Все эти тяжёлые условия и царивший в болгарских областях турецкий террор не остановили болгар от попытки связаться с русскими. Но помощи они не получили. Горчаков заявил, что войны с Турцией ещё нет, а потому оказать помощь он не может³.

Через короткий срок пришло новое прошение. Оно исходило от группы болгар, выселившихся после войны 1828—1829 гг. из Турции, постоянно живших в г. Браилове и в значительной части состоявшей из торговцев. В числе 41 подписавшего прошение мы встречаем уже известного нам Селиминского, Е. Георгиева и целый ряд других лиц. Наличие в составе подписавшихся значительного количества выходцев из Сливна наводит на мысль о связи этой группы с тем братством, которое там создал в своё время Селиминский. Такую мысль подкрепляет характеристика, данная указанной группе Горчаковым: «Они основали нечто вроде масонской ложи, которая занимается проектами будущего Болгарии, не придерживаясь мыслей о восстании против Турции»⁴. Участие Георгиева в подаче заявлений устанавливает связь данной группы с эпитропией, т. е. с тем болгарским комитетом, какой был создан бухарестскими болгарскими купцами и главной задачей которого была посылка молодых болгар в Россию для прохождения образования.

В этом прошении, помеченном 17 августа 1853 г., болгары жаловались, что султанские обещания предоставить права иeturецкому населению вместо какой-либо пользы приводят к усилению самоволия турок. Как пример такого самоволия указывается безнаказанное убийство в 1852 г. в Татар-Пазарджикском округе (казе) 106 болгар. Далее прошение подробно излагает вред налогового переобременения и, в частности, скованность торговли не только внешними, но и внутренними пошлинами. Тяжесть налогов усиливается откупной системой их собирания: откупщики имеют полную возможность притеснять народ.

Прошение останавливается на тяжести трудовой повинности, введённой на время войны, что мы отмечали выше, и жалуется на невозможность развития школьного дела, отмечая желательность общественных сборов для устройства школ, создания типографий, хотя бы под контролем турецких властей. Пресвитеры высказывают неудовольствие и положением церковных дел в Болгарии, отмечая уничтожение болгарской патриархии и передачу церковного управления и руководящих духовных постов в руки греков. Обращаясь к Николаю I, прошение так формулирует свои желания: желательно, «подобно единоверным братьям нашим сербам и молдо-валахам, если не в полной мере, то хоть частично, чтобы мы имели своё народное управление. Мы не стремимся отделиться от султана, не будем ему противиться, а так как мы видим, что его добрые распоряжения не осуществляются (не хватать място) за отсутствием тех, кто бы приводил их в действие, мы хотим под его надзором иметь представителей от народа, которые бы ратели о нас и заботились о наших нуждах»⁵.

Прошение произвело впечатление на Николая I. «C'est affreux à lire» («Это ужасно читать»),— писал он и велел опубликовать о получении этого прошения.

¹ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 38—43.

² Станев П. «България под иго», стр. 304. София, 1928.

³ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 37.

⁴ Там же, л. 39.

⁵ Там же, л. 67—71.

Первый выстрел на Дунае раздался 3 октября 1853 года. Затем турки начали переправу у Калафата. 23 октября произошёл неудачный бой у Ольтеницы, произведший самое тяжёлое впечатление в русской армии. «Ужасный день», — отметил в своём дневнике генерал Коцебу. Стало ясно, что Турция не рассыпалась от присутствия русских войск в княжествах, но что действия турок часто были гораздо удачнее робкой стратегии растерявшегося Горчакова. О войне следовало уже думать серьёзно. Но так как над всеми планами войны довлели советы Паскевича и трёхэтапный план Николая, вполне понятно новое оживление интереса к инсurreкционным проблемам, какое появляется в конце 1853 г., а с другой стороны к вопросу о возможности формирования боевых сил из балканских народов.

Ещё в самом конце сентября Горчаков касался вопроса о восстаниях подвластных Турции народов. «Замечательно, — говорит Зайончковский, — что император Николай, читавший письмо князя Горчакова некоторое время спустя после приведённых выше записок князя Варшавского, сделал на нём пометки, которые уже не отвергали предлагаемых средств»¹.

22 октября 1853 г. Николай писал Паскевичу: «Ежели до весны турки не образумятся, тогда время будет перейти Дунай и приступить к объявлению независимости княжеств Сербии и Булгарии», — а в начале ноября, говоря о плане войны оборонительной в Европе и наступательной в Азии, он предвидел, что перемены в «упорстве турок» может не произойти, и тогда, весной 1854 г., предстоит переправа через Дунай. После переправы войска приступят к осаде Видина. «Расположение сербов к нам даёт мне надежду, что наше появление в сем крае их побудит приняться за оружие и стать рядом с нами, чем можно действия наши облегчить... Вероятно за сербами поднимутся болгары и тем положение турок ещё более затруднится». В августе должен быть взят Видин, к этому же времени турки потеряют Карс, Ардаган и Баязет — это будет началом нового периода войны. «Полагаю, что ему предшествовать должно воззвание к единоплеменным и единоверным народам к восстанию объявлением, что мы идём вперёд для избавления их от турецкого ига. Вероятно сие последует чрез год, т. е. в ноябре 1854 года, в ту эпоху года, где уже военным действиям в тех краях природа препятствует. Разрешённое формирование волонтёрных рот будет тогда служить основанием или корнем новых ополчений в Сербии и Булгарии, на что употребится зима».

Итак, 1854 год назначался для организации в разных формах участия балканских народов в войне. «Начало 1855 года укажет нам, какую надежду возлагать можем на собственные способы христианского населения Турции, и останутся ли и тогда Англия и Франция нам враждебны. Мы не иначе должны двинуться вперёд, как ежели народное восстание за независимость примет самый обширный и общий размер; без сего общего содействия нам не следует трогаться вперёд; борьба должна быть между христианами и турками; мы же как бы оставаться в разрезе»².

Наконец 21 ноября (3 декабря) Николай так говорил о ближайшей практической задаче: «Важно нам знать покуда, в какой степени считать можем на содействие задунайских христиан; признаюсь, не велика мне надежда на них, разве на сербов, и до этого удостоверения не очень расположен итти далеко за Дунай»³. На очередь был поставлен вопрос об этом «удостоверении».

¹ Зайончковский А. Указ. соч. Т. II. Ч. 1-я, стр. 159. Зайончковский имеет в виду вышензложенные записки Паскевича.

² Там же. Приложения, Т. II, стр. 276. Подчёркнуто в подлиннике.

³ Там же, стр. 281.

Для выяснения положения о возможных перспективах инсurreкции на правом берегу Дуная Нессельроде запросил Горчакова, интересуясь, в частности, возможностями поддержки такого восстания. 4 (16) ноября 1853 г. тот сообщил, что при оборонительном положении наших войск, без перехода на правый берег Дуная, «невозможно оказать какую-либо помощь нашим единоверцам», а они «возможно не поднимут восстания, исключая, быть может, население Эпира и Фессалии, но там не может быть ничего серьёзного»¹. Тем не менее было признано целесообразным перевести советника посольства Фонтана из Вены в Бухарест. Его задача была добывать сведения, так как при посредстве специальных агентов, посланных на места, они могли быть собираемы с большими трудностями. «Командировка полковника Ковалевского в Черногорию, статского советника Базили в Грецию, — писал Горчаков, — нас снабдят другими данными. Следует надеяться, что объединённые со сведениями и подробностями, каких мы ждём с вашей стороны, мы установим размер и значимость содействия, на как же мы можем рассчитывать со стороны христианских народов, полагающих теперь — и не без основания, — что их судьба и будущее зависят от успехов нашего оружия против общего врага»².

Нессельроде, очевидно, не удовлетворённый скептическими рассуждениями Горчакова, направил ему депешу, разъяснявшую мотивы перемещения Фонтана. Говоря о стараниях представителей западных держав добиться политических прав для немусульманского населения Турции вместо религиозных привилегий, о каких заботится Россия, депеша говорит: «Мы будем очень серьёзно относиться к достигающим до нас пожеланиям, строго различая их отношения к турецкому правительству от возможных революционных попыток других стран. Однако мы не хотим ещё ничего ускорять, ни ободрять совместное с нашими военными действиями вооружённое восстание, прежде чем мы не соберём новости и наиболее положительную информацию о действительном положении дел и (расположении) умов в различных провинциях Румелии, и до тех пор, пока наступление весны не сделает наши движения более свободными и более решительными на обоих берегах Дуная»³. Депеша заканчивалась просьбой к Горчакову сообщить своё мнение о всех этих вопросах.

Как понятен указанный выше интерес к многократно восставшей Болгарии, так понятны и надежды, которые возлагались на Черногорию, куда в последних числах ноября 1853 г. был вновь командирован Е. П. Ковалевский. Официальной целью его поездки были раздача денежной помощи пострадавшим от неурожая жителям нахий (округов) Белопавлицкой и Пешивацкой и передача церквям Черногории предметов культа. Подлинная же цель этой поездки вскрывается инструкцией, которая была вручена Ковалевскому. В ней говорилось, что из разных мест — из Болгарии, Румелии — идут сведения об ужасах, творимых турками над христианским населением; население на той грани отчаяния, когда в любой момент оно может принять крайнее решение; вне зависимости от возможностей мирных переговоров с Турцией следует готовиться к новой кампании, к наступлению; естественно ожидать, что угнетённые народы Балкан не останутся равнодушными к этому. «Было бы поспешно сейчас предсказывать конечные последствия движения, которое будет производиться только силой, без всякого подстрекательства с нашей стороны», но так как Россия, продолжала инструкция, имеет в виду не предавать их мщению фанатизма при заключении мира, то сочтено «полезным отныне собирать обстоятельные сведения о положении дел у народов, о которых идёт речь,

¹ АВП, К., Bucarest, 1853 г., д. № 133, л. 76.

² Там же, л. 244—245.

³ Там же, л. № 176, л. 98—99.

о средствах действия, какими они могут располагать в различных местностях, о планах, какие у них могли сложиться, и о надеждах относительно их будущего политического существования». Во всех этих областях должны быть люди, знающие местность, вожди движения, потребность в денежной помощи и т. д. «В этом общем плане необходимо должна найти своё место и Черногория, хотя, пользуясь фактически свободой, защищаемой с такою храбростью, эта страна находится в положении, отличном от других областей, населённых христианами, подчинёнными оттоманскому господству. Но так как эта независимость никогда до сих пор не была признана Портой, позиция Черногории не менее непрочно и подчинена опасностям того рода, какие снова начинаются и какие без вмешательства России и Австрии имели бы фатальные последствия для её существования». Поэтому инструкция делала вывод, что Черногория может освободиться от вечной турецкой угрозы и занять известное место в политической системе Европы лишь при наличии успехов в антитурецкой борьбе. Но вся военно-политическая обстановка и недостаточность военных сил России в княжествах диктовали на ближайшее время тактику выжидания и изучения. «При этом положении дел не может быть ничего более противоречащего их интересам, как легкомысленные и плохо согласованные попытки восстания, которые не дадут ничего кроме усиления бдительности оттоманских властей, навлекут на восставших бедствия жестоких репрессий, сопровождаемые принятием мер надзора и строгости. А эти последние поставят под угрозу успех, какой может иметь освободительный план в удобный момент, — когда христианские армии найдут опору в русских войсках, перешедших Дунай»¹. Давая такие поручения, правительство делало Ковалевского эмиссаром не только в Черногорию, но и в примыкающих областях — в Боснии и Герцеговине. Восстание готовить, но не начинать — такова была задача.

Надо сказать, что среди русских дипломатов в самом начале осуществления этого плана раздавались скептические голоса. Едва ли не самым влиятельным среди них был голос посла в Австрии — Мейендорфа. В осторожных, но в то же время ясных выражениях он говорил о невозможности снабжения повстанцев оружием, о тех затруднениях, какие создадутся здесь австрийским противодействием: «Мы ничего не сделали не только для того, чтобы обеспечить себе возможное содействие этих воинственных народов (*races*), но мы даже оставили их в состоянии военной неготовности (*dénuement*), которая препятствует им сопротивляться турецкому гнёту (*l'oppression*). Эпирские греки, Черногория и Сербия одновременно просят у нас оружия, которое мы совершенно не можем отправить по назначению без ведома Австрии и без её согласия. Князь Горчаков писал мне, чтобы узнать возможно ли нам купить в Австрии конгревовы ракеты. Я ответил отрицательно, убедившись в этом при конфиденциальной встрече с генералом Гесс, о которой я очень старался. Австрия не хочет подвергаться упрекам в нарушении своего нейтралитета»². Однако указания на обречённость попыток организации восстания не остановили их.

В конце 1853 г. Ковалевский начал свою деятельность. В декабре он побывал в Черногории, Герцеговине, совещался с князем Даниилой, герцеговинскими и боснийскими вождями. В результате этих поездок и совещаний 12 (24) января 1854 г. Ковалевский отправил подробное донесение Нессельроде; оно было прочтено Николаем, а копии с него отосланы военному министру Долгорукову, Горчакову и Паскевичу. В этом донесении Ковалевский подробно описывал состояние Боснии — её разорение, при-

¹ АВП. Азиатский департамент. I отделение, политический стол, оп. 45, д. № 2. 1853 г. «О командировке Ковалевского Е. П. в Черногорию», л. 3—10. (Дальше указываем номер дела, год и лист).

² Мейендорф Р. «Ein russischer Diplomat an den Höfen von Berlin und Wien». Bd. III, S. 101, 29 November — 11 Dezember 1853.

теснения турок, несколько лучшее состояние Герцеговины, сохранившей известные запасы оружия и имеющей преданных России и пользующихся уважением народа сердарей. Однако этого оружия было мало, да и значительное количество магометан и католиков среди населения Герцеговины не давало оснований рассчитывать на самостоятельную активность обеих этих областей. Поэтому Ковалевский считал, что первой задачей при начале восстания должна быть изоляция Боснии и Герцеговины от Турции при помощи движения сербов и черногорцев на Лим. Одновременность такого движения сможет увеличить ряды повстанцев почти на 7 тыс. человек. Но сама Черногория не сможет выставить для борьбы вне собственных границ больше 5—6 тыс. человек, так как соседняя Албания весьма враждебно настроена по отношению к черногорцам. Для возможной борьбы на этом фронте останется около 10 тыс. чел. Эти небольшие силы смогут начать восстание, если Босния и Герцеговина будут отрезаны от Турции, но наличие в городах Ниш и Лесковац турецких войск (12—15 тыс.), которые обрушатся на повстанцев, делает возможность инсurreкции тогда, когда русские перейдут Дунай у Видина и русский отряд численностью тысяч в 8 будет направлен к Нишу. Это необходимо тем более, что не исключена возможность англо-французского десанта в Скадре (Скутари).

Изложив этот проблематичный план действий¹, Ковалевский специально останавливается на подготовленности к участию в нём Черногории и сопредельных областей. Приведённые выше сведения Мейендорфа оказываются верными. Хотя Черногория лучше была снабжена оружием, чем Босния и Герцеговина, но и тут оказалась масса дефектов. Пороховой завод, устроенный Ковалевским в 1838 г., давал плохой порох; обращаться с несколькими наличными орудиями никто не умел. Хотя Ковалевский и оптимистически оценивал возможность участия черногорцев в восстании, но и он считал необходимым довооружение их. А те попытки, какие делались, например попытка триестинского купца Квекича купить 3 тыс. ружей в Корфу, вызывали сомнение в успехе. Проекты же самого Ковалевского доставлять оружие из Суторины или Сербии были, конечно, фантастическими. Мы ниже остановимся на позиции Сербии в этом вопросе, но и сам Ковалевский видел, что «сербское правительство решительно отдалается от дела славян». Наряду с указанными мерами Ковалевский считал необходимой присылку в Черногорию русских офицеров для налаживания порохового завода и инструктажа черногорцев, а также возвращение на родину тех двух черногорцев, которые обучались в России артиллерийскому делу².

Донесение Ковалевского было одобрено Николаем. Стремление к организации общего восстания, о чём хлопотал Ковалевский, и было целью русского правительства. Последнее учло и пожелания своего эmissара. Правительство пришло к выводу, что пора переходить от слов к делу, и перевело Ковалевскому на покупку оружия 60 тыс. руб. (серебром), не считая денег, непосредственно выданных князю. Было также обещано прислать двух офицеров — инженера и артиллериста, — а также и обоих черногорцев-артиллеристов. Однако сомнения в возможности осуществления изложенного выше плана действий, где на долю Сербии выпадала определённая роль, были и у Нессельроде. «Последние наши известия из Белграда, — писал он Ковалевскому, — ещё не вселяют в нас пылкой веры в намерения князя Карагеоргиевича соединить дело Сербии с общим делом прочих славянских племён Румелии»³.

¹ Фантастичность этого плана видна из сообщения адъютанта правителя Черногории Вуковича о наличии в Черногории лишь 5 тыс. ружей. Хотя, по его словам, страна всегда готова к выступлению, но бесплодность и обречённость борьбы при отсутствии вооружения ясны (АВП, К., Мисля, 1853 г., д. № 147, л. 323).

² АВП, л. № 2, 1853 г., л. 16—21.

³ Там же, л. 36.

● Сомнения эти были вполне основательны. Отсутствие поддержки со стороны соседних балканских народов, позиция Австрии, непрерывно угрожавшей репрессиями в случае вспышки восстания, постоянное приглушение самим же Ковалевским создаваемого возбуждения — всё это приводило к отдельным попыткам, которые тут же кончались. В апреле (24 апреля — 6 мая) 1854 г. Ковалевский писал директору Азиатского департамента Н. И. Любимову и жаловался на невыносимость своего положения: «По своему обыкновению я отдал бы им себя безусловно и всего делу; но какая возможность действовать? Вы дайте инструкции начинать. Из Вены я получил, чтобы не двигаться с места под ответственностью. Конечно, и вы, и в Вене совершенно правы, но за что же я отвечаю? Спрашиваю я тысячу раз,— ответа нет... нельзя же бросать человека между двух огней. А тут ещё обещают австрийцы окружить нас, ничего не пропускать и выморить голодной смертью. Как видите, придумано очень хитро, а главное человеколюбиво»¹. Бесполезному метанию Ковалевского был положен конец летом 1854 г., когда отношения с Австрией стали ещё более острыми и закончились предъявлением 4 (16) июля требования о выводе русских войск из княжеств. Тогда же Ковалевский был отозван.

Переходя к рассмотрению позиции Сербии, следует вернуться несколько назад. Отношения России и Сербии не были дружелюбны. Ещё в апреле 1853 г. Нессельроде писал Меншикову в Константинополь о жалобах Порте сербского князя Александра на русское давление. Эту «отвратительную неблагодарность» канцлер объясняет вредным влиянием руководителя иностранной политики Сербии Гарашанина, связи которого с Парижем он совершенно справедливо отмечал².

Для устранения этого влияния Меншиков должен был потребовать устраниения «интриганов». Под давлением Меншикова в Константинополе, а русского генерального консула Туманского в Белграде Гарашанин ушёл в отставку. Но желательного Николаю I результата не получилось. Внешнее давление сплотило князя с его министрами. Споры по внутренним вопросам отступали на задний план. Место трений заняло «опште помиреније». В доме князя был собран совет, на котором действия русских агентов рассматривались как вмешательство в дела Сербии, а князь давал обязательства защищать права страны. Россия заняла выжидательную позицию. «Laissez faire,— писал Николай,— et nous verrons jusqu'au la folie les aller»³ («Предоставьте им действовать и посмотрим, до какого безумия они дойдут»).

Иного решения пока не могло быть; влияние Гарашанина не было умалено лишением официального поста: начальником дипломатической канцелярии оставался помощник Гарашанина—Маринович. Ставить открыто вопрос о высылке Гарашанина из Сербии было невозможно, но давать под сурдинку такие советы русские агенты имели возможность. И именно так поступил советник русского посольства в Вене Фонтон⁴ в разговоре с приехавшим в Вену сербским сенатором Янковичем.

Но влияние Гарашанина в Сербии сказывалось даже в периоды его отсутствия. 1853 год он провёл за границей, но не переставал писать на родину, постоянно касаясь в своих письмах вопросов внешней политики вообще и отношений с Россией в частности. Гарашанин был одним из ярких представителей великосербского национализма и ещё в 1844 г. избро-

¹ «Письма Е. П. Ковалевского Н. И. Любимову». «Русская старина» за март 1902 года.

² АВП. К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 86—88; Јовановић С. «Уставобраници и Нихова влада», стр. 160. Белград. 1912.

³ АВП., К., Belgrade. 1853 г., д. № 184, л. 312—315, 317—318.

⁴ Там же, л. 356—360.

сад широкую программу сербской политики. Эта программа преследовала цели объединения вокруг Сербии всех сербских земель и готова была принять для этого помощь России, но с тем, чтобы последняя вполне приняла сербские цели и условия¹. Те же мысли руководили им и в советах сербским государственным деятелям в рассматриваемое время.

Неудачные попытки русской дипломатии воздействовать на Сербию привлекли внимание Австрии. Бывший австрийский консул в Белграде Мейергофер был послан для ознакомления с положением дел в Сербию и Боснию. Он поделился с русским представителем в Белграде соображениями об общности и совпадении русских и австрийских интересов в Сербии. Через некоторое время он писал в Вену о желательности примирения Сербии и России и возможности австрийского посредничества. Как указывал ещё Н. А. Попов², оно имело место, но в свете наших материалов оно рисуется по-новому. Уже 22 мая (3 июня) Фонтон спрашивал Франца-Иосифа о возможности австрийского вмешательства *a main armée* (вооружённой силой). Его собеседник ответил, что Австрия «не потерпит на своих границах взрыва волнений, которые приведут к анархии и, может быть, к созданию демократии», и что в случае нужды собрать нужные силы будет нетрудно³. В то же самое время Мейергофер в своих доносениях из Белграда настраивал австрийское правительство как против представителя франкофильской партии в правительстве Мариновича, так и руссофила Вучича. Отсутствие же в Сербии сколько-нибудь влиятельной группировки, ориентирующейся на Австрию, заставляло бояться наличных партий сильнее, чем они того заслуживали.

1 (13) июля 1853 г. Фонтон сообщал о решении Австрии выставить наблюдательный корпус на сербской границе численностью в 25 тыс. чел. с главной квартирой в Петроварадине. Через 11 дней об этом была поставлена в известность и Сербия, которой сообщили, что цель наблюдательного корпуса — предупреждение волнений, а что призвать корпус к действию могут как сербский князь, так и турецкий паша. Того же обстоятельства, что инструкция командиру корпуса предусматривала переход границы и без зова — при признаках волнений, — сербскому правительству не сообщили. Последнее принимало свои меры. Сербия не хотела быть орудием ни русской, ни австрийской политики. Вопрос для неё заключался в том, чтобы не быть раздавленной борющимися державами и обеспечить своё государственное существование. Неудивительно, что Сербия решила принять некоторые меры на случай необходимой обороны от Австрии. Сербия отправила Австрии ноту, где благодарила за заботливость, но отмечала, что ни отношения с Россией, ни другие какие-либо обстоятельства не позволяют ожидать волнений. Сербия просила дать указания войскам, чтобы переход границы имел место лишь по призыву сербского правительства.

Помимо дипломатических шагов были предприняты и меры военной подготовки. Ещё в начале мая был вызван из Швейцарии военный инструктор Орелли для реорганизации войска⁴. После же австрийского сообщения сербское правительство начало готовиться к вооружённому отпору. Для крошечной Сербии её мероприятия были грандиозны. Военный бюджет страны возрос в 1853 г. почти на 80%: со 105,4 до 185,3 тыс. талеров⁵. Но на наблюдателя-европейца это всё производило мало впечатления. В июле Мейергофер писал, что сербская артиллерия состоит из 8 пушек, что в военной школе учится 30 чел., а сельскохозяйственная школа в Топчидерах хотя и устроена на военный лад, но никакой опас-

¹ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу». Т. II, стр. 352—367. Белград. 1931.

² Попов Н. «Россия и Сербия». Ч. 2-я, стр. 351. М. 1869.

³ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 38.

⁴ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 145, л. 356.

⁵ Јовановић, С. «Уставобранители...», стр. 105.

ности не представляет. Невысоко оценивал он и качества Орелли¹. В этот момент (июль 1853 г.) Нессельроде распорядился командировать в Сербию Фонтон, чтобы предупредить князя и сербские власти о возможных последствиях кризиса; в частности Фонтон должен был указать на опасность революционной пропаганды, разливающейся по Европе и нашедшей своё частное выражение в эпирском восстании, о котором мы скажем ниже.

Чтобы обезопасить Сербию от этих влияний, Фонтон должен был требовать удаления опасных лиц, занимавших военные- и гражданские посты, и рекомендовать князю и правительству действовать в интересах лишь сербского народа. В первом же свидании с руководителями сербского правительства Фонтон призывал к корректности и указывал, что Россия не допустит ущерба для Сербии. Одновременно с переговорами в правительственных сферах Фонтон занимался агитацией, не скрывая «от сербов надежды, которые возбуждены были в нём самом подиявшимся восточным вопросом», а «в Тополе у гроба Кара Георгия с жаром говорил собравшемуся народу о подвигах его первого вождя»².

Делая всё это, он не упускал случая выяснить военные ресурсы Сербии. Из последующей переписки мы знаем, что в процессе переговоров князь возбудил вопрос о снабжении оружием и, в частности, об отпуске 10 тыс. рублей. Но в силу нежелания Австрии посредничать в этом деле и невозможности переправить оружие иным путём вопрос был отложен до того момента, пока Сербия не окажется под реальной угрозой³.

Одновременно с Фонтоном действовал русский посол в Вене Мейендорф. Он имел переговоры с находившимся в это время за границей Гарашаниным и в этих переговорах старался внушить ему мысль о целесообразности вооружений и большей разумности использовать деньги на другие, полезные народу и стране дела. Он указывал, что Сербия не должна раздражать ни Австрию, ни Турцию, а поддерживать с ними дружеские отношения, — в этом залог мирного существования Сербии⁴.

Смысл этих противоречивых уговоров был ясен. Россия хотела, чтобы Сербия спокойно дожидалась развития событий. Спокойствие в данный момент было важно, чтобы помешать Сербии сделать преждевременный шаг, который поставил бы и её и русские интересы на Балканах в трудное положение. Вот почему вопрос о позиции Сербии теперь привлёк внимание ещё одной заинтересованной державы.

В начале октября Турция передала сербскому правительству запрос по этому поводу и требовала противодействовать России в случае её попыток проникнуть на территорию княжества. Через несколько дней Турции был послан ответ, по совету русского представителя, содержащий в себе указание на соблюдение Сербией полного нейтралитета. Сербия заявляла о нежелании превратить княжество в арену борьбы враждебных армий и угрожала в случае вступления турецких войск призвать русские⁵.

Ещё сказывавшееся русское влияние, попытки нового консула Мухина организовать руссофильскую партию заставили Турцию возбудить вопрос об отзывании Мухина. Мотивировано это было тем, что Сербия — вассальная провинция, имеющая лишь внутреннюю автономию. Сербия, боясь какого-либо конфликта, со своей стороны поддержала турецкое требование. Решено было спустить флаг на консульстве, закрыть его, а Мухина уже в качестве частного лица переместить в Землин⁶. Это было концом дипломатической стадии русско-сербских отношений. Теперь наступила полоса, когда отношения с Сербией мало чем отличались и по форме и по задачам от отношений с Черногорией.

¹ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 146, л. 274—279.

² Попов Н. Указ. соч., стр. 352.

³ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 133—135; Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 160.

⁴ «Письма Илије Гарашанина Јовану Мариновићу». Т. I, стр. 125—126, 149.

⁵ АВП, К., Vienne, 1853 г., д. № 147, л. 130—133.

⁶ АВП, К., Belgrade, 1853 г., д. № 184, л. 27—29, 37, 43, 44, 136.

В новой инструкции Мухину, от 21 ноября (3 декабря) 1853 г., Нессельроде писал о необходимости поддерживать отношения с князем, убеждая последнего и его советников не слушать советов англо-французских консулов об участии в планах Порты. Независимо от переговоров с сербским правительством новая инструкция предлагала следить за могущим разразиться в Сербии и Боснии народным движением. Нужно, чтобы подобное движение имело шансы на успех и было выгодно для хода русско-турецкой войны. Вопрос об этом восстании — «это главная задача наблюдательного поста, на котором вы сейчас находитесь»¹. Собираание агентурных сведений, объединение в своих руках всех нитей этого восстания — вот забота, которая сразу столкнулась со стремлением турок запретить Мухину ездить в Белград. Но запретить было нельзя: Мухин ездил с австрийской визой. Тогда Турция решила применить другое средство для борьбы с русским влиянием: выпустить фирман, который подтверждал бы права Сербии. Вопрос о том, как следует Сербии отнестись к этому фирману, вызвал оживлённую переписку между Петербургом и русскими дипломатическими агентами. Мухин в донесении от 14(26) января 1854 г. сообщал Нессельроде о своих разговорах с князем, которого он убеждал отвергнуть фирман. Это было важно потому, что принятие фирмана означало признание благодеяний Турции и сводило бы на нет роль России в качестве гаранта сербской государственности и самого существования Сербии. Последняя понимала мотивы русской настойчивости, и правительство её, само испытывавшее колебания, нащупывало почву. От имени сербского правительства Симич запрашивал указаний Горчакова, в то же время явно намекая на намерение принять фирман².

Но вполне отчётливо сербская точка зрения была сформулирована в письме князя Александра к Горчакову. Князь писал, что принятие фирмана не изменит юридической стороны дела. Отношения России и Турции относительно Сербии оформлены договорами между ними. Никакой односторонний акт Турции не может здесь изменить положение. Учитывая же положение Сербии в создавшейся обстановке, целесообразно, с точки зрения её интересов, фирман принять. «Отказ (в приёме фирмана. — С. Н.) опасен и непростителен как с точки зрения законности, так и выгод»³.

21 января (2 февраля) 1854 г. состоялось торжественное чтение фирмана, чего так не хотела Россия и к чему очень стремилась Австрия. Неприятно, когда сербский представитель Якович беседовал в Вене с Буолем, последний советовал принять фирман и добавил: «Если вы нарушите отношение ваше к Порте, знайте, что войска наши готовы принудить вас к миру... Мы с Россией в дружбе, но не потерпим, чтобы Сербия сделалась русскою провинциею»⁴.

Это своё намерение Австрия обнаруживала на деле. Концентрация австрийских войск на сербской границе шла своим чередом. 16 января 1854 г. было приказано пододвинуть эти войска к Землину. А вскоре после переезда начальника сербско-банатского армейского корпуса Каронини в главную квартиру, в Землин, корпус был ещё усилен. Был передвинут к границе ряд других воинских частей. Все эти приготовления не могли не оказать своего действия на Сербию. Она, с одной стороны, продолжала вооружаться, с другой, — ей приходилось решать вопрос о своей ориентации. Этот вопрос обсуждался в совете княжества и свою самую отчётливую формулировку нашёл в записке Мариновича — начальника сербской дипломатической канцелярии.

В записке Маринович взвешивает соотношение сил и шансы Сербии при наличной ситуации. Прекрасно понимая стремление России пере-

¹ АВП, К., Belgrade, 1853 г., л. № 181, л. 137—142.

² АВП, К., Bucarest, 1854 г., л. № 176, л. 8—9.

³ Там же, л. 10—15.

⁴ АВП, К., Belgrade, 1854 г., л. № 184, л. 39.

сти в нужный момент сербский нейтралитет в вооружённое вмешательство на её стороне, Маринович считает, что это привело бы Сербию к риску потерять то международное признание, которое получил факт самостоятельного решения Сербии сохранять нейтралитет, риску, тем более существенному, что Сербия — вассал Порты. Но это не единственный мотив. Оценивая возможный исход войны, автор записки считает невероятной победу России над её противниками; диктовать свою волю Европе Николаю I не удастся: или противники так ослабят друг друга, что станет неизбежным заключение мира, или Россия добровольно примет в той или иной форме венскую ноту, или, наконец, будет вынуждена к этому ходом событий. Во всех этих случаях Сербия не выиграет, в двух последних — проиграет. «Я твёрдо остаюсь при мнении, — пишет Маринович, — что нам не должно выступать из нейтральности, пока не изменятся виды настоящей политики; а потому я бы не обещал русским ни волонтеров, ни какого другого участия, потому что это нас поведёт шаг за шагом далеко. Я бы им искренне объяснил, что мы не можем их пустить в нашу землю и что мы принуждены тому воспротивиться, чтобы не компрометировать себя перед Портою и Австрией ни письменно, ни на деле; а во всём другом я бы продолжал с ними лучшие сношения, но не можем принести на жертву всё наше существование из малой выгоды, которая для них из того может произойти»¹. Понятно разочарование Николая. «Эта бумага, — писал он по поводу записки Мариновича, — ясно доказывает, что от сербов никакой помощи не будет; это предвидено, и на это мы и не рассчитываем, но быть может, что народ не пожелает следовать сему направлению и свергнет князя».

Решение сербов вполне понятно: такие выводы диктовала весьма реальная угроза военной оккупации как со стороны Австрии, так и со стороны Турции, которая, в связи с движением русских войск в Валахии, в феврале 1854 г. предупреждала Сербию о неизбежном введении в неё своих войск, если угроза со стороны России станет ещё непосредственной, а уверенности в сербском противодействии русским попыткам у Порты не будет².

Однако надежда отвлечь часть сил с Дунайского фронта не оставляла русское правительство. Оно делало попытки сформировать из сербов партизанские отряды, считая, что это наиболее удобный путь, не являющийся нарушением сербского нейтралитета, поскольку правительство Сербии не будет к этому иметь никакого касательства.

Находившийся на русской службе племянник князя Александра Карагеоргиевича был послан в Сербию с целью убедить своего дядю теснее соединиться с Россией. Он должен был указать князю, что ориентация на морские державы даст возможность сохранить права, гарантированные русско-турецкими договорами, если же Сербия выступит на стороне России во главе восстания других славянских провинций, она обезопасит свою территорию от вторжения, получит помощь русской армии и откроет путь к дальнейшему расширению прав³.

Аналогичные по форме, но противоположные по содержанию обещания и угрозы слышались от представителей Англии и Франции. Австрия же в феврале 1854 г. прямо заявляла, что «не потерпит никакого выступления (mouvement) на своей границе и в своём соседстве». Итог всех этих противоположных внушений подвёл посланный весной 1854 г. в Сербию и Черногорию русский генерал, грек по происхождению, Салос. Ему поручалось выяснить возможность выступления этих народов. В Белграде Салосу удалось заручиться заверением митрополита, что сербы двинутся при первом сигнале.

¹ АВП, К., Belgrade, 1854 г., V. A2, № 237, л. 74. Приведено у Н. Полова. Указ. соч. Т. II, стр. 360—364.

² АВП, К., Belgrade, 1854 г., д. № 184, л. 59—60.

³ Там же, д. № 185. Нессельроде — князю Варшавскому 18 апреля 1854 г., л. 89.

Однако в Белграде он узнал о решении русского командования очистить правый берег Дуная и сообщил об этом митрополиту, который, услышав эту весть, выпроводил его с проклятиями.

Пока шли подготовка к восстанию в Черногории, так неудачно закончившаяся, и обработка Сербии, произошло одно из желанных Николаем I восстаний, правда, не общее восстание, а частичное. Мы имеем в виду восстание в Эпире. Ещё в декабре 1853 г. с главнокомандующим князем Горчаковым пошёл переговоры бухарестский адвокат Мано, представитель подпольной греческой организации, до того побывавший у русского посла в Вене. Он сообщил о наличии в Греции тайного общества, возглавляемого генералом Кицо Цавеласом, адъютантом короля Оттона, Хаджи Петро и ярым противником Оттона известным поэтом Панайотом Суцо. Это общество образовало своё агентство — эфорию — в княжествах, куда входили Мано и князь Мурузи. Подписанная руководителями общества инструкция уполномочивала эфорию на сбор денег и вступление в переговоры с русскими, чтобы заручиться их помощью в намеченном предприятии. Общество ставило своей целью организовать «вторжение свободной Греции в Фессалию, Эпир и Македонию», чтобы добиться путём восстания присоединения населённых греками провинций к королевству. Предполагалось, что из Греции двинется экспедиция в составе трёх корпусов, под верховным командованием Цавеласа, и оккупирует греческие области. Наличие сил экспедиции насчитывали 9 тыс. человек¹.

Сообщение это и заинтересовало и испугало Горчакова. С одной стороны, Мано, участник восстания 1821 г., был человеком с испорченной репутацией, с другой, — вопрос был достаточно важен, чтобы им заинтересоваться. Горчаков направился в Яссы, где жил Мурузи, но узнал мало нового. Повидимому, Мурузи держался уклончиво и осгорожно, боясь скомпрометировать себя. Он заявил Горчакову, что знает столько же, сколько и тот, признался, что к Мано имеет мало доверия. Но подписи руководителей восстания на инструкции он признал подлинными и выразил уверенность о наличии в Греции многочисленной партии, готовой поднять оружие. В заключение он предлагал поручить ему точнее выяснить обстановку в Афинах, командировав его туда. Этого предложения Горчаков не принял и решил вообще воздержаться от посылки агента в Грецию. Он боялся, что самый факт посылки эмиссара будет свидетельствовать о поддержке инсurreкции, что поддержка в данный момент приведёт только к оккупации Греции турецкими или англо-французскими войсками; Горчаков сомневался, действительно ли организация имеет тот характер, о каком говорит её представитель, а главное, боялся без ведома своего правительства на что-нибудь решиться, так как решать что-либо было непривычно для Горчакова. Николай I одобрил кукутаторство главнокомандующего, разделяя его сомнения относительно характера организации и считая неприемлемым подобное предприятие в княжествах. Но главное было не в этом. В стремлении к активному выступлению за освобождение подвластных Турции греков Николай усмотрел крамолу, революцию. Его испугал переход повстанцами греческой границы, его привело в смущение то, что подготовка этого движения шла без согласия и ведома короля. «В глазах государя, — писал Нессельроде Горчакову, — предприятие этого рода — демонстрация против Турции в пользу её христианских подданных, — если бы оно было осуществлено, имело бы характер открытого возмущения против греческого монарха и гражданской войны в недрах королевства. Поэтому оно не может получить одобрения нашего августейшего повелителя и тем менее какой-либо поддержки с

¹ АВП. Азиатский департ. I отделение, политический стол, оп. 45, д. № 21, 1853 г. «О восстании в Эпире», л. 2—13. (Дальше указываем номер дела, год и лист.)

нашей стороны»¹. Всё же для выяснения дела решено было послать в Грецию специального человека, поручив ему на месте собрать все необходимые сведения.

Интересно, что столь легитимистская позиция была занята Николаем I несмотря на те авансы, какие делал греческий посол в Лондоне русскому послу Бруннову ещё в сентябре 1853 года. В беседе с последним греческий посол говорил о возрождении старой гетерии, о наличии стремлений к низвержению баварской династии и о возведении на королевский греческий трон старшего сына великой княгини Марии Николаевны².

Не теряли надежды на более благосклонное отношение России к их попытке освобождения и греки. В конце декабря Мурузи, при первом свидании ссылавшийся на неосведомлённость, представил Горчакову обширную записку, где излагал историческое развитие освободительного движения среди греков. Он говорил о положительной роли фанариотов, доказывал, что восстание 1821 г. было чуждо коммунистическим идеям, рассказывал о постоянном стремлении греков к освобождению подвластных туркам греческих земель и о широком повстанческом движении, которое охватит страну, как только в неё выйдут греческие отряды. Из Афин распорядительная комиссия благодарила Горчакова за обещание денежной помощи и обсуждала его соображения о возможности закупки оружия, хотя в депеше, посланной Нессельроде, Горчаков заявлял, что никаких обещаний он не давал.

Тем временем распорядительная комиссия начала действия. Первый небольшой отряд был послан в Эпир, но, встреченный турками, был принуждён дать бой. 21 января (2 февраля) 1854 г. в афинской газете «Век» была опубликована прокламация эвиротов с призывом к восстанию, сопровождавшаяся таким редакционным комментарием: «С нами бог, братья!.. Время идёт. Час борьбы настал. Недоверчивое дело 1821 г. завершается, и каждый ответствен перед всемогущим богом и родной за клятву, уже произнесённую в Эпире нашими братьями, первыми восставшими за греческую империю и против врагов веры и родины»³.

Вся эта подготовка не могла быть не замеченной представителями держав в Греции. Английский посол Майе протестовал против передвижки военных частей и пропаганды тайного общества, он угрожал, и греческое правительство уверяло в своей нейтральности. Франция убеждала в необходимости сохранять нейтралитет, указывая, что цель России — Константинополь и что Россия представляет собой угрозу независимости Греции. В Париже даже воспользовались услугами польского издательства, чтобы напечатать сборник материалов, доказывающих русские претензии на Константинополь и весь Ближний Восток⁴. Англия в свою очередь напечатала в Афинах переписку лорда Сеймура и Кларендона, где встречались заявления Николая, что он не допустит расширения Греции. Однако момент был не таков, чтобы эта брошюра привлекла внимание, но совсем не потому, что действовали русские деньги, как думал Бамберг⁵. Греки прекрасно учитывали, что может возникнуть впоследствии сопротивление России, но они понимали, что Европа, а не одна Россия будет решать вопрос.

Тогда же русско-турецкое столкновение дало удобный момент для достижения лавных стремлений к национальному единству. Грекам были ясны и мотивы противодействия со стороны западных держав. «Морские

¹ АВП, д. № 21, 1853 г., л. 78.

² АВП, К., Londres, 1853 г., д. № 75. 30 сентября — 12 октября 1853 г., № 267.

³ АВП, д. № 21, 1853 г., л. 49.

⁴ Driault et Lheritier. «Histoire diplomatique de la Grèce». Т. II, p. 384. Paris, 1925.

⁵ Bamberg F. «Geschichte der Orientalischen Angelegenheit im Zeitraume des Pariser und Berliner Friedens». S. 101. Berlin, 1892.

торговые державы Запада, — писала греческая газета «Восточный наблюдатель», — заинтересованы в существовании на Востоке большого варварского государства без промышленности, системы управления, чтобы иметь возможность продавать ему свои товары, не боясь конкуренции, тарифов, иметь возможность эксплуатировать его и направлять к своей выгоде»¹.

Шла запись добровольцев, офицеры бросали службу и становились во главе партизанских отрядов, освобождённые из-под ареста дезертиры немедленно толпой ушли в Эпир. Восстание началось 15(27) января 1854 года. Провинция Радовисти в Эпире провозгласила свою независимость. Её примеру последовали провинции Цумереа, Ламарис, Арта, Аграфы. Начались бои. После удачных для греков стычек 18 и 19 января турки отступили в Арту, которая была блокирована. Силы повстанцев, по их подсчётам, составляли 8 тыс. человек. Они надеялись на дальнейший рост движения и понимали, что в этом росте — залог успеха. Распорядительная комиссия всемерно старалась добыть деньги и просила у Горчакова 100 тыс. дукатов. «Мы должны купить помощь албанцев и направить их против турок... Нам необходимо оружие, и оно может быть куплено только за границей», — писал П. Суцо своему родственнику К. Суцо, который должен был вступить в Вене в переговоры с Мейендорфом. Представители тайного общества обращались и непосредственно к Горчакову. Судя по имеющимся в нашем распоряжении документам, руководители восстания весьма надеялись на помощь России. В письмах, которыми они обменивались со своими представителями в Бухаресте, выражается уверенность в денежной помощи, даются указания, кому её адресовать, указывается греческий купец в Лондоне, который будет непосредственным агентом по закупке оружия. Было, повидимому, что-то в первоначальном тоне Горчакова, что понималось представителями греческого национального движения как ободрение, внушавшее надежду на желательный для них исход переговоров. — только так можно понять те благодарности по адресу командующего русской армией, которые расточаются в письмах греческих деятелей. Но если раньше и были даны Горчаковым какие-либо неопределённые обещания, теперь он был вынужден вполне решительно заявить, что Николай I не дал своего согласия на поддержку греческого движения. Однако, сообщая о решении русского правительства, Горчаков не считал нужным разочаровывать греков вполне; он внушал им мысль, что «невозможно теперь предсказать точку зрения, с какой их усилия будут рассматриваться позднее». В то же время он старался внушить руководителям русской внешней политики мысль о целесообразности поддержки восстания. «Эта диверсия могла бы нам быть очень полезна», — писал он Нессельроде, прося его разрешения «ободрить гетерию от имени нашего кабинета и ей послать, пусть лично от меня, 40 тыс. дукатов, которые ей очень нужны, чтобы покрыть необходимые расходы по этому предприятию»². Но в кругах русских дипломатов эта мысль не встречала поддержки, а Мейендорф внушал Петербургу мысль о необходимости задержать начавшееся движение. «Если я не ошибаюсь, — писал он Нессельроде, — для нас существенно предупредить этих храбрых эпиротов, чтобы они не бросились очертя голову в предприятие, важность и трудность которого не взвесили достаточно вожди... Если движение будет раздавлено в самом начале, вместо того, чтобы увеличить нашу моральную силу в Европейской Турции, оно ослабит её. Если оно удержится теперь и распространится позже, державы узнают, что турецкие христиане нуждаются в иностранном покровительстве»³.

Ещё более резко он ставил вопрос в другой делеции: «Это движение представляется мне преждевременным, и я сомневаюсь, что средства, ка-

¹ D. Giannini L. Heritier. Op. cit. T. II, p. 386.

² АВП, д. № 21. 1853 г., л. 44—45.

³ Meyendorff P., Op. cit. Bd. III, S. 125.

кими располагают повстанцы, находятся в соответствии с препятствиями, которые они встретят... Если попытка будет задавлена турецкими силами... хорошо, если будут знать, что мы не поддерживали эту попытку»¹.

Не прекращалось возбуждение и в Афинах. В семинарии один из учащих сбросил с себя подрясник, сбрил бороду и призывами к оружию увлёк за собой своих товарищей, обязавших ректора стать во главе их отряда. Правительство короля Оттона не имело сил и желания препятствовать патриотической акции. Оно стояло перед альтернативой: вызвать внутреннее возмущение в случае попытки препятствовать движению или предоставить события развиваться. Избрали последнее.

Но на Николая I не повлияло ни это спокойное отношение греческого правительства, ни заявления распорядительной комиссии, что она ждёт решения «великого покровителя эллинов» о дальнейшей судьбе жаждущих освобождения Фессалии, Эпира и Македонии, ни просьбы о присылке специального лица, чтобы руководить восстанием. На депеше Горчакова от 8(20) февраля, где он советовал поддержать гетеристов, Николай написал: «В том, что решено, менять нечего», — а по поводу записки гетеристов, где излагались мысли относительно освободительной борьбы, отмечал, что эти соображения далеки от действительного положения вещей.

Пока повстанцы прилагали героические усилия в неравной борьбе с силами огромной армии Омер-паши, пока руководители русской армии и внешней политики взвешивали шансы на успех восстания, проявили активное участие в этом вопросе представители Англии и Франции. Греческому послу в Лондоне Трикупису в феврале 1854 г. было заявлено, что следует выбирать между расположением этих стран и блокадой Афин, так как правительства их не допустят восстания в Турции и поддержки его греческим правительством. Аналогичные указания были сделаны Францией и в порядке общедипломатическом и в личном письме Наполеона III к королю Оттону. Австрийский император Франц-Иосиф в разговоре с русским послом Мейендорфом 9(21) февраля заявил, что «восстание христианских народностей Турции не может быть согласовано с поддержанием status quo, которое одно только и в состоянии гарантировать интересы Австрии»².

21 марта 1854 г. Турция разорвала отношения с Грецией. 15 апреля н. с. Англия и Франция объявили официально о посылке союзных отрядов в Пирей. Эти шаги морских держав были тем более уверенными, что Венский протокол 30 марта (11 апреля) показал полное согласие Австрии и Пруссии с ними. Единая позиция западноевропейских держав, требовавших целостности Османской империи, вывода русских войск из княжеств, оставляла Россию изолированной.

Всё это чувствовали на себе повстанцы, на которых давление турок становилось сильнее, хотя и силы восставших росли. В марте 1854 г. гетеристы сообщали Горчакову о крупных турецких силах, двинутых в Эпир, и просили произвести диверсию на Дунае для отвлечения внимания турок на основной театр войны. Эта просьба пришла уже после перехода русской армией Дуная и занятия Тульчи и Матчина. Было признано поэтому, что просимая диверсия уже произведена. Может быть, более активные действия русской армии могли бы принести пользу греческому движению, так как первые французские части высадились в Пирее лишь в мае, а англичане прибыли после них, но таких действий не было. Это объяснялось отчасти политическими соображениями — позиция Австрии в это время была угрожающей, и русский посол в Вене Мейендорф писал: «Помощь восстанию не стоит войны с Австрией»³, — а отчасти широко

¹ АВП, д. № 21, 1853 г., л. 53—55.

² «Русская старина» за сентябрь 1888 г., стр. 565.

³ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III, S. 138.

ственной неспособностью командования и технической слабостью армии, приведшими к неудаче всей Дунайской кампании.

Восстание в Эпире было подавлено, и Россия не могла бы оказать необходимой помощи, если бы и попыталась сделать это. «Греческое движение — писал в апреле Горчакову Мейендорф, — не делает таких успехов, какие были объявлены... В настоящее время речь идёт только о том, не позволить раздавить этих несчастных, и для того им нужно поспешить с оружием, но всё придёт слишком поздно, так как движение «преждевременным»¹.

Военная неудача русской политики на Балканах была очень важным фактом в ходе Восточной войны. Она показала глубочайшее заблуждение Николая I относительно позиции Австрии и её вероятной роли в развитии событий; она свидетельствовала о крахе того плана войны, который был намечен Николаем и его советниками.

Николаевское правительство смотрело на балканские народы лишь как на средство осуществления своих военно-политических планов и не считывало собственных интересов их. Оно переоценивало слабость Турции и готовность славян в любой момент подняться по мановению руки «покровителя православия» на Востоке.

Провал расчётов на общее восстание в Турции, расчётов, ведущих к медлительности военных мероприятий, не мог не отразиться на дальнейшем течении войны. Вся её вторая половина предвещала крах кампании. Николаевское правительство, не будучи способно осуществить свой агрессивный план, оказалось вынужденным к пассивной защите. Ею и была борьба за Севастополь. Севастопольская оборона показала героизм сражавшегося русского народа, но не могла спасти уже потерпевший неудачу режим.

¹ Meyendorff P. Op. cit. Bd. III. S. 150.

О ПУТЯХ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ПРОФ. П. П. СМИРНОВА)

И. Смирнов

Статья проф. П. П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.», опубликованная в № 2—3 журнала «Вопросы истории», не может не привлечь внимания историков. Автор статьи — видный исследователь социально-экономической и политической истории Русского государства в XVII в. — выступает на этот раз с изложением своих взглядов по одному из основных вопросов истории СССР. П. П. Смирнов не только выдвигает свою собственную схему образования Русского централизованного государства, но и предпосылает ей обширный историографический обзор, охватывающий развитие воззрений по вопросу о Русском государстве всех крупнейших представителей русской исторической мысли с древнейших времён и до наших дней.

Таким образом, статья П. П. Смирнова, по мысли её автора, должна подвести итоги всему, что было сделано до сих пор по вопросу об образовании Русского централизованного государства; вместе с тем она является опытом нового решения этой проблемы, с учётом уроков, извлечённых из рассмотрения истории вопроса.

Определение автором своего отношения к его предшественникам является предпосылкой для формулировки им своих собственных позитивных построений по вопросу об образовании Русского централизованного государства. Поэтому обе части статьи П. П. Смирнова тесно связаны и взаимно обуславливают друг друга.

Такая конструкция статьи П. П. Смирнова приводит к тому, что содержащийся в ней историографический обзор приобретает не меньший интерес, чем собственная схема П. П. Смирнова.

П. П. Смирнов справедливо указывает, что образование Русского государства во все времена привлекало внимание общественной и политической мысли. Каждая эпоха давала этому факту своё объяснение и создавала свою теорию его происхождения согласно с господствующей историко-философской концепцией (стр. 55)¹. Однако применение этого тезиса П. П. Смирновым в процессе изучения и критики теорий образования Русского государства носит весьма своеобразный характер. Свою задачу историографа П. П. Смирнов ограничивает констатацией того, что каждая из рассматриваемых им теорий образования Русского государства носит на себе отпечаток своей эпохи. При этом он не пытается проследить, в чём же выражается научный прогресс в области изучения данной проблемы. Говоря точнее, этот вопрос П. П. Смирнов вообще не ставит в историографической части своей статьи.

П. П. Смирнов устанавливает три этапа в развитии теории о Русском государстве: «Средневековая историко-провиденциальная школа старца Филофея и митрополита Макария создала теорию Москвы — третьего Рима... Дворянский, крепостнический XVIII век отрекается от суеверия и в качестве исторического двигателя вместо божественного провидения провозглашает личность «просвещённого монарха», гением которого возникают царства... Дворянско-буржуазная историография XIX в. не верила

¹ Все ссылки в тексте — на статью П. Смирнова «Образование Русского централизованного государства в XIV—XV вв.», опубликованную в № 2—3 журнала «Вопросы истории» за 1946 год.

ни в премудрого бога, ни в просвещённого монарха. «Умоначертания» занимают условия и силы природы, войны и торговля, которой стали придавать значение созидательной силы. «Чудеса» из истории исключаются. Роль личности ума, а личность и деятельность государей нередко оцениваются отрицательно и осуждаются» (стр. 55).

В этой постановке вопроса, какую мы наблюдаем у П. П. Смирнова, нет всякое принципиальное различие между теориями старца Филофея и взглядами историков XIX в., скажем, Соловьёва или Ключевского. Теория «третьего Рима» и историческая теория Соловьёва равно являются выражением «умоначертаний» их создателя. Вся разница лишь в том, что «умоначертание» Филофея приписывало «значение созидательной положительной силы» богу, а у историков XIX в. этот созидательный фактор выступает в масках «природы», «войны» или «торговли». Такая каморфоза в воззрениях на Русское государство, однако, ничего не меняет в самом существе этих воззрений. Изменилась лишь их форма в связи с тем, что изменились общественно-политические условия, в которых создавались исторические теории: «Теория Соловьёва — Ключевского о географическом факторе и зависящих от него действительных факторах экономического и политического порядка отвечала как двойственной природе дворянско-буржуазного общества, так и его оппозиционным настроениям. Она столь же характерна для историографии XIX в., как теория «просвещённого монарха» характерна для историографии XVIII в. или теория Москвы — третьего Рима для писателей эпохи образования Русского государства XV — XVI вв.» (стр. 8).

Рассматривая исторические теории образования Русского государства как простое выражение «умоначертаний» их создателей, П. П. Смирнов, естественно, не ставил, да и не мог поставить вопроса об объективной, научной ценности тех или иных историографических теорий; о том, содержит или не содержит данная историческая концепция какое-либо «рациональное зерно». Между тем социально-политическая обусловленность, классовый характер той или иной общественной теории вовсе не означают принципиальную невозможность для этой теории установления или открытия некоторой объективной закономерности, более или менее общей. Достаточно сослаться хотя бы на то, что такая закономерность исторического развития, как борьба классов, была открыта ярчайшими идеологами буржуазии — французскими историографами эпохи Реставрации¹.

Пример с открытием французскими буржуазными историками борьбы классов в истории важен, однако, не только тем, что показывает возможность объективных научных открытий представителями буржуазной (или дворянской) науки. Он не менее ярко показывает и другое. Сколь бы ни были важны и существенны отдельные открытия, сделанные буржуазным общественным знанием, построить подлинно научную теорию общественного развития и, соответственно, историю человечества оказался способным лишь марксизм, впервые превративший историю общества в действительную науку.

В своём историографическом обзоре П. П. Смирнов оказался сторонником своеобразного релятивизма, роднящего его взгляды с историографическими воззрениями М. Н. Покровского. Этот релятивизм в подходе к историческим теориям привёл к тому, что в интерпретации П. П. Смирнова все исторические теории о Русском государстве приобрели характер чисто субъективных построений, не стоящих ни в какой связи с предме-

¹ См. письмо Маркса Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXV, стр. 143, и комментарий к этому письму Ленина. См. «Государство и революция». Ленин. Соч. Т. XXI, стр. 392.

том этих теорий — объективным процессом образования Русского государства, — а обусловленных лишь «умоначертаниями» историков.

Именно в этом надо искать объяснения, почему историографический обзор П. П. Смирнова не даёт ответа на вопросы: в чём же выразился научный прогресс (или для определённых периодов — регресс) в изучении истории образования Русского национального государства? Есть ли что-либо объективно ценное в предшествовавших теориях образования Русского национального государства или же они представляют интерес лишь как выражение идеологических воззрений определённой эпохи, и только? Можно ли, наконец, проследить в истории изучения Русского государства периоды подъёма, прогресса буржуазной историографии и время её упадка? Между тем без разрешения этих вопросов нельзя дать правильной оценки теориям дворянско-буржуазной исторической науки, равно как нельзя и критически использовать всё ценное, что накопила дореволюционная наука по вопросу о Русском государстве.

Мы попытаемся проиллюстрировать на двух — трёх примерах некоторые прогрессивные черты в воззрениях отдельных русских историков на происхождение Русского национального государства, равно как отметить и коренные недостатки теорий о Русском государстве, созданных дворянско-буржуазной историографией.

Говоря о прогрессивных явлениях в русской исторической науке, надо прежде всего назвать имя Соловьёва. П. П. Смирнов очень обедняет содержание исторических воззрений Соловьёва, сводя его концепцию исторического процесса к взаимодействию «двух начал — географического, пассивного, и народно-стихийного, активного» (стр. 57). В такой трактовке выпадает основное ядро исторических воззрений Соловьёва — взгляд на историю как на процесс закономерного, прогрессивного развития, причём развития, движущей силой которого является борьба старого, отмирающего, и нового, возникающего.

Эта стройная, монистическая концепция Соловьёва носит идеалистический характер. Но исторический идеализм Соловьёва не лишает его взгляды известного прогрессивного для своего времени характера. В частности и в вопросе об образовании Русского государства Соловьёв вскрыл прогрессивный характер этого процесса, показав и роль великокняжеской власти как носительницы прогрессивных тенденций («государственного начала»), что обеспечивало ей поддержку новых общественных сил в борьбе против реакционных сил и, в конечном счёте, привело к полному торжеству нового строя.

Концепция Соловьёва является вершиной в развитии дворянско-буржуазной историографии в России. Ключевский, по существу, делает шаг назад по сравнению с Соловьёвым. Правда, заслугой Ключевского является его попытка искать какие-то материальные факторы, определяющие исторический процесс. Но этот шаг в сторону материалистического взгляда на историю общества в значительной степени обесценивается стремлением Ключевского «примирить» материалистическое объяснение истории с идеалистическим, что превращает Ключевского в эклектика. Из схемы Ключевского совершенно выпадает борьба классов как движущая сила исторического развития. Если у Соловьёва, хотя и в мистифицированной форме борьбы «родового» и «государственного начала», исторический процесс выступает как борьба общественных классов (хотя Соловьёв и не признаёт классов), то у Ключевского классы не ведут борьбы, а мирно сосуществуют друг с другом. Поэтому и процесс образования Русского централизованного государства изображается Ключевским как процесс добровольного подчинения удельных князей московскому великому князю, которому удельные князья сами передают свои державные права.

Дворянско-буржуазная историография проделала огромную работу по выявлению роли внешнеполитического фактора в возникновении и

развитии Русского государства. Необходимостью обороны против внешних врагов дворянско-буржуазная историография пыталась объяснить не только важнейшие этапы в развитии Русского государства, но и самый характер Русского государства. Знаменитая теория «закрепощения сословий» в России государством для того, чтобы поставить все сословия на службу делу обороны от внешнего врага, являлась общим местом дворянско-буржуазной историографии.

Классовая природа и политический смысл теории «закрепощения сословий в России» достаточно очевидны. Однако, отвергая теорию «закрепощения сословий», было бы глубоко ошибочным объявлять мифом и самую проблему обороны Русского государства от внешнего врага (как это имеет место, в частности, в историографических работах М. Н. Покровского).

Тезис о необходимости обороны Русского государства от внешних врагов использовался идеологами правящих классов царской России для обоснования и защиты крепостного права и позднее — внешней политики царизма, однако это обстоятельство не даёт ещё права объявлять несуществующей самую проблему обороны государственной территории России. Напротив, марксистско-ленинское учение о государстве предполагает при рассмотрении вопроса о государстве и его развитии обязательный учёт и внешнеполитического фактора. Ибо «две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде, и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме»¹.

Сталинское учение о функциях государства, давая историкам теоретическое оружие для исследования проблем истории государства, вместе с тем делает очевидным и существо воззрений дворянско-буржуазных русских историков в вопросе о роли внешнеполитического фактора в образовании Русского государства. Порочность концепций дворянско-буржуазных историков по вопросу об «обороне» как факторе создания Русского государства состоит в том, что не главную, второстепенную функцию государства, функцию защиты территории своего государства от нападений со стороны других государств, эти историки объявляли главной и основной функцией, главную же функцию феодального государства — держать в узде эксплуатируемые классы — дворянско-буржуазные историки отрицали совершенно, изображая государство силой, стоящей над обществом.

Дело, очевидно, заключается не в том, что дворянско-буржуазные историки констатировали самый факт влияния внешнего фактора на процесс образования Русского государства, а в том, что они этот фактор чрезмерно преувеличили и использовали для маскировки классовой, эксплуататорской сущности государства в России в эпоху феодализма. Следовательно, позиция советских историков в этом вопросе должна заключаться не в «принципиальном» отрицании роли внешнего фактора в процессе образования Русского государства и не в отбрасывании на этом основании исследований дворянско-буржуазных историков, посвящённых вопросу о роли внешнего фактора в истории России, а в правильном определении места и значения этого фактора в процессе образования Русского национального государства и в критическом использовании исследований дворянских и буржуазных историков.

Существует принципиальный водораздел во взглядах на государство между дворянско-буржуазными исследователями истории Русского государства и историками-марксистами. Отрицание дворянско-буржуаз-

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 604, 11-е изд.

ной историографией классовой природы государства предопределило и общий характер исследований всех этих историков, независимо от того, к какой исторической «школе» или течению принадлежал данный историк. Поэтому основная, главная движущая сила процесса образования Русского централизованного государства — борьба классов и интересы классов — осталась за пределами внимания их. Однако в ряде случаев, независимо от своих субъективных воззрений на государство и вопреки им, отдельным историкам удалось изобразить объективное содержание процесса развития Русского государства именно как процесса борьбы классов. С другой стороны, дворянско-буржуазная историография в процессе исследования проблемы развития Русского государства сумела выяснить и вскрыть отдельные стороны этого процесса, хотя в большинстве случаев в своих общих построениях неправильно определяла место и значение вскрытых ею моментов. Этим определяется позиция советских историков в отношении дворянско-буржуазной историографии.

Задача советского историка-марксиста должна, следовательно, не ограничиваться указаниями на классовую сущность исторических теорий буржуазных исследователей; он должен уметь критически оценить их и извлечь то объективно ценное, что есть в ряде этих теорий, отбрасывая в то же время их антинаучную тенденцию.

К сожалению, П. П. Смирнов занимает совсем иную позицию. Вторая половина историографического обзора П. П. Смирнова посвящена работам советских историков.

Допуская, что «после Великой Октябрьской социалистической революции изучение вопроса о причинах образования Русского государства несколько подвинулось вперед», П. П. Смирнов в конечном счёте, однако, даёт отрицательную оценку трудов советских историков по вопросу об образовании Русского централизованного государства. «Собственной концепции и правильного решения вопроса советские историки, — говорит он, — всё же не нашли и поэтому не сумели отойти от традиционного дворянско-буржуазного понимания его природы и развития» (стр. 60). Этот свой общий вывод П. П. Смирнов иллюстрирует критическим разбором работ отдельных советских историков. Не останавливаясь на разборе П. П. Смирновым взглядов М. Н. Покровского, Г. В. Плеханова и Н. А. Рожкова, ограничимся его высказываниями о трудах трёх советских историков: В. В. Мавродина, К. В. Базилевича и М. Н. Тихомирова.

Работа В. В. Мавродина «Образование Русского национального государства» получает у П. П. Смирнова такую суровую оценку: «Отдавая должное попытке автора сочетать (!) отмечаемые в буржуазной литературе XIX в. причины образования Русского государства с основными элементами марксизма, мы не можем принять эти заключения как научное достижение. Его сложная эклектическая система внешне громоздка и внутренне противоречива. Она не соответствует монистической теории исторического материализма и поэтому ненаучна» (стр. 66).

Столь же отрицательно П. П. Смирнов относится и к работам другого советского исследователя проблемы образования Русского национального государства — К. В. Базилевича. В оценке П. П. Смирнова взгляды К. В. Базилевича не менее эклектичны, чем концепция В. В. Мавродина. «В основном К. В. Базилевич стоит очень близко к концепции В. В. Мавродина, — говорит П. П. Смирнов, — но вместе с тем он близок к взглядам В. О. Ключевского и Забелина, стремится в то же время дать самостоятельную, по возможности (!) марксистскую, трактовку вопроса» (стр. 67).

Наконец, и работа М. Н. Тихомирова «Начало возвышения Москвы», вышедшая в 1944 г., также не изменила положения дел, по мнению П. П. Смирнова. М. Н. Тихомиров «в теоретической части ограничился перестановкой высказанных ранее положений о причинах возвышения» (стр. 68).

Свой разбор работ советских историков П. П. Смирнов заканчивает следующими выводами: «Несмотря на значительный и понятный интерес к проблеме происхождения Русского национального государства, попытки её разрешения не увенчались успехом, и мы обходимся кое-как подправленными, устарелыми представлениями учёных XIX столетия» (стр. 70).

Можно ли согласиться с такой оценкой работ советских историков? На этот вопрос мы должны дать отрицательный ответ. Но, прежде чем изложить нашу точку зрения на современное состояние изучения вопроса об образовании Русского национального государства, целесообразно рассмотреть ту схему, которую выдвигает сам П. П. Смирнов в качестве «решения проблемы об условиях, причинах и процессе образования Русского национального государства» (стр. 71).

Создавая свою концепцию, П. П. Смирнов исходил из самых лучших намерений — раскрыть материальные основы процесса образования Русского национального государства и тем самым связать изменения в политическом строе Русского государства с вызвавшими эти изменения сдвигами в области производительных сил и производственных отношений. Однако правильно применить эти методологические предпосылки к разрешению проблемы образования Русского национального государства П. П. Смирнову не удалось. Поэтому его концепция образования Русского национального государства носит характер чисто спекулятивный, умозрительный, чтобы не сказать фантастический. Она очень слабо связана с действительным ходом исторического процесса.

Существование схемы П. П. Смирнова может быть изложено следующим образом. Татарские завоевания разорили Русскую землю и привели к резкому падению производительных сил страны. В России исчезла более передовая паровая зерновая трёхпольная система ведения сельского хозяйства с плугом как главным орудием обработки земли и возродилась подсечная огневая система хозяйства.

Вместе с тем татарское иго принесло с собой дань — «выход», — шедшую с русских земель татарским ханам.

После первых десятилетий ига, особенно тяжёлых, когда «выход» собирали непосредственно татарские баскаки и откупщики, Александру Невскому удалось добиться передачи татарскими ханами сбора «выхода» в руки русских князей, которые затем доставляли эту дань в Орду. «Эта автономия могла стать и стала орудием будущего освобождения от татарского ига. Но для борьбы за свободу нужны были средства и силы. Каким же образом могли найти русские князья эти средства в XIV столетии?» (стр. 72). Эта сложная проблема была разрешена Иваном Калитой путём увеличения производительности крестьянского хозяйства. Прежде всего Калита добился «установления в стране мира внешнего и внутреннего, что было первым условием развития хозяйства» (стр. 74). Внешний мир был достигнут искусной дипломатией Калиты в Орде; мир внутренний — мероприятиями по устройству суда. Но всё это были лишь «условия» для развития крестьянского хозяйства. Самое развитие, экономический подъём крестьянского хозяйства были достигнуты Калитой путём «изобретения русского плуга» и перевода крестьянского хозяйства с подсечной огневой системы земледелия на паровую зерновую трёхпольную систему. Этим «русским плугом», изобретённым в эпоху Калиты, была соха-косуля или лемеш. В изобретении русского плуга активную роль играли не только земледельцы и землевладельцы, но и великокняжеская власть. «Неизбежная татарская дань вынуждала к изобретательству и земледельцев и землевладельцев, поскольку между теми и другими делился урожай. Но при этом мы решительно отвергаем утверждение В. О. Ключевского, В. И. Сергеевича и Н. А. Рожкова об аполитичном,

бессознательном стяжательстве московских князей XIV века. Самый момент изобретения русского плуга, вероятная внутренняя связь технического сдвига с необходимостью найти источники покрытия татарских платежей, потому что неуплата дани влекла для одних рабство, а для других — потерю княжеского стола, исключает бессознательное скопидомство Ивана Калиты и его преемников» (стр. 78—79). Самая возможность изобретения плуга объясняется тем, что хотя татарское иго привело к возрождению подсеки, «однако, несомненно, были сведущие люди, знакомые с иными приёмами полеводства, которые могли научить, каким образом повысить производительность сельского хозяйства, не увеличивая количества крестьянских «сох» и даже не расширяя запашки. Такие люди могли быть и среди местного населения, согнанного со своих мест и теперь оседавшего в уделах Северовосточной Руси, и среди выходцев из Югозападной Руси, откуда родом был митрополит Пётр, или даже из Греции, откуда прибыли митрополит Феогност и его спутники» (стр. 74).

Вместе с появлением плуга началось и вытеснение подсечной системы паровой зерновой системой с трёхпольным севооборотом.

«Переход к паровой зерновой системе с трёхпольным севооборотом, резко повышая производительные силы феодального хозяйства, создавал целый переворот как в экономике, так и в социальных отношениях центральных областей государства; он неудержимо влёл за собой также глубокие изменения в политической системе страны... Таким путём при Калите был создан внешний мир для Русской земли, собраны средства и подготовлены силы, а его дети и внуки могли уже подняться до практической мысли об освобождении Русской земли от татарского ига путём воспитания и о создании Русского национального государства» (стр. 80).

Чтобы закончить характеристику взглядов П. П. Смирнова, следует отметить, как он рисует последствия, вызванные изобретением русского плуга, в области классовых отношений. Прежде всего, говорит П. П. Смирнов, изобретение плуга нанесло смертельный удар боярству: «В условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеские, боярские и монастырские вотчины, самые размеры которых, как равно и организация производства, были определены техникой переложной подсечной системы, в новых условиях становились пережитком старины и осуждались на слом без надежды на восстановление» (стр. 82). Напротив, мелкие и средние землевладельцы «быстро стали укрепляться» (стр. 81).

На аналогичный процесс он указывает и внутри крестьянства: «Рост производительных сил, новая техника и производство большого количества хлеба, который можно было продавать и покупать, также взламывали крестьянский класс и раскалывали его на две антагонистические группы, как и класс землевладельцев» (стр. 84).

Эти «молодые классы» (стр. 86) — дворяне и горожане — и явились той силой, опираясь на которую великие князья сломали сопротивление враждебных кругов бояр и князей в «феодальной войне 1433—1453 гг.» (стр. 87) и построили национальное государство.

Такова суть концепции П. П. Смирнова. Первое, что бросается в глаза при её рассмотрении, — это странная непоследовательность П. П. Смирнова. Провозгласив тезис о том, что возникновение Русского национального государства было результатом развития производительных сил, рост которых вызвал изменение и политического строя, П. П. Смирнов в конкретной части своей схемы развивает прямо противоположную точку зрения, изображая самый рост производительных сил — изобретение плуга и развитие паровой зерновой системы — как следствие и результат политики Ивана Калиты, обусловленной, в свою очередь, таким явно политическим фактором, как татарская дань. Ярче всего эта черта взглядов П. П. Смирнова выступает в наиболее ответственной час-

ти его схемы, в вопросе о появлении плуга. Именно в факте изобретения плуга П. П. Смирнов усматривает «внутреннюю связь технического сдвига с необходимостью найти источники покрытия татарских платежей». По поводу плуга П. П. Смирнов указывает, что «неизбежная татарская дань вынуждала к изобретательству и земледельцев и землевладельцев». Таким образом, на деле теория П. П. Смирнова оказывается очень далёкой от тех принципов исторического материализма, которые он был намерен положить в её основу: вместо теории производительных сил получилась теория изобретения плуга под влиянием татарского ига.

Теория П. П. Смирнова, однако, не может нас удовлетворить не только в плане методологическом. Фактическая основа его концепции также не выдерживает никакой критики. То, что составляет основу всего построения П. П. Смирнова — «изобретение русского плуга» при Иване Калите, — в действительности не имеет под собой никаких оснований в источниках и является простым недоразумением.

К мысли об изобретении «русского плуга» в период княжения Ивана Калиты П. П. Смирнов пришёл на основании своего наблюдения о том, что «лемех», или «лемеш», — русская форма плуга лесной полосы, впервые упоминается в Земледельческом уставе великого князя Ивана Калиты» (стр. 76). Это «упоминание лемеша, рабочей части русского плуга, в законодательстве Ивана Калиты», даёт основание П. П. Смирнову утверждать, что «здесь, в центре Северовосточной Руси, в Московском княжестве, уже в первой половине XIV в. совершается переход от подсечной переложной системы хлебопашества к системе паровой зерновой с трёхпольным севооборотом, которая окончательно восторжествовала в Московском государстве XV—XVI вв.» (стр. 77). Эти соображения о дате «изобретения русского плуга» П. П. Смирнов подкрепляет утверждением, что до Ивана Калиты в северовосточной Руси господствовала подсека (стр. 74).

Изображая Суздальский край как отсталый по сравнению с киевским югом и сомневаясь в наличии здесь до татарского нашествия плуга и бороны, П. П. Смирнов оказывается стоящим на позициях, давно уже опровергнутых исследователями Ростово-Суздальской земли. Ещё А. Е. Пресняков характеризовал северовосточную Русь XII в. как страну «с развитой городской жизнью, богатой материальными средствами, развитием местного ремесла и вообще своей местной культурой»¹ и призывал к тому, чтобы «отказаться от представлений о северовосточной Руси XII в. как о тёмном захолустье, где и культура, и благосостояние, и городская жизнь стояли несравненно ниже, чем на Киевском юге»². Исследования же советских историков окончательно сдали в архив устарелое представление о «тёмном захолустье»³. В частности археологические исследования П. Н. Третьякова установили исчезновение подсеки в районе Верхнего Поволжья задолго до XII—XIII веков⁴.

Но, может быть, «подсечное огневое хозяйство» в северовосточной Руси XII—XIII вв. было результатом татарского нашествия? Свою точку зрения в этом вопросе П. П. Смирнов обосновывает ссылкой на отсутствие в актовом материале упоминаний о плуге и пашенной паровой системе. Надо сказать, что молчание никогда не может быть признано прочным доказательством. Но в данном случае этому аргументу П. П. Смирнова можно противопоставить прямое свидетельство источников о наличии в северовосточной Руси плуга именно в тот период XII—XIII вв., ког-

¹ Пресняков А. «Образование Великорусского государства», стр. 35. 1918.

² Там же.

³ См. работы Н. Н. Воронина и П. Н. Третьякова.

⁴ Греков Б. «Киевская Русь», стр. 49. Изд. 1944 г. с ссылкой на П. Н. Третьякова.

да, по мнению П. П. Смирнова, его там никак не могло быть. Источником этим являются Карамзинский список Русской Правды и знаменитые «статьи о резах», присоединённые к этому списку. Ещё Ключевский отметил значение этих статей Карамзинского списка как источника для изучения сельского хозяйства северовосточной Руси XII—XIII веков. По меткой характеристике Ключевского, «какой-то сельский хозяин, кажется Ростовской области, положив в основу инвентарь своего села, составил математический, т. е. фантастический расчёт, сколько в 12 или 9 лет получится приплода от его скота и пчёл, прибыли от высеваемого хлеба и пяти стогов сена, а также сколько причтётся платы за 12-летнюю сельскую работу женщине с дочерью». Ключевский оценивает этот «расчёт» как «обильный любопытными чертами русского сельского хозяйства в XIII в., а, судя по денежному счёту, даже в XII веке»¹.

Такого же взгляда на статьи о резах держится и новейший исследователь Русской Правды М. Н. Тихомиров, по мнению которого в статьях о резах «мы имеем перед собой как бы хозяйственную опись какого-то села». Как справедливо указывает М. Н. Тихомиров, «реальные черты статей о резах могут быть сведены в таблицу, и тогда мы получим представление о хозяйстве, в котором имелось 22 овцы (барана), 22 козы (козла), 3 свиньи, 3 назимых свиньи, 2 кобылицы, 1 лоньская телица, 2 роя пчёл. В этом хозяйстве сеяли 16 кадей ржи и собирали: 40 копен немолоченой ржи, 15 копен немолоченой полбы, 21 половник молочного овса, 6 половников ячменя, 5 стогов сена». Подобно Ключевскому, М. Н. Тихомиров считает, что «статьи о резах являются памятником северовосточной Руси». Но, в отличие от Ключевского, по мнению М. Н. Тихомирова, «описание села в статьях о резах возникло... судя по счёту на «резаны» в XIII—XIV вв.»².

Итак, в статьях о резах Карамзинского списка Русской Правды мы имеем замечательный источник для характеристики экономики северовосточной Руси XII—XIII—XIV вв.—полный «инвентарь» одного из сёл Ростовской области. Достаточно первого взгляда на этот инвентарь, чтобы признать, что здесь не может быть никакой речи о «подсечном огневом хозяйстве». Перед нами правильно организованное хозяйство, ведущееся на основе трёхполья. Об этом прямо свидетельствует наличие ежегодных посевов озимых и яровых хлебов, причём примерно в равных количествах, насколько об этом можно судить по цифрам сбора ржи, полбы, ячменя и овса. Ясно, что наличие озимого и ярового полей предполагает и третье, паровое поле. Но статьи о резах содержат ещё и дополнительный материал в пользу того, что в селе, описанном в этих статьях, было именно трёхполье. Этот материал тем более интересен, что является вместе с тем и доказательством наличия в Ростовской области в XIII—XIV вв. плуга. Одна из статей о резах гласит: «А в селе сеяной ржи на два плуга 16 кадей ржи ростовских». Таковы данные о сельском хозяйстве северовосточной Руси XII—XIII вв. (или XIII—XIV вв.), которые можно извлечь из Карамзинского списка Русской Правды.

Уже одних этих данных достаточно для того, чтобы признать несостоятельной схему П. П. Смирнова. Ивану Калите не надо было изобретать «русского плуга» и внедрять его в сельское хозяйство северовосточной Руси, ибо плуг существовал и использовался в сельском хозяйстве северовосточной Руси задолго до Ивана Калиты и продолжал существовать и после татарского нашествия, как об этом свидетельствуют статьи о резах. Но тем самым «русский плуг» лишается той чудодейственной силы, которую ему приписывает в своей статье П. П. Смирнов. Все те выгоды, которые, по мнению П. П. Смирнова, должен был извлечь Иван Калита из «изобретения русского плуга», в действительности являются пло-

¹ Ключевский В. «Курс Русской истории». Т. 1, стр. 98. 2-е изд.

² Тихомиров М. «Исследование о Русской Правде», стр. 179—180. 1941.

дом фантазии П. П. Смирнова. Ибо никакого технического и экономического переворота в сельском хозяйстве России в первой половине XIV в. не произошло. Если и можно согласиться с мнением П. П. Смирнова, что «переход от подсечной огневой системы сельского хозяйства к паровой зерновой был крупным шагом вперёд, скачком в ведущей отрасли феодального хозяйства» (стр. 79), то произошёл этот «скачок» не в XIV в.³, а несколькими столетиями раньше.

Необходимо, однако, выяснить, что за источник лежит в основе утверждения П. П. Смирнова об «изобретении русского плуга» при Калите. П. П. Смирнов называет этот источник «Земледельческим уставом великого князя Ивана Калиты» (стр. 76).

Однако с такой квалификацией данного источника согласиться нельзя. Памятник, называемый П. П. Смирновым «Земледельческим уставом» Ивана Калиты, в действительности является русским переводом известного византийского «Земледельческого закона»¹.

Правда, исследователь этого древнерусского перевода Земледельческого закона А. Павлов считает, что могло иметь место и «практическое применение византийского устава как действующего русского закона»². Он же относит к эпохе Ивана Калиты «ту редакцию Земледельческого устава, в которой он дошёл до нашего времени»³. Эти черты рассматриваемого памятника делают, вообще говоря, правомерным привлечение его для характеристики эпохи Ивана Калиты, тем более что сохранилась одна современная Ивану Калите запись, восхваляющая его за то, что «сый бо князь великой Иоа имевше правый суд паче меры поминая божественные исправления святых и преподобных отець по правиломь моноканунным ревнуя правоверному царю Оустияну»⁴. Следует отметить, что Земледельческий закон назван в русском переводе «Законы земледелии от Оустиановых книг»⁵. Основываясь на этой записи, А. Павлов предполагает, что «принятием, а может быть, и рассылкой этого земско-полицейского и вместе уголовного устава по всем волостям своего княжества Калита в глазах современников всего более мог уподобиться великому законодателю Юстиниану»⁶.

П. П. Смирнов, однако, использует Земледельческий закон для своих построений в совершенно ином плане. В то время как для Павлова главный интерес представляет самый факт появления при Калите новой редакции древнерусского перевода Земледельческого закона и возможное использование этого византийского кодекса «как действующего русского закона», что определённым образом характеризует внутривосточную деятельность Ивана Калиты, П. П. Смирнов использует содержание статей Земледельческого закона для характеристики русской экономики XIV века.

Нет необходимости говорить о том, насколько рискован и опасен этот путь использования Земледельческого закона. При таком подходе к Земледельческому закону исследователь рискует выдать за русскую действительность XIV в. то, что относится к Византии эпохи иконоборцев, с которой связано издание этого закона.

Если содержание Земледельческого закона и может дать какой-либо материал для характеристики русского общества XIV в., то лишь в той мере, в какой русский перевод этого памятника не аутентичен греческому оригиналу. Иными словами, для того чтобы получить право исполь-

¹ Павлов А. «Книги законные», содержащие в себе в древнерусском переводе византийские законы, земледельческие, уголовные, брачные и судебные. Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук. Т. XXXVIII. № 3, стр. 3. 1885.

² Павлов А. Указ. соч., стр. 37.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 35.

⁵ Там же, стр. 42.

⁶ Там же, стр. 37.

звать текст древнерусского перевода византийского кодекса для характеристики русской действительности XIV в., исследователь обязан установить те элементы в тексте перевода, в которых отразилось своеобразие восприятия русским переводчиком тех или иных норм греческого памятника под влиянием окружавшей его русской действительности. Это воздействие могло найти своё выражение как в терминологии, так и в изменении самого существа отдельных статей или даже включении тех или иных дополнительных статей.

Все подобного рода особенности текста (в случае их обнаружения), конечно, могут и должны быть использованы для характеристики той эпохи, к которой относится перевод.

К сожалению, в использовании П. П. Смирновым Земледельческого закона мы не можем обнаружить той меры и степени осторожности, о которой говорилось выше. Прежде всего П. П. Смирнов чрезвычайно расширительно толкует выводы А. Павлова о влиянии русской действительности на текст перевода. В то время как А. Павлов видит отражение влияния русской действительности на текст закона главным образом в особенностях языка перевода (отмечая лишь четыре случая, когда переводчик сделал к греческому тексту свои дополнения: ст. 29, 33, 34 и 53-я)¹, П. П. Смирнов прямо называет перевод Земледельческого закона «переделкой», «приспособленной к русской действительности XIV века» (стр. 74). В этой своей интерпретации рассматриваемого памятника П. П. Смирнов пытается опереться на авторитет А. Павлова, указывая, что «по выводу известного канониста А. Павлова» Земледельческий закон «относится, несомненно, ко времени Ивана Калиты и отражает русские порядки первой половины XIV столетия» (стр. 76). При этом П. П. Смирнов даже цитирует А. Павлова: «А. Павлов полагает, что в переделке XIV в. устав «весьма близко подходил к быту русского крестьянства до эпохи его окончательного прикрепления к земле» (стр. 76).

Нетрудно, однако, убедиться в том, что П. П. Смирнов очень тенденциозно излагает взгляды А. Павлова на русский перевод Земледельческого закона. А. Павлов относит самый перевод Земледельческого закона на русский язык «к концу XII или началу XIII в.»². Основанием для такого вывода А. Павлову служит язык памятника: «В подборе слов настолько преобладает русский элемент, что мы не сомневаемся и самый перевод признать делом русского человека, говорившего ещё языком Русской Правды, начальной летописи и других памятников нашей письменности XII в.»³.

Но наряду с этим основным языковым пластом А. Павлов отмечает в языке памятника «хоть и изредка», «такие черты», которые относятся к более позднему времени. К числу этих черт (наряду с «сербизмами») А. Павлов относит «такие русские слова, ввиду которых можно было бы относить происхождение памятника к московскому периоду нашей истории, например «волостель», «наместник», «грош»⁴. Эта «примесь к первоначальному языку памятника новых русских речений, свойственных уже московскому периоду»⁵, и дала А. Павлову основание высказать предположение, что перевод Земледельческого закона дошёл до нас не в первоначальном виде, а в новой редакции, относящейся к первой половине XIV века»⁶.

Итак, вопрос о времени перевода Земледельческого закона выглядит гораздо сложнее, чем это представляется П. П. Смирнову. Особенно

¹ Павлов А. Указ. соч., стр. 25—26.

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 18.

⁵ Там же, стр. 19.

⁶ Там же, стр. 37.

важно подчеркнуть при этом, что в языке нашего памятника имеются два пласта, относящиеся к разным эпохам.

Ещё менее точен П. П. Смирнов в передаче взглядов А. Павлова по вопросу об отношении содержания норм устава к русским порядкам первой половины XIV века. Как мы видели выше, в изложении П. П. Смирнова, точка зрения А. Павлова состоит в том, что в результате переделки, произведённой при Иване Калите, приспособившей византийский закон к русской действительности XIV в., нормы Земледельческого закона стали очень близки к экономическому быту Руси XIV века. На этом именно основании П. П. Смирнов и счёл возможным использовать текст Земледельческого закона для своих построений. В действительности, однако, точка зрения А. Павлова совершенно иная. Констатируя близость норм Земледельческого закона «к быту русского крестьянства до эпохи его окончательного прикрепления к земле»¹, А. Павлов объясняет эту близость не переделкой норм византийского закона на русский лад, а сходством социального уклада византийского общества времени создания Земледельческого закона с социальным укладом Руси XIV века. Поэтому, если П. П. Смирнов пишет: «А. Павлов полагает, что в переделке XIV в. устав «весьма близко подходил к быту русского крестьянства» (стр. 76, разрядка моя.— И. С.),— то у самого А. Павлова цитированная фраза имеет совершенно другой вид: «Сам по себе Земледельческий устав византийских императоров-иконоборцев весьма близко подходит к быту русского крестьянства»².

После этих предварительных замечаний можно перейти к рассмотрению того материала, на основании которого П. П. Смирнов и построил как свою теорию об «изобретении русского плуга», так и теорию образования Русского национального государства.

Источником для всех этих построений П. П. Смирнову служит 59-я статья Земледельческого закона. Статья эта гласит: «Аще кто оукрадет рало или лемешь (вариант: «лемех») или подоузоу казнен боудеть по числоу днии от того дни, отнелиже оукраде, на всяк день по грошеви, а лице от дасть»³.

Приведя текст статьи 59-й, П. П. Смирнов заключает: «Этот лемех, или лемеш — русская форма плуга лесной полосы, впервые упоминается в Земледельческом уставе великого князя Ивана Калиты» (стр. 76). Затем П. П. Смирнов развивает свою теорию «изобретения русского плуга».

Возможно ли, однако, делать столь сложные и ответственные выводы на основании текста статьи 59-й? Совершенно очевидно, что нельзя. Дело в том, что текст «Аще кто оукрадет рало или лемешь» является точным переводом соответствующего текста греческого оригинала, причём словом «лемешь» переведён греческий термин — сошник⁴. Это установить тем легче, что в издании А. Павлова параллельно даны и русский и греческий тексты; кроме того А. Павлов специально останавливается на вопросе о переводе этой статьи. Но поскольку перед нами простой перевод греческого оригинала, ясно, что он никак не может быть использован для характеристики технического уровня русского сельского хозяйства XIV века. Впрочем, в одном плане этот текст всё же мог бы представлять интерес. Мы имеем в виду самый факт наличия русской терминологии для обозначения пахотных орудий. Однако в этом плане текст ст. 59-й мог бы быть использован лишь в том случае, если бы можно было точно определить время перевода данного текста, и, во-вторых, если бы этот

¹ Павлов А. Указ. соч., стр. 28.

² Там же. Разрядка моя. — И. С.

³ Там же, стр. 56.

⁴ См. там же, стр. 17.

текст был наиболее ранним по времени случаем употребления слова «лемешь».

П. П. Смирнов такого анализа текста ст. 59-й не проделал. Между тем такой анализ вполне возможен. Дело в том, что как раз ст. 59-я может служить ярким образцом двуслойности языка русского перевода Земледельческого закона, причём термины «лемешь», «подоуза», «лице» — всё, по мнению А. Павлова, относится к древнейшей основе русского текста, к XII—XIII векам¹, а термин «грош», напротив, А. Павлов относит к той «примеси», которая связана с редакцией XIV века².

Таким образом, если употребление в ст. 59-й термина «лемешь» и может быть использовано для характеристики русской сельскохозяйственной техники, то не для XIV, а для XII века, для эпохи Русской Правды, что, впрочем, не представляет особого интереса, так как сама Русская Правда содержит достаточно данных по этому вопросу.

Итак, совершенно очевидно, что текст древнерусского перевода византийского Земледельческого закона не даёт никаких оснований для вывода, сделанного П. П. Смирновым, что в эпоху Ивана Калиты происходит технический переворот в русском сельском хозяйстве, вызванный «изобретением русского плуга». Тем самым оказывается несостоятельной вся развитая им концепция образования Русского национального государства.

Но концепция П. П. Смирнова не выдерживает критики не только в её исходных посылах: все её другие звенья столь же непрочны, как и исходный момент.

Увлечшись своей «плужной» теорией, П. П. Смирнов указывает, что «центром распространения плужных орудий и новой сельскохозяйственной техники» были «центральные области страны: Московская и, вероятно, Тверское княжество» (стр. 77).

Достаточно, однако, навести справки в известном исследовании Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке», чтобы убедиться в том, что в XVI в. (к которому П. П. Смирнов относит распространение плуга на всей территории Московского государства, см. стр. 77) именно в Московском, Тверском и других центральных уездах, да и «на большей части территории Московского государства» можно наблюдать «перевес сохи над плугом»³. Свой вывод Рожков подтверждает огромным актовым материалом.

Другой пример. П. П. Смирнов утверждает, что результатом развития паровой зерновой системы земледелия в Московском княжестве была «необыкновенная дешевизна сельскохозяйственной продукции» (стр. 81). Этот вывод П. П. Смирнов делает на основе «русских и иностранных сообщений о хлебных ценах в Москве и в иных городах» (стр. 80), ссылаясь на летописное сообщение, в котором указывается, что в 1393 г., во время неурожая и голода «оков» (кадь) ржи стоил в Великом Новгороде 7 руб., в Нижнем Новгороде—9 руб., в Костроме—2 руб., а в Москве—1 руб., а также на то, что «в нормальные годы оков пшеницы или чечевицы стоил в Сарае и Ургенче в первой половине XIV в. 4 р. 20 к., а ячменя или проса — 3 р. 20 к.». Из этих данных П. П. Смирнов делает вывод, что «соотношение цен в русских городах и Москве в приведённом случае не зависело от неурожая, а было устойчивым и сохранялось в течение XV и первой половины XVI в., пока длился процесс образования Русского национального государства» (стр. 80).

Однако несмотря на категоричность формулировки данный вывод П. П. Смирнова не может быть принят. Дело в том, что летописное сообщение говорит о ценах на хлеб именно в неурожайный год. Что же ка-

¹ См. Павлов А. Указ. соч., стр. 16—17.

² См. там же, стр. 18—19.

³ Рожков Н. «Сельское хозяйство Московской Руси XVI века», стр. 112. 1899.

сается данных о ценах на хлеб в Сарае и Ургенче, заимствованных П. П. Смирновым из работы А. Ю. Якубовского, то он почему-то не обратил внимания на то, что эти цены даны у А. Ю. Якубовского в переводе на «двоенные деньги» XX в., что делает их несоизмеримыми с ценами, выраженными в рублях XIV века¹.

Не более убедительны рассуждения П. П. Смирнова по вопросу о характере и причинах классовых сдвигов, относящихся к эпохе образования Русского национального государства. Вряд ли можно всерьёз утверждать, например, что существование боярских княжеских и монастырских вотчин было возможно лишь в условиях «переложной подсеки системы» и что с развитием трёхполья эти вотчины «становились пережитком старины» и были обречены на слом и гибель вместе с самим боярством (стр. 82). Сам же П. П. Смирнов признаёт, что эти вотчины погибли во времена, гораздо более поздние, чем те, к которым относится исчезновение переложной подсеки системы, — «в опричнину, в смуту, в петровских реформах или в секуляризациях XVIII века» (стр. 82). Ясно, что такой разрыв во времени между исчезновением подсеки и гибелью вотчинного землевладения требует другого объяснения этого процесса, чем то, которое даёт ему П. П. Смирнов.

Столь же сильные возражения вызывает характеристика, которую даёт П. П. Смирнов классовой борьбе в эпоху образования Русского национального государства. В изображении П. П. Смирнова эта борьба превращается в параллельную борьбу «двух борющихся между собой групп или подклассов»: дворян против бояр, а горожан — посадских людей — против крестьян (стр. 85). Вместе с тем Смирнов не видит основных классовых противоречий феодального общества — противоречий между крестьянами и феодалами. Нетрудно убедиться в том, что такой взгляд на классовую борьбу совершенно извращает характер борьбы крестьянства, которое изображается П. П. Смирновым, по сути дела, как реакционная сила. Этим П. П. Смирнов и объясняет победу горожан над крестьянством, «из недр которого они были рождены дыханием новой жизни» (стр. 85).

Нет необходимости продолжать дальнейший разбор отдельных моментов концепции П. П. Смирнова, чтобы видеть её несостоятельность.

Опыт П. П. Смирнова по созданию новой теории образования Русского централизованного государства следует признать неудачным. Стремление П. П. Смирнова создать свою собственную, оригинальную теорию явилось результатом его отрицательного отношения к тем взглядам по вопросу о Русском государстве, которые получили распространение и признание в советской исторической литературе.

П. П. Смирнов квалифицировал взгляды советских историков на эту проблему как «кое-как подправленные устарелые представления учёных XIX столетия» (стр. 70). Нам представляется, однако, что такая оценка означает игнорирование очень большой работы, проделанной советской исторической наукой за последние 10 лет по выработке марксистской схемы истории СССР, в том числе и эпохи образования Русского национального государства. Мы считаем, что основы правильного, марксистского понимания процесса образования Русского централизованного государства уже заложены советскими историками, и П. П. Смирнову не удалось поколебать их.

Решающее значение для выработки советскими историками правильной концепции имели «Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР» и «Замечания о конспекте учебника новой истории»,

¹ Якубовский А. «К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке», стр. 22. 1931.

И. Сталина, С. Кирова, А. Жданова, а также постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о «так называемой исторической школе Покровского».

В «Замечаниях» гг. Сталина, Кирова и Жданова были даны основы периодизации истории СССР, в частности и эпохи феодализма. В свете этой периодизации образование Русского национального государства выступает как важнейший этап в развитии феодального государства, открывающий эпоху абсолютистско-феодального государства, который приходит на смену эпохе феодальной раздробленности.

Принципиальные указания по вопросу о процессе образования национальных государств (в том числе и русского) советские историки получили в работе Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии», опубликованной в 1936 году. В этой работе Энгельса подчеркнута прогрессивная роль королевской (великокняжеской) власти в процессе образования национальных государств как «представительницы образующейся нации»¹. Энгельс указывает, что «все революционные элементы, которые образовывались под поверхностью феодализма, тяготели к королевской власти, точно так же как королевская власть тяготела к ним»². Таким образом, Энгельс вскрывает классовые основы процесса образования национальных государств.

Огромную ценность имели также опубликованные в ХХХ Ленинском сборнике ленинские материалы по национальному вопросу, в которых Ленин уделяет большое внимание проблеме образования национального государства вообще и России в частности.

Советскими историками было мобилизовано всё богатство теоретических высказываний по вопросам истории России основоположников марксизма и в первую очередь знаменитая ленинская характеристика основных периодов в истории России, данная в его работе «Что такое «друзья народа»...?» и высказывания товарища Сталина о многонациональных государствах.

Вряд ли правильно было бы приписывать заслугу выработки основ марксистской концепции образования Русского национального государства какому-либо отдельному исследователю или исследователям.

Эта схема — результат коллективной работы советских историков, нашедшей своё выражение прежде всего в вышедших учебниках для начальной, средней и высшей школы, а также в многочисленных коллективных обсуждениях и дискуссиях по вопросу о Русском централизованном государстве.

Именно благодаря участию основных кадров историков СССР в разработке марксистской периодизации истории СССР и её важнейших этапов достигнуты прочные результаты в вопросе о Русском национальном государстве.

Из этого, однако, нельзя сделать вывод, что проблема уже до конца исчерпана советскими историками. Напротив, если главный и принципиальный вопрос о природе и историческом значении Русского централизованного государства можно считать разрешённым, то многие вопросы, связанные с проблемой Русского национального государства, остаются невыясненными и спорными. Достаточно назвать такие вопросы, как время сложения Русского национального государства, по которому нет единой точки зрения в советской исторической литературе; проблему складывания «всероссийского рынка», с образованием которого Ленин связывал окончательное слияние национальных областей в одно целое, и др.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 445.

² Там же.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ П. П. СМИРНОВА «ОБРАЗОВАНИЕ РУССКОГО ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО ГОСУДАРСТВА В XIV — XV ВВ.»

Проф. В. Мавродин

Следует приветствовать инициативу редколлегии журнала «Вопросы истории», предоставившей возможность обсудить один из наиболее важных вопросов русской истории — об образовании русского национального государства. Нет никакого сомнения, что этот вопрос интересует не только историков, но и широкие слои нашего народа.

В истории русского народа период образования национального государства является одним из важнейших этапов, и правильное освещение этого периода в нашей исторической литературе — одна из основных задач советских исследователей. В годы Отечественной войны интерес к проблеме складывания и развития русской государственности значительно возрос.

Исторические речи И. В. Сталина 6 и 7 ноября 1941 г., в которых вождь советского народа говорил о наших великих предках, о великой русской нации, здравица, провозглашённая им в честь русского народа после победоносного завершения Отечественной войны, ещё больше усилили интерес к прошлому нашей Родины.

Помогает ли статья проф. П. П. Смирнова, опубликованная в № 2—3 журнала «Вопросы истории» за 1946 г., выяснению этой важнейшей проблемы истории русского средневековья? Мне кажется, она не только не помогает разрешению вопроса, а запутывает его. Нельзя отказать П. П. Смирнову в смелости, с которой он расправляется со всеми, кто занимался вопросами образования русского национального государства, начиная от М. И. Щербатова и Н. М. Карамзина и кончая советскими историками — К. В. Базилевичем, М. Н. Тихомировым и автором этих строк.

Нельзя отказать П. П. Смирнову, инициатору дискуссии, открытой на страницах журнала «Вопросы истории», и в оригинальности мысли, хотя его аргументация зачастую остаётся необоснованной, а иногда переходит в фантазию.

Первую часть своей статьи П. П. Смирнов посвящает критике взглядов ряда исследователей. Считаю, повидимому, что всякий исследователь должен начисто отрицать всё, совершённое его предшественниками, и опровергать их выводы во что бы то ни стало, П. П. Смирнов отказывает и Карамзину, и Соловьёву, и Ключевскому, и Преснякову, и многим другим даже в самых скромных достижениях в области изучения интересующей нас проблемы образования русского государства.

Конечно, ни дворянская, ни буржуазная историческая наука не могла правильно разрешить эту проблему; она не могла даже поставить её в сколько-нибудь удовлетворительной форме. Проблема образования русского государства может быть разрешена только на основе исторического материализма, на основе марксистско-ленинского учения об обществе и государстве. Тем не менее и в работах Соловьёва, и в трудах Ключевского, и в исследованиях Преснякова есть целый ряд интересных, здравых мыслей, наблюдений и обобщений, отказываться от которых при изучении русской истории XIV—XVI вв. нет никаких оснований.

Пример отношения к историческим трудам дворянских и буржуазных историков показывают основоположники марксизма-ленинизма, использовавшие труды исследователей, чьи взгляды на историческое развитие общества были бесконечно далеки от марксизма. Они нас учат не отбрасывать всё, добытое мыслью предшествующих поколений, а использовать то целесообразное, что добыто нашими предшественниками и стало достоянием науки до нас.

В качестве примера можно привести работы Н. И. Костомарова, использованные К. Марксом в «The secret diplomatic history of the eighteenth century» и в конспекте о Степане Разине, а также его замечательные «Хронологические выписки» по всеобщей истории, которые широко использованы в советской исторической науке и являются руководящим материалом при разрешении ряда проблем.

Свое отрицательное отношение к «Русской истории в жизнеописаниях её главнейших деятелей» Костомарова П. П. Смирнов перенёс и на работу Маркса «Secret diplomatic history». В своей статье он заявляет: «Вероятно, отсюда (из работы Н. И. Костомарова.— В. М.) взял материал для характеристики Ивана Калиты и Ивана III К. Маркс». Характеристика, данная К. Марксом Калите, не совсем совпадает с характеристикой, данной ему П. Смирновым. Этого достаточно для П. П. Смирнова, чтобы, опорочив источник, которым пользовался Маркс, опорочить и данную им характеристику.

Такое легкомысленное отношение П. П. Смирнов проявляет к работе В. И. Ленина «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?»: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств¹ в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями... и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок»².

Казалось бы, не может быть сомнений в том, что Ленин считает слияние областей, земель и княжеств Руси в единое государство результатом устанавливающегося обмена между ними, прекращения былой их экономической изолированности, результатом постепенно растущего товарного обращения.

Но П. П. Смирнов почему-то делает из этой мысли Ленина совершенно неожиданный вывод. «В приведённом отрывке,— заявляет он,— Ленин ничего не говорит о причинах, благодаря которым возникло Московское государство... развитие внутреннего обмена сопровождается, а не предваряет и не определяет образование государства». Этим самым П. П. Смирнов вступает в противоречие с Лениным.

Не менее характерно стремление П. П. Смирнова по-своему толковать высказывания И. В. Сталина по вопросу об образовании централизованных государств на востоке Европы. В ряде своих работ И. В. Сталин отмечает, что процесс образования централизованных государств на востоке Европы, в частности в России, проходил «раньше ликвидации феодализма», «в условиях неликвидированного ещё феодализма, в условиях слабо развитого капитализма», когда «капиталистического развития ещё не было, оно, может быть, только зарождалось», этим самым совершенно отчётливо рисуя и способ общественного производства, господствовавший на Руси в период образования централизованных государств, и то новое, что возникало в рамках феодальной формации³.

¹ Речь шла о землях и княжествах, на которые ранее распалось русское государство, сохранявших «живые следы» прежней автономии. — В. М.

² Ленин. Соч. Т. I, стр. 137. 4-е изд.

³ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 10, 10—11, 65, 73. Партиздат. 1935.

Между тем П. П. Смирнов утверждает, что «в обоих высказываниях товарища Сталина (кстати отметим, третье высказывание И. В. Сталина по интересующему нас вопросу, в тезисах «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», почему-то осталось неизвестным П. П. Смирнову.— В. М.) не ставилась задача выяснения причин, которые привели к уничтожению феодальной раздробленности и образованию единых национальных или многонациональных государств», а вопрос об обороне страны, о внешней опасности, ускорившей складывание централизованных государств, которому товарищ Сталин придаёт столь большое значение, по мнению П. П. Смирнова, не определяет собой существа процесса. Выходит, что И. В. Сталин о внутренних причинах образования централизованного русского государства ничего не говорит, а внешний фактор не является определяющим.

Неверно понимает П. П. Смирнов и вопрос о национальном составе централизованного русского государства. Когда процесс централизации государственности и складывания самодержавия был в основном завершён в царствование Ивана Грозного, русское государство было многонациональным, состоявшим «из нескольких народностей, ещё не сложившихся в нации, но уже объединённых в общее государство». Терминами «национальность» и «народность» И. В. Сталин пользуется альтернативно, противопоставляя им понятие «нация»¹.

П. П. Смирнов полагает, что в национальность сложились лишь великороссы, «тогда как другие ещё не успели созреть до национальности». Это неверно. Народностями были и татары, и башкиры, и мордва.

Такое обращение с работами основоположников марксизма-ленинизма вызывает по меньшей мере недоумение. К чему это приводит, можно судить по следующему. П. П. Смирнов пишет: «В это время невозможно было забыть великому князю «всёа Руси», а дальше приводит слова товарища Сталина из его работы «Марксизм и национально-колониальный вопрос» о том, что «интересы обороны от нашествия турок, монголов и других народов Востока требовали незамедлительного образования централизованных государств, способных удержать напор нашествия»².

П. П. Смирнов игнорирует замечание К. Маркса о том, что «он (Иван Калита.— В. М.) уговорил хана назначить его сборщиком дани по всем русским удельным княжествам. Вступив однажды в исполнение этих функций, он начал вымогать деньги, вымышляя для того всевозможные предлоги. Это богатство, собранное ханским именем, заставлявшим всех трепетать, он употреблял затем на подкуп тех же татар»³, считая такую мысль наивной и не выдвигая в противовес ей ни одного источника, ни одного факта.

После этого могут ли не поразить читателя такие слова: «Особое подчёркивание национального момента понятно в условиях военного творчества. Однако превращать его в основной двигатель истории не следует. Такая концепция даже для одного XIV в. всё же сближала бы нас с концепциями псевдонаучными». Эти слова заключают в себе огульное охаивание как «ненаучных» всех тех трудов по нашей отечественной истории, которые были изданы в годы Отечественной войны и сыграли свою роль в деле воспитания чувства советского патриотизма. П. П. Смирнов, таким образом, объявил ненаучным и беллетристичкой всё то, что сделано было историками в годы Отечественной войны по изучению героического и великого прошлого народа.

Как далеко назад ушёл П. П. Смирнов от И. Е. Забелина, который писал: «Действительно, твёрдою опорою и непоколебимою почвою для

¹ И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 6, 10, 65, 73.

² Там же, стр. 73.

³ К. Маркс «The secret diplomatic history of the eighteenth century», p. 79.

национального самосознания и самопознания всегда служит национальной историей!»

Несколько слов о приёмах критики П. П. Смирнова. Они, собственно говоря, несложны: излагаются взгляды рецензируемого автора, а затем без какого бы то ни было обоснования делается вывод об эклектичности, ненаучности и пр. и пр. этих взглядов; в тех случаях, когда одни и те же мысли высказываются П. П. Смирновым и другими историками, он «забывает» сослаться на других и сохраняет их только в своей «научной концепции». Приёмы, как известно, не новые, но отнюдь не заслуживающие подражания.

Так, например, П. П. Смирнов не посчитал необходимым указать, что многие из его тезисов не являются новостью. Таковы, например, тезисы о том, что начало объединения русских земель на грани XIII—XIV вв. проходило на фоне изживания народным хозяйством северо-восточной Руси последствий батыева нашествия; о распространении трёхполья и освоении земель, о «тишине» в Московском княжестве как одной из предпосылок возвышения Москвы; о противоречии между развитием производительных сил на Руси и феодальной раздробленностью и др. Все эти положения были высказаны ранее мной¹.

К чему же сводится концепция П. П. Смирнова об образовании русского национального государства? Для того чтобы уплатить дань золотоордынскому хану, Иван Калита должен был иметь деньги. Эти деньги он добывал путём обложения крестьян. Калите «при поисках выхода приходилось думать не только о количестве, а прежде всего о качестве имевшихся у крестьян «сох», о производительности крестьянского хозяйства, потому, что только таким путём возможно было увеличить его доходность, привлечь серебро и удовлетворить алчность ханов». И вот находятся сведущие люди, которым стало известно, «каким образом повысить производительность сельского хозяйства». Первый среди них был Иван Калита.

Часто заглядывая в «греческий Номоканон», сиречь в «Кормчую книгу», Калита наводит порядок на Руси и изобретает лемеш, или косулю,— усовершенствованное земледельческое орудие «плужного типа». Этим самым он вводит трёхпольную систему севооборота, которую не только рекомендует, пропагандирует, но делает обязательной в землях детей боярских и дворян. Процесс распространения трёхполья следует считать и самопроизвольным и идущим сверху, от князя.

Благодаря этому нововведению Калита стал самым богатым и влиятельным князем на Руси, а московский хлеб — самым дешёвым. Калита снискал себе симпатии Орды, а московский крестьянин стал счастливым обладателем запасов дешёвого хлеба. «Лемеш, или соха-косуля, да навоз на крестьянском поле сделали его самым богатым князем в Русской земле; они дали средства для покупки Галича, Углича и Белоозера; ими он платил дань хану Узбеку и удерживал его милость, потому что не было хану расчёта резать курицу, несущую серебряные яйца». Вот что лежит в основе «собирания» Москвой русских земель.

Концепции П. П. Смирнова нельзя отказать в стройности и продуманности, но может ли она быть принятой? Мне кажется, принять её нельзя. Что лежит в основе процесса образования русского централизованного государства? Несомненно, развитие производительных сил.

В своей замечательной работе «О диалектическом и историческом материализме» И. В. Сталин указывает: «Вторая особенность производства состоит в том, что его изменения и развитие начинаются всегда с изменений и развития производительных сил, прежде всего—с изменений и развития орудий производства»². Эти процессы не могут не отразить-

¹ См. Мавродин В. «Образование русского национального государства», стр. 27—29, 35—36, 65, 129—130. Л. Политиздат. 1941.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 552. 11-е изд.

ся на классовой структуре общества, на соотношении сил борющихся классов, на государственном устройстве, культуре, идеологии.

В своих замечаниях по поводу конспекта учебника по истории СССР тт. Сталин, Киров и Жданов указали, что «в конспекте свалены в одну кучу феодализм и дофеодальный период, когда крестьяне не были ещё закрепощены; самодержавный строй государства и строй феодальный, когда Россия была раздроблена на множество самостоятельных полугосударств»¹.

Следовательно, этапы общественного развития могут быть устанавливаемы и в зависимости от состояния непосредственного производителя, способа его эксплуатации и от формы государственного строя.

В рассматриваемый нами период в народном хозяйстве северо-восточной Руси протекают процессы, которые должны были неизбежно привести к ликвидации феодальной раздробленности и к созданию единого централизованного государства с самодержавной властью во главе.

К концу XIII—началу XIV в. Русь несколько оправилась от разорения, сопровождавшего татарское завоевание. Среди лесных чащ возникают пашни. Крестьяне общиной — «миром», отдельными семьями, дворами превращают лесные трущобы в возделанные поля, «выдирают» землю из-под леса, готовят её под пашню. Идёт процесс реколонизации. Опустошённые татарами земли, поросшие лесом, снова осваиваются, «расчищаются», превращаются в пашню. Крестьяне возвращаются на старые, насиженные места, где жили их деды и прадеды, осваивают новые пространства. Таким образом, земледелие растёт вширь, распространяется в землях, либо вовсе не освоенных русским людом, либо покрытых только всевозможного рода «уходами».

Одновременно идёт процесс распространения новых форм севооборота, развивается трёхпольная система. Когда появилось трёхполье, — сказать трудно. Повидимому, очень давно. Во всяком случае, как указывает Б. Д. Греков, оно уже существовало в XII веке². Нас сейчас интересует вопрос не о времени возникновения трёхполья, а о том, когда трёхпольная система севооборота стала господствующей на северо-востоке Руси. Нет никакого сомнения, что в XIV—XV вв. подсечное хозяйство было господствующей формой земледелия только на севере, тогда как на юге, у «береговой черты», по Оке превалировал перелог. Трёхпольная паровая система становилась преобладающей в центре северо-восточной Руси. Правильной трёхпольной системы с постоянной и регулярной сменой яри, озими и пара и тремя равными полями, повидимому, ещё не было. Существовало так называемое «пестрополье» и наряду с ним пашня «наездом», т. е. залежно-переложная и даже подсечная система³. Таким образом, я соглашаюсь с утверждением П. П. Смирнова, что в XIV—XV вв. происходят большие сдвиги в сельском хозяйстве северо-восточной Руси.

Первое моё расхождение с П. П. Смирновым заключается в том, что я не могу признать повышение продуктивности земледелия, падение цен на хлеб основными предпосылками образования русского государства и возвышения Московского княжества, так же как не могу представить себе Калиту в роли изобретательного и удачливого лабазника.

Второе моё расхождение с П. П. Смирновым заключается в том, что я считаю необоснованным его утверждение, будто Калита «ввёл» трёхполье для повышения доходности с целью изыскать деньги, требуемые ханом в качестве «выхода». Источники не дают нам права говорить

¹ «К изучению истории», стр. 22. Госполитиздат. 1938.

² Греков Б. «Борьба Руси за создание своего государства», стр. 45.

³ Лященко П. «История народного хозяйства СССР», Т. 1, стр. 154—155.

о введении Калитой (или, в лучшем случае, при Калите и под его попечительством и покровительством, по его инициативе) трёхполья. Больше того, они не говорят о каком бы то ни было резком скачке в развитии земледелия в течение нескольких лет княжения Калиты. Во всяком случае, ни в каком изобретательстве в области сельскохозяйственного машиностроения и в массовых агрономических экспериментах московский князь, повидимому, повинен не был.

Ссылка на «Книги законные», в которых встречается рало и лемеш, не может быть принята во внимание, ибо данная статья, как и другие, как и весь памятник, является переводом с греческого на русский язык¹.

Возьмём в качестве примера пресловутую 59-ю статью. Она гласит в русском переводе: «Аще кто украдет рало, или лемеш, или подузу, казнен будет по числу дний от того дни, от нелиже украде, на всяк днь по грошеви, а лице отдасть». Путём сравнения с оригиналом на греческом языке можно установить, что это просто перевод с греческого языка.

Если «Земледельческий устав», содержащийся в «Книгах законных», мог быть «вполне применим в быту древнерусского крестьянства», как полагает замечательный знаток канонической литературы А. Павлов, то следует одновременно принять его предположение о том, что этот памятник переведён на русский язык не позднее XII или начала XIII в., т. е. в дотатарские времена, на что указывает бесчисленное количество архаизмов («истребити ниву», «лупити мёртвых» и т. п.), тогда как сербизмы и слова, свойственные московскому периоду («волостель», «наместник», «казна», «грош»), объясняются позднейшими переписками, вставкой и обработкой переписчиков.

Таким образом, если признать статьи «Книг законных» о земледелии соответствующими русской действительности, то под этой последней придётся подразумевать не времена Калиты, а гораздо более ранние, XII—XIII века.

Подводя итоги, мы приходим к выводу, что XIV в. в истории сельского хозяйства древней Руси был периодом роста (а не возникновения) трёхполья, которое становится ведущей, а впоследствии и господствующей формой земледелия, периодом быстрого освоения новых пространств, распространения земледельческого хозяйства на новые районы, «сведения» лесов, «расчистки» чащ под пашни. Но это нельзя считать причиной образования русского государства, объединения Руси, «сбирания» русских земель Москвой. От сохи к государству прямой дороги нет, — нужны связующие звенья.

И. В. Сталин указывает: «Две основные функции характеризуют деятельность государства: внутренняя (главная) — держать эксплуатируемое большинство в узде и внешняя (не главная) — расширять территорию своего, господствующего класса за счёт территории других государств, или защищать территорию своего государства от нападений со стороны других государств. Так было дело при рабовладельческом строе и феодализме»².

Русское национальное государство, фундамент здания которого заложил Калита, а возвели кровлю Иван III с сыном, являлось государством, главной задачей которого было «держать эксплуатируемое большинство в узде». Эксплуатируемым большинством на Руси было крестьянство.

Конец XIII и XIV век были периодом быстрого развития феодального землевладения. Огромные земельные владения принадлежали князю, монастырям, боярам. В раздачу пошли общинные «чёрные» земли. Крестьяне теряют свои земли и сами превращаются в несвободных, эксплуатируемых. Если раньше крестьянин считал, что «земля царёва и

¹ «Книги законные», изд. А. Павловым, стр. 56 и др. СПб. 1885.

² И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 604.

«великого князя, а моего владения», что земли княжие, а «ропаша и ржи наши», то теперь не только ропаша и ржи не были его владением, но и сам он переставал принадлежать себе, превращаясь в лично несвободного.

Потеря крестьянами своей свободы как в результате экспроприации земель, имущества и личности, так и в результате закабаления происходила особенно быстро в центральной части северо-восточной Руси. Крестьянство, естественно, искало выхода из создавшегося положения и находило его в переходах, бегстве, в поисках новых земель и новых хозяев. Первых становилось всё меньше и меньше, а вторых — всё больше. Новый хозяин-феодал привлекал в первое время льготами, а затем старался наверстать с лихвой потерянное, усиливая нажим на крестьян. И снова уходили искать земли, снова пытались обрести потерянную свободу русские крестьяне. С этими переходами крестьян феодалы усиленно боролись.

Одним из моментов, обусловивших соби́рание земель под властью «великого» князя, было стремление многочисленных феодалов создать сильную власть, стоящую во главе всей феодальной иерархии, которая, сметая перегородки между княжествами, делавшие крестьян-беглецов неуловимыми для феодалов других княжеств, в масштабах «всеа Руси», «без рубежа», смогла бы обеспечить, укрепить и охранять их право на землю и на крестьян.

Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии» указывают: «Объединение более значительных областей в феодальные королевства было потребностью как земельного дворянства, так и городов. Поэтому повсюду во главе организации господствующего класса — дворянства стоял монарх»¹.

Вот почему «обояривание» земель, распространение феодализма вширь, а с ними вместе и феодальное раздробление земель было необходимым этапом по пути превращения полупатриархальной, полуфеодальной Руси в феодальное общество. Как замена «общины» с данью «боярщиной», с оброком и барщиной была неизбежным звеном развития феодализма, так и теперь, на новом этапе развития производительных сил в земледелии, на новом этапе развития феодализма, феодальная раздробленность уже не соответствовала интересам подавляющего большинства класса феодалов, особенно нарождающегося, быстро растущего дворянства, и должна была быть ликвидирована.

Эта ликвидация политической системы «удельной поры» была обусловлена основными классовыми интересами феодалов, и зарождающееся централизованное государство должно было выполнить свою функцию — помочь господствующему классу держать в узде крестьянство.

Но не одна только просёлочная дорога привела русский народ к образованию централизованного государства, и не одни сельские пейзажи украшали его путь. Город сыграл очень большую роль в создании и развитии русской государственности, в объединении русских земель.

XIV—XV вв. в русской истории были периодом дальнейшего и сравнительно очень быстрого развития общественного разделения труда. Особенно ярко это бросается в глаза при сравнении с серединой и второй половиной XIII века. Развитие ремесла делает большие успехи. Выделение и развитие ремесла объясняется отнюдь не дешевизной хлеба, как полагает П. П. Смирнов, а эволюцией орудий труда, их совершенствованием, что требовало специальной ремесленной выучки, ростом рынка для ремесленных изделий, потребителем которых выступают и крестьянство, и городской люд, и правящая верхушка, всё чаще и чаще не довольствовавшаяся своим вотчинным ремеслом и прибегавшая к по-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. IV, стр. 15.

купке, ростом предложения хлеба и других сельскохозяйственных продуктов.

Возрождаются старые, появляются новые города. Растут посады, улицы и концы, заселённые «чёрным людом», ремесленниками и купцами. Город разрастается. Вокруг города, княжеской резиденции — крепости — «ostroга»-кремля возникает бойкий торгово-ремесленный посад. Появляется многочисленное посадское население, производящее различные предметы обихода, оружие, орудия труда, одежду и т. д., торгующее ими и благодаря торгу тесно связанное с окрестной землёй. Купцы проникают в отдельные области древней Руси, в настоящие «медвежьи углы», торгуют в городах, ездят в «страны далёкие, чужеземные». Постепенно исчезает экономическая разобщённость отдельных княжеств, их типично вотчинная хозяйственная изолированность, являющаяся следствием политической обособленности (и одновременно обособленности языковой, культурной, бытовой). Прокладываются новые торговые пути-дороги, оживляются старые.

Экономические и политические перегородки, воздвигнутые между княжествами, «мыта» и «рубежи» задерживают развитие торговли, порождённой ростом ремёсел и промыслов. Эти перегородки должны были пасть.

Ликвидация экономической изолированности отдельных русских земель и начало слияния их в единый хозяйственный организм диктовали необходимость ликвидации феодальной раздробленности. Существующая система государственности вступала в противоречие с развитием производительных сил. Постепенная ликвидация экономической разобщённости отдельных частей Руси подготавливает объединение Руси. Так, самим развитием производительных сил подготавливалось объединение русских земель в единое государство.

Не надо забывать и ещё один фактор огромной важности — национальное сознание и самопознание, национальное пробуждение. Чувство единства не умирало среди народа, и никакие княжеские «котормы», никакие бури «удельной поры», усобицы, смуты и бесконечные «великие» и «малые разорения» не могли вытравить в сознании русского народа чувство единства всех русских людей — псковичей и новгородцев, тверичей и нижегородцев, москвичей и рязанцев. «Русская земля» и «Русь» — русский народ — всё это были в представлении народа понятия совершенно реальные. Искра национального самосознания была только прикрыта пеплом княжеских усобиц и удельных порядков, — и она возгорелась. Общение русских людей разных земель, городов и сёл друг с другом, их встречи на торгу, во время совместных походов и битв с «ворогами» земли Русской разрушало прежнюю языковую и культурно-бытовую разобщённость, усиливало общее, отменяло частное, местное, налётное, обусловленное «безвременьем» «удельной поры», пробуждало чувство единства, патриотизма, чувство национального самосознания.

Так создавалась великорусская народность. Значение этого события в нашей жизни вряд ли возможно переоценить. Так подготавливалось экономически, политически и идеологически объединение Руси. Разве можно обойти молчанием эту важную проблему? К сожалению, П. П. Смирнов прошёл мимо неё.

Русь пробуждалась, силы её крепились, зрело национальное самосознание¹. Вот почему все прогрессивные элементы древнерусского общества — боярство, дворянство, посадский люд (ремесленники и купцы) и крестьянство — тяготели к олицетворявшему единство Руси великому князю, с течением времени конкретно — к московскому князю. Единствен-

¹ Об отражении национального возрождения в памятниках литературы см. Орлов А. «Героические темы древней русской литературы» и Лихачёв Д. «Национальное самосознание древней Руси».

ной силой, противопоставлявшей себя великому князю, пытавшейся остановить процесс объединения Руси, выступает многочисленное богатое и влиятельное удельное княжье и «иже с ними». Правда, число сторонников удельного княжья всё уменьшается, от них отходит их же посадский люд, отъезжают к великому князю бояре и «слуги вольные», но всё же, для того чтобы сломить их сопротивление, потребовалось княжение Ивана III, Василия III и опричина Грозного.

Складывание централизованного государства и самодержавной власти шло вопреки желанию удельного княжья. В этом заинтересована была худородная меньшая братия феодальная, вчерашние «слуги под дворским», псарь да конюхи, сокольники и езвники, княжая дворня, будущее дворянство, шедшее к власти и добившееся её.

Оно требовало единой сильной власти в едином государстве, власти самодержавной, единых законов, государственного полицейского аппарата, а самодержавная власть, в свою очередь, опиралась на дворянство. Так, на смену одной феодальной группировки шла другая, на смену одной форме феодального государственного строя приходила другая, более совершенная форма.

Можем ли мы претендовать на разрешение затронутых вопросов? Нет. Они только поставлены, да и не все. В одной статье этого не сделаешь.

Исходя из всего вышесказанного, я не могу согласиться с утверждением П. П. Смирнова, что торговля служит только тормозом и играет консервирующую роль. Пример Новгорода, который не мог объединить под своей властью русские земли и не стремился к этому, ибо был торговым городом, меня не убеждает. Дело не в торговом характере Новгорода, а в том, что он был вечевой феодальной боярско-аристократической республикой, а объединение Руси могло произойти только в форме создания самодержавного государства. Новгородский вечевой строй и самодержавие — явления взаимоисключающие друг друга.

Объединение Италии произошло не вокруг Генуи или Венеции, а объединение Германии прошло мимо ганзейских городов. И не следует путать развитие торговли в данном городе с развитием торговли на Руси вообще.

Я не могу согласиться со стремлением П. П. Смирнова свести воедино процесс объединения русских земель и процесс возвышения Москвы. Он выступает против расчленения проблемы образования русского национального государства на отдельные вопросы и этапы. Но процессы, протекавшие в XIV в., отличаются от процессов, определяющих собой историческое развитие Руси в XV—XVI веках. Количественное нарастание привело к качественным изменениям. Образование русского централизованного государства и возвышение Московского княжества — разные явления, лишь с течением времени совпадающие.

Не только в конце XIII и начале XIV в., но даже в середине XIV в., во времена Юрия и Калиты, ещё не было известно, вокруг какого из русских центров пойдёт объединение Руси. Первой начала объединение Руси Тверь. Больше того, когда в середине XV в. в процессе княжеских усобиц Москва ослабела, Тверь снова попыталась взять в свои руки «собрание» Руси. Претендовал на ту же роль ещё в начале княжения Дмитрия Донского и Нижний Новгород.

Но почему русское государство XV—XVI вв. оказалось не Тверским, не Нижегородским, а именно Московским государством, не «Тверией», а «Московией»? Не потому, что в Нижнем Новгороде не хватало хлеба или хлеб был очень дорог, не потому, что нижегородские князья и бояре меньше всего интересовались вотчинами и занимались работоторговлей (!), не потому, что Тверь каким-то неведомым путём сошла со сцены, а потому,

что стала реальной и действенной вся совокупность причин, сделавших Москву стольным градом всея Руси¹.

Не могу согласиться с утверждением П. П. Смирнова, что «рост производительных сил» и другие причины «взламывали крестьянский класс и раскалывали его на две антагонистические группы».

Противоречие между посадским людом и крестьянством, для ослабления впечатления названное «внутриклассовой борьбой», в процессе которой посадский человек одерживает верх над своим социальным предком — крестьянином, не укладывается ни в какие рамки и противоречит объективной исторической истине.

Я бы попросил П. П. Смирнова привести примеры, когда городской люд одерживал победу над крестьянством. Сделать московского государя Ивана III, сулящим крестьянам Юрьев день (а не ограничивающим свободу их передвижения Юрьевым днём), добрым правителем, «хорошим царём», как это делает П. П. Смирнов в конце своей статьи, а посадского человека — гончара или плотника — носителем гнёта в отношении крестьянина, его социальным врагом — по меньшей мере оригинально.

Последнее замечание по поводу статьи П. П. Смирнова. Откуда автор берёт материалы для утверждения, что княжеские, боярские и монастырские вотчины были «определены техникой переложной подсечной системы»? Есть ли основания утверждать, что княжеские, боярские и монастырские вотчины — это подсека, а дворянские поместья — это трёхполье? Таких оснований нет.

Говоря о рождении слоя средних и мелких землевладельцев — «помещиков великого князя», П. П. Смирнов утверждает, что «рождение этого слоя феодалов и его развитие было обусловлено новой техникой».

Не могу согласиться с тем, что русского дворянина породили лемеш, или соха-косуля, и трёхпольная система севооборота.

Заканчивая своё выступление по поводу статьи П. П. Смирнова, я хочу ещё раз подчеркнуть всю сложность и важность затрагиваемых в дискуссии вопросов. Необходимы серьёзные капитальные монографические исследования по вопросам образования русского централизованного государства. Чем скорей они появятся, тем лучше.

---

¹ См. Мавродин В. «Образование русского национального государства», стр. 42—48.

К ВОПРОСУ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА В XIV — XVI ВЕКАХ

(ПО ПОВОДУ СТАТЬИ ПРОФ. П. П. СМИРНОВА)

С. Юшков

I

Одним из существенных достижений советской исторической науки является то, что она нашла в основном правильный путь для решения вопроса об образовании русского централизованного государства XIV—XVI веков. Если ранее вопрос этот связывался так или иначе с вопросом о возвышении Москвы и считалось, что если бы этого возвышения не было, то не образовалось бы и русское централизованное государство, то теперь советские историки Ю. В. Готье, С. В. Бахрушин, М. Н. Тихомиров, К. В. Базилевич, В. В. Мавродин и др. отделили вопрос о причинах образования русского государства от вопроса о причинах, предопределивших всообщую роль, которую играли Московское княжество и столица его Москва в процессе образования этого государства.

Советские историки отмечают особое методологическое значение статьи Энгельса «О разложении феодализма и развитии буржуазии», в которой указывается, что в основе процесса подчинения феодалов единой королевской власти в Западной Европе лежало экономическое развитие страны, нарушавшее замкнутость отдельных феодальных хозяйств. В результате экономического развития «повсюду увеличилось в населении количество таких элементов, — пишет Энгельс, — которые прежде всего желали, чтобы был положен конец бесконечным бессмысленным войнам, чтобы прекращены были раздоры феодалов, приводившие к тому, что внутри страны шла непрерывная война даже и в том случае, когда внешний враг был в стране, чтобы прекратилось это состояние непрерывного и совершенно бесцельного опустошения, которое неизменно продолжало существовать в течение всего средневековья»¹. Такими элементами было дворянство и торгово-ремесленное население городов.

Основываясь на высказываниях Сталина², советские историки отмечают, что процесс объединения русских земель в русское государство был ускорен борьбой с внешней опасностью и в особенности борьбой с татарами.

Само собой разумеется, решение вопроса о причинах, обуславливавших образование централизованного государства, не снимает вопроса о причинах, обусловивших ту роль, которую сыграли Московское княжество и его столица Москва в деле образования русского государства. Поскольку центром объединения сделался не Нижний Новгород, не Рязань, не Владимир и не Тверь, а Москва, возникшая сравнительно поздно и не игравшая за 40—50 лет до своего превращения в столицу русского государства особой роли, то этот факт всегда будет предметом обсуждения в исторической науке и так называемый вопрос о возвышении Москвы будет всегда вызывать к себе интерес.

При решении этого вопроса необходимо уяснить ряд преимуществ, которые имело Московское княжество, а также те преимущества, которые имела Москва в тот момент, когда она сделалась столицей русского государства. Эти преимущества Московского княжества объясняются его географическим положением, ролью, которую оно играло в экономическом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XVI. Ч. 1-я, стр. 443.

² И. Сталин «Марксизм и национально-колониальный вопрос», стр. 97. М. 1939.

развитии Северовосточной Руси, внешнеполитическим положением, внутренней его устойчивостью, которые предопределялись политикой его князей. Наиболее глубокий анализ причин, обусловивших возвышение Москвы, был дан в современной советской литературе проф. М. Н. Тихомировым¹. Главнейшим достоинством его работы является то, что причины возвышения Москвы даны не статически, как это наблюдалось в предшествующей литературе, а в связи с ростом Московского княжества, превращавшегося в русское централизованное государство.

Однако было бы преувеличением считать, что вся сложная проблема образования русского государства полностью разрешена. Есть ещё ряд неразрешённых частных, хотя и довольно важных вопросов. Поэтому появление в «Вопросах истории» статьи проф. П. П. Смирнова об образовании русского централизованного государства в XIV—XVI вв. и её обсуждение надо приветствовать.

II

Прежде чем подвергнуть рассмотрению положения проф. П. П. Смирнова, считаем необходимым кратко напомнить о них. Остановимся на его критике взглядов современных советских исследователей — В. В. Мавродина, К. В. Базилевича, М. Н. Тихомирова и других. П. П. Смирнов обвиняет их в нарушении основных принципов марксистско-ленинской методологии, в частности, в том, что они при указании причин образования русского государства «называют в качестве основного, ведущего фактора выгодное географическое положение», что якобы они придают особо важное значение притоку переселенцев и увеличению плотности населения, а это, по его мнению, совершенно неправильно. Далее П. П. Смирнов указывает, что «развитие внешней и внутренней торговли, на которое делается основной упор в большинстве трудов как XIX столетия, так и современных, также не может рассматриваться в качестве фактора созидательного, двигающего вперёд общественное развитие».

После обзора современной литературы проф. П. П. Смирнов приходит к выводу, что до сего времени не дана такая концепция проблемы образования русского централизованного государства, которая отвечала бы и полноте собранных фактов и современным методологическим представлениям о природе исторического процесса. В силу этого проф. П. П. Смирнов делает попытку обосновать свои взгляды на происхождение русского государства XIV—XVI веков.

По мнению проф. П. П. Смирнова, при Иване Калите в Московском княжестве произошёл своего рода переворот в области сельского хозяйства. Стали применяться лемеш или соха-косуля. «Появление лемеша или косули в хозяйственном инвентаре Северовосточной Руси XIV столетия означало переход сельскохозяйственной техники на новый, высший этап развития и привело к резкому повышению производительности в области ведущей отрасли феодального хозяйства». Словом, в Московском княжестве уже в первой половине XIV в. совершается переход от подсечной, переложной системы хлебопашества к системе паровой зерновой, в результате чего производительность сельского хозяйства увеличилась в 10—15 раз.

В результате этого переворота Москва и её область становятся в XIV в. центром самого прогрессивного земледелия и богатейшим хлебопроизводящим районом, что, по сообщениям западноевропейских путешественников XV и XVI вв., доказывается дешевизной хлеба и других продуктов в Москве. Этот переворот повлёк за собой изменения в социальных отношениях и в политической системе страны. Так, в условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеские, боярские и монастырские вотчины, самые размеры которых, равно

¹ Тихомиров М. «Начало возвышения Москвы». «Известия» АН СССР, серия истории и философии, Т. I, стр. 97—108. 1944.

как и организация производства, были определены несложной подсечной системой, в новых условиях становились пережитком старины.

На развалинах вотчин светских и церковных владельцев стремительно развёртывался слой средних и мелких землевладельцев — помещиков великого князя.

В условиях небывалой дешевизны хлеба из крестьянства стали выделяться группы ремесленников, отходивших от сельского хозяйства и специализировавшихся в своём ремесле. В XV в. уже складывается класс посадских людей.

Политическая раздробленность и крупное феодальное землевладение мешали хозяйственному прогрессу и развитию молодых классов, т. е. дворянства и посадских людей, которые вели борьбу с носителями этой политической раздробленности.

Битву на Куликовом поле пришлось выдержать почти исключительно центральным княжествам, т. е. тем княжествам, в которых господствовала паровая система сельского хозяйства. «Нейтральную или враждебную позицию занимали те, кто стоял в стороне от начавшегося в центре изменения техники хозяйства», в частности Великий Новгород, Суздальско-Нижегородское княжество, Лесной Галич и Вятка.

Затем проф. П. П. Смирнов делает следующее обобщение своих изысканий причин образования русского государства: «Русское государство родилось не в скопидомном сундуке Калиты, но и не на берегах Дона и степной речки Непряды. Его основания были заложены упорным трудом русских крестьян и ролейных холопов, удесятиривших производительность своих полей, а вместе с тем и всего современного общества, применением плуга и трёхполья».

III

Такова новая историческая концепция образования русского централизованного государства, концепция проф. П. П. Смирнова, изложенная в его статье.

Что является важным и интересным в этой работе? Совершенно правильно проф. П. П. Смирнов относит начало процесса возникновения русского централизованного государства к началу XIV века. Нами в дальнейшем будет показано, насколько неудачно весь этот процесс дробить на два периода: период феодальной концентрации и период образования русского централизованного государства, как это сделано в первом томе «Истории СССР» (учебник для исторических факультетов вузов). Другим достоинством этой работы является то, что в ней при анализе причин развития производительных сил в русских землях XIII—XVI вв. подчёркнута необходимость учитывать развитие сельскохозяйственной техники, в частности распространение паровой трёхпольной системы.

Однако с большинством основных положений проф. П. П. Смирнова согласиться нельзя. Прежде всего он совершенно неправ в критической части своей статьи, когда он неправильно объединяет как современных исследователей, бывших на позициях «школы» Покровского, так и исследователей, не разделявших взгляды этой «школы». Основной заслугой советских исследователей, как было указано, является то, что они отделили вопрос о причинах возникновения русского централизованного государства от причин возвышения Москвы. При установлении причин образования русского государства они учитывали методологическое значение работы Энгельса об образовании централизованных государств в Западной Европе и подчёркивали значение высказывания товарища Сталина об ускорении процесса этого образования в России.

Так, в I томе «Истории СССР» указывается на следующие основные причины образования русского государства: экономическое развитие

русских земель, выразившееся в появлении общественного разделения труда и товарного обращения, в силу чего усиливались экономические связи между отдельными городами и землями; классовая заинтересованность феодальных земельных собственников в создании сильной верховной власти, способной подавить сопротивление крестьян; политические условия, требовавшие образования централизованного государства для борьбы с внешней опасностью.

Таким образом, современные исследователи, в частности К. В. Базилевич, совершенно неповинны в тех ошибках или упущениях, которые им приписывает П. П. Смирнов. Они не выдвигают ни географического, ни национального фактора как решающего, а говорят вообще о развитии производительных сил. Теперь, после работы П. П. Смирнова, они, вероятно, дополнительно упомянут или ещё раз подчеркнут развитие сельскохозяйственной техники. Основная их ошибка заключалась в том, что процесс возникновения русского централизованного государства они относили только ко времени княжения Ивана III и Василия III.

Мы не можем согласиться с П. П. Смирновым и в том, что он признаёт методологически неправильным отделение вопроса о причинах возникновения русского централизованного государства от причин возвышения Москвы. Как было указано, это два разных вопроса.

Естественно, что современные советские историки, разрешив вопрос о причинах образования централизованного государства, вынуждены возвращаться к причинам того, почему именно Москва, а не Тверь или Владимир сделалась центром объединения. Это вовсе не отход от монизма, в чём обвиняет своих коллег П. П. Смирнов, а вполне естественное и правомерное стремление не смешивать в одну кучу разные вопросы. Но когда выясняются преимущества одного центра пред другими (в данном случае преимущества Москвы перед Тверью, Рязанью, Нижним Новгородом), то исследователь не может игнорировать экономические и географические факторы. Всякие в этой связи рассуждения, в которых географический фактор будет отсутствовать, окажутся совершенно абстрактными.

Учитывая географический фактор (исследователи только учитывают его, а не делают главным), волей-неволей приходится отмечать направление торговых путей и их значение, т. е. говорить о торговом значении того центра, который играет роль в процессе объединения земель в централизованное государство. Поэтому мы считаем данную в советской исторической литературе постановку вопроса о причинах возвышения Москвы — установление её преимуществ по сравнению с другими центрами в деле объединения русских феодально раздробленных земель — не грешащей против принципов марксистско-ленинской методологии.

Совершенно нельзя согласиться с П. П. Смирновым, когда он решительно отвергает как антимарксистский подход учёт национальных, географических и торговых факторов при решении вопроса о причинах возвышения Московского княжества с его столицей Москвой. Советские исследователи должны заниматься вопросом об образовании русского (великорусского, украинского и белорусского) народа, поскольку от его решения зависит решение основных вопросов истории русского государства.

Желая снять этот вопрос, П. П. Смирнов указывает, что якобы «нация, как устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры, является сложной надстройкой эпохи и сама по себе не может влиять на размеры городов и их политическое значение. А какать и окать можно одинаково и в малых и в больших городах» (разрядка наша.— С. Ю.).

Эту фразу можно написать только в пылу полемического увлечения. Когда советские исследователи говорят об образовании русского или великорусского государства в XIV—XVI вв., то они имеют в виду не

нацию, т. е. категорию, возникающую при развитии капитализма, а национальность, которая возникает до развития капиталистических отношений, т. е. именно в эпоху образования централизованных государств. И уже решительным упрощением является попытка П. П. Смирнова свести понятие национальности к «аканью» или к «оканью». При таком небывало упрощённом подходе к вопросу о русской национальности проблема образования централизованного государства русской (великорусской) национальности выхолащивается.

Далее, совершенно неправильно утверждение П. П. Смирнова о том, якобы указание на географические факторы противоречит марксистско-ленинской методологии. В «Кратком курсе истории ВКП(б)», на который ссылается П. П. Смирнов, говорится только о том, что географическая среда, хотя, «бесспорно, является одним из постоянных и необходимых условий развития общества и она, конечно, влияет на развитие общества, — она ускоряет или замедляет ход развития общества. Но её влияние не является определяющим влиянием»¹.

Наконец, исследователи говорят о большем или меньшем развитии внутренней и внешней торговли русских городов, желая указать на преимущества этих городов в отношении торговли, а П. П. Смирнов доказывает недопустимость этого, ссылаясь на указание Маркса о значении великих революций, происшедших в торговле в XVI—XVII вв., для перехода от феодального способа производства к капиталистическому.

Поскольку нельзя указать ни одного современного советского исследователя, который считал бы географическую среду, или плотность населения, или развитие торговли главным и определяющим моментом в развитии общества или образования русского централизованного государства, то полемика П. П. Смирнова с современными исследователями оказывается, в сущности, не имеющей почвы. Советские исследователи совершенно неповинны в тех методологических извращениях, в которых он их обвиняет.

Обратимся теперь к концепции П. П. Смирнова. Нетрудно установить, что его упреки в антимарксистском подходе современных советских исследователей при установлении причин образования русского государства имеют своей целью предложить для решения этого вопроса свой метод, который якобы полностью отвечает основным принципам марксизма-ленинизма, в частности требованиям монизма. П. П. Смирнов считает, что должна быть указана только одна первопричина, которая может объяснить сразу два вопроса, входящих в проблему образования русского национального государства: вопрос о причинах возникновения русского национального государства и вопрос о причинах, обусловивших ту роль, которую стало играть в процессе образования этого государства Московское княжество.

Прежде чем рассмотреть ход дальнейших мыслей П. П. Смирнова, отдадим себе отчёт, может ли быть вообще предложена такая первопричина, которая сразу разрешила бы оба эти вопроса. По нашему мнению, такой первопричины предложить нельзя, так как второй вопрос — вопрос о причинах, обусловивших преимущества Московского княжества и столицы его Москвы перед другими княжествами и их столицами, — не может быть объяснён до конца этой первопричиной. В комплекс этого вопроса неминуемо должны входить факторы географический, национальный и факторы, так или иначе связанные с обменом, т. е. торговлей. Если заранее отказаться от этих факторов, то придётся давать какую-то голую абстракцию — предмет вне времени и пространства, — или отказ от учёта этих факторов будет только кажущимся. А главное, эта единственная первопричина, выдвинутая для объяснения такого сложного явления, как образование русского национального го-

¹ «История ВКП(б) Краткий курс», стр. 113.

сударства, и притом без всякого опосредствования, неминуемо делается своего рода «отмычкой» для решения всех весьма разнообразных моментов, связанных с этим образованием, и ничего не может принести автору, кроме упреков в переходе на позиции экономического материализма и в крайнем схематизме. Обсуждение новой концепции, предложенной П. П. Смирновым, как раз и приводит нас к этому заключению.

П. П. Смирнов, решительно отрицая наличие географических, этнографических, национальных факторов и развитие обмена при объяснении причин, обусловивших образование русского национального государства, выдвигает в качестве первопричины этого переход Московского княжества с переложной системы земледелия на трёхпольную с применением плуга-косули и с унаваживанием полей. Несомненно, переход сельскохозяйственной страны к высшей сельскохозяйственной технике должен являться весьма крупным моментом, определяющим развитие производительных сил, и должен иметь весьма важные последствия в общественном и политическом устройстве общества. Если бы было доказано, что только в Московском княжестве и нигде больше произошёл этот переворот в сельском хозяйстве, то это было бы одним из крупнейших достижений в советской исторической науке и действительно сделало бы концепцию П. П. Смирнова безупречной. В самом деле, подумать только, какое должен был иметь значение тот факт, что на весьма небольшом пространстве Северовосточной Руси, которое в то время занимало Московское княжество, благодаря новой технике производство хлеба выросло в десять раз! А рядом, в Тверском, Рязанском, Смоленском княжествах, продолжала существовать экстенсивная переложная система. Но доказан ли этот факт П. П. Смирновым? Внимательное изучение той аргументации, которая даётся в его работе, приводит нас к убеждению, что этот факт им не доказан.

Для того чтобы доказать, что только в одном Московском княжестве произошёл этот агротехнический переворот, необходимо прежде всего тщательное изучение техники сельского хозяйства на всём пространстве Северовосточной и Северозападной Руси, т. е. на всём том огромном пространстве, которое стало занимать русское государство в XIV—XVI веках. Пользуясь всеми данными, в том числе археологическими, надо действительно показать, что ни в Смоленской, ни в Тверской, ни в Рязанской земле, ни в Нижегородском княжестве, ни в Великом Новгороде не произошло никаких изменений в области сельскохозяйственной техники, а в Московском княжестве это изменение произошло.

Дальнейшие рассуждения автора не являются убедительным доказательством его концепции. Он указывает, что Русская земля должна выплатить тяжёлую дань татарам в серебряных слитках. Иван Данилович Калита успешно это делает и даже прикупает волости. Откуда взял Калита эти слитки? Указание восточного писателя Ибн-Батуты на наличие серебряных рудников ничем не подтверждается. Указание на обогащение Ивана Калиты торговыми пошлинами решительно отвергается (ведь это связано с развитием торговли). Значит, Иван Данилович Калита мог получить серебро только в результате продажи хлеба.

Какие доказательства этого весьма интересного факта приводятся П. П. Смирновым? Ссылки на соответствующие источники: летописи, сказания, актовый материал, археологический материал. Известно, что эти источники не содержат данных для доказательства того, что Московское княжество в XIV в. неожиданно сделалось сельскохозяйственным Эльдorado. И тогда П. П. Смирнов прибегает к следующей аргументации. Оказывается, имеются два юридических памятника в русской письменности: переработка устава князя Владимира и других великокняжеских уставов, известная под названием «Сий ряд и суд уставили первии князи»; «Книги законные», одной из глав которых является «Земледельческий устав». П. П. Смирнов приписывает Ивану Калите составление первого памятника и переработку второго.

Для чего это нужно П. П. Смирнову? А нужно это для того, чтобы доказать факт перехода на новую сельскохозяйственную технику при Иване Калите и факт всяческого содействия этой технике и создания благоприятных условий для её применения и развития.

Оказывается, в «Земледельческом уставе» упоминается о лемеше. Это упоминание П. П. Смирнов считает совершенно достаточным доказательством для подтверждения его мысли об агротехническом перевороте в Московском княжестве и только в нём. Лемеш — это соха-косуля, которая гораздо выше по своему техническому эффекту сохи-чернуши.

А составление памятника «Сий ряд и суд» и переработка «Земледельческого устава» доказывают, что Иван Калита стремился создать строгий правопорядок, на основе которого могла процветать и развиваться новая, и притом нигде до сих пор не существовавшая, сельскохозяйственная техника.

Но в одной из своих работ¹ я привёл исчерпывающие данные, на основании которых опровергается мнение Павлова о том, что Иван Калита — автор переработки устава князя Владимира и других княжеских уставов «Сий ряд и суд»; а в специальных работах о «Книгах законных», в частности того же Павлова, нет данных для того, чтобы приписать перевод Земледельческого устава, памятника византийского права VI—VII вв., Ивану Калите. Павлов просто указывает на появление «Книг законных» в первой половине XIV века.

Таким образом, нужна исключительная смелость мысли, чтобы на основе перевода византийского сборника права, где даётся указание на земледельческие орудия, употреблявшиеся в Византии VI—VII вв., — причём одно из этих орудий переводится русским словом «лемеш», — сделать грандиозные по своему масштабу и значению выводы.

Благодаря употреблению этого слова при переводе «Книг законных», участие в котором Ивана Калиты никем не доказано, Иван Калита, ранее называвшийся скопидомом и организатором торговли (в целях обогащения торговыми пошлинами), превращён П. П. Смирновым в новатора-агронома, прекрасного организатора сельского хозяйства на основе новой техники.

В казну новатора-агронома потекли слитки серебра, и он без всякого обščёта других князей успешно платил дань татарскому хану и находил средства для прикупок земель у других князей. Этим, оказывается, объясняются возвышение Московского княжества и та роль, которую оно играло в процессе образования русского (великорусского) государства в XIV—XVI веках. Читатель остаётся, однако, в полном недоумении: почему только в Московском княжестве, а не в соседнем, соперничающем с ним Тверском княжестве или в Смоленском, которое ближе к Западной Европе и не пострадало от татарского погрома, произошёл этот агрономический переворот? А если действительно произошло подобное чудо, каким путём хлеб превращался в серебряные слитки Ивана Калиты? Ведь для того, чтобы хлеб превратился в слитки, его надо продать. Значит, надо предполагать оживлённейшую торговлю хлебом, которую вело Московское княжество с соседними, «переложными» княжествами: «лесным Галичем», отсталыми суздальско-нижегородскими и рязанскими землями. Но тогда возникает вопрос: откуда могли достать серебряные слитки эти отсталые, нищие страны?

П. П. Смирнов, по вполне понятным соображениям, не даёт ответа на эти недоуменные вопросы. Ответ на первый вопрос так или иначе связан с указанием на географические факторы, а ответ на второй вопрос — с указанием на значение торговли. Но это всё должно противо-

¹ Юшков С. «Исследования по истории русского права». Вып. 1-й, стр. 54—56. Новоузенск. 1925.

речь «монизму», обещанному П. П. Смирновым при решении вопроса об образовании русского государства.

Если же не даны ответы на эти вопросы, возникает, естественно, предположение о какой-то поистине провиденциальной роли князя Ивана Калиты. Только ему русское государство обязано введением новой сельскохозяйственной техники и созданием твёрдого правопорядка, обеспечивающего применение и развитие этой техники, только ему Русь обязана чудесным превращением добываемого хлеба в серебряные слитки, аккуратным внесением этих слитков в Орду и увеличением Московского княжества прикупками. Словом, приходится присваивать Ивану Калите такую роль в русской истории, которая ему никогда ещё не присваивалась в нашей литературе.

Проф. П. П. Смирнов, вероятно, сам сознавал слабость своей аргументации, основанной на применении слова «лемеш» в Земледельческом уставе, и решил эту аргументацию подтвердить ссылкой на то, что В. И. Сергеевич при анализе новгородских писцовых книг не мог указать на существование трёхполья в Новгородской земле во второй половине XV в., тогда как в Московском княжестве оно в это время уже существовало, и на дешевизну съестных припасов в Московском княжестве в конце XV — начале XVI в., по свидетельству путешественников. Но какое значение имеет эта аргументация?

То, что в Великом Новгороде техника сельского хозяйства была отсталой и Новгородская земля нуждалась в привозном хлебе, всем известно, но ведь дело шло не о конкуренции между Москвой и Великим Новгородом в деле создания русского государства, а между Москвой, Владимиром, Тверью, Рязанью. А, главное, доказательства от второй половины XV в. едва ли могут иметь значение для обоснования агротехнического переворота в Московском княжестве первой половины XIV века. Ссылка же на дешевизну продуктов в Москве в конце XV — начале XVI в. даже подрывает аргументацию П. П. Смирнова об источниках получения серебряных слитков Иваном Калитой. Если продукты в Москве были так дешёвы, то откуда могли получиться эти серебряные слитки? Кроме того это доказательство относится ко времени, когда процесс формирования русского централизованного государства уже завершился (конец XV — начало XVI века).

Словом, П. П. Смирнову не удалось доказать своё основное положение о том, что единственно в Московском княжестве в результате главным образом организационной деятельности Ивана Калиты произошёл переворот в области сельскохозяйственной техники.

Дальнейшие положения П. П. Смирнова также трудно признать убедительными. Он утверждает, что в условиях развивающегося парового зернового хозяйства старинные княжеческие, боярские и монастырские вотчины, размеры и организация производства которых были определены переложной подсечной системой, становились в новых условиях пережитком старины и осуждались на слом без надежды на восстановление. На слом осуждались и владельцы этих вотчин — удельные князья, бояре и даже церковь.

Это положение вызывает двойное недоумение. Во-первых, для утверждения того, что в княжеческих вотчинах, а также в боярских и монастырских вотчинах не существовало трёхпольной системы, надо привести данные, основанные на источниках. Такое утверждение — не аксиома. Наоборот, последующая судьба княжеческих и боярских вотчин показывает их живучесть. Понадобилась опричнина Грозного, которая ликвидировала эти гнёзда старой феодальной знати и которая, как известно, имела место в конце процесса образования русского национального государства. До сего времени разорение княжеческих и боярских вотчин, признаки которого стали проявляться в начале XVI в., объясняли не тем, что там господствовала подсечная система, а тем, что в условиях развивающегося денежного товарного хозяйства князья и бояре не в состоя-

нии были организовать соответствующим образом своё хозяйство. Живя в Москве, неся придворную службу, старая, феодальная знать была вынуждена передавать управление своего хозяйства приказчикам. Кроме того она должна была бороться за рабочие руки с поместным дворянством, создавая более льготные условия работавшим на её землях крестьянам.

Во-вторых, совершенно голословным, на наш взгляд, является утверждение о том, якобы церковные, в частности монастырские, вотчины не знали трёхполья и потому были обречены на слом. Кому же, в самом деле, не известна исключительная организованность монастырского хозяйства и исключительная живучесть монастырского землевладения? Понадобился целый ряд мер, противодействующих развитию монастырского землевладения в XVI—XVII вв., закончившихся организацией Коллегии экономии и секуляризацией монастырских земель в XVIII веке. Княжата и бояре должны были пойти на слом не потому, что они не ввели в своих вотчинах трёхполья, а потому, что они, эти «ленивые богатины», боролись за прежние свои права, за прежнюю свою власть над населением своих владений и были носителями феодальной раздробленности.

Экономическое и политическое значение, которое получило поместное дворянство в период образования русского национального государства, П. П. Смирнов объясняет также отношением этого дворянства к сельскохозяйственной технике. В противоположность княжатам-боярам и монастырям дворяне-помещики были представителями передовой техники, т. е. трёхпольной.

Наконец, рост посадского населения П. П. Смирнов связывает с небывалой дешевизной хлеба, вызванной применением паровой системы сельского хозяйства.

Словом, всякие изменения в положении классов и групп, их политические устремления и идеи — всё исходит от трёхполья. Наблюдается обычай отпускать холопов в духовных грамотах — этот обычай связывается с трёхпольем. Установление Юрьева дня, который, повидимому, рассматривается П. П. Смирновым как момент улучшения положения крестьянства, связано с прогрессивным характером трёхполья.

Даже участие и неучастие в борьбе против татар на Куликовом поле тех или других частей Северовосточной Руси ставится в зависимость от того, перешли они к трёхполью или нет. Новгородская земля, Суздальско-нижегородское княжество и Рязань не перешли к трёхполью, и потому они заняли или нейтральную или враждебную позицию по отношению к Дмитрию Донскому. Всё это, в сущности, мало чем отличается от попыток, которые были в своё время сделаны в исторической литературе, — объяснить восстание декабристов падением хлебных цен, а установление крепостного права введением того же трёхполья.

Итак, исходное положение П. П. Смирнова не может быть признано доказанным. Также не может быть признан доказанным ряд дальнейших выводов из этого положения, а некоторые утверждения требуют новой аргументации.

Смелая попытка П. П. Смирнова на основе предложенного им «монистического» методологического приёма объяснить и вопрос об образовании русского государства и вопрос об исключительном значении Москвы и Московского княжества в процессе этого образования потерпела неудачу.

Наши опасения о том, что этот монистический методологический приём должен привести П. П. Смирнова к механистическому объяснению сложных явлений общественной жизни, к сожалению, оправдались. Современная, советская историческая наука должна идти по тому правильному, в основном, пути, который она уже наметила, именно выясняя условия и обстановку, при которых совершалось образование русского государства в XIV—XVI вв., исходить из развития производитель-

ных сил, понимая под развитием не только переход к лемешу или к унаваживанию полей, но, учитывая все элементы, составляющие производительные силы: «орудия производства, при помощи которых производятся материальные блага, люди, приводящие в движение орудия производства и осуществляющие производство материальных благ благодаря известному производственному опыту и навыкам к труду»¹.

При решении проблемы образования русского государства XIV—XVI вв. необходимо, конечно, учитывать и влияние географической среды и плотность населения, если это определяется ходом исследования, но памятуя, как этому учит И. В. Сталин, что ни географическая среда, ни рост народонаселения не оказывают определяющего влияния на развитие общества. С другой стороны, при выяснении условий, определивших образование русского централизованного государства в результате развития производительных сил, нельзя ограничиваться областью сельского хозяйства, но должное внимание надо отдавать и развитию ремесла.

Одним из важных моментов в экономическом процессе является также развитие обмена. Пример того, как это надо делать, показывает нам Энгельс в названной статье, которая почему-то не сделалась предметом внимания П. П. Смирнова.

IV

Но, не соглашаясь со взглядами П. П. Смирнова об условиях и обстановке, определивших образование русского государства, тем не менее нельзя признать, что эта проблема полностью, исчерпывающим образом решена в современной советской исторической науке. Имеется ряд моментов, которые должны быть учтены при дальнейшей работе над этой проблемой, а с некоторыми положениями советских историков при решении данной проблемы нельзя согласиться.

Не имея возможности в статье, которая ставит своей основной задачей обсуждение работы П. П. Смирнова, затронуть все эти вопросы, требующие пересмотра или развития, укажу только на некоторые, наиболее важные из них.

Таким вопросом, требующим, на наш взгляд, пересмотра, является вопрос о хронологических рамках образования русского государства. Большинство советских историков, во всяком случае авторы и редакторы учебников по истории СССР, считают, что период образования русского государства должен охватывать два княжения — Ивана III и Василия III. Период, предшествующий княжению Ивана III, в котором процесс объединения русских земель полностью проявился, некоторые историки, например К. В. Базилевич, считают периодом не образования русского государства, а периодом так называемой феодальной концентрации.

Однако с таким пониманием процесса образования русского государства согласиться нельзя. Образование русского централизованного государства является одним из важнейших вопросов русской истории. Он должен быть изучен в полном своём развитии, т. е. в процессе возникновения, дальнейшего развития и завершения. Между тем отрезок времени, падающий на княжение Ивана III и Василия III, — это не начало и не конец образования русского государства, а один из этапов, хотя и важнейших. Начало этого образования, несомненно, надо связать с временем Ивана Калиты, а конец — с ликвидацией тех элементов, которые были носителями феодальной раздробленности, т. е. с опричной Грозного.

Сторонники взгляда, что период образования русского государства должен охватывать только два княжения — Ивана III и Василия III, — иногда ссылаются на то, что период русской истории от Ивана Калиты

¹ «История ВКП(б). Краткий курс», стр. 114—115.

до Ивана III, поскольку процесс образования централизованного государства не завершён, является всё же периодом феодальной раздробленности, хотя и идущей к своему концу. Но позволительно спросить сторонников этого взгляда: что является более важным и интересным — подвергнуть ли изучению период феодальной раздробленности или период образования русского государства? Я думаю, что ответ может быть только один. Не в период феодальной раздробленности, а в период образования русского централизованного государства сложился русский народ, получила своё развитие русская государственность и культура. Следовательно, вопросу об образовании русского централизованного государства должно быть отдано решительное предпочтение перед вопросом о феодальной раздробленности, и он должен быть рассмотрен более детально и во всех стадиях.

Что же касается последней стадии образования централизованного государства, падающего на царствование Ивана Грозного, то никаких оснований исключать этот отрезок времени из данного периода выдвинуть нельзя. А в учебниках по истории СССР, в которых период, относящийся к царствованию Ивана Грозного, обычно относят к периоду прерывания русского государства во многонациональное, необходимо всё же подчёркивать, что при Иване Грозном происходит завершение образования русского централизованного государства в результате мероприятий, связанных с опричниной.

Далее, в пользу необходимости пересмотреть хронологические границы данной проблемы необходимо привести следующие соображения. Так называемый период феодальной концентрации, который выделяют некоторые исследователи, обуславливается в основном теми же причинами, что и образование русского централизованного государства: развитием производительных сил, выделением таких общественных групп, которые были заинтересованы в объединении русских земель, и т. д. Какой же смысл обозначать разными терминами, в сущности, один и тот же процесс, обусловленный одинаковыми причинами? Поэтому мы считаем ненужным введение в научный оборот этого своего рода схоластического понятия: то, что К. В. Базилевич и другие понимают под периодом феодальной концентрации, является не чем иным, как начальным периодом образования русского национального государства. Мы убеждены, что расширение хронологических границ периода образования русского государства даст возможность с большой глубиной решить все частные вопросы этой важнейшей проблемы в русской истории.

Другим вопросом, который должен быть предметом дальнейшего исследования, является вопрос о тех группах русского общества XIV—XVI вв., которые вели борьбу за образование русского централизованного государства. Мы указали на исключительное методологическое значение упомянутой статьи Энгельса. Основной заслугой современных исследователей этого вопроса является то, что они угли значение этой статьи.

Но не надо забывать, что высказывания Энгельса относятся к образованию централизованных государств в Западной Европе. Имеются довольно крупные различия в процессе развития производительных сил в странах Западной Европы и в России, в частности различия в развитии техники. Имеются крупные различия во внешнеполитическом положении. Особое положение в Западной Европе занимала и церковь (католическая).

Словом, советским исследователям надо не ограничиваться простым цитированием высказываний Энгельса, но, используя их методологическое значение, надо выявлять причины, условия и обстановку образования русского государства, которое предопределялось особенностями в экономическом и политическом развитии русских земель XIV—XVI веков.

Конечно, на Руси городские ремесленники и купцы, а также помещ-

ное дворянство были теми элементами, которые являлись решительными сторонниками создания централизованного государства. Но в начале XIV в. слой поместного дворянства на Руси был едва ли значительным. Достаточно вспомнить, что при Иване Калите даже не существовало термина «поместье». Говорилось о «служних землях». Зато в начале XIV в. существовал слой московского боярства, резко отличавшийся от боярства XV в., которое стало включать в свой состав служилых князей. Уже давно в исторической литературе был высказан взгляд, что в XIV в. московские бояре помогали своим великим князьям усиливать их власть и расширять их владения. Достаточно вспомнить деятельность московских бояр в малолетство Дмитрия Донского. Нам думается, что пока не сложился слой поместного дворянства в Московском княжестве, московские бояре XIV в. были теми элементами, которые являлись сторонниками образования русского государства. Да и не только московские бояре, но и бояре других земель, например нижегородские бояре, двинские бояре, помогали московским князьям.

Далее, в Западной Европе католическая церковь была силой, которая стремилась к консервации феодальной раздробленности, к сохранению прав церковных князей. Достаточно вспомнить спор об инвеституре между французскими королями и католической церковью. Иное дело у нас на Руси. Русская церковь в период феодальной раздробленности имела ряд существенных отличий по своей организационной структуре. Прежде всего организационный её центр находился на территории русского государства, а не в другой какой-либо стране. Русская православная церковь была национальной церковью. Из-за феодальной раздробленности влияние основного, организационного центра русской православной церкви — митрополии — падало. Роль удельных князей, опиравшихся на своё духовенство, увеличивалась. Для русской митрополии, для широких церковных кругов образование русского государства означало усиление авторитета церкви, её идеологического и политического влияния. Отсюда, в отличие от западноевропейских стран, в деле создания русского государства церковь имела весьма большое значение. Как только определилось особое значение Москвы и Московского княжества в этом деле, русские митрополиты сделали своим центром Москву и связали судьбу русской церкви с организующимся русским государством.

Перед исследователями вопроса об образовании русского государства стоит задача более глубоко и более детально установить, чем вызван этот союз церкви и московских князей в деле объединения русских земель, при этом нельзя ограничиваться ссылками на особо благоприятное отношение Калиты и его преемников к первым московским митрополитам.

Наконец, необходимо указать, что в процессе образования русского централизованного государства особую роль играли широкие народные массы. Именно они должны были особенно оценить ту «тишину велию», которая наступила после первых шагов начавшегося объединения русских земель. Роль народных масс сказывалась не только в непосредственной героической борьбе с татарами, которая требовала, как указывает И. В. Сталин, незамедлительного образования русского централизованного государства, но и в решительных мерах, которые предпринимали эти массы с целью парализовать действия разного рода элементов, выступавших против объединявшего русскую землю центра — Москвы, — и ускоряли таким образом процесс образования русского государства. Особенно яркие примеры поддержки Московского княжества широкими массами можно привести из истории взаимоотношений Великого Новгорода с Москвой. Достаточно указать на поддержку, которую оказали городские низы Торжка представителям князя Симеона Гордого, когда они были пленены верхушкой города. Городские низы, подняв восстание, освободили их. Несомненно, так называемое восстание двинских бояр против Великого Новгорода при князе Василии Дмитриевиче и присоеди-

переезде Двинской земли к Московскому княжеству было делом не только одних бояр, но и широких народных масс этой земли. Иначе была бы совершенно непонятна стойкость восставших и сила их сопротивления, проявленные против Великого Новгорода.

Наконец, необходимо указать ещё на один кардинальный вопрос в общей проблеме образования русского государства — вопрос об образовании русского (великорусского) народа, который до сих пор не получил своего разрешения. Казалось бы, что совершенно необходимо образование русского государства связывать с образованием русского (великорусского) народа не только в монографической литературе, но и в общих обзорах и учебниках.

Однако обычно дело ограничивается тем, что в учебниках указывается на возникновение не великорусского народа, а украинского и белорусского. Читателю, очевидно, предлагается сделать вывод, что если уже образовались украинский и белорусский народы, то должен возникнуть и великорусский. Но как, при каких условиях и когда произошёл этот весьма важный факт и произошёл ли он, обычно об этом не говорится.

Процесс образования русского государства обусловлен образованием русского народа. В значительной степени оба эти процесса порождены общими причинами, в частности развитием производительных сил, установлением экономической общности, что предполагает наличие экономических связей, и т. д. Мы считаем, что вопрос об образовании русского государства не может быть признан до конца решённым, пока исследователи не решат вопрос о происхождении великорусского народа.

Могут сказать, что великорусский народ окончательно сложился гораздо позднее, нежели началось образование русского государства. Это, конечно, так. Но процесс образования великорусского народа начался одновременно с процессом образования русского государства. Даже этот, пусть начальный период образования народа, несомненно, имел большое значение в деле образования русского государства.

Словом, вопрос об образовании великорусского народа является одним из важнейших в общей проблеме возникновения русского государства и должен быть предметом особого внимания со стороны исследователей данной проблемы.

Подведём итоги нашему обсуждению статьи проф. П. П. Смирнова. В этой статье имеется ряд ценных и интересных мыслей, в частности о необходимости удлинения хронологических границ периода образования русского государства и о необходимости придавать большое значение развитию сельскохозяйственной техники. Тем не менее благодаря неправильному методологическому приёму автора основные положения этой работы, в сущности, уводят современных исследователей от того совершенно правильного пути, по которому они пошли при установлении причин, условий и обстановки, предопределивших образование русского государства.

Однако обсуждение этой статьи приводит нас к убеждению, что она могла появиться в значительной степени вследствие того, что хотя современными исследователями и намечен правильный путь для решения проблемы образования русского государства, но при её решении до сих пор не были выяснены или недостаточно выяснены многие существенные вопросы этой проблемы. Каковы эти вопросы, мы и постарались только что показать. Нам кажется, что проблема образования русского государства, теснейшим образом связанная с проблемой образования русского (великорусского) народа, является настолько важной проблемой в русской истории, что она должна привлечь к себе особое внимание современных советских исследователей и быть предметом тщательного и глубокого исследования на основе указаний Энгельса и Сталина.

ХОСЕ-ГАСПАР ФРАНСИА — ВОЖДЬ ПАРАГВАЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕМОКРАТИИ (1814 — 1840)

В. Мирошевский

I

Вооружённая борьба народов Испанской Америки за свою независимость, за свержение испанского господства (1810—1826) протекала в основном под руководством креольской¹ землевладельческой аристократии. Боливар, Сан-Мартин, Пуэйрредон и большинство других лидеров испано-американского сепаратизма представляли интересы креольских помещиков и плантаторов, добивавшихся свободной торговли с иностранными державами и потому стремившихся к отделению от метрополии, правительство которой запрещало эту торговлю. Но в то же время они хотели удержать народные массы закрепощённых крестьян — индейцев и рабов-негров — под гнётом докапиталистической, полуфеодальной и полурабовладельческой эксплуатации. Силою обстоятельств креольские сепаратисты были вынуждены принять республиканские принципы; но они отнюдь не были революционными буржуазными демократами якобинского типа; им были близки принципы монархизма, клерикализма и альбократии².

«Южно-американские страны, — заявлял Симон Боливар, — меньше всех других стран в мире пригодны для введения республиканского строя. Разве большинство их населения не состоит из индейцев и негров?! Страны, управляемые индейцами и неграми, были бы обречены на гибель»³.

Тот факт, что креольской аристократии принадлежала основная роль в войне за независимость, оказал решающее влияние на всю последующую историю Испанской Америки. Отпадение от метрополии не сопровождалось серьёзными демократическими преобразованиями. Под прикрытием республиканских конституций, принятых испано-американскими странами, сохранилось классовое господство помещиков. Экономическая, политическая и культурная отсталость народов Испанской Америки не была преодолена. Предпосылки свободного развития капитализма на национальной основе не были созданы. Национальная независимость не была прочно закреплена. В течение всего XIX в. иностранные капиталисты постепенно прибирали к рукам жизненные нити экономики испано-американских стран. В период империализма Испанская Америка окончательно подверглась полуколониальному закабалению.

Лишь в немногих испано-американских странах во время войны за независимость (1810—1826) руководство народными массами на время ускользало из рук креольской аристократии, и только в Парагвае оно ускользнуло надолго — на несколько десятилетий.

¹ Креолы — «чистокровные», не смешавшиеся с индейцами и неграми потомки испанских поселенцев, образовавшие привилегированную верхушку колониального населения.

² Альбократия — господство «белых» (креолов) над «цветными» (индейцами и неграми).

³ Депеша капитана Малинга первому лорду адмиралтейства Мельвилю от 18 марта 1825 г. «Britain and the Independence of Latin America, 1812 — 1830. Selected documents from the Foreign Office Archives». Edited by C. K. Webster. Oxford, Vol. I, p. 521. 1938. В этой депеше английский капитан Малинг, ведший неофициальные переговоры с Боливаром, приводит высказывания последнего по поводу о политическом строе Испанской Америки.

В течение четверти века (1814—1840) в этой стране стояло у власти революционно-демократическое правительство, опиравшееся на крестьянство и городскую мелкую буржуазию. Был проведен ряд прогрессивных мероприятий, восторженно встреченных народными массами. Парагвай являлся в то время самой передовой страной Испанской Америки — единственной страной, где было до некоторой степени поколеблено классовое господство помещиков.

Главой парагвайского революционного правительства был Хосе Франсиа — один из самых замечательных народных вождей в Новом Свете. Реакционные историки освещают его политику в самом мрачном свете. Тем больше оснований у историков-марксистов критически пересмотреть традиционное истолкование как самой личности Хосе Франсиа, так и истории его правления.

II

Испанская колонизация Парагвая, начавшаяся в 80-х годах XVI в., развивалась крайне медленно. В этой стране не было ничего, что могло бы привлечь значительное количество европейских поселенцев: ни серебра, ни золота, ни алмазов. На испанских картах XVI в. страны, подобные Парагваю, обозначались красноречивой надписью: «Tierras de pingun provecho» («Земли, не приносящие дохода»). Обитавшие в Парагвае индейцы-гуарани жили в условиях первобытно-общинного строя, занимались охотой, рыболовством и примитивным земледелием; накопленные ими запасы были скудны и не возбуждали алчности конкистадоров. Правда, почвенные и климатические условия Парагвая благоприятствовали развитию плантационного хозяйства и скотоводства; но внутриконтинентальное положение страны, связанной с океанскими портами только системой речных путей, крайне удорожало экспорт сельскохозяйственных продуктов. В этом отношении Парагвай не мог конкурировать с колониями на Ла-Плате, непосредственно прилегавшими к Атлантическому океану, в особенности с Буэнос-Айресом. Единственное богатство страны составляли густые заросли дикорастущего дерева yerba mate, высушенные и измельченные листья которого ещё и в наши дни заменяют чай во многих областях Южной Америки. Но даже прибыльная торговля «парагвайским чаем» соблазняла лишь немногих испанских иммигрантов.

Всё же некоторое количество колонистов осело в Парагвае, обзаведясь поместьями и сурово эксплуатируя покорённых и насильственно обращённых в христианство индейцев-гуарани. Тяжёлое положение индейцев неоднократно толкало их на восстания. Так например в 70-х годах XVI в. среди гуарани появился «пророк», именовавший себя Обераа (Солнечное сияние). В его проповедях обрывки христианского учения своеобразно сочетались с традиционными религиозными представлениями индейцев. Он провозгласил себя «сыном бога-солнца», «младшим братом Христа», призванным спасти своих соплеменников от белых поработителей. Вокруг этого «индейского мессии» сплотились тысячи поклонников, начавших священную войну за своё освобождение. Подавление этого народного восстания потребовало от испанских колонистов больших усилий¹.

С конца XVI в. в юговосточной части Парагвая стали возникать поселения миссионеров-иезуитов. «Общество Иисуса» добилось у испанских властей целого ряда привилегий для своих парагвайских миссий. Фактически здесь образовалось своеобразное теократическое государство, лишь номинально подчинённое испанскому губернатору Парагвая и пользовавшееся почти полным самоуправлением. Ни королевские чиновники, ни светские помещики не допускались на территорию иезуитских поселений.

Здесь вся земля считалась «божьей», т. е. принадлежащей Ордену; всё управление было сосредоточено в руках отцов-иезуитов. Повседнев-

¹ Lopez V. «Historia Argentina», p. 76. Buenos Aires. 1934.

ная жизнь нескольких десятков тысяч индейцев, прикрепленных к поселениям миссионеров, была подчинена строгой регламентации. На рассвете их будил звон монастырских колоколов; под наблюдением монахов они отправлялись частью на полевые работы, частью в ремесленные мастерские; днём колокольный звон собирал их на совместную трапезу; они укладывались спать в предписанный иезуитами час. Весь урожай, а также изделия ремесленников поступали в орденские хранилища, откуда монахи выдавали индейцам их паёк. Излишки вывозились на речных судах в испанские колонии, расположенные в районе Буэнос-Айреса, и продавались там; выручка шла в орденскую кассу и использовалась для финансирования реакционной деятельности иезуитов в Европе.

Таким образом, «Общество Иисуса», прибавившее к рукам обширные латифундии в Парагвае, представляло собой коллективного эксплуататора индейцев, от которых «духовные отцы» требовали слепого подчинения и неустанного труда на пользу Ордена. Малейшие попытки индейцев освободиться от этого ярма сурово подавлялись. Следует, однако, признать, что иезуиты умело маскировали свою эксплуататорскую роль. Как ни тягостна была жизнь гуарани в миссиях, но индейцам, прикрепленным к светским помещикам в других частях Парагвая, жилось не лучше. Иезуиты, по крайней мере, не давали «своим» индейцам умирать от голода и до некоторой степени заботились об их культурном развитии: они были, например, первыми составителями словаря и грамматики общегуаранийского языка, искусственно созданного ими из ряда местных наречий, и обучали часть своей паствы грамоте.

Отношения между иезуитами и их соседями, светскими помещиками-креолами, не отличались взаимной доброжелательностью. Помещики были недовольны тем, что колониальные власти предоставили иезуитам ряд привилегий (например льготные условия провоза товаров к морским портам, освобождение от уплаты пошлин и т. д.). Они были непрочь поживиться за счёт огромных богатств Ордена и присвоить принадлежавшие ему земли.

Недовольство креольской знати Парагвая привилегированным положением иезуитов было одной из причин, вызывавших враждебное отношение к властям. Кроме этой причины имелись, разумеется, и другие, общие для всей Испанской Америки. Креолы мечтали о свободной торговле с иностранными державами, которая позволила бы им обойтись без разорительного посредничества метрополии, о снятии преград, мешавших развитию колониальной экономики, об уничтожении монополии испанских грандов на политическую власть в колониях¹. Недовольство испанским правительством пробуждало в креолах чувство национального самосознания и толкало их на путь борьбы за независимость Парагвая.

В 1725 г. богатые и знатные креолы произвели «государственный переворот» в Асунсионе (административный центр Парагвая). Городской капитул², в котором испанцы были в меньшинстве, сместил королев-

¹ Торговые сношения колоний с иностранными державами были запрещены, а с метрополией — монополизированы богатейшими испанскими купцами, наживавшими сказочные барыши из разницы между европейскими и американскими ценами. Испанские власти тормозили в колониях развитие промышленности и даже многих отраслей сельского хозяйства. Креолы обычно не допускались на высшие ступени административной, военной и церковной иерархии. Почти все высокооплачиваемые и связанные с действительной властью должности предоставлялись испанским грандам, для которых кратковременное пребывание в колониях было только средством лёгкой наживы. Короче говоря, креолы убеждались на каждом шагу в том, что мадридское правительство систематически жертвует их интересами в угоду дворянам и богатейшим купцам-монополистам, имевшим счастье родиться в метрополии.

² В городах Испанской Америки, как и в городах метрополии, существовали органы местного самоуправления — капитулы (*cabildos*), члены которых избирались общими собраниями домовладельцев, обычно из числа наиболее богатых и влиятельных горожан. Капитулы чинили суд и руководили муниципальными делами.

ского губернатора и назначил нового — креола Антекеру. Существовавшее в Асунсионе иезуитское учебное заведение было закрыто, иезуитов изгнали из города. Новый губернатор отменил все льготы, которыми пользовались иезуитские миссии. Но вскоре к Асунсиону приблизились испанские войска. Милиция, организованная парагвайскими креолами, была разбита в первых же стычках. Антекера был схвачен и казнён, его сторонники также подверглись суровым репрессиям.

В 1733 г. креолы вторично восстали под руководством Момпо — друга и единомышленника покойного Антекеры. Они убили королевского губернатора и объявили Асунсион «самоуправляющейся коммуной»¹. Городской капитул избрал новых должностных лиц, заменивших испанских чиновников и возобновивших преследования иезуитов. Основываясь на старинных вольностях испанских городов, Момпо в своих выступлениях провозглашал право «коммуны» не подчиняться тираническому правительству. «Интересы и права коммуны, — поучал он своих последователей, — стоят выше, чем права всех установленных властей, в том числе и самого короля». Асунсионская «коммуна» продержалась около двух лет. В 1735 г. королевские войска при поддержке индейцев, ненавидевших креольских помещиков, разгромили созданное повстанцами ополчение и сурово подавили восстание².

Таким образом, антииезуитские настроения креольской знати Парагвая тесно переплетались с её антиправительственными, сепаратистскими тенденциями.

Иезуитские миссии процветали в течение почти двух столетий. Но наступил момент, когда королевское правительство, желая устранить влияние на Испанию римского престола, решило изгнать иезуитов из своих владений. В 1767 г. испанский король Карл III издал указ об изгнании иезуитов и о секуляризации орденского имущества. Миссии иезуитов в Парагвае подверглись разгрому. Принадлежавшая им земля была объявлена частью государственного земельного фонда. Большинство существовавших на территории миссий индейских поселений заустело; часть индейцев переселилась в дремучие леса, подальше от королевских чиновников, другая часть в поисках средств существования разбрелась по всему «светскому сектору» страны.

К началу XIX в. численность населения Парагвая составляла 200—250 тыс. человек. Испанцев (уроженцев метрополии) жило в Парагвае немного — несколько сот человек; это были высшие чиновники и богатые купцы. Креолов насчитывалось несколько тысяч; среди них преобладали помещики, чиновники средней руки, духовные лица, офицеры невысоких чинов. Подавляющее большинство населения составляли крестьяне-индейцы. Имелось также небольшое количество негров-рабов. Городская беднота (мелкие торговцы, ремесленники) состояла из метисов и мулатов, формально равноправных с белыми, а фактически лишённых всех гражданских прав.

Единственным городом, заслуживавшим этого названия, был Асунсион — резиденция парагвайского губернатора: здесь насчитывалось 10—12 тыс. жителей. Остальные города, расположенные на значительном расстоянии друг от друга, представляли собой небольшие посёлки; самый крупный из них, Вильярика, насчитывал около 4 тыс. жителей.

Парагвай составлял часть обширного Лаплатского вице-королевства, административным центром которого был Буэнос-Айрес, один из главных портовых городов Испанской Америки, насчитывавший 40—50 тыс. жи-

¹ Выражение «коммуна» (*comun*) употреблялось асунсионскими повстанцами-«коммунарами» (*comuneros*) в смысле «городская община» и, разумеется, не имело ничего общего с коммунизмом.

² О восстаниях 1725 и 1733—1735 гг. см. Baez C. «Le Paraguay», Paris. 1927, p. 15—16; Levene R. «A History of Argentina», p. 68—70. Chapel Hill. 1937; Bertrand J. — T. «Histoire de l'Amérique espagnole». Vol. I, p. 376—377. Paris. 1928; Lopez V. Op. cit., p. 141—142.

телей¹. Парагвай зависел от Буэнос-Айреса и в экономическом отношении: он не имел собственного выхода к морю, и вся его внешняя торговля шла через Буэнос-Айрес; при этом буэносайресские купцы получали львиную долю торговой прибыли. Вследствие этого существовал острый антагонизм между парагвайцами и «портеньосами» — жителями Буэнос-Айреса; этот антагонизм искусно обостряли испанские власти, применявшие принцип «разделяй и властвуй».

Парагвай был одной из самых отсталых провинций Испанской Америки. Вся его промышленность состояла из небольшого количества мелких ремесленных мастерских. В стране не было ни университета, ни газет, ни печатного станка.

Вследствие особых исторических условий колонизации Парагвая (слабый приток белых поселенцев, 200-летнее существование иезуитских миссий) помещичье землевладение не упрочилось здесь в такой мере, как в других испанских колониях. Таких богатых и влиятельных помещиков, какие имелись, например, в окрестностях Буэнос-Айреса, в Парагвае не было. В некоторых его районах (особенно на юговостоке, на территории бывших иезуитских миссий) помещичье землевладение почти не получило развития.

III

Вторжение войск Наполеона I в Испанию (1808) повлекло за собой значительное усиление сепаратистского движения в Испанской Америке. В первой половине 1810 г. богатые и знатные креолы во многих колониях открыто выступили против испанских властей. Они отстранили прежних чиновников, образовали хунты (правительственные комитеты) и организовали милицию, которая начала борьбу с немногочисленными испанскими войсками, сосредоточенными в колониях. В большинстве случаев широкие слои населения (индейцы, негры, метисы, мулаты) не принимали активного участия в этих событиях, так как не доверяли креольским сепаратистам.

Так началась война за независимость Испанской Америки.

В Буэнос-Айресе испанское господство было свергнуто 25 мая 1810 года. Креольская хунта отстранила уроженцев метрополии от всех административных постов и объявила об открытии порта для свободной торговли с иностранными державами. Но о каких-либо социальных реформах не было и речи; ничего не было предпринято для защиты непосредственных интересов крестьянства и городской мелкой буржуазии.

Хунта Буэнос-Айреса разослала по всем провинциям бывшего Лаплатского вице-королевства своих эмиссаров, призывавших население к свержению испанских властей. В июне один из этих эмиссаров, полковник Эспинола, прибыл в Парагвай. Он пытался войти в сношения с креольским патрициатом Асунсьона, чтобы привлечь его на сторону буэносайресской хунты. Но усилия Эспинолы не увенчались успехом. Парагвайские помещики, видевшие в «портеньосах» своих торговых конкурентов, не были расположены поддерживать буэносайресскую хунту, они мечтали о независимости не только от Испании, но и от Буэнос-Айреса. Что же касается народных масс Парагвая, то в их глазах новые правители Буэнос-Айреса были реакционными аристократами, не заслуживавшими доверия. Эспинола вынужден был убраться из Парагвая, ничего не добившись. Местный губернатор Веласко, назначенный испанским правительством, продолжал спокойно отправлять свои функции. Созванное им 24 июля собрание городских нотаблей из недоверия к Буэнос-Айресу высказалось за сохранение лояльности в отношении Испании. Это имело тем большее значение, что в Парагвае не было испанских войск, и Веласко

¹ О численности и составе населения Парагвая в начале XIX в. см. Famin C. «Provinces Unies du Rio de Plata», p. 14. Paris. 1856.

мог оставаться у власти лишь постольку, поскольку его поддерживали местные креолы.

Между тем буэносайресской хунте удалось объединить под своей властью большую часть бывшего Лаплатского вице-королевства. Объявив парагвайцев «предателями», она решила подчинить их силою оружия. В октябре 1810 г. в Парагвай вторгся отряд буэносайресской милиции во главе с генералом Бельграно.

Губернатор Веласко при активном содействии парагвайских креолов в свою очередь организовал отряды волонтеров, выступившие навстречу «портеньосам». Эти отряды возглавлялись богатыми и влиятельными асунсионскими креолами Кабальеро, Иегросом и др. Военные действия развернулись в январе — марте 1811 г. и закончились полным разгромом буэносайресской милиции.

После того как была устранена непосредственная опасность подчинения Парагвая ненавистным «портеньосам», креолы решили разделаться и с испанским губернатором. В ночь на 15 мая 1811 г. офицеры парагвайской милиции во главе с Иегросом и Кабальеро арестовали Веласко и объявили о переходе власти к созданному ими «временному правительству» (хунте). С этого момента Парагвай стал фактически независимым государством, хотя формально провозглашения независимости и не последовало¹.

Большинство непосредственных участников майского переворота имело крайне туманное представление о характере государственного строя, который предстояло теперь создать. Их политические цели были в высшей степени расплывчаты. «Один капитан милиции, выделявшийся своим революционным рвением, захотел объяснить своим согражданам, что такое свобода... Он не придумал ничего лучшего, как объявить им, что свобода — это вера, надежда и любовь»².

В июне 1811 г. главари военного переворота созвали Национальный конгресс Парагвая, составленный из представителей отдельных округов страны, главным образом из влиятельных провинциальных помещиков-креолов. Выделив из своего состава постоянную хунту, конгресс разошёлся, не выработав для нового правительства никакой политической программы.

Секретарём хунты был избран доктор Франсиа, один из наиболее влиятельных граждан Асунсиона, принимавший деятельное участие как в организации вооружённого сопротивления «портеньосам», так и в подготовке майского военного переворота.

IV

Хосе-Гаспар Родригес де Франсиа родился в Асунсионе в 1758 г. в зажиточной, хотя и незнатной креольской семье. Его отец был выходцем из Бразилии (по некоторым сведениям, французского происхождения); он был опытным сельским хозяином и переселился в Парагвай по приглашению местных властей, назначивших его управляющим государственной табачной плантацией. Таким образом, семья Франсиа-старшего, парагвайского чиновника средней руки, не была кровно связана с креольским патрициатом Асунсиона — с этой высокомерной, чванливой и пропитанной расовыми предрассудками «элитой».

Юный Хосе-Гаспар воспитывался в одной из монастырских школ своего родного города; затем он поступил в Кордовский университет³,

¹ О событиях, предшествовавших «революции» 15 мая 1811 г., см. Mave J. «Voyages dans l'intérieur du Brésil, contenant aussi un voyage au Rio de la Plata». Vol. II, p. 298—299. Paris. 1816; Un citoyen de l'Amérique espagnole «Revolutions de l'Amérique espagnole», p. 241. Paris. 1819.

² Rengger et Longchamp «Essais historique sur la révolution du Paraguay et le gouvernement dictatorial du docteur Francia», p. 20. Paris. 1827.

³ Кордова — город в провинции Тукуман, входящий в настоящее время в состав Аргентины.

где, по его выражению, «был обречён изучать богословие». В Кордове он, несмотря на свою молодость, вёл уединённый образ жизни и сторонился весёлых и распутных товарищей-студентов, прозвавших его мизантропом. Тайком он почитывал запретную литературу — сочинения французских философов-просветителей. Неизгладимое впечатление произвели на него произведения Руссо. «Общественный договор» стал для Хосе-Гаспара новым евангелием. Он интересовался также естествознанием, математикой и астрономией.

По окончании университета Франсиа получил учёную степень доктора канонического права и вернулся в Асунсион. Вопреки настояниям отца, властного и непреклонного человека, он наотрез отказался от церковной карьеры, к которой его подготавливали в Кордове; это повлекло за собой разрыв с семьёй и поставило юного доктора перед необходимостью самостоятельно пролагать себе жизненный путь. Он стал стряпчим, составлял нотариальные акты и прошения, давал юридические советы и защищал интересы своих клиентов перед судом. Он выделялся неподкупностью и бескорыстием — качествами, которые нечасто встречались среди образованных испано-американцев того времени. «Ни один несправедливый поступок не запятнал его деятельность, ни разу он не поколебался выступить в защиту слабого против сильного, бедного против богатого», — писали впоследствии люди, сурово осуждавшие его политические взгляды¹.

Шли годы. Доктор Франсиа вёл замкнутый образ жизни; у него не было ни семьи, ни близких друзей. Он много читал и размышлял. Его домашняя библиотека, насчитывавшая 250—300 книг, считалась самой богатой в Асунсионе.

С годами пришла популярность. Беднота считала его своим заступником и покровителем. Городские нотабли-креолы относились к нему с нескрываемой холодностью и осуждали его «неуживчивость», но признавали за ним право считаться самым образованным человеком в Парагвае. Испанские власти ценили в нём способность разбираться в сложных юридических вопросах и необычайное трудолюбие. Его избрали членом городского капитула², одно время он был алькадом Асунсиона³.

В 1811 г., когда было свергнуто испанское господство в Парагвае, доктор Франсиа был уже не молод: ему исполнилось 53 года.

V

Парагвайский сепаратизм опирался на временный и неустойчивый союз весьма разнородных социальных элементов.

Лозунги сепаратизма находили поддержку среди помещиков-креолов, с одной стороны, и среди широких народных масс — с другой. Именно те и другие объединились в общем стремлении к независимости от Мадрида и Буэнос-Айреса. Но когда независимость была завоёвана, внутренние противоречия в сепаратистском движении выступили на первый план.

В хунте, избранной в июне 1811 г. Национальным конгрессом, одному только Франсиа были близки интересы народных масс; остальные члены хунты, во главе с её председателем Мегросом, не склонны были ни к каким социальным преобразованиям. Положение крестьян несколько не улучшилось, городские ремесленники и мелкие торговцы попрежнему вели полунинженское существование и не пользовались гражданскими правами. Члены хунты, за исключением Франсиа, проводили время в

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 9.

² В Испанской Америке существовали органы муниципального самоуправления — городские капитулы (cabildos); их члены избирались на собраниях богатых и влиятельных горожан.

³ Алькад — городской судья.

празднованиях и кутежах; окружив себя кучкой фаворитов, они поощряли взяточничество и казнокрадство. «Герои» майского переворота — креольские офицеры милиции — бесцеремонно вмешивались в государственные дела, выговаривали себе и своим родственникам доходные должности, а члены хунты покрывали их злоупотребления. Милиция, составленная из разного сброда, превратилась в разнузданную, недисциплинированную банду, грабившую население и подвергавшую его всевозможным издевательствам и притеснениям. Каждый прохожий был обязан снимать шапку и кланяться при виде милиционера¹.

Отношения между Франсиа и другими членами хунты вскоре приняли крайне напряжённый характер. Поклоннику Руссо было не по пути с аристократами. В конце 1811 г. он демонстративно подал в отставку и удалился на свою мызу в окрестностях Асунсиона. К нему стали стекаться крестьяне-ходоки со всех концов Парагвая с жалобами на своих притеснителей; являлись и представители асунсионской бедноты. По словам американского реакционного историка Уошборна, «Франсиа особенно благоволил к низшим классам столичного населения; он всячески старался выказать себя борцом за их интересы против богачей, о которых он отзывался с явным неуважением»².

Учитывая сильно возросшую популярность Франсиа, члены хунты пытались примириться с ним и убеждали его вновь занять пост секретаря хунты. В конце 1812 г. Франсиа принял это предложение. Он сделал это потому, что в качестве секретаря правительства имел бы возможность влиять на ход выборов во II национальный конгресс, созыв которого Иегрос и его клика вынуждены были санкционировать ввиду полного беспорядка в государственных делах, плачевного состояния государственных финансов и возраставшего недовольства народных масс.

Конгресс, члены которого избирались всеобщим голосованием, собрался в 1813 году. По словам Уошборна, он представлял собой «пёстрое собрание индейских касиков (старейшин), метисов, моряков речного флота, земледельцев и деревенских лавочников»³. Большинство членов конгресса были сторонниками проведения демократических реформ. Франсиа был их руководителем.

Конгресс провозгласил независимость Парагвая, распустил хунту и назначил вместо неё двух верховных правителей (консулов) — Иегроса и Франсиа. Это было последней попыткой компромисса между аристократической и демократической «фракциями» сепаратизма. Франсиа пока ещё не мог вовсе отстранить Иегроса от власти: глава прежней хунты пользовался большой популярностью среди милиционеров, а Франсиа ещё не успел произвести чистку милиции от элементов, враждебных парагвайской демократии.

В период консульства (1813—1814) был проведён ряд прогрессивных мероприятий, сочувственно встреченных народными массами. Борьба с казнокрадством и упразднение многочисленных sinecur позволили несколько упорядочить республиканские финансы. Вмешательству военщины в государственные дела был положен конец. Большинство чиновников, назначенных прежней хунтой, было смещено; их заменили небогатые и незнатные люди — единомышленники Франсиа.

Иегрос, деливший с Франсиа верховную власть, не решался открыто сопротивляться новому политическому курсу, но негласно осуждал своего коллегу и сплачивал вокруг себя недовольных. К этому времени се-

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 14—15.

² Washburn Ch. A. «The history of Paraguay». Vol. I, p. 189—190. Boston. 1871. Уошборн, будучи послом США в Парагвае в 1861—1868 гг., имел возможность познакомиться с архивными документами; он черпал свои сведения также из рассказов стариков, помнивших времена Франсиа.

³ Ibidem, p. 200.

паратистский энтузиазм парагвайских креолов успел уже остыть. Многие из них с горечью говорили себе, что борьба против «портеньосов» (в 1811 г.) была роковой ошибкой и что под властью буэносайресского правительства интересы парагвайской знати были бы обеспечены надёжнее, чем под властью «выскочки», «демагога» и «учёного педанта» Франсиа. Отражая эти настроения, Иегрос настаивал на примирении с Буэнос-Айресом, и только решительное сопротивление «учёного педанта» помешало осуществлению этого предательского плана. Франсиа даже добился ареста и высылки из Парагвая ряда знатных креолов, заподозренных в тайных сношениях с Буэнос-Айресом¹.

В 1814 г. собрался III национальный конгресс Парагвая. Подавляющее большинство его членов были представителями демократических слоёв сельского населения. После горячих прений было постановлено ввиду «чрезвычайных обстоятельств» (опасность помещичьей контрреволюции и вооружённого вмешательства Буэнос-Айреса в парагвайские дела) учредить единоличную диктатуру. Диктатором был избран Франсиа.

Когда стали известны результаты голосования, в некоторых частях столичного гарнизона, находившихся под влиянием Иегроса, началось брожение. Но так как было очевидно, что народные массы поддерживают Франсиа, то реакционные офицеры не решились поднять мятеж. Главнокомандующий милицией генерал Кабальеро лично явился в казармы и несмотря на свою неприязнь к Франсиа уговорил милиционеров подчиниться решению конгресса².

Срок полномочий Франсиа был первоначально ограничен тремя годами. Но собравшийся в 1816 г. IV национальный конгресс, в соответствии с волей большинства народа, провозгласил Франсиа пожизненным главой республики.

VI

Доктор Франсиа руководил Парагваем в течение четверти века — до самой своей смерти, последовавшей 20 сентября 1840 года.

На протяжении всего этого периода Парагвайская республика оставалась под угрозой внутренней контрреволюции и иностранной интервенции. Народные массы должны были напрячь все силы для защиты своих завоеваний. Девиз республики гласил: «Свобода или смерть!» («Libertad o Muerte»). Страна была похожа на огромный военный лагерь, вся жизнь которого подчинена интересам обороны.

Тотчас же по приходе к власти Франсиа произвёл радикальную чистку всего государственного аппарата снизу доверху. Все чиновники, преданность которых новому строю внушала сомнения, были отстранены. Их место заняли новые люди: крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы. «При нынешнем строе, — констатировали Ренггер и Лоншан, — они (чиновники. — В. М.) выходят из низших классов общества»³.

Народные собрания («собрания выборщиков») намечали списки кандидатов, из которых верховная власть назначала чиновников⁴. Для всех должностных лиц республики, не исключая и самых высших, было установлено небольшое жалованье, значительно меньшее, чем во времена испанского господства.

Государственное управление было строго централизовано. Франсиа носил звание верховного правителя (el supremo); он объединял в своих руках все виды высшей власти (законодательной, исполнительной и судебной) и возглавлял вооружённые силы республики. После 1816 г. национальные конгрессы ни разу не собирались. Государственный совет,

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 23—25.

² Ibidem, p. 29—30.

³ Ibidem, p. 179.

⁴ «Сын отечества» № 7 за 1825 г., стр. 277. «О новейшей истории и нынешнем состоянии Южной Америки. Парагвай».

между членами которого было распределено текущее руководство отдельными ведомствами, нес ответственность только перед верховным правителем.

Вся страна была разделена на 20 областей (comandancias), каждая из которых в свою очередь делилась на округа (partidos). Управляли ими областные и окружные начальники, назначенные центральной властью и ответственные только перед нею.

Деятельность всех должностных лиц подвергалась тщательному контролю. Малейшие упущения влекли за собой суровые взыскания. Взятничество и казнокрадство преследовались беспощадно¹.

Опираясь на широкие массы крестьянства и городской мелкой буржуазии, правительство Франсиа повело борьбу с крепостническими порядками. Половина помещичьей земли была конфискована без выкупа и объявлена национальным достоянием (1826). Значительная часть образованного таким образом государственного земельного фонда была разделена на мелкие участки, которые сдавались крестьянам в вечную аренду за низкую плату, с условием чтобы арендаторы обеспечили тщательную обработку земли и разведение скота. Ренггер и Лоншан отмечали: «Аренда участка окружностью в четверть квадратной мили обходится не больше 1½ пиастров; между тем мы платили более чем вдвое дороже за наём лачуги в несколько квадратных сажень (toises), служившей нам пристанищем на охоте»².

Та часть национализированной земли, которая не сдавалась крестьянам в аренду, отошла под государственные животноводческие фермы, получившие название «отечественных поместий» (estancias de patria). Управление ими было возложено на специальных чиновников, деятельность которых тщательно контролировалась правительством. Сам Франсиа часто просматривал отчёты этих чиновников и давал им указания. Государственные животноводческие фермы поставляли коней для кавалерии и мясо для продажи на рынках по фиксированным ценам.

Правительство вело борьбу с косностью и рутинной в сельском хозяйстве. В принудительном порядке вводились новые сельскохозяйственные культуры: рис, маис, высшие сорта маниоки, различные овощи, хлопок и др. После того как в декабре 1819 г., незадолго до сбора урожая, саранча уничтожила посевы в самых плодородных районах страны, правительство предписало немедленно произвести перепашку и вторичный посев; это мероприятие, не имевшее прецедентов в истории Парагвая, увенчалось блестящим успехом и доказало, что в стране можно снимать два урожая в год. Этот урок был в дальнейшем учтён парагвайскими земледельцами, почти повсеместно перешедшими к двухпосевной системе³.

Много внимания уделялось развитию ремесленной промышленности. Впервые за всю историю Парагвая было налажено массовое изготовление «пончо» (плащи), шерстяных одеял и различных кожаных изделий. Были построены государственные заводы: пороховой и оружейный⁴.

Торговля подвергалась строгой регламентации. В 1821 г., в ответ на попытку столичных купцов резко повысить хлебные цены был введён максимум; в следующем году он был распространён на все товары широкого потребления⁵.

Парагвайские купцы, ведущие внешнюю торговлю, должны были получать лицензию на каждую партию экспортируемого товара. Вывоз производился через определённые пограничные пункты, под строгим контро-

¹ Об административной системе Парагвая см. Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 35, 174, 251.

² Ibidem, p. 246.

³ Rengger et Longchamp. Op. cit., p. 66—69.

⁴ Ibidem, p. 70—71.

⁵ Ibidem, p. 211.

лем специальных чиновников. Лицензии выдавались лишь тем купцам, которые принимали на себя обязательство доставить из-за границы оружие и другие военные материалы для парагвайской армии. Иностранные купцы, как и вообще все иностранцы, не имели права приезжать в Парагвай¹.

Правительство заботилось о народном просвещении. Было введено обязательное первоначальное школьное обучение. Существовавший в Асунсионе духовный семинарий был закрыт; вместо него были созданы военная школа для юношей и институт для девиц из неимущих семейств. По свидетельству Ренггера и Лоншана, в Асунсионе редко можно было встретить человека, который не умел бы читать и писать².

VII

Прогрессивные мероприятия, проведенные правительством Франсиа, вызывали крайнее недовольство реакционных элементов: богатых креольских помещиков, представителей высшего духовенства, зажиточных купцов, бывших испанских чиновников. Они мечтали о свержении революционной диктатуры. Правительство Буэнос-Айреса через своих тайных агентов вело подрывную работу в Парагвае, сплачивало силы парагвайской реакции, инспирировало контрреволюционные заговоры. Так например в 1817 г. из Буэнос-Айреса в Асунсион прибыл полковник Вальта-Брагас с заданием использовать недовольство местных знатных фамилий для подготовки контрреволюции. Этот тайный эмиссар был разоблачен и арестован; но парагвайским властям не удалось обнаружить все нити заговора.

Контрреволюционная организация продолжала свою деятельность. Через некоторое время она наметила уже и срок переворота — пасхальные праздники 1820 года. Предполагалось, что Франсиа будет убит на прогулке, и это послужит сигналом к мятежу. Но в последний момент заговор был раскрыт. Было арестовано несколько сот заговорщиков, в том числе бывший консул Иегрос и бывший главнокомандующий милицией Кабальеро. Первый из них был расстрелян, второй покончил самоубийством в тюрьме. Было казнено ещё около 40 заговорщиков, остальные были приговорены к тюремному заключению, конфискации имущества и ссылке на принудительные работы.

Новые аресты продолжались ещё в течение нескольких лет. Ренггер и Лоншан, при всей своей неприязни к Франсиа — «деспоту, подвергшему свой народ террористическому режиму», — подчёркивают при этом, что репрессии направлялись главным образом против «зажиточного класса» (*la classe aisée*)³.

К 1824 г. силы внутренней контрреволюции были разгромлены. Народные массы были тесно сплочены вокруг своего правительства. Революционный террор стал стихать. Аресты становились менее частыми; часть политических заключённых была освобождена. К началу 1825 г. в тюрьмах Парагвая насчитывалось не более 500 заключённых, из них политических — около 50⁴.

Франсиа вёл энергичную борьбу с католическим духовенством, тесно связанным с реакционными помещичьими кругами. Тотчас же после провозглашения революционной диктатуры был проведен ряд антиклерикальных мероприятий. Парагвайский епископ, не расположенный к новому строю, должен был уступить свои права заместителю (генеральному викарию), который стал управлять епархией под общим руководством Франсиа. Крестные ходы и ночные службы в церквах были запрещены.

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit, p. 32.

² Ibidem, p. 263.

³ Ibidem, p. 47.

⁴ Ibidem, p. 198.

Впоследствии, в 1824 г., был издан декрет о роспуске монашеских орденов; монастырское имущество было конфисковано, а монастыри превращены в солдатские казармы.

Франсиа обвинял духовенство в моральном разложении, в склонности к всевозможным интригам, в нежелании подчиняться светским властям. Чтобы яснее выразить, каких принципов он придерживается в отношении духовенства, Франсиа однажды сказал Ренггеру: «Если бы сам папа прибыл в Парагвай, я назначил бы его священником на казённом окладе»¹. Когда комендант одного пограничного укрепления обратился к правительству с просьбой прислать изображение какого-нибудь святого, который, согласно старинному обычаю, стал бы считаться «покровителем» укрепления, Франсиа ответил ему лаконичной запиской: «Парагваец, доколе ты останешься идиотом? Когда я ещё был католиком, я думал так же, как ты, но теперь я считаю пушечные ядра лучшими покровителями наших границ»².

Для защиты границ была создана дисциплинированная и хорошо вооружённая армия. Она состояла из 5 тыс. линейных войск и около 20 тыс. милиции. Командный состав комплектовался из рядовых, прослуживших в течение нескольких лет и обнаруживших выдающиеся военные способности; в большинстве случаев это были люди плебейского происхождения, до своего вступления в армию жившие «в самых жалких условиях»³. Раздача чинов производилась очень скупо и только за действительные заслуги. Во всей армии не больше полудюжины офицеров получили капитанские нашивки; все остальные были лейтенантами. Офицерское жалованье было невелико — от 16 до 30 пиастров в месяц (рядовые получали 6 пиастров). В строю и в казармах военнослужащие подчинялись строжайшей дисциплине; но вне строя они не подвергались никаким ограничениям и пользовались теми же правами, что и все остальные граждане. Военные упражнения происходили ежедневно с утра до ночи; Франсиа часто присутствовал на них, давал офицерам различные указания и делал им замечания по поводу замеченных им неправильностей в построениях и выправке солдат.

Милиция формировалась по территориальному принципу: милиционеры каждого округа составляли особую роту под начальством лейтенанта. В отличие от линейных войск они не носили военной формы. От случая к случаю их собирали на короткий срок. Каждый являлся со своим собственным оружием; тем, у кого не было оружия, выдавались пики. По миновании надобности милиционеров отпускали по домам.

В интересах сохранения своей независимости Парагвай вступил на путь экономической и политической самоизоляции. Внешняя торговля была ограничена и подчинена бдительному контролю властей; в 1828 г. она была вовсе запрещена. Границы страны были наглухо закрыты; даже почтовая связь была прервана. Иностранцы, решавшиеся проникать в Парагвай, подвергались аресту, и в большинстве случаев их больше не выпускали из страны. Известный французский ботаник Бонплан, задержанный на границе в 1821 г. и заподозренный парагвайскими властями в шпионаже, получил возможность покинуть страну лишь в 1830 году⁴. В течение всего этого времени он жил на предоставленной ему ферме, занимаясь сельским хозяйством и научными исследованиями. В 1823 г. Симон Боливар, глава креольского аристократического правительства Колумбии, через специального курьера отправил письмо Франсиа, угрожая Параг-

¹ Rengger et Longchamp. Op. cit. p. 56.

² Ibidem. p. 288. При всём своём антиклерикализме Франсиа не был атеистом. Он часто повторял: «Веруйте во что хотите, будьте христианами, иудеями, мусульманами, но только не будьте атеистами». Революционный диктатор Парагвая был деистом.

³ Rengger et Longchamp. Op. cit. p. 33.

⁴ Bealer L. W. «Dr. Francia (South American dictators during the first century of Independence)». Edited by A. C. Wilgus, p. 73. Washington. 1937.

ваю войной в случае, если Бонплан не будет освобождён¹. Франсиа не счёл нужным даже ответить на это письмо. В 1825 г. Боливар обещал производство сразу на два чина тому из своих офицеров, который возьмётся доставить Франсиа письмо с предложением обменяться парламентарями. Это поручение вызвался исполнить капитан Руис. В сопровождении 25 солдат он прибыл к пограничному парагвайскому посту. Его люди были тотчас же разоружены, а самого Руиса под конвоем отправили в Асунсион. У дома Франсиа ему не разрешили даже сойти с коня; приближённые верховного правителя взяли у него письмо Болизара, а через два часа вынесли ему письменный ответ. Этот ответ гласил: «Португальцы, аргентинцы, англичане, чилийцы, бразильцы и перуанцы уже выражали парагвайскому правительству пожелания, подобные тем, которые высказывает теперь Колумбия. Но результатом этого было лишь повторное подтверждение принципа, который лежит в основе счастливого режима, избавившего Парагвай от разграбления и других бедствий. Этот принцип (самоизоляции.— В. М.) останется в силе до тех пор, пока в Новом Свете не будет восстановлено спокойствие, царившее до появления «революционных» апостолов с масличными ветвями мира, предательски скрывающими кинжалы, при помощи которых эти нестолобцы намерены поразить свободу, от имени которой они выступают. Но Парагвай хорошо знает этих честолюбцев; пока я стою во главе парагвайского правительства, оно не изменит своей системы даже в том случае, если бы ради этой священной цели пришлось взяться за меч Справедливости»².

Система добровольной самоизоляции Парагвая неуклонно проводилась в жизнь до самой смерти Франсиа.

VIII

Правление Франсиа ознаменовалось проведением целого ряда прогрессивных мероприятий, рассчитанных на улучшение жизненных условий народных масс. Были созданы условия для ускоренного развития производительных сил страны на основе подлинной национальной независимости. В этом отношении Парагвай резко выделялся среди других государств Латинской Америки, в которых у власти стояла креольская помещичья аристократия.

Но вместе с тем политика Франсиа характеризовалась мелкобуржуазной ограниченностью и непоследовательностью. Помещичье землевладение, основанное на полуфеодальной эксплуатации крестьянства, не было уничтожено до конца, оно было только ограничено. Франсиа громил контрреволюцию, но не добил её. Забившись в потайные щели, она ждала и дождалась своего часа.

Этот час наступил уже после смерти Франсиа, скончавшегося от апоплексического удара в 1840 г., в возрасте 82 лет.

Преемником Франсиа на посту верховного правителя был Карлос Антонио Лопес (1841—1862). При нём система самоизоляции Парагвая была в значительной степени смягчена; речные порты были открыты для иностранных кораблей. Но правительство следило за тем, чтобы иностранные капиталисты, завязавшие сношения с Парагваем, в точности соблюдали существовавшие здесь законы и чтобы эти сношения не поставили под угрозу независимость страны. Принимались меры к укреплению мелкого крестьянского хозяйства; помещичье землевладение попрежнему подвергалось различным ограничениям. Был также проведён ряд мероприятий в интересах дальнейшего промышленного развития Парагвая.

После смерти Карлоса Антонио Лопеса Национальный конгресс вручил верховную власть его сыну Солано Лопесу. Между тем над Парагваем

¹ Письмо Болизара от 22 октября 1823 г. «Cartas de Bolivar» con notas de Blanco Fontbona, p. 54—55. Madrid. 1921.

² Письмо Франсиа от 23 августа 1825 г. опубликовано в работе Lockey J. B. «Pan-Americanism, its beginnings», p. 446—447. New York. 1920.

собирались грозные тучи. Реакционные помещики, господствовавшие в соседних странах Южной Америки, видели в этой республике очаг «революционной заразы». К тому же им внушали опасения быстрый экономический рост Парагвая и его военная мощь. В 1864 г. началась война Парагвая с Бразилией, Аргентиной и Уругваем; эта война продолжалась шесть лет и отличалась необычайным ожесточением. Армия и народные массы Парагвая героически защищали каждую пядь своей земли. Но они не могли противостоять натиску неизмеримо более сильных и многочисленных противников, на сторону которых перешли парагвайские помещики. В 1870 г. Солано Лопес был убит в бою; весь Парагвай был оккупирован войсками коалиции. Победители истребляли парагвайских крестьян десятками тысяч. Страшный голод, пережитый страной вслед за нашествием иностранных войск, в свою очередь унёс огромное количество жертв. Парагвай обезлюдел, как после чумы. В 1865 г. численность его населения составляла около 1 млн. человек, а в 1872 г. — только 250 тысяч. Промышленное развитие Парагвая было подорвано. Победители полностью восстановили классовое господство реакционных парагвайских помещиков. Иностранному капиталу был открыт доступ в Парагвай.

IX

Круг источников по истории Парагвая в период правления Франсиа крайне ограничен. Парагвайские государственные архивы погибли во время войны 1864—1870 гг. В американской и европейской прессе первой половины XIX в. отсутствовала достоверная информация о положении в Парагвае.

Основные источники, находящиеся в распоряжении историков, — это немногочисленные мемуары иностранцев, интернированных в Парагвае во времена Франсиа. Записки английских купцов Джона и Уильяма Робертсон («*Letters of Paraguay*», London, 1838) охватывают период до 1818 г.; записки швейцарских врачей Ренгера и Лоншана («*Essai historique sur la révolution du Paraguay*», Paris, 1827) доведены до 1825 года. Период с 1825 до 1840 г. не нашёл отражения в мемуарной литературе.

Литература о Франсиа довольно обширна. Личность этого незаурядного политического деятеля неоднократно привлекала внимание историков. Большинство буржуазных историков, рисуя портрет Франсиа, не скупилась на мрачные краски. Замечательно, однако, что даже некоторые реакционные историки не в состоянии были скрыть глубокого впечатления, производимого на них мощным образом Франсиа. Т. Карлейль видел в парагвайском диктаторе «южноамериканского Кромвеля», «человека железной воли и предприимчивости, великого и сурового труда»¹. В русской литературе положительная оценка Франсиа как борца за интересы народа была дана ещё в 1825 г. декабристом Николаем Бестужевым (см. Н. Бестужев. Статьи и письма. М. 1933).

В последнее время попытка вскрыть социальные корни диктатуры Франсиа была сделана американским историком Боксом. По его мнению, в Парагвае в 1814—1840 гг. господствовали «крестьяне-гуарани, представителем которых был доктор Франсиа»². Бокс считал политику Франсиа антикапиталистической и доказывал, что она была близка к системе «государственного социализма» (*state socialism*). Эта политика, по мнению Бокса, преследовала цель «помешать развитию или сохранению того комплекса скованных интересов, которые порождаются частной предприимчивостью и в освобождённом виде составляют основу буржуазного строя»³. В марксистской литературе история парагвайской революции не подвергалась ещё разработке.

¹ Carlyle Thomas. «Dr. Francia (Critical and miscellaneous essays)». Vol. III, p. 1—54. London, 1888.

² Box P. H. «The origins of the Paraguayan war». Vol. I, p. 12. Urbane, Illinois, USA, 1927.

³ *Ibidem*, p. 12.

ЭВОЛЮЦИЯ СОБСТВЕННОСТИ И СВОБОДЫ В РОДОПЛЕМЕННОМ И ВАРВАРСКОМ ОБЩЕСТВЕ

А. Неусыхин

1

Настоящая статья представляет собою усиленную попытку резюмирования основных идей, лёгших в основу нашей монографии «Собственность и свобода в варварских Правдах» (очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V—VIII вв.), но не в виде простого перечня выводов, а в форме сведения результатов конкретного исследования в общую картину и их теоретического осмысления. Само это исследование родилось из стремления автора приблизиться к возможно более конкретному пониманию процесса перехода от родоплеменного уклада к варварскому обществу и к начальным стадиям классового общества и возникновения феодальных отношений в варварских государствах Западной Европы V—VIII веков. Автору представляется наиболее целесообразным следить за закономерностями развития варварского общества по изменениям характера собственности и реального содержания свободы, которые и служат ориентирующей нитью в изучении хода этого процесса.

В специальной иностранной литературе собственность и свобода в варварском обществе нередко трактуются в духе категорий феодального или буржуазного общества, причём весьма часто происходит механическое перенесение этих категорий на социальный строй родоплеменного или варварского общественного уклада. Между тем как раз социально-экономические отношения таких переходных эпох, в течение которых только ещё складывается классовое общество, не поддаются определению и истолкованию при помощи категорий этого последнего и нуждаются в применении особых, более адекватных им категорий.

В иностранной исторической литературе, правда, были уже сделаны попытки приступить к выработке новых научных понятий, которые помогли бы уловить специфические особенности собственности и свободы указанного переходного периода. Так, Гальбан-Блюменшток¹ показал, как различны права общинной собственности и семейно-индивидуального владения на разные земельные угодья по Салической Правде. Гекк² и Виттих³ пытались поставить вопрос о природе свободы в варварских Правдах каролингской эпохи (главным образом Саксонской и Фризской) и даже наметить её градации в виде полной и неполной, «ущербной» свободы, которым соответствовало бы разграничение широкого слоя свободных соплеменников на полноправных свободных (Vollfreie) и менее свободных (Minderfreie). Рамм⁴ на англо-саксонском и скандинавском материале предложил ещё более сложное деление свободной массы варварского племени на следующие группы: рядовых свободных (Gemeinfreie), полноправных свободных (Vollfreie) и свободных высшего разряда (Hochfreie). Аналогичное деление проводит К. Маурер на скандинавском

¹ Halban-Blumenstock A. «Die Entstehung des deutschen Immobiliareigentums». Innsbruck. 1894.

² Heck «Die altfriesische Gerichtsverfassung». Weimar. 1894; «Die Gemeinfreien der Karolingischen Volksrechte». Halle a. S. 1900; «Die Standesgliederung der Sachsen im frühen Mittelalter». Tübingen, Mohr. 1927.

³ Wittich «Die Frage der Freibauern». Weimar. 1901.

⁴ Rhamm «Die Grosshufen der Nordgermanen». Braunschweig. 1905.

материале (см. ниже). Чэдвик¹, Поллок и Мэтленд², Либберман³ занимались выяснением градаций свободы у англо-саксов.

Однако все эти попытки не выводят нас за пределы чисто юридической трактовки проблем собственности и свободы в варварском обществе. В частности, Гекк принял намеченные им градации саксонско-фризского общества за сословия, а потому вся развернувшаяся вокруг его работы полемика пошла по линии обсуждения так называемой сословной проблемы без предварительного уяснения допустимости самого применения категории «сословия» к анализу социального строя тех племён, которые находятся на стадии перехода от бесклассового общества к классовому. И анализ собственности не пошёл далее выяснения её юридических оттенков. При этом задача реконструкции специфичности варварского общественного строя во всей его конкретности не только не была выполнена, но не была поставлена достаточно отчётливо. Однако упомянутые работы попутно привели к ряду интересных наблюдений.

Автор настоящей монографии стремится иначе поставить самый вопрос, а именно, показать неразрывную связь собственности и свободы и истолковать изменения этой связи как симптомы эволюции варварского общества в целом.

Сказанным объясняется и выбор источников для первой части монографии. Мы сосредоточили своё внимание прежде всего на тех *Правдах*, которые отражают эволюцию варварского общества в наиболее чистом виде, без сильного влияния римского права, и избрали близкие друг к другу памятники, допускающие сравнение (архаическую Салическую *Правду* и эдикт Ротари, которые допускают их сопоставление не только друг с другом, но и с саксонско-фризским кругом варварских *Правд*). Сопоставление производится путём изолированного изучения каждой *Правды* и последующего сравнения их друг с другом, ибо сравнение требует одинаковой степени изученности автором сравниваемых им объектов. Исключение сделано лишь для параллелей из англо-саксонских и скандинавских памятников, ибо они привлечены только в порядке иллюстраций, в качестве дополнительного подсобного материала. Работа построена главным образом на материале варварских *Правд* (Салической, Рипуарской, *Правды* франков-хамавов, Саксонской, Фризской, Лангобардской) с привлечением англо-саксонских законов, потому что автору важно было попытаться подойти хотя бы к частичному решению намеченной задачи путём изучения именно этих памятников, отражающих в силу самого их характера как раз повседневную практику обычного права.

Итак, наша работа посвящена исследованию процесса перехода от родоплеменного строя к варварскому государству.

Почему исследование этого процесса пошло по пути уяснения собственности и свободы в варварском обществе? Потому что на данной стадии общественного развития сочетание специфических форм первоначальной собственности с личной свободой её носителей ярче и полнее всего характеризует своеобразие лежащего в основе данного строя способа производства, который, в свою очередь, определяется степенью развития производительных сил. Понимание своеобразия указанного сочетания в родоплеменном и в варварском обществах является, таким образом, ключом к раскрытию хода развития по направлению от первого ко второму.

И в том и в другом основном условии производства является земля, и отношение индивидов, как трудящихся субъектов, друг к другу, представляет собою в то же время и определённую форму их отношения к земле. Однако земля является основным условием производства и в дру-

¹ Chadwick H. «Studies on Anglo-Saxon institutions». Cambridge. 1905.
² Pollock and Maitland «History of English Law». Vol. I. 1898.
³ Liebermann F. «Gesetze der Angelsachsen». Bd. I—III. Halle a. S. 1898—1916.

гих общественных укладах, — например в феодальном (особенно на ранних ступенях развития феодализма) и в рабовладельческом обществе, — и тем не менее там отношение трудящихся субъектов друг к другу и к земле абсолютно непохоже на то, которое характерно для родоплеменного и варварского укладов. Рабовладельческое и феодальное общество суть классовые общественные формации, в то время как в процессе перехода от родоплеменного строя к варварскому государству происходят как раз зарождение и возникновение классов. Следовательно, наша задача сводится к тому, чтобы выяснить ту специфическую форму взаимоотношения трудящихся субъектов друг с другом и их отношения к земле, которая присуща тем общественным укладам, где земля является основным условием производства, но при этом уровень развития производительных сил ещё не привёл к делению общества на резко выраженные классовые группировки (хотя их возникновение и намечается). Но выяснить эту специфическую форму — значит конкретно представить себе, чем же была в этих общественных укладах (родоплеменном и варварском) собственность трудящихся субъектов на землю, т. е. каково было их отношение к земле, и как складывались их отношения друг к другу в процессе производства. А так как они, — по крайней мере в основной своей массе, — выступают в варварских *Правдах*, как свободные, то уяснение этого их взаимоотношения сводится к установлению сущности и реального содержания свободы, а также и к определению тех её градаций и оттенков, которые возникали в процессе перехода от родоплеменного строя к варварскому государству, т. е. тех изменений, которые она претерпевала в связи с изменениями собственности. Ибо отношение трудящихся субъектов к земле (сфера собственности) менялось в тесной и неразрывной связи с изменением их отношения друг к другу (сфера свободы) и изменение первого определяло изменение второго. Наш ход мыслей вновь приводит нас к констатированной с самого начала необходимости выяснить особый характер этой неразрывной связи специфических форм первоначальной собственности на землю с личной свободой её носителей и при этом проследить ход развития этого сочетания.

Изучая варварские *Правды*, мы как бы присутствуем при самом зарождении собственности на землю, при выделении собственности трудящихся индивидов из собственности коллективной; процесс этого выделения и составляет главный объект нашего внимания в деле изучения форм собственности по варварским *Правдам*. Если временно отвлечься от отмеченной неразрывной связи форм собственности и свободы её носителей и сделать попытку изолированной трактовки этих форм, то прежде всего необходимо подчеркнуть следующее.

Изучать зарождение собственности можно лишь путём установления её специфических форм в том их виде, который реально создавался творцами этих форм в процессе их общественной жизни и отражался в их повседневной юридической практике и в их собственном юридическом мышлении, т. е. в так называемом обычном праве — без привнесения туда представлений о собственности, заимствованных из феодального, буржуазного или римского права. Ибо эти представления сложились в соответствующих классовых общественных формациях с развитыми формами собственности и не могут быть прилагательны для характеристики её первоначальных форм, имеющих место там, где сама

собственность лишь возникает и процесс классовобразования лишь начинается. Конечно, ясное представление о развитых формах собственности совершенно необходимо для успешного анализа её начальных форм, но лишь в качестве критерия для суждения об этих последних, в качестве масштаба для сравнения: следует тщательно избегать отождествления (вольного или невольного) этих принципиально различных форм собственности друг с другом. Стремлением избежать такого отождествления, а отнюдь не склонностью к «юридизму» в историческом мышлении¹ и вызвана наша попытка реконструкции начальных форм собственности в том их виде, как их представляли себе сами её творцы. А эта попытка осуществима лишь путём анализа отражения форм этой ранней собственности в обычном праве. Отсюда законный интерес к юридическому мышлению варварских Правд и к их терминологии. То же относится и к понятию свободы.

Итак, первый наш вопрос гласит: что такое та собственность, которую Маркс называет «первоначальной»?

Сам Маркс отвечает на этот вопрос следующим образом: «Определённая ступень развития производительных сил трудящихся субъектов (которой соответствуют определённые отношения их между собой и к природе) — вот в чём, в конечном счёте, причина разложения как коллектива, в который они организованы, так и основанной на нём собственности... Собственность означает, следовательно, первоначально (и таковой она является в её азиатской, славянской, античной, германской формах) отношение трудящегося (производящего) субъекта (или воспроизводящего себя субъекта) к условиям его производства или воспроизводства, как к своим (разрядка наша.— А. Н.). Поэтому она будет принимать различные формы сообразно условиям этого производства»².

«Присвоение естественного условия труда (земли, как самого первоначального орудия труда, лаборатории и хранилища сырья) происходит не при посредстве труда, но предшествует труду, как его предпосылка. Индивид относится к объективным условиям труда просто, как к своим (разрядка наша.— А. Н.), относится к ним как к неорганической природе своей субъективности, в которой эта субъективность сама себя реализует; главное объективное условие труда — это не продукт труда, а сама природа (разрядка Маркса.— А. Н.); с одной стороны — живой индивид, с другой — земля, как объективное условие его воспроизводства»³. Итак, первоначальная собственность — это, по Марксу, такая собственность, при господстве которой трудящийся (он же производящий или воспроизводящий себя субъект) относится к условиям его производства или воспроизводства как к своим, или, иными словами, при которой «индивид относится к объективным условиям труда» просто как к своим. По мысли Маркса, сущность собственности состоит именно в этом. «Но,— продолжает Маркс,— это отношение к земле как к собственности трудящегося индивида,... сразу же опосредствовано естественно сложившимся, в той или иной мере исторически развитым и видоизменённым существованием индивида, как члена определённой общины (разрядка Маркса.— А. Н.), его естественно сложившимся бытием, как члена племени и т. д. Изолированный индивид так же мало мог бы иметь собственность на землю, как и говорить...» «Отношение к земле, как собственности, всегда опосредствовано захватом (мирным или насильственным) земель племенем, общиной, имеющей более или менее естественно сложившуюся или уже

¹ Указанное отождествление само есть яркий образчик «юридизма», который мы как раз отвергаем.

² К. Маркс «Формы, предшествующие капиталистическому производству», стр. 29. Рукопись 1857—1858 гг., опубликованная в 1940 году ИМЭЛ.

³ Там же, стр. 16—17.

исторически развитую форму. Тут индивид никогда не может выступать так резко обособленным, каким он представляется, существуя просто как свободный рабочий»¹.

«Естественно сложившаяся племенная общность или, если угодно, стадность есть первая предпосылка... присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность как пастухов, охотников, земледельцев и т. д.). Земля — вот великая лаборатория, арсенал, доставляющий и средства труда, и материал труда, и место для поселения, базис коллектива. К земле люди относятся с наивной непосредственностью, как к собственности коллектива... производящего и воспроизводящего себя в живом труде. Каждый отдельный человек выступает только как звено (коллектива), как член этого коллектива, — он собственник или владелец»².

После этих дополнительных разъяснений становится совершенно очевидным то, что при толковании хода мыслей Маркса подразумевалось нами с самого начала, а именно: говоря об отношении трудящегося субъекта к условиям его производства (к земле), как к своим, и трактуя это отношение как самую сущность первоначальной собственности, Маркс, конечно, имел в виду общественное отношение трудящихся субъектов к земле; в соответствии со всем духом его учения он и не мог мыслить возникновение первоначальных форм собственности иначе, как возникновение определённого типа общественных отношений. Поэтому он и говорит об «отношении трудящихся субъектов между собой и к природе» и по той же причине подчёркивает, что первоначальная собственность сразу же и одновременно возникает и как отношение трудящихся индивидов к земле и как их отношение друг к другу (вспомним его формулу: «Но это отношение к земле, как к собственности трудящегося индивида... сразу же опосредствовано... существованием индивида, как члена определённой общины»)³ (разрядка наша. — А. Н.).

Следовательно, одна из центральных проблем первоначальной собственности сводится, по Марксу, к взаимоотношению между общиной и индивидом, и тем самым уже в самое определение первоначальной собственности, как некоего единства двух моментов — общинного и индивидуального, — включается намеченная нами выше неразрывная связь собственности на землю и свободы её носителей — в том смысле, в каком позитивное содержание этой свободы, в свою очередь, определяется той или иной формой отношения трудящихся субъектов друг к другу, т. е. той или иной структурой самой общины.

Но прежде чем мы перейдём к этой проблеме, мы должны уделить внимание ещё одной, не менее существенной черте «первоначальной» собственности, а именно: Маркс неоднократно подчёркивает, что трудящийся субъект (при господстве этой собственности) «относится к объективным условиям труда как к своим»⁴.

Что это значит? Маркс отвечает на это так: трудящийся субъект «с самого начала является не просто трудящимся индивидом, не абстрактно, но имеет в собственности на землю объективный способ существования, являющийся заранее существующей предпосылкой его деятельности... такой же, как его кожа, его органы чувств, которые он, правда, тоже воспроизводит и развивает и т. д.

¹ К. Маркс. Указ. соч., стр. 17.

² Там же, стр. 5—6.

³ Там же, стр. 17.

⁴ Там же, стр. 16—17, 29.

в процессе жизни, но которые, как предпосылка, предшествуют самому этому процессу воспроизводства»¹.

Точно так же «присвоение естественного условия труда (з е м л и)... происходит не при посредстве труда, но предшествует труду, как его предпосылка»². «Действительное присвоение посредством процесса труда происходит при таких предпосылках, которые сами не являются продуктом труда, но представляются его естественными или божественными предпосылками»³. Или, иными словами, индивид относится к условиям труда как к своей собственности «не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они являются предпосылкой труда, т. е. производства». Поэтому-то он и «относится к условиям его производства и воспроизводства как к своим», «как к неорганической природе своей субъективности»⁴, т. е. на этой ранней стадии развития общественный человек ещё так тесно связан с условиями своего производства, что эти условия не создаются в результате воздействия общественного человека на внешнюю природу, а являются предпосылкой этого воздействия. Вследствие этого и отношение трудящихся субъектов к этим условиям производства приобретает характер собственности не в силу того, что они результат труда, а в силу того, что они его предпосылка.

Главное условие производства — «земля» — выступает как естественное условие труда, а не как уже подвергнутое общественному воздействию и видоизменению. «Рабочий относится к объективным условиям своего труда, как к своей собственности; это и есть естественное единство труда с его вещными предпосылками. Поэтому независимо от труда рабочий имеет предметное существование. Индивид относится к самому себе, как собственник, как хозяин условий своей деятельности»⁵.

Подобно тому как орудия труда первоначально возникают в качестве продолжения членов человеческого тела, так и условия труда первоначально присваиваются как естественные условия труда, как «неорганическая природа субъективности» трудящегося индивида, который и относится к ним «просто как к своим». А такое отношение индивида к условиям труда «предполагает определённое бытие индивида, как члена известной племенной организации или коллектива»⁶.

Это отношение сквозит в некоторых нормах обычного права ранней поры, например хотя бы в том, что Салическая Правда не считает нужным даже упомянуть о судьбе выморочного земельного участка, ограничиваясь лишь негативным запретом его наследования женщинами⁷. Как бы мы ни пытались конкретно представить себе способ использования этого участка, мы наталкиваемся на непреодолимые трудности: ни раздел этого участка между соседями на неясных для нас основаниях (между всеми односельчанами или лишь между ближайшими соседями? Поровну или в известной пропорции?), ни передача его в пользование кому-либо из них (которая прямо противоречила бы смыслу § 5-го), ни выделение его в качестве составной части какого-то запасного земельного фонда (может быть, с превращением его в пастбище?) не может считаться сколько-нибудь удовлетворительным раскрытием дальнейшей судьбы выморочного надела. Единственное, что мы узнаём — да и то из более позднего памятника, из эдикта Хильперика⁸, — это то, что на подобные

¹ К. Маркс. Указ. соч., стр. 17 (подчёркнуто Марксом. — А. Н.).

² Там же, стр. 16.

³ Там же, стр. 6 (подчёркнуто Марксом. — А. Н.).

⁴ Там же, стр. 15—17 (разрядка наша. — А. Н.).

⁵ Там же, стр. 1 (разрядка наша. — А. Н.).

⁶ Там же, стр. 29—30.

⁷ «Lex Salica», LIX (De alodis), § 5.

⁸ «Lex Salica», Capitulare, V, § 3.

наделы претендовали соседи; но мы и по данным этого эдикта не в состоянии установить, в какие конкретные формы собственности или совладения выливалось осуществление этих претензий. Неуловимость этих форм и, главное, полное молчание Салической Правды о судьбе выморочного участка свидетельствуют прежде всего о том, что составителям этого памятника она представлялась чем-то само собой разумеющимся (так же как и содержание «свободы» каждого соплеменника), в то время как от нас она ускользает.

Несомненно лишь одно: выморочный участок не становился объектом индивидуальной собственности, ибо иначе на это было бы указано в той главе Салической Правды, которая посвящена порядку наследования и тем самым отражает как раз процесс выделения индивидуальной собственности из общинной; но способ общинного использования этого участка остаётся от нас скрытым, в то время как составителям Правды он представляется, с одной стороны, само собой разумеющимся, а с другой стороны, неподдающимся определённой фиксации в терминах собственности, что, может быть, объясняется многообразием возможных форм его общинного использования. А это и значит, что составители Правды ещё не окончательно утратили то исконное, первичное отношение трудящихся индивидов к условиям производства (в данном случае, к земле) «просто как к своим», которое «предполагает определённое бытие индивида как члена известной племенной организации или коллектива» (Маркс). Ко времени фиксации норм главы «De alodis» историческое развитие успело внести одно весьма существенное изменение в это отношение, в виде санкционирования передачи земельного участка по наследству, — правда, лишь в пределах прямого потомства по мужской линии. Но здесь, при анализе первоначальной собственности, нас интересует не это новшество, а то отношение трудящихся субъектов к земле и друг к другу, которое имело место до его появления и следы которого сохранились ещё в самом порядке наследования главы «De alodis».

Как видим, оно опять-таки приводит нас к взаимоотношению между общиной и индивидом.

Однако это взаимоотношение может принимать весьма различные формы у разных народов и проходить различные стадии развития у одних и тех же народов. Вспомним ещё раз формулу Маркса: «Собственность означает... первоначально... отношение трудящегося... субъекта... к условиям его производства или воспроизводства, как к своим. Поэтому она будет принимать различные формы согласно условиям этого производства»¹. «Эта форма, в основе которой лежит то же самое основное отношение (т. е. коллективная собственность на землю), сама может реализоваться различным образом»².

Указанное Марксом различие форм первоначальной собственности в зависимости от условий производства сказывается прежде всего в том, что у варварских народов Западной Европы в начале нашей эры, говоря его же словами, «индивидуальная земельная собственность не выступает... как форма, противоположная земельной собственности общины, ни как ею опосредствованная, а наоборот: община существует только во взаимных отношениях этих индивидуальных земельных собственников, как таковых» (разрядка наша. — А. Н.).

«Общинная собственность, как таковая, выступает только, как общая принадлежность индивидуальных поселений соплеменников и индивидуальных земельных заимок. (Германская) община это — не субстан-

¹ К. Маркс. Указ. соч., стр. 29.

² Там же, стр. 6.

ния, по отношению к которой отдельный человек выступает только как акциденция (как в восточной общине)»¹.

«Индивид относится к самому себе, как собственник, как хозяин условий своей деятельности. Так же относится он и к другим, — и смотря по тому, имеет ли эта предпосылка своим основанием общину в целом или же отдельные семьи, образующие общину, индивид относится к другим как к соучастникам в собственности, носителям общей собственности, или же как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим»².

Эта особенность общины у западноевропейских варварских народов в начале нашей эры свидетельствует о том, что ко времени фиксации норм их обычного права в варварских *Правдах* они уже успели проделать известный путь исторического развития, который и привёл к возникновению отмеченного Марксом своеобразия их общинного строя. Этим и объясняется то, что даже в наиболее архаических нормах этого обычного права столь трудно уловить первичное отношение трудящихся субъектов к земле и друг к другу. Очевидно, первоначальная собственность выступает в варварских *Правдах* уже в изменённом виде, а именно в качестве сочетания общинной собственности с индивидуальной — и притом градуированной — земельной собственностью на различные земельные угодья, которая ограничена или лимитирована общей собственностью (рода, племени или общины). Такой тип собственности складывается у древнегерманских народов, повидимому, ещё в эпоху родоплеменного строя, и к этому типу возникающей собственности вполне приложима характеристика, данная Марксом так называемой «германской» форме общины и приведённая нами выше. Намеченный ход мыслей расчищает путь к обобщению результатов проделанного нами конкретного анализа собственности и свободы по некоторым варварским *Правдам*.

Для того чтобы конкретно представить себе ту специфическую форму сочетания общинной и индивидуальной собственности на землю, которая характерна для древнегерманских народов в эпоху родоплеменного строя, необходимо исходить из структуры населённого пункта («виллы», по терминологии Салической *Правды*). Этот населённый пункт — деревню или село — следует представлять себе в виде совокупности дворов или домохозяйств, объединённых в такую общину, «которая существует только во взаимных отношениях этих индивидуальных собственников, как таковых»³. Здесь «предпосылка деятельности трудящегося субъекта»⁴ «имеет своим основанием» не «общину в целом», а «отдельные семьи, образующие общину» (разрядка наша. — *А. Н.*), и поэтому «индивид относится к другим» не «как к соучастникам в собственности и носителям «общей собственности», а «как к самостоятельным собственникам наряду с ним самим»⁵.

Совокупность домохозяйств представляет собою, таким образом, совокупность отдельных семей, образующих общину указанного типа, причём некоторые из этих домохозяйств могли иногда, в свою очередь, составлять небольшую домовую общину в виде расширенной семьи из представителей трёх поколений⁶. Как бы то ни было, но индивидуальными

¹ К. Маркс. Указ. соч., стр. 15—16 (разрядка наша. — *А. Н.*).

² Там же, стр. 4 (разрядка наша. — *А. Н.*).

³ Там же, стр. 16.

⁴ Ср. там же, стр. 17.

⁵ Ср. там же, стр. 4.

⁶ Некоторые — впрочем, недостаточно ясные — указания на этот счёт содержит гл. LVIII Салической *Правды* (*De chrenecruda*).

владельцами некоторых земельных угодий — пахотной земли, виноградника, сада и огорода — являются здесь именно главы отдельных домохозяйств, выступающих в качестве производящих или трудящихся субъектов и тем самым играющие в доклассовом обществе ту роль, которая в классовых общественных формациях выпадает на долю непосредственных производителей. Собственность этих индивидуальных владельцев не только различна по отношению к разным земельным угодьям, но она неполна по отношению к любому разряду этих угодий, поскольку она ограничена общей собственностью всех обитателей данного населённого пункта. Такую форму собственности отражает древнейший текст Салической Правды¹. Градуированность земельной собственности на разные угодья вскрывается наличием различной системы штрафов за нарушение огороженного пространства, а также границ разных земельных угодий и за присвоение соответствующих продуктов производства. Как показывает анализ этой системы штрафов, наибольшей интенсивностью отличалась индивидуальная собственность на дом с садом и со всеми пристройками и вообще на всякую земельную площадь, обнесённую изгородью, затем — на виноградник, огород и пахотное поле (в убывающей степени), наименьшей интенсивностью — собственность на луг, нарушение границы которого вовсе не каралось штрафом (виновный в покосе чужого луга платится за это лишь утерей результатов своего труда), в то время как лес составлял общинную собственность, лишь используемую отдельными домохозяевами на определённых основаниях².

Однако индивидуальная собственность на любое из этих угодий (независимо от той или иной степени её интенсивности) не есть полная собственность, близкая по типу своему к частной собственности, ибо она лимитирована теми «взаимоотношениями этих собственников как таковых, друг к другу», которые и превращают совокупность домохозяйств в общину. Эта неполнота собственности отдельных домохозяйств, проистекающая из её лимитированности общинной собственностью всей их совокупности, явствует не только из уже отмеченного выше умолчания главы «De alodis» о судьбе выморочного участка, но и из порядка вселения *migrans'a* в виллу³, из отсутствия купли-продажи недвижимости и из сложной процедуры передачи имущества (в том числе, повидимому, и земли) путём «аффатомии», представляющей собою нечто среднее между начальным этапом возникновения заветания и зародышевой формой дарения⁴.

Отдельные домохозяева, которые с экономической точки зрения являются трудящимися или производящими субъектами, выступают в варварских Правдах с социальной стороны, как свободные.

На стадии родоплеменного уклада, отражённой в наиболее архаических частях Салической Правды, социальные градации в среде этих свободных трудящихся субъектов в полном соответствии с охарактеризованной выше ранней формой неполной собственности ещё отсутствуют, хотя уже и намечаются предпосылки имущественного расслоения. Но именно поэтому свобода носит здесь позитивный характер, ибо её содержание определяется взаимоотношением индивидуальных собственников, образующих общину. Как раз эти взаимоотношения производящих субъектов друг к другу, складывающиеся в процессе производства, представляют собой источник их свободы, а не про-

¹ Это положение подробно развито и аргументировано нами в статье «Свобода и собственность в варварском обществе по Салической Правде». «Известия Академии наук СССР». Серия истории и философии. Т. II, № 4. 1945, стр. 253 — 265. Поэтому мы ограничимся здесь лишь немногими его иллюстрациями.

² «Lex Salica», tit. XXVII, §§ 6—15, 16—19; tit. IX, Ad. 2; tit. VII, Ad. 11.

³ *Ibidem*, tit. XLV.

⁴ *Ibidem*, tit. XLVI.

противопоставление их социального положения несвободе раба. Ибо, во-первых, не рабы, а свободные составляли в родоплеменном обществе времён Салической Правды основную массу трудящихся субъектов, а, во-вторых, свобода этих последних не исчерпывается отсутствием их рабской зависимости от других лиц, а содержит ряд положительных признаков, и притом как раз таких, которые характерны именно для домохозяев — общинников отмеченного нами типа.

Эта свобода сводится к полному праву и характеризуется совокупностью таких прав, которые определяются положением свободного домохозяина в общине и его положением как трудящегося субъекта, являющегося членом племени, а потому и складываются в самом процессе общинно-индивидуального хозяйствования (или производства) и совладения. Эти права отличаются двумя весьма любопытными чертами: во-первых, они являются в то же время и обязанностями, а, во-вторых, некоторые из них, строго говоря, даже трудно назвать правами, так как они являются чем-то само собою разумеющимся, непосредственно вытекающим из положения индивида в коллективе, в то время как «право» предполагает наличие чего-то опосредствованного. Вряд ли можно всерьёз трактовать как «право» принадлежность свободного производящего субъекта к «роду», ибо, скорее, наоборот — она-то и определяет его права как сородича, а между тем в этой принадлежности коренится его «право» стать членом хозяйственного коллектива, и отсюда, в свою очередь, проистекает позитивное содержание его свободы.

Права, составляющие содержание этой свободы, сводятся к наличию владельческих прав на земельный участок и пользование неподелёнными угодьями (со всеми вытекающими отсюда имущественными правами), к праву ношения оружия и участия в сотенных или окружных судебных собраниях. Любое из этих прав является в то же время и обязанностью его обладателя: владение земельным участком обязывает соблюдать правила пользования различными угодьями, в порядке охарактеризованной выше разной интенсивности индивидуальной собственности на каждое из них, и считаться с интересами совладельцев в деле допущения новых поселенцев и эксплуатации неподелённых земельных территорий; право ношения оружия есть в то же время обязанность каждого свободного соплеменника выступать в качестве члена народного ополчения, а неявка в судебное собрание карается весьма строго.

Таким образом, отмеченные выше две черты полноправия свободного трудящегося субъекта в родоплеменном обществе лишь на первый взгляд кажутся парадоксами его свободы, ибо на самом деле они теснейшим образом связаны с генезисом этого полноправия из специфического характера первоначальной собственности, возникающей одновременно и как отношение трудящихся субъектов к земле и как их отношение друг к другу.

Наличие родоплеменной, а иногда (как, например, в Салической Правде) лишь дружинной знати, а также сравнительно небольшого числа полусвободных и рабов не меняет на данной стадии того основного факта, что главная масса племени состоит из равноправных свободных, являющихся в то же время трудящимися субъектами, объединёнными в общину совладельцев.

Переход от родоплеменного уклада к варварскому государству характеризуется изменением формы собственности и ростом социального расслоения. Изменение прежней формы собственности идёт в сторону усиления роли индивидуальной собственности отдельных домохозяев за счёт общей собственности всей совокупности обитателей населённого пункта. Симптомами этого процесса являются такие факты, как распространение прав наследования выморочного участка на лиц женского пола

с одновременной отменой притязаний соседей на этот участок (эдикт Хильперика, § 3) и переход от «аффатомии» времён Салической Правды к практике завещаний и земельных дарений с предпосылками прекария.

Процесс этого перехода весьма ясно отражён в эдикте Ротари¹. В этом памятнике дарение первоначально выступает в форме устного завещания или передачи имущества через посредников, наподобие «аффатомии»², причём право на такую передачу обставлено целым рядом ограничений в пользу законных наследников дарителей³; но впоследствии подобные акты настолько учащаются, что повседневная практика дарений приводит к возникновению такой их формы, которая уже близка к прекарию — передаче малоимущим свободным соплеменником своего земельного владения состоятельному лицу с оговоркой о сохранении за дарителем до его смерти права пользования переданным владением и с постулируемой эдиктом пожизненной материальной помощью, оказываемой дарителю со стороны получателя⁴.

Параллельно с распространением этих новых форм дарения у лангобардов идёт и процесс разложения или распада так называемой большой семьи, или домово́й общины: так, если один из братьев, оставшихся совместно жить в общем доме после смерти отца, получал что-либо в качестве дарения, то это становилось его личной собственностью, точно так же как приобретённое им на личной службе у короля или герцога, в то время как захваченная на войне добыча поступала в общую собственность неразделившихся братьев, а в случае женитьбы одного из них «мета» (приданое, покупная цена жены) уплачивалась из их общего имущества⁵.

Как видим, даже в недрах не распавшейся ещё большой семьи уже разграничивается индивидуальная и общая собственность, но нередко дело доходит до полного её распада путём прекращения общего хозяйствования братьев; в таком случае происходит раздел их имущества поровну. Когда такие разделы становятся повсеместным явлением и когда братья начинают основывать отдельные хозяйства ещё при жизни отца, тогда домохозяева, составляющие население деревни, превращаются во владельцев, стоящих во главе малых индивидуальных семей. Однако и этот процесс, по видимому, завершается не сразу, и в течение долгого времени деревня носит в этом смысле смешанный характер, т. е. состоит как из домохозяйств, представляющих собой большую семью, так и из таких домохозяйств, каждое из которых включает лишь одну малую семью.

Но и отмеченное выше усиление роли индивидуальной собственности отдельных домохозяев за счёт общей собственности обитателей деревни приводит далеко не сразу к торжеству первой над второй, — несмотря на широкое распространение практики земельных дарений и на возникновение нового порядка наследования, зафиксированного для франков эдиктом Хильперика, а для лангобардов — эдиктом Ротари⁶. Ибо наряду с этими новыми явлениями этот последний отражает и те архаические черты индивидуальной собственности, с разной степенью её интенсивности по отношению к различным земельным угодьям, которые характер-

¹ Кратко сформулированные здесь выводы из анализа эдикта Ротари подробно аргументированы в той главе настоящей монографии, которая посвящена понятию свободы по эдикту Ротари и дана в печать в виде статьи в сборник Института истории АН СССР памяти акад. Д. М. Петрушевского («Средние века». Вып. II, печатается); ср. также нашу статью «Общественный строй лангобардов в VI—VII вв.» («Средние века». Вып. I, 1942).

² R_o, § 172.

³ R_o, § 168, 171.

⁴ R_o, § 173.

⁵ R_o, § 167. «De fratres qui in casem communem remanserent».

⁶ R_o, § 153—163.

для родоплеменного уклада. Однако, если индивидуальная собственность и не сразу торжествует над общей собственностью, то усиление её роли всё же приводит к возникновению новой её формы, при которой не только постепенно отпадают отмеченные выше признаки неполноты индивидуальной земельной собственности, разной степени её интенсивности и её ограниченности общей собственностью, но и узаконяется переход недвижимости из рук в руки как путём дарений, так и путём прямой купли-продажи земельных владений.

В соответствии с ростом этой новой формы собственности идёт и возникновение социальных градаций в среде свободных. Имущественное расслоение уже приводит к возникновению различных социальных статусов внутри общей массы свободных, и соответственно дифференцируется самое понятие свободы, которое становится многозначным. Эта многозначность — симптом социальной дифференциации и лежащего в её основе процесса классовообразования, а поэтому уловление разных значений «свободы» в варварском обществе важно для установления разных этапов процесса классовообразования, который тоже проходит ряд ступеней и отличается многообразием оттенков и переходов.

На ранних ступенях возникновения новой формы собственности и расслоения в среде свободных в соответствующих варварских Законах ещё отсутствуют прямые указания на наличие разных социальных статусов внутри свободных, но имеются свидетельства в пользу их зарождения: а) в виде колебания вергельда свободного в зависимости от его принадлежности к тому или иному роду, б) в виде патроната одних свободных над другими и, наконец, в) в виде применения различных терминов для обозначения разных категорий свободных¹. Колебания вергельда свободного в зависимости от его принадлежности к тому или иному роду находим не только в эдикте Ротари с его приёмами определения вергельда убитого каждый раз «сообразно его качеству», «родовитости» или «знатности» (*secundum qualitatem, generositatem personae, id est in angar gatthungi*)², но и в западно-норвежских памятниках обычного права («*Gulathingsslög*» и «*Frostuthingslög*») и в законодательстве короля Magnus Lagaboetir XIII века.

В западно-норвежских сборниках права *höldar* — представители привилегированного слоя внутри широкой массы равноправных свободных (*bondi*) отождествляются с «*odalborinn men*» — людьми, которые с обеих сторон «*odalborinn*», т. е. являются обладателями родовых земельных владений, — «*odal*», причём эти владения издавна переходят по наследству в пределах одного рода или одной семьи по прямой нисходящей линии мужских потомков. И вот в законах Magnus Lagaboetir устанавливается новый порядок исчисления вергельдов этих «*höldar*» (которых отнюдь не следует просто-напросто отождествлять со знатью, ибо таковая возвышалась над ним в виде землевладельцев — «*lendirmen*»). Согласно этому порядку, вергельды и пени тех или иных «*höldar*» должны определяться каждый раз особыми оценщиками, и при этом высота вергельда и пени в каждом отдельном случае зависела не от положения данного лица, а от того, к какому роду из числа привилегированных родов («*höldsætt*») оно принадлежало и каковы были размеры земельных владений этого рода («*odal*»-«*Stammgut*»)³. Патро-

¹ Все эти свидетельства подобраны и анализированы нами в III главе нашей монографии «Саксонские фрилинги и эделинги (в свете данных фризских, англо-саксонских и скандинавских памятников)». Здесь приводятся лишь наиболее характерные иллюстрации общих положений.

² *Rb.*, §§ 11, 14, 48, 74, 75, 141, 378 (ср. вышеуказанные наши статьи о лангобардах).

³ Изложено по следующим работам Конрада Маурера: 1. *Vorlesungen über altnordische Rechtsgeschichte*, Bd. I; «*Altnorwegisches Staatsrecht*», S. 125—134. Leipzig, 1907; 2. «*Die norwegischen Höldar*». «*Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen*

нат одних свободных над другими засвидетельствован прямыми данными эдикта Ротари¹, уэссекских законов Инэ и Альфреда², «Lex Frisionum»³, а также косвенными указаниями «Lex Saxonum»⁴.

Различие терминов, обозначающих разные категории свободных, характерно в равной мере и для эдикта Ротари с его выделением особого слоя «fulcfrée» внутри широкой массы «liberi»⁵ и для норвежских памятников, которые обозначают разные слои свободных при помощи различных терминов: «arboðinn men» (социальная группа, объемлющая равноправных свободных и либертинов высшего разряда, наподобие лангобардских «fulcfrée» и англо-сакских «folcfrý»), «bondi» (широкая масса полноправных свободных собственников), «höldar» (привилегированный слой обладателей родовых земельных владений внутри этой массы)⁶, и, наконец, для законов кентского короля Уитреда⁷ 695—696 гг., где наряду с термином «кэрл» (простой свободный) уже фигурирует термин «folcfrý», объемлющий и всех свободных (наподобие того, как понятия «frigman» в более поздних законах Альфреда и Ательстана включают в свой состав и кэрлов, и эрлов, и вольноотпущенников высшего разряда)⁸.

Однако наличие всех трёх признаков зарождения разных социальных статусов внутри свободных не всегда выступает одновременно; и, в частности, имущественное расслоение не обязательно приводит к колебаниям вергельда свободных, в чём мы могли убедиться уже на примере Салической Правды.

Другой любопытный пример дают уэссекские законы Инэ (688—695) и договор Альфреда с Гутрумом (880—890), а также и некоторые другие англо-саксонские памятники, где при далеко зашедшем процессе классового образования вергельд простого свободного — кэрла — остаётся неизменным (200 шил.), несмотря на наличие имущественной дифференциации в среде кэрлов по их повинностям (gafol) в пользу государства (королевской власти) и частных лиц⁹.

Таким образом, и на более поздней стадии развития варварского общества единообразный вергельд членов данного социального слоя может покрывать весьма значительную пестроту реальных различий внутри этого слоя (кэрлы — свободные мелкие собственники и кэрлы — держатели с различными повинностями при тенденции расслоения кэрлов на свободное и зависимое крестьянство), что представляет собою явление, обратное колебаниям вергельда свободных при отсутствии резко выраженных социальных статусов в их среде. И то и другое лишь раз подтверждает ту мысль, что вергельды сами по себе ещё не являются достаточным основанием для суждения о социальном статусе защищённых ими лиц. Но эти факты указывают кроме того и на

und historischen Klasse der Bayerischen Akademie der Wissenschaften zu München». Jahrgang 1889. Bd. II. Heft II, S 201—202, 204.

¹ Ro, § 167, 177, 225 (privatorum hominum obsequium). (Ср. указанные выше статьи о лангобардах).

² Ср. главфордат над кэрлами и эрлами у Инэ, 3, § 2 и у Альфреда, 4, § 2.

³ «Lex Frisionum», tit. I, XI.

⁴ «Lex Saxonum», tit. XXV, XXVI; ср. XLIV, LXII; «Capitulatio», XII, XIII. Nithard, «Hist», IV, 2. Подробный разбор соответствующих текстов дан в главе о саксонских фрилингах и эделингах.

⁵ Ro, § 216, 224, 225, 257.

⁶ Изложено по цитированным выше работам К. Маурера.

⁷ Wihfred, 8 («Gesetze der Angelsachsen». Hrsg. von F. Liebermann. Bd. I, S. 13. Halle a. d. S. 1903).

⁸ Само собой разумеется, что мы сближаем здесь лишь те памятники, которые по целому ряду соображений допускают подобное сближение.

⁹ Ср. «Coerl on gafolland» (Alfred and Cutrum § 2, — свободный, но экономически зависимый чиншевик) в сопоставлении с вергельдом чиншевик-уэльса (wealth gafolgelda) у Инэ, 23, 3. Ср. также описание повинностей гебура в «Rectitudines singularum personarum», 4, § 1—2. (Liebermann, Gesetze der Angelsachsen». Bd. I, S. 446—447).

то, что процесс перехода к новой форме собственности и её утверждения может протекать различно и приводить к весьма различным социальным последствиям. Если мы мысленно отвлечёмся от многообразия возможных «ступеней и переполюсов» этого процесса и постараемся уловить его основную тенденцию, то мы должны будем констатировать, что на более поздних ступенях развития варварского общества появляются различные социальные статусы внутри свободных с различными вергельдами, размер которых уже твёрдо установлен и фиксирован, и что при этом в *Правдах* некоторых народов различие вергельдов поставлено в строгое соответствие с размерами земельной собственности. Данные о различных социальных статусах внутри свободных с разными твёрдоустановленными вергельдами находим в амлеманских законах, где свободные делятся на «*primi*», «*mediani*» и «*minofledi*» с вергельдами в 160, 200 и 240 солидов и где все они тем не менее продолжают считаться членами широкого слоя свободных¹, а также в законе лангобардского короля Лиутпранда (от 724 г.), который уточняет формулу эдикта Ротари о взимании вергельда свободного сообразно качеству лица и разъясняет, как следует понимать это «качество», устанавливая для «*primi*» в среде свободных («*exercitales*») вергельд в 300 солидов, а для «*minimae personae*» в 150 солидов². Но особенно любопытны указания англо-саксонских *Правд* и прочих юридических памятников Англии VII—XI вв. на соответствие этих статусов и вергельдов с размерами земельной собственности.

В уэссекских *Правдах* и в законах Северной Англии наряду с делением всего свободного населения страны на кэрлов и эрлов постоянно встречается и другое деление — по размерам вергельда — на *twelfhynde*, *syxhynde* и *twyhynde*. Установление соответствия этих двух приёмов классификации друг с другом представляет значительные трудности, во-первых, потому, что большей частью сами памятники прямо не указывают на эти соответствия, а, во-вторых, ещё и потому, что наряду со старыми социальными слоями кэрлов и эрлов возникают новые, и, в частности, растёт значение служилой знати — гезитов и тэнов. Однако если мы отнесём этих последних к разряду *twelfhynde* (на что имеются достаточные основания), то кэрлов можно будет отождествить с *twyhynde*. Правомерность такого отождествления явствует хотя бы из тех текстов законов Альфреда (871—899), где сопоставление дано по типу *twelfhynde*, *syxhynde* и кэрл³, а также и из передачи в *Instituta Cnuti* термина *twyhynde* (Alfr. 29) через *coerlman*⁴.

Не совсем ясным остаётся лишь социальный статус *syxhynde*: впрочем, известный намёк на него содержит передача этого термина при переводе текста глав 30 и 39, § 2 законов Альфреда в *Instituta Cnuti* через *gadscniht*, ибо этот последний термин исследователи единогласно толкуют как англо-саксонское обозначение промежуточного слоя, стоящего между тэнами и кэрлами⁵.

Законы Инэ и интенсивно использовавшая их частная компиляция X в., известная под названием «*Nordlead laga*», устанавливают соответствие между вергельдом жителя Уэльса и размерами его земельных вла-

¹ «*Pactus Allamancrum*», II, 36—38; *Lex Allamancrum*, XLV, LX.

² *Liutprandi Leges* § 62; «*Nunc autem statuere praevidemus quomodo sit ipsa qualitas consideranda. Consuetudo enim est ut minima persona, qui exercitalis homo esse invenitur, 150 solidos componatur et qui primus est 300 solidos*».

³ Ср. *Alfred* 10; 18; § 1—3; 29—31, 39, § 1—2; 40.

⁴ *Instituta Cnuti*, III, 5—8; quem quidem Angli dicunt *twyhynde* et alii *coerlman*. Ср. также передачу текста гл. 39, § 2 законов Альфреда в «*Instituta Cnuti*», а кроме того *Ine*, 19 и *Aethelstan*, VI, гл. 8, § 2 (930—940); см. по этому поводу комментарий *Liebermann's* «*Gesetze der Angelsachsen*», Bd. III, S. 56, Halle a. S. 1916; Bd. II, 1912, S. 381, 388.

⁵ Ср. *Pollock and Maitland «History of English Law»*, Vol. I, p. 288—289; *Liebermann*, Op. cit. Bd. II, S. 180; *Chadwick H. Studies on Anglo-Saxon Institutions*, Cambridge, 1905, p. 88—89, 103.

дений: уэльсец, имеющий пять гайд земли, защищён вирой в 600 шиллингов и таким образом попадает в разряд «*syxhynde*»¹; вергельд уэльсца, обладающего одной гайдой, равен 120 шиллингам, половиной гайды — 80 шиллингам; безземельный житель Уэльса защищён лишь небольшим вергельдом в 60 шиллингов². Так как речь идёт здесь несомненно о свободных жителях Уэльса, а уэльсец с одной гайдой и вергельдом в 120 шиллингов, очевидно, такой свободный, который соответствует англо-саксонскому кэрлу, то из соотношения вергельдов англо-саксов и уэльсцев можно вывести и соотношение их земельных владений, определяющих высоту этих вергельдов. Если исходить из размеров вергельда англо-саксонского кэрла в 200 шиллингов³ (за исключением Кента, где он равен 100 шиллингам), то можно установить пропорцию вергельдов кэрла — англо-сакса и рядового свободного уэльсца, как 5:3 (200:120), а отсюда следует, что в Уэссексе кэрл с вергельдом в 200 шиллингов обладал, как правило, одной гайдой, а житель Уэссекса, обозначаемый как «*syxhynde*», мог обладать тремя гайдами⁴.

В дополнение к этому мы узнаём из «*Nordlead laga*», что кэрл, который приобрёл 5 гайд земли, обязанной несением государственной службы (to *cynges utware*) защищён вергельдом в 1200 шиллингов, а если его потомки в течение трёх поколений удерживали за собою это земельное наделение и при этом обладают рыцарским вооружением, то они становятся тэнами (*gasidcundes cynges*). Но если они почему-либо этих владений не имеют, то они остаются кэрлами, несмотря на их происхождение от обладателя 5-ти гайд. Это значит, что переход кэрла в разряд тэнов пойдёт на обладание земельными владениями в 5 гайд с несением соответствующей службы в течение трёх поколений⁵.

Совершенно очевидно, что в Уэссексе и в Северной Англии уже с конца VII в. социальный статус и высота вергельда начинают зависеть от размеров земельных владений. Но в конце VII в. вступление в ряды служилой знати ещё не было обусловлено теми требованиями, которые в X в. формулирует «*Nordlead laga*»; поэтому закон Инэ различает гезит-кэндменов, имеющих и не имеющих земельные владения, и устанавливает для обоих разрядов различные пени за одни и те же проступки, причём кэрл по размерам

¹ Ine, 24, 2; Wealh gif he hafad V hida, he bið sixhynde.

² Ibidem, 32; Gif Wilisc man habbe hide londes his wer bið 120 scill.; gif he tonne healfes haebe 80 scill.; gif he neaning haebbe, 60 scilling. То же самое в *Nordlead*, 7—8; любопытно, что житель Уэльса, сидящий на чужой земле и несущий повинности (*wealh gafolgelda*), по тем же законам Инэ (Ine, 23, § 3) имеет вергельд в 120 шиллингов, а его сын — в 100 шиллингов; ср. Chadwick Нм. Op. cit., p. 91.

³ Ср. Alfred and Guthrum 2: «Coerle ote on gafolland... to 200 scill.»

⁴ Первый вывод несомненен, второй может быть оспорен. Ср. по этому поводу разногласия: Rhamm «Die Grosshufen der Nordgermanen», 1905. S. 736—737, 760. Liebermann Op. cit. Bd. II, S. 419. Последний полагает, что вергельд уэльсца мог быть и вдвое ниже виры англо-саксонского кэрла, что, впрочем, не так уж далеко от трёх пятых. Chadwick Нм. Op. cit., p. 92, принимая во внимание колебания вергельда рядовых свободных жителей Уэльса (от безземельного уэльсца до обладателя одной гайды) в пределах 60—120 шиллингов, правильно устанавливает градацию соотношения вергельда уэльсца и англо-саксонского кэрла от $\frac{2}{10}$ до $\frac{3}{5}$. Но нас интересует в данной связи главным образом соотношение виры уэссекского кэрла и уэльсца — обладателя одной гайды как критерия для суждения о возможном числе гайд у «*syxhynde*».

⁵ *Nordlead*, § 9—12. Ср. комментарии Liebermann'a. Op. cit. Bd. III, S. 258, № 4, № 9. Любопытно, что у уэльсцев дифференциация по размерам земельных владений и соответствующим им вергельдам кладёт грань не только между представителями знати (родовой или служилой) и рядовыми свободными, но и проникает в недра этого слоя, в то время как в Уэссексе вергельд всех кэрлов одинаков. Однако и уэссекские кэрлы, как уже было выше отмечено, несмотря на единообразие их вергельда, резко отличались друг от друга по их имущественному, а также, повидимому, и земельному цензу.

пени поставлен ниже даже безземельного гезита¹. Однако уже в этих градациях сказывается начало того процесса, который в IX—X вв. приводит в англо-саксонской Англии к торжеству новой формы земельной собственности с соответствующим многообразием социальных статусов внутри свободных; обратной стороной этого процесса является зарождение предпосылок феодального строя в недрах варварского общества и идущее параллельно ему возникновение служилой знати.

Для этой поздней ступени эволюции варварского общества характерно не только наличие разных социальных статусов внутри свободных, но и многообразие промежуточных социальных слоёв, стоящих между свободными и несвободными, т. е. тех слоёв, которые впоследствии, в феодальном обществе, отчасти обнаруживают тенденцию к слиянию друг с другом, а отчасти перегруппировываются и перемещаются на новых основаниях. Так, во Фризской Правде в отличие от Салической Правды литы — уже не однородный слой, ибо у фризов имеются и такие литы, которые становятся патронами свободных (*liberi*)², а у кентцев, согласно закону Этельберта, уже в начале VII в. различались три разряда литов с разными вергельдами — в 80, 60 и 40 шиллингов³, причём вергельд высшего разряда был немного ниже вергельда кентского кэрла, который равнялся 100 шиллингам.

Сюда же относится и тот факт, что в норвежских сборниках обычного права различаются две (и даже три) группы вольноотпущенников: *frjalsgjafi*, прошедшие лишь первый акт освобождения — предоставление свободы, *leysingi*, проделавшие и второй его акт — уплату выкупной суммы патрону, и наконец, *leysinga sonr* — потомки *leysing*'ов, составляющие высший разряд либертинов.

Либертины низшего разряда — *frjalsgjafi* — отличаются от лейзингов тем, что в течение четырёх поколений сохраняют довольно значительную зависимость от патрона и несут ему повинности, в то время как лейзинги и их потомки до пятого поколения связаны с патроном гораздо более слабыми узами, к тому же всё более и более ослабевающими с каждым новым поколением так называемых сыновей, т. е. потомков лейзингов (*leysinga sonr*). Переход из *frjalsgjafi* в *leysingi* происходит либо в результате совершения второго акта освобождения (с символической процедурой угощения патрона пивом) либо механическим путём, по истечении соответствующего числа поколений. Таким же путём лейзинги приобретают полную свободу и независимость от патрона (наподобие лангобардского «*fulcfree et haamund*»), с той лишь разницей, что они могут стать таким способом свободными уже в пятом поколении, а *frjalsgjafi* — лишь в девятом. Намеченные три разряда норвежских вольноотпущенников отличаются друг от друга различием в имущественных правах и разницей вергельдов. Любопытно отметить в этой связи, что лично свободный, но экономически зависимый *coerle on gaffolande* в договоре о разделе Альфреда с Гутрумом приравнен по вергельду (200 шилл.) к датскому *leysing*'у⁴.

Указанные градации внутри литов и либертинов означают появление различных оттенков полусвободы наряду с раз-

¹ Ine, 45; Ine, 51; в этой главе пеня гезита-землевладельца (*gesidcundes mon landagenda*) вдвое выше пени безземельного гезита (*unlandagende*), а пеня этого последнего в свою очередь в два раза выше пени кэрла.

² «Lex Frisionum», tit. XI.

³ Aetelbert, 26; *Gif laet ofslaed tone selestan 80 scill. forgelde; gif þane oferne ofaslaed, 60 scill. forgelde; done þriddan — 40 scill. forgelde.* Может быть, такое раннее появление градаций среди кентских литов объясняется локальными особенностями Кента.

⁴ Alfred and Gutrum, 2; *coerle de on gaffolande sit 7 heora liesengum... to CC scill.*

ными статусами свободы. Этому многообразию оттенков полусвободы соответствует наличие терминов, объемлющих свободных и либертинов высшего разряда («folcfrý» у англо-саксов¹, «arborinn men» у норвежцев, отчасти «fulcfrée» у лангобардов).

Тем не менее знать — поскольку она фигурирует не как дружинная, а как родоплеменная знать — всё ещё включается отчасти в общую массу свободных, точнее, понятие знатности объемлется более широким понятием свободы (несмотря на наличие подчас очень резкой разницы в имущественном положении и вергельдах знатного и свободного). Так в эдикте Ротари, где отсутствует особый термин для обозначения родоплеменной знати, всё же встречается понятие nobilitas, которое включается в более широкое понятие свободы². Во Фризской Правде «nobiles» выступают в качестве носителей правовых норм наряду с «liberi», составляя, несмотря на всю разницу их социальных статусов, некую совокупность свободных соплеменников, в среде которых уже выделился привилегированный слой знати³. Такую же совокупность продолжают составлять англо-саксонские эрлы и кэрлы, объединяемые общим понятием «frigman», «freo» вплоть до IX в., несмотря на усиление дружинной знати и рост предпосылок феодализационного процесса⁴. Наконец, тот факт, что в первой части Саксонской Правды, в главах I—XX, в качестве носителей правовых норм выступают «nobiles», а во второй — «liberi», находит наиболее естественное и удовлетворительное объяснение в том, что nobiles — эделинги и liberi — фрилинги, несмотря на всю глубину различий между ними, — не только самостоятельные социальные слои, но и градации внутри широкой массы свободных.

Итак, мы имеем перед собою два как будто противоположных по своему историческому смыслу явления: с одной стороны, фиксацию разных статусов внутри свободных с идущим параллельно возникновением оттенков полусвободы, а с другой стороны, продолжающееся частичное включение родоплеменной знати в состав широкой массы свободных. Причину обоих явлений следует усматривать всё в том же (едином по существу, но различном по своим формам) процессе утверждения новой формы собственности на поздней стадии развития варварского общества и главным образом в неравномерном воздействии этого процесса на социальную структуру последнего.

Создавая такие предпосылки классовообразования, которые характерны уже для подготавливающегося феодального строя, он часто не в состоянии сразу разрушить те социальные различия, которые сложились в среде свободных ещё при переходе от родоплеменного уклада к варварскому обществу, а потому иногда приводит к сочетанию архаизма с резким социальным расслоением, как это и имело место у саксов. Поэтому самое наличие резкой отграниченности двух слоёв полноправных свободных ещё не позволяет трактовать их в качестве сложившихся сословий классового общества, ибо эта отграниченность может быть результатом заострения и, так сказать, «повторного воспроизведения» весьма архаических отношений, которые не только сохранились, но и углубились именно в силу указанной неравномерности воздействия новых форм собственности на социальный строй общества. По той же причине не следует принимать за сословия и многочисленные градации внутри свободных (а иногда даже и полусвободных) у лангобардов и англо-саксов до тех пор,

¹ Cp. Withraed, 8; подробнее см. главу о саксонских фрилингах и эделингах.

² Rotari, §§ 75, 378: «secundum nobilitatem suam».

³ Lex Frisionum, tit. I, §§ 16—21; XI, XXI.

⁴ Cp. Alfred IV, 2 (ge soerl ge oerl); Hlotare and Eadric, 5 (frigman mannan); Eadward — Gutrum, 7, I и др.

пока эти народы ещё находятся на стадии варварского общества, хотя бы и на самой поздней ступени его развития. Ибо сословия возникают лишь тогда, когда варварское общество перерождается в общество феодальное. Поэтому можно и должно говорить о возникновении в недрах варварского общества новых социальных групп, которые сложатся впоследствии в классы и сословия феодального общества (к таким группам относятся, например, газинды у лангобардов, антрустионы у франков, гезиты и тэны у англо-саксов, экономически зависимые, но лично свободные кэрлы у тех же англо-саксов — всё это предшественники будущих феодалов и зависимых крестьян). Но нельзя принимать за сословия старые родоплеменные социальные деления. Эти деления иногда ещё долго сохраняются, углубляясь и застывая, но чаще всего они перегруппировываются именно в ходе процесса классовообразования, в основе которого лежит превращение охарактеризованных выше форм собственности в феодальную собственность. Это превращение становится совершившимся фактом лишь тогда, когда свободные «трудящиеся» или «производящие субъекты» (по терминологии Маркса) начинают выступать как непосредственные производители, эксплуатируемые феодальными собственниками.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Библиотека внешней политики «История дипломатии». Том II. *Дипломатия в новое время (1872—1919)*. Под редакцией акад. В. П. Потёмкина. Составили: проф. Хвостов В. М. и проф. Минц И. И. 423 стр. 500 000 экз. 8 руб.

Вышел второй том «Истории дипломатии», работать над которым советские историки начали ещё до Отечественной войны. В книге дано изложение важнейших моментов внешней политики и дипломатии крупнейших государств от Франкфуртского мира 1871 г. до конца первой мировой войны. Таким образом, содержание тома охватывает дипломатию периода начавшегося упадка капитализма, периода «перерастания старого «свободного» капитализма в империализм и свержения капитализма в СССР силами Октябрьской революции, открывшей новую эру в истории человечества» (С т а л и н).

Изложение внешней политики и дипломатии в книге дано не по отдельным странам, а в связи с важнейшими политическими кризисами и событиями мировой истории. Например, следующая за изложением франко-германских отношений 1872—1875 гг. глава посвящена восточному кризису, затем, естественно, идёт глава «Русско-турецкая война (1877—1878 гг.) и Берлинский конгресс (1878 г.)». Изложению колониальной экспансии великих держав посвящена отдельная глава (5-я). Заключение франко-прусского союза рассматривается в одной главе с кризисом русско-германских отношений. Глава «Образование Антанты» (9-я) содержит фактически характеристику всех важнейших событий международных отношений за 1904—1907 годы. Автор совершенно правильно рассматривает англо-французское соглашение 1904 г., Портсмутский мир и Алжирскую конференцию лишь как определённые этапы и звенья на пути к англо-русскому соглашению 1907 года. При таком построении, которое нельзя не одобрить, книга несколько теряет в полноте описания дипломатии отдельных стран, зато, несомненно, выигрывает в ясности изложения и в объяснении развития важнейших политических и дипломатических событий.

Авторам удалось в одном томе охватить огромный материал и дать чёткое представление о характере дипломатии в эпоху империализма. Сжатость и ясность изложения, умение сосредоточить внимание на основном, отсутствие мелочей, стремление не только изложить фактический ход событий, но и дать им определённое истолкование с марксистских позиций, наличие интересных характеристик ряда крупнейших политических деятелей Англии, Германии и Австрии, лёг-

кий и простой язык — вот важнейшие достоинства книги. Вместо несовершенных переводных книг, из которых некоторые, как двухтомная работа Фейя, являются открыто германофильскими, которыми пользовался советский читатель, теперь имеется обобщающая марксистская работа, где правдиво и интересно показана дипломатия как буржуазных государств, так и первые шаги дипломатии советского государства. Создание подобного труда — несомненная удача авторов и редактора и показатель роста советской исторической науки и наших научных кадров.

Книга начинается «Введением», которое является как бы сжатым конспектом всего тома, в нём намечены основные линии дипломатии империалистических государств.

Авторы и редактор «Истории дипломатии» исходили из бесспорного положения, что внешняя политика, как и дипломатия руководящих империалистических государств, определялась особенностями развития империализма этих государств и что она подчинялась задаче передела мира между сильнейшими империалистическими государствами. В соответствии с ленинской теорией империализма в «Введении» удачно показаны особенности империализма и внешней политики крупнейших государств. Английский империализм носил преимущественно колониальный характер; французский — ростовщический. В Германии сложился юнкерско-буржуазный империализм с мощным военным аппаратом. «Японский империализм представлял смесь военно-феодалного империализма с империализмом германского типа» (стр. 3). Отсталый военно-феодалный империализм царской России находился в финансовой зависимости, в первую очередь, от Франции. В соответствии с этими особенностями империализма в книге показана и дипломатия государств. Уже в «Введении» учтены критические замечания И. В. Сталина, изложенные им в связи с критикой статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма». В связи с этим намечены также контуры германской и японской империалистической политики, а изложение важнейших дипломатических конфликтов, связанных с борьбой за передел колоний и

бер влияния, подводит читателя к объяснению причин первой мировой войны.

В книге убедительно показано тесное сотрудничество между дипломатией и военными кругами, совместно готовившими первую мировую войну. Почин в этом деле принадлежал германскому империализму и его дипломатии. «Она первая приступила к созданию военной коалиции, центром которой стал Берлин» (стр. 3). Естественно, в книге уделено большое внимание дипломатии Бисмарка, главная задача политики которого заключалась в том, чтобы всякими мерами добиться ослабления России. «Он всячески провозгласил осложнения между Россией, с одной стороны, и Англией и Турцией — с другой» (стр. 30). Бисмарк мешал России оказать помощь славянским народам на Балканах и добиться решения славянской проблемы без войны.

В главе о русско-турецкой войне и Берлинском конгрессе (стр. 40—50) хотелось бы видеть более подробное изложение хода самого Берлинского конгресса, а также изложение того, как русское общество отнеслось к его решениям. Автор показал, что Россия в ходе войны уступила — не заняла Константинополь и согласилась на пересмотр Сан-стефанского мира, прежде всего опасаясь столкновения с Англией и Австрией. Всё же у читателя создаётся некоторая неясность в оценке английской дипломатии Биконсфильда: то ли он всерьёз готов был воевать с Россией или же все его демонстративные военные приготовления являлись лишь тактическим ходом и преследовали задачу «внушить русскому правительству убеждение, что Англия в самом деле готова воевать в случае если Россия не уступит» (стр. 46). Роль Бисмарка во время русско-турецкой войны освещена достаточно ясно. На Берлинском конгрессе он помогал Англии и Австрии лишить Россию «значительной части плодов своей победы» (стр. 50), закреплённых Сан-стефанским договором. В результате оба государства — Англия и Австро-Венгрия, выступавшие на словах защитниками Турции, — отхватили у неё: Англия — Кипр, а Австро-Венгрия — Боснию и Герцеговину.

После Берлинского конгресса политика Бисмарка приобрела ещё более резко выраженный антирусский характер. «Заключённые австро-германского союза положило начало оформлению тех военных коалиций, которые в дальнейшем столкнулись в первой мировой войне» (стр. 54).

В книге дан удачный ответ на вопрос, почему русское правительство пошло на союз трёх императоров. Обострение англо-русских отношений, попытка удержать сильные позиции на Балканах, стремление Милютина, игравшего главную роль в правительственном механизме, «обеспечить стране передышку для завершения реорганизации русской армии» (стр. 56) — вот объяснение вопроса. Автор прав в оценке решающего влияния Милютина в этот момент на внешнюю политику России.

В оценке Тройственного союза, как и последовавшего за ним соглашения России с Францией, автор целиком исходит из оценки

международных отношений этой эпохи, данной И. В. Сталиным на XIV съезде ВКП(б). В книге совершенно правильно подчёркнуто, что Тройственный союз был направлен против России и Франции и его образование привело к провалу всей политики Бисмарка, имевшей целью изолировать Францию.

Вся шестая глава (стр. 76—106) посвящена выяснению этого принципиального вопроса. Здесь читатель найдёт много нового и интересного. Усиление экономических противоречий между Германией и Россией, рост империалистических притязаний Германии, обострение противоречий на Балканах, постоянные угрозы со стороны Германии войной против Франции привели сначала к краху союза трёх императоров, а потом к разрыву русско-германских отношений и образованию русско-французского союза.

Кризис русско-германских отношений прекрасно показан не как результат ошибочной личной политики Бисмарка, а как закономерное следствие роста германского империализма и притязаний его политики. Сам Бисмарк боялся разрыва с Россией и пытался его отсрочить. Автору удалось нарисовать блестящий портрет Бисмарка как дипломата и показать приёмы его дипломатической деятельности. «Отличительной особенностью дипломатии Бисмарка был её боевой и насильнический характер; в этом смысле канцлер был с ног до головы представителем прусского военного государства» (стр. 101).

Однако «дипломатия Бисмарка ставила своей задачей предотвращение непосредственной войны на два фронта» (стр. 100). Поэтому Бисмарк стремился всячески вредить России и втянуть её в конфликты и войны с Англией и Турцией. Но этот прожжённый представитель германо-прусского империализма был достаточно умён, чтобы не втягивать Германию в войну с Россией. Он видел в такой войне опасность для своей страны и не верил в возможность полного военного разгрома России, причём не потому, что очень высоко ценил царское правительство и его генералов, а потому, что понимал мощь русского народа. «Даже самый благоприятный исход войны, — говорил Бисмарк, — никогда не приведёт к разложению основной силы России, которая зиждется на миллионах собственно русских» (стр. 103).

Насколько полно, ярко и интересно показана роль дипломатии Бисмарка, определявшая неизбежность создания русско-французского союза, настолько же сжато, сухо и недостаточно показана роль Франции и её дипломатии в создании союза. Правильные и интересные мысли, как бы вскользь брошенные, лишены необходимого фактического обоснования. Например, верное утверждение, что «в военном союзе Франция нуждалась больше, чем Россия», недостаточно конкретизировано. Между тем французские историки придерживаются противоположного мнения, ошибочность которого следовало бы отметить.

Проблеме обострения англо-германских отношений в «Истории дипломатии» закономерно отведено много места и внимания. Известно, что Ленин и Сталин придавали англо-германскому антагонизму решающее значение в

происхождении первой мировой войны. В соответствии с этим в «Истории дипломатии» прекрасно показано нарастание англо-германских противоречий в связи с ростом империализма и колониальных притязаний германской империи.

В 80-х годах Германия захватила свои первые колонии, а в 90-х годах «перед внешней политикой Германии была поставлена новая задача: создание обширной колониальной империи и установление «сфер влияния» в остальных странах. Это становится основным делом германского капитализма» (стр. 107). Эта задача могла быть кардинально разрешена только путём передела мира.

Автору хорошо удалось показать сложный клубок противоречий между европейскими государствами, в частности серьёзные противоречия между Англией и Францией, наличие которых как бы несколько маскировало глубину англо-германских противоречий. Автор правильно указывает, что в конце XIX в. в Англии ещё не все «осознали тот факт, что наиболее опасным противником Британии является именно Германская империя» (стр. 133), в другом месте (стр. 110) автор указывает на те причины, которые побудили английскую дипломатию «задержать или хотя бы затушевать» обострение англо-германского антагонизма.

Что касается другой линии противоречий международной политики, а именно—дальневосточной, то здесь правильно показаны и англо-русские, и японо-русские противоречия, и провокационный характер политики Германии. Автор высоко оценивает Витте как дипломата, ставя его на один уровень с крупнейшим «некарьерным» дипломатом Англии—Дизраэли. Однако следует отметить не совсем удачное название главы: «Обострение дальневосточной проблемы» (стр. 107); в других местах (стр. 110) автор говорит об обострении дальневосточного вопроса. Правильнее было бы сказать—об обострении империалистических противоречий на Дальнем Востоке. В этой же главе имеется и неточность: сибирская железная дорога строилась на русские бюджетные средства, а не на французские деньги, как указано в книге (стр. 112). Следовало бы более резко подчеркнуть помощь Японии со стороны английской дипломатии. Однако в целом этот раздел написан очень хорошо.

Глава восьмая — «Завершение борьбы за раздел мира и первые войны за его передел» (стр. 140—159) — как бы подводит читателя к образованию Антанты. Начинается глава изложением испано-американской войны, а заканчивается русско-японской войной, вернее дипломатическими событиями, предшествовавшими войне. Здесь впервые читатель знакомится с американской дипломатией, оказавшей немалые услуги Японии. Хотелось бы, чтобы «Миссия Ито» была изложена полнее и точнее. Не только Япония добивалась соглашения с Англией, ещё в большей мере Англия пыталась (и добилась своего) сделать Японию орудием своей политики на Дальнем Востоке; кроме того во время поездки Ито в Петербург англичане

нервничали и добивались скорейшей подписи уже подготовленного текста соглашения. Русское правительство не хотело пустить Японию и другие государства в Маньчжурию. Лишено убедительности заявление автора (стр. 159), будто главный узел англо-русских противоречий на Дальнем Востоке «заклучался вовсе не в Маньчжурии». Между тем Япония, США и Англия не хотели допустить исключительного влияния России именно в Маньчжурии. К этому сводились усилия японской, английской и американской дипломатии в 1901—1902 годах, во время переговоров России с Китаем. Доктрина Хэя об открытии дверей в Китае прежде всего затрагивала именно Маньчжурию и была направлена против России.

В книге хорошо показана роль, которую сыграла русско-японская война в перегруппировке государств вокруг Англии и Германии. Японская война привела к дальнейшей консолидации Антанты. Попытки германской дипломатии оторвать Россию от Франции (1905) полностью прозалились.

При изложении хода Портсмутской конференции автор правильно объясняет уступчивость японского правительства его внутренней слабостью. Следовало бы лишь уточнить вопрос о давлении Т. Рузвельта на Россию и Японию. Не желая чрезмерного усиления Японии, Рузвельт добивался мира, но он хотел, чтобы царское правительство не только уступило Сахалин, но и согласилось на уплату умеренной контрибуции. Вопрос о получении Японией денежной компенсации играл в ходе конференции не меньшую, а даже большую роль, чем вопрос о Сахалине.

Свидетельство Шлиффена (стр. 179), которое автор истолковывает как доказательство возможности для России легко продолжить войну, приведено едва ли к месту и по существу неверно. Конечно, Россия располагала большими людскими ресурсами, но, во-первых, царское правительство после Цусимы не располагало финансовыми средствами для продолжения войны; во-вторых, при старом правительстве и старых порядках в армии наличие небольшого численного превосходства в количестве войск не гарантировало победу. В действительности царское правительство и не могло и не хотело продолжать войну. Успешно войну могла продолжать лишь революционная демократическая Россия. Эту мысль и следовало бы оттенить. Русские реакционеры склонны были пойти на большие уступки Японии, лишь бы разделаться с революцией. Это показало ещё майское совещание 1905 г. под председательством царя. Уже на нём было открыто заявлено, что революция представляет для правительства большую опасность, чем японцы.

Марокканский кризис, соглашение в Бьерке между Николаем и Вильгельмом, Портсмут, Алхесирасская конференция — вот перечень важнейших вех международной политики, которые предшествовали образованию тройственной Антанты и рассмотрению которых в книге уделено должное внимание. В 1907 г. было заключено англо-русское соглашение, которое завершает создание тройственной Антанты, противостоящей Тройственному со-

от которого Италия уже фактически отошла.

Реальные мотивы и в значительной мере неизбежность этого соглашения для России хорошо показаны. Результат этого соглашения заключался в том, что на случай европейской войны «Германия оказывалась изолированной — вдвоём со своей слабой союзницей Австро-Венгрией» (стр. 180), имея против себя сплочённую и сильную группу держав.

Специальная глава отведена борьбе Антанты с австро-германским блоком в 1908—1911 гг. (стр. 181—215). В это время ещё более обострилось морское соперничество между Германией и Англией. Австрийские и германские документы, использованные в этой главе, показывают агрессивный характер германской дипломатии на Балканах и в Турции. Австрийская политика явно стремилась решить славянскую проблему «силой оружия». Всё это усиливало русско-германские и русско-австрийские противоречия на Балканах.

Во время боснийского кризиса 1908—1909 гг. Германия открыто стала на сторону Австрии и в ультимативной форме потребовала от России признания аннексии Австро-Венгрией Боснии и Герцеговины. Вмешательство Германии на стороне Австрии «до крайности обострило отношения между Германией и Россией» (стр. 198). В анализе причин боснийского кризиса и соглашения Извольского с Эренталем автору удалось избежать шаблона. Автор убедительно показал, что Извольский выдвигая требования о компенсации для Сербии и Черногории «как предпосылки своего согласия на аннексию Боснии и Герцеговины» (стр. 191). Соглашение 1909 г. России и Италии в Ракониджи автор также оценивает не как ошибочный шаг дипломатии Извольского, но как реванш русской дипломатии за неудачу в Бухлау, так как «Россия и Италия договорились совместно противодействовать австрийской экспансии на Балканах» (стр. 198—199).

В силу военной слабости и стремясь выиграть время для завершения своей подготовки к войне дипломатия царской России после Потсдамского свидания пошла в 1911 г. на соглашение с Германией относительно Багдадской железной дороги. В это же время Германия сделала новый нажим (третий по счёту) на Францию в связи с марокканской проблемой. Посылка канонерки в Агадирскую бухту (1911) встретила решительный отпор со стороны Англии. Так называемая агадирская авантюра Германии обвешала с должной полнотой. На неудачу миссии Холдена добиться у Германии ограничения строительства военных кораблей Англия ответила усилением их строительства. Кроме того между Англией и Францией за спиной парламента было достигнуто соглашение о военном сотрудничестве и заключена англо-французская морская конвенция (стр. 211—215).

В последние три года перед мировой войной противоречия между Антантой и Тройственным союзом достигли особой остроты на Балканах. Балканским войнам в томе отве-

дена специальная глава. Однако ни по количеству материала, ни по анализу внешнеполитических вопросов подготовленный читатель не найдёт здесь нового и интересного. Не дано объяснения внутренней борьбы между славянскими государствами, не вскрыты причины слабого влияния русской дипломатии на балканские государства и её неспособности сохранить балканский союз. Едва ли достаточным ответом может служить ссылка на политику России в вопросе о Константинополе и проливах или простая констатация факта, что Россия «переоценила своё влияние». Следовало бы привести указание Ленина¹, что только при победе демократических элементов на Балканах можно устранить внутреннюю борьбу националистической буржуазии. Политика буржуазной «либеральной» Европы «мешает установлению федеративной балканской республики». Ленин возлагал будущее балканской демократии «исключительно на развитие сознательности, демократизма и самостоятельности масс, а не на интриги буржуазных дипломатов». Вывод Ленина о том, что «именно «Европа» мешает установлению федеративной балканской республики», объясняет причины, в частности, слабого влияния русской дипломатии на Балканах.

События, связанные с миссией Лимана, вряд ли уместно рассматривать в этой главе. Лучше всего о них рассказать в связи с началом мировой войны.

Две главы—12-я и 13-я (стр. 238—302)—посвящены изложению дипломатии империалистических государств в начале и во время первой мировой войны. На большом, новом и интересном материале показана механика развёртывания этой войны германо-австрийским блоком. Весь новый документальный материал, пушенный в оборот за последние десятилетия, автор постарался использовать. Этот материал подтверждает неизбежность ленинской оценки войны, изложенной в манифесте Центрального комитета РСДРП², как войны империалистической и несправедливой со стороны обеих коалиций. В «Истории дипломатии» сказано: «Война 1914—1918 гг. была вызвана в первую очередь борьбой за передел колоний и сфер влияния. Основную роль играло при этом соперничество между Германией и Англией. Англия защищала от Германии своё морское и колониальное первенство. Не могла она допустить и германской гегемонии в Европе. Для Франции германские притязания на гегемонию представляли ещё большую угрозу.

Немалое значение имела, конечно, и политика русского царизма; однако она играла сравнительно подчинённую роль, и преувеличивать её влияние не следует» (стр. 6). «История дипломатии» решительно неправляет антинаучные и вредные взгляды, распространявшиеся в своё время М. Н. Покровским и его «школой», будто царская Россия играла роль основного фактора, вызвавшего мировую войну.

Интересный фактический материал иллюстрирует положение Ленина об особой аг-

¹ См. Ленин. Соч. Т. XVI, стр. 158.

² См. Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61—65.

рессивности германского империализма. «Немецкая буржуазия, распространяя сказки об оборонительной войне с её стороны, на деле выбрала наиболее удобный, с её точки зрения, момент для войны, используя свои последние усовершенствования в военной технике и предупреждая новые вооружения, уже намеченные и предпринятые Россией и Францией»¹. Эти замечательные слова Ленин писал, пользуясь лишь данными буржуазной прессы о политике Германии. Приведённые в «Истории дипломатии» (стр. 245) выдержки из секретной записки германского министра иностранных дел фон Ягова целиком и, так сказать, документально подтверждают пункт за пунктом положения Ленина. Расчёты германских империалистов строились на том, что «Россия сейчас к войне не готова», а Франция и Англия сейчас войны не захотят. Поэтому Германия подталкивала свою союзницу Австрию довести дело до войны и заверяла её, что полностью выполнит свои союзные обязательства.

Получив согласие Вильгельма, австро-венгерский совет министров, за исключением венгерского премьера Тиссы, 7 июля 1914 г. принял решение «предъявить к Сербии настолько радикальные требования, чтобы можно было заранее предвидеть их отклонение, дабы приступить к радикальному же разрешению вопроса путём военного вмешательства» (стр. 249). Такое решение правительства предвещало войну с Сербией, а следовательно, и с Россией.

Однако, несмотря на разнообразие и ценность материала о роли Германии и Австрии в развязывании войны, «История дипломатии» прибавляет к уже известному не особенно много нового. Ранее опубликованный по этому вопросу материал примерно так же освещал роль Германии в развитии военного кризиса.

Зато страницы посвящённые английской дипломатии и Эдуарду Грей как дипломату (стр. 249—252, 255—258, 261—263), являются новинкой в исторической науке, читаются с огромным интересом и не лишены политической актуальности. Правда, ещё в «Воспоминаниях» бывшего министра иностранных дел царской России С. Д. Сазонова, свидетельство которого почему-то не приводится, была высказана догадка о том, что если бы Англия своевременно сделала заявление о своей солидарности с Францией, то это смогло бы заставить Германию сдержать Австрию и тем самым война была бы отсрочена. Сазонов также считал, что, судя по поведению Англии, Германия могла рассчитывать на её нейтралитет.

Однако, помимо неясного свидетельства хорошо осведомлённого Сазонова, только в «Истории дипломатии» впервые убедительно и научно доказано, что сэр Эдуард Грей в начале кризиса расчётливо поощрял немецкую агрессию. Вместо того чтобы решительным заявлением рассеять иллюзии германских агрессоров о нейтралитете Англии, он в течение целого месяца, последовавшего после убийства Франца-Фердинанда, поддерживал эту иллюзию. В день вручения ультиматума

Сербии (23 июля) Грей в разговоре с австрийским послом Менсдорфом «не обмолвился ни словом» об участии в войне «пятой державы, Англии». Даже после вручения ультиматума (24 июля) Грей в беседе с германским послом в Лондоне Лихновским, говоря о возможной европейской войне четырёх государств, не раскрыл ему карты: «Что в войну может вмешаться пятая великая держава, Англия, об этом Грей снова не упомянул ни словом» (стр. 255). Только во второй беседе в течение одного дня (29 июля) с тем же Лихновским Грей впервые изложил «свою истинную позицию». И всё же в противоречии со своим заявлением под давлением прогерманских элементов Грей 1 августа 1914 г. выдвинул перед Лихновским план направить германскую агрессию исключительно на Восток, т. е. против России. Он обязался гарантировать «нейтралитет Англии и Франции, при условии, что немцы обещают не нападать на эту последнюю. Таким образом, Грей задумывал прямое предательство России» (стр. 263). Такова была английская дипломатия в 1914 году. Путём предательства своего союзника Грей хотел остаться в стороне. Впервые в нашей литературе даётся такая чёткая, интересная и полная характеристика дипломатии империалистических стран во время июльского кризиса. В этом несомненная заслуга проф. В. Хвостова.

Во время войны усилия дипломатии были направлены в первую очередь на оправдание правительства воевавших держав и на «доказательства», что эти правительства «ведут лишь оборонительную войну». Затем дипломаты обеих коалиций развернули деятельную работу по вербовке своих союзников. Методы подкупа, обмана, невыполненных обещаний — всё было пущено в ход, лишь бы завербовать нового союзника. Страницы, рисующие вступление в войну Турции, Болгарии, Италии, Румынии, читаются с неослабевающим интересом.

«История дипломатии» показывает основные противоречия как внутри Тройственного союза, так и в лагере Антанты. Царская Россия понесла главную тяжесть войны, её армия оказывала помощь союзникам в ущерб своим собственным интересам, но от Англии и Франции Россия не получила серьёзной помощи ни военной, ни финансовой.

Книга хорошо показывает также, как дипломаты занимались перекройкой политической карты мира. Хотя захватнические планы стран Антанты не отличались скромностью, всё же империалистические аппетиты Германии «по своему размаху значительно превосходили замыслы Антанты. Германия требовала коренного передела мира» (стр. 281).

Когда же военные планы германских империалистов потерпели крушение, перед немецкой дипломатией была поставлена новая задача: путём заключения сепаратного мира с Россией помочь армии выиграть войну. Было множество фактов дипломатического зондажа с обеих сторон. Правда, при русском дворе, пожалуй, была наиболее сильная германофильская партия, но и у

¹ Ленин. Соч. Т. XVIII, стр. 61—62.

англичан и французов были свои сторонники соглашения с кайзеровской Германией. Но следует отметить, что и в этой области немцы не имели каких-либо реальных успехов, хотя им и удалось ослабить темпы войны стран Антанты, а также затянуть самую войну. Характерно, что и после февральской революции 1917 г. при помощи римского папы и социал-демократов германская военщина пыталась добиться сепаратного мира, но неудачно.

В этой же главе (13-й), рассказывая о вступлении в войну США на стороне Антанты, автор впервые показал внешнюю политику Соединённых Штатов и те причины, которые склонили США в пользу Антанты.

В заключение ещё раз скажем, что обе главы о международной политике во время первой мировой войны, несомненно, принадлежат к числу лучших страниц книги. И специалист и неспециалист прочтут их с особым удовольствием.

Империалистическая война подготовила революционный кризис. В России победила сперва буржуазно-демократическая, а потом социалистическая революция. Под руководством большевиков трудящиеся массы нашей Родины свергли Временное правительство и организовали советскую власть. Началась новая страница мировой истории — новый этап в развитии дипломатии. Впервые в качестве дипломатов выступили рабочие, солдаты, матросы. Перед советской дипломатией были поставлены задачи укрепления советского государства и защиты интересов трудящихся нашей Родины. Эта новая страница в «Истории дипломатии» изложена в четырёх главах проф. Минцем. Советское правительство уволило чиновников старого министерства иностранных дел и создало новый, Народный комиссариат иностранных дел. Дипломатические представители Временного правительства за границей были уволены, тайная дипломатия отменена, секретные договоры опубликованы. Нельзя без волнения читать о том, как матрос Маркин публиковал секретные договоры царской России и Временного правительства (стр. 305).

Ленинский декрет о мире, принятый II Всероссийским съездом Советов, наметил принципиальные основы советской внешней политики. Советское правительство обратилось ко всем народам и правительствам с предложением заключить демократический мир без аннексий и контрибуций. Бывшие союзники России не ответили на это предложение и потихоньку предупредили русское командование, что они не допустят переговоров о мире советского государства с Германией.

Германский блок согласился вести переговоры о заключении мира. Страны Антанты пытались окружить советское государство кольцом враждебных военных соединений, а в конце декабря заключили тайную конвенцию о разделе сфер действий в России. Молодая Советская республика оказалась не только пред лицом германского империализма, но и перед объединённым фрон-

том стран Антанты, пытавшимся организовать силы внутренней контрреволюции.

Дипломатические представители стран Антанты в Советской России превратились в это время «в легальных шпионов» (стр. 317), подготовлявших контрреволюционные мятежи и высадку сил интервентов.

Можно пожалеть только об одном: интересно написанная проф. Минцем глава о первых шагах советской дипломатии слишком сжата.

Брестскому миру в «Истории дипломатии» отведена большая специальная глава (стр. 319—357), в которой подробно изложен весь ход переговоров и приведена необходимая документация. Автор впервые в нашей литературе так полно показал положение внутри германского лагеря, противоречия между отдельными членами Четвёртого соглашения, наличие некоторых противоречий между сторонниками Гинденбурга—Гофмана, не признававшими ничего, кроме грубой силы, и другой группой — Кюльмана, старавшейся прикрыть грабительские условия мира ссылкой на советскую национальную политику.

Советская дипломатия под руководством Ленина добилась блестящей победы в труднейших условиях: надо было разоблачать и бороться не только с германской дипломатией открытой, но и с её агентурой — Украинской Радой, меньшевиками и эсерами, троцкистско-бухаринскими предателями внутри страны. Хотелось бы видеть несколько полнее освещённую борьбу за мир внутри страны (IV съезд Советов).

Одновременно с заключением Брестского мира советскому государству пришлось разрешить ряд внешнеполитических вопросов. Советское правительство на деле показало своё уважение к правам малых народов и 31 декабря 1917 г. признало независимость Финляндии, которую германские империалисты использовали для борьбы против советского государства (стр. 351—352).

В этой же главе автор подробно осветил захватническую политику румынских империалистов, которые, воспользовавшись трудностями молодого советского государства, захватили Бессарабию. Этот захват был поддержан Францией и Германией. Вывод автора о значении Брестского мира для укрепления советского государства (стр. 347) целиком вытекает из приведённых материалов. «Брестский договор вошёл в историю как свидетельство тактического гения Ленина, как блестящий образец дипломатии социалистического государства, находящегося в капиталистическом окружении» (стр. 347). Советское правительство использовало передышку для укрепления государства и для накопления сил.

В специальной главе автор рассматривает военное поражение германского блока и капитуляцию его перед странами Антанты. Борьба народных масс Советской России против германских империалистов принудила последних вести борьбу на два фронта. В этом автор справедливо видит одну из причин поражения Германии. Несмотря на интерес и злободневность всей проблемы

капитуляции Германии в первую мировую войну, эта глава не оставляет такого яркого впечатления, как главы о политике советского государства.

В связи с военными поражениями и ростом революции в Германии советское государство аннулировало Брестский мир, но в это время советское государство столкнулось со странами Антанты, дипломатические представители которых явились организаторами контрреволюционных мятежей в Советской России. Французский посол Нуланс и дипломатический представитель Великобритании Локкарт создавали контрреволюционные организации в России и подготавливали высадку десантов интервентов. Их вторжение облегчалось деятельностью агентов Троцкого и контрреволюционным мятежом чехословаков.

В июне 1918 г. соединённый десант Антанты был высажен в Мурманске, а в конце этого же месяца бывшие союзники России высадили сильный отряд войск во Владивостоке. Эти действия дипломаты интервентов прикрывали ссылками на необходимость оказать помощь тем элементам, которые боролись против большевиков. Одновременно английское и французское правительства повели дипломатическое наступление против Советской России.

Антанта добилась дипломатической изоляции советского государства. Военный кабинет Англии принял решение помогать Деникину и признать правительство Колчака. Англо-французская эскадра вошла в Чёрное море. «Начался новый период интервенции. Антанта пробовала собственными силами ликвидировать советскую власть» (стр. 394). Советская Россия противостояла всему капиталистическому миру. Во время Брестского мира Ленин давал совет Шаумяну учиться использовать конфликты между империалистами. «Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии»¹. Эти советы Ленина были усвоены. Советская дипломатия помогла отстоять советское государство от интервентов.

Второй том «Истории дипломатии» является прекрасной иллюстрацией к ленинской теории империализма как загнивающего капитализма, кануна пролетарской революции. Внимательное чтение «Истории дипломатии» значительно расширит политический и культурный кругозор советских людей и поможет им значительно лучше ориентироваться в современных вопросах международной политики.

Не все главы написаны одинаково, есть различия и в количестве и в характере использованных источников, есть отдельные мелкие неточности, но книга в целом даёт марксистское освещение событий.

В заключение выражу некоторые пожелания. В книге нет ни одной географической карты или схемы. Без них понимание ряда глав затруднено. Возьмём, к примеру, англо-русское соглашение о разграничении

сфер влияния в Иране или перекройку Балканского полуострова после балканских войн. Разве можно без карты разобраться в результатах деятельности дипломатии?»

Во-вторых, изложение дипломатии царской России следовало бы дать более полно и систематически, особенно в связи с Берлинским конгрессом, русско-японской войной и балканской политикой России накануне первой мировой войны. Следовало бы показать и отношение к дипломатии русского царизма различных классов и партий в России. Иначе местами дипломатия становится слишком автономной и её связь с внутренней политикой теряется. Дипломатам царской России не повезло: в книге нет портретов и характеристик дипломатической деятельности Горчакова, Извольского, Сазонова, хотя есть общая характеристика дипломатии Бисмарка и Булова. Не показаны и методы дипломатической «работы» и руководства царской России.

Дипломатия американских стран в книге совершенно не представлена; дипломатия США представлена очень слабо — в нескольких местах и по отдельным проблемам. Сколько-нибудь ясного представления о внешней политике США читатель не получит. Страны Востока — Турция, Иран, Китай — показаны как объекты колониальной борьбы, и собственная дипломатия этих стран не освещена. В книге следовало бы осветить и технику дипломатии эпохи империализма, показать особенности организационной структуры и практики дипломатических органов различных государств.

Авторы тома и редактор проделали огромную и чрезвычайно полезную работу. Однако хотелось бы, чтобы или в ходе изложения отдельных вопросов или в библиографических дополнениях авторы высказали историографические замечания о литературе и источниках по важнейшим проблемам внешней политики. Авторы тома нигде и ни с кем не полемизируют, не останавливаются на различных точках зрения, имеющихся в литературе, стремясь положительным освещением выявить свою точку зрения. Интерес к книге поднялся бы, если бы на её страницах нашло место хотя бы суммарная характеристика источников и того положения, в каком находится сейчас научная разработка важнейших проблем дипломатии и внешней политики.

В настоящем виде второй том «Истории дипломатии» даёт твердую основу марксистского понимания международных отношений в новое время. Однако молодые кадры нашей исторической науки не должны думать, в связи с выходом этой книги, что всё сделано, все проблемы решены. Наоборот, прочитав эту книгу, становится особенно ясно, какую огромную исследовательскую работу нужно провести хотя бы в области изучения истории русской дипломатии. Поэтому выход второго тома «Истории дипломатии» должен явиться для историков новым толчком к монографическому исследованию узловых вопросов истории международных отношений.

¹ Ленин. Соч. Т. XXII, стр. 254.

Библиотека внешней политики. «История дипломатии». Том III. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939 гг.). Под редакцией акад. В. П. Потёмкина. Составили: проф. Минц И. И., проф. Панкратова А. М., акад. Потёмкин В. П., акад. Тарле Е. В. и Колчановский Н. П. ОГИЗ. Государственное издательство политической литературы. М. и Л. 883 стр. 1945. 500 000 экз. 13 руб.

Третий том «Истории дипломатии» излагает взаимоотношения советского государства с капиталистическим миром и даёт анализ противоречий капитализма, приведших ко второй мировой войне. Описываемые события охватывают промежуток времени от Версальской мирной конференции (18 января—28 июня 1919 г.) до нападения Германии на Польшу (1 сентября 1939 г.)—с конца первой мировой войны до начала второй. События этих 20 лет международной жизни чрезвычайно сложны и instructive. В частности те описанные в книге реакционные течения буржуазной политической мысли и деятели буржуазной дипломатии, которые сыграли столь позорную роль в развязывании агрессии, существуют и действуют до сих пор.

Материалы проходящего ныне процесса главных военных преступников в Нюрнберге могли бы пополнить книгу новыми фактами. В свою очередь рецензируемый труд помогает понять не только то, что обнаруживается в Нюрнберге, но и те факты, не вскрытые там, которые способствовали росту агрессии и ускорили наступление войны.

В книге проведена ясная периодизация. В истории дипломатии с 1919 по 1939 г. обозначается три этапа. Первый этап (1919—1923) характеризуется прежде всего усиленной деятельностью держав-победительниц, направленной на создание новой системы международных отношений, которая увековечила бы господство победителей. Это было достигнуто созданием версальско-вашингтонской системы международных отношений.

Второй целью дипломатии держав-победительниц было стремление изолировать Советскую Россию для скорейшего её подчинения или разгрома путём вооружённой интервенции.

Ленин в июле 1920 г. говорил: «...при теперешнем мировом положении, после империалистической войны, взаимные отношения народов, вся мировая система государств определяются борьбой небольшой группы империалистических наций с советским движением и советскими государствами, во главе которых стоит Советская Россия»¹.

В книге рассказано, как уже на первом заседании мирной конференции в Париже 12 февраля 1919 г. главнокомандующий силами союзников маршал Фош открыто выступил с предложением организовать поход «против большевиков» (стр. 25). Предложение Фоша было отвергнуто, но оно не было единственным. В главе «О приёмах буржу-

азной дипломатии», написанной акад. Е. В. Тарле, рассказывается, как ещё в 1919 г., до заключения Версальского мира, Людендорф обратился к Клемансо со следующим предложением: «Составляется франко-германская соединённая армия; верховным главнокомандующим в ней назначается маршал Фош, а генерал-квартирмейстером при нём — Людендорф. Эта армия входит в Советскую Россию, низвергает советскую власть и восстанавливает монархию. Естественно, что за эту великую заслугу перед цивилизацией Германия получает отпущение своих грехов, т. е. избавление от платежа репараций, и награждается соответственным образом за счёт богатого русского земельного фонда. Франция же снова начинает получать проценты по русским займам и также пользуется всеми плодами победы над Советской Россией» (стр. 708).

Позднее, в 1921 г., Людендорф снова предложил Антанте организовать антисоветский поход. И уже тогда между Людендорфом и зарождавшейся национал-социалистической партией Гитлера наметился контакт на почве общих антисоветских взглядов. Розенберг, сидящий ныне на скамье подсудимых в Нюрнберге, писал в «Фелькишер беобахтер»: «Главное — это нанести русской армии второе поражение под Таннсбергом и погнать её обратно в Россию. Это — исключительно дело немцев, это и будет, собственно, началом нашего возрождения» (стр. 97—98).

На путь антисоветских интриг встали и некоторые деятели кемалистской Турции. На Лондонской конференции в марте 1921 г. имели место переговоры главы турецкой делегации Бекир Сами-бея с Ллойд Джорджем о передаче под протекторат Турции Закавказья вместе с бакинскими нефтяными промыслами (см. стр. 99—100). Даже Персия, которая сама была на положении полуколонии, потребовала на Парижской мирной конференции раздела России. Финские захватчики выдвинули претензию на Карелию и... Петроград (см. стр. 74); польские — на территорию Украины и Белоруссии к западу от Днепра.

Советская дипломатия в этот период направляет все свои усилия на борьбу с интервенцией. Она стремится прорвать дипломатическую и экономическую изоляцию страны, добиться прекращения иностранной поддержки Колчака, Деникина, Врангеля и других белогвардейских генералов, заключить мирные договоры с соседними государствами, расколоть единый фронт империалистов. В своей борьбе советская дипломатия искусно использовала противоречия, существующие между державами, и трещины, обнаружив-

¹ Ленин. Соч. Т. XXV, стр. 352.

шися в версальско-вашигтонской системе.

В «Истории дипломатии» рассказывается, как советское правительство ещё в первых своих обращениях к державам призывало их к миру без аннексий и контрибуций. Заявив о праве наций на самоопределение, вплоть до отделения, советское правительство признало независимость Финляндии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии. Советское правительство обратилось к Турции, Персии, Афганистану и Китаю с предложением порвать старые неравноправные договоры, заключённые этими государствами с царской Россией, и заключить новые, основанные на безусловном признании равноправия и суверенности каждой договаривающейся стороны. Примером активной деятельности советской дипломатии и побеждающей силы советских идей является заключение договора с Эстонией. Этот договор пробил окно в Западную Европу, расстроил единый фронт империалистов, прорвал экономическую и политическую блокаду Советской России.

Ещё более крупным успехом советской дипломатии было заключение договора с Германией в Раппало: «Договор в Раппало сорвал попытку Антанты создать единый капиталистический фронт против Советской России. Планы восстановления Европы за счёт побеждённых стран и Советской России рушились» (стр. 181).

На Генуэзской и Гаагской конференциях Англия и Франция пытались дипломатическим путём принудить Советский Союз к таким уступкам, которых они не могли добиться путём прямой вооружённой интервенции. Дипломатия Советской страны искусно парировала эти попытки. Натиск буржуазной дипломатии на Страну Советов был отбит. Капиталистическим державам не удалось задушить Советскую Россию ни интервенцией, ни внешнеполитической изоляцией и блокадой.

Второй этап истории послевоенной дипломатии (1923—1929) характеризуется обострением внутренних противоречий версальско-вашигтонской системы, расшатыванием этой системы и вступлением держав на путь признания СССР. Версальско-вашигтонская система международных отношений не устранила и не могла устранить капиталистических противоречий. Наоборот, в дополнение к старым противоречиям, которые стали острее, появились новые. Версальский мир надолго закрепил противоречия между победителями и побеждёнными. Вся система Версальского мира кроме этого была направлена на то, чтобы сталкивать славянские народы между собой. Польшу сделали форпостом Франции на Востоке, направленным против Советской России. Значительная часть белорусского и украинского населения была насильственно включена в состав Польши: Закарпатская Украина была передана Чехословакии, Буковина — Румынии, часть Словении — Италии и Австрии, Югославию и Болгарию систематически натравливали на Россию.

Обострилась борьба между Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, между Италией и ведущими державами Антанты, между метрополиями и

колониями. Эти противоречия мешали создать прочные гарантии против немецкого реванша. Армия Германии не была окончательно уничтожена, сохранился её кадровый состав. Союзники лелеяли надежду использовать германские вооружённые силы против СССР и поэтому допускали существование в Германии множества тайных военных организаций и легальных полувоенных обществ. Пользуясь раздорами в лагере союзников, Германия, обманывая всех, тайно готовилась к новой войне.

«Версальский мир должен был покончить с войной. В действительности же он превратил её в постоянную угрозу, висевшую над всем миром» (стр. 54).

По мере дальнейшего развития событий всё яснее становилось, что старая политика интервенции, всяческих наскоков и непризнания СССР потерпела крах. Стало ясным также, что без СССР невозможно решить ни одного крупного вопроса международной политики.

Началась эпоха дипломатического признания СССР. Такое признание, однако, далеко не означало ещё отказа от попыток капиталистических стран искать выход из своих затруднений за счёт СССР. Прямая, открытая интервенция сменилась скрытым недоброжелательством и, время от времени, новыми наскоками.

Основная задача советской дипломатии в этот период заключалась в борьбе за мир против угрозы новых войн.

Капиталистические противоречия становились всё острее, именно поэтому всё громче звучали пацифистские речи. За этой завесой происходила скрытая подготовка к войне. Примером служит известное Локарнское соглашение держав. Локарнские соглашения содержали тайное антисоветское острие. Версальские границы на западе обеспечивались гарантиями, но не обеспечивались восточные границы. Германии давали ясно понять, что ей не будут препятствовать в попытках движения на Восток. Вступление Германии в Лигу наций позволяло ей участвовать в возможных санкциях против СССР.

Недаром поэтому товарищ Сталин предупреждал об опасностях Локарно. На XV партийном съезде товарищ Сталин заявил, что система Локарно и дух Локарно — это «система подготовки новых войн и расстановки сил для будущих военных столкновений»¹.

Известную опасность для нашей страны представляло и так называемое прибалтийское Локарно, которое должно было объединить Польшу, Финляндию, Латвию и Эстонию в борьбе против СССР. Вслед за этим возникли проекты северного Локарно, имевшего в виду объединить Польшу, прибалтийские и скандинавские государства. Подобные проекты и теперь время от времени выдвигаются реакционными политиками капиталистических стран. Советская дипло-

¹ XV съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчёт, стр. 43. М. и Л. 1928.

она нейтрализовала вредные возможности этих локальных договоров и проектов заключением с Литвой и Латвией пактов о ненападении. Преодолевая все препятствия, Советский Союз неуклонно укреплял свою экономическую и политическую мощь, гигантскими темпами перестраивал народное хозяйство, сметая со своего пути и внешних и внутренних врагов.

Третий этап истории дипломатии (1929—1939) насыщен событиями, непосредственно приведшими ко второй мировой войне. Ещё в 1929 г. товарищ Сталин подчёркивал, что «капиталистическая стабилизация не прочна и не может быть прочной, что она расшатывается и будет расшатываться ходом событий, ввиду обострения кризиса мирового капитализма»¹.

Мировой экономический кризис резко обострил борьбу за рынки сбыта, за сферы влияния и экспорта капитала, за передел колоний. Международные отношения стали крайне напряжёнными. Германия, Италия, Япония со своими попутчиками усиленно готовились к новому переделу мира. Как и прежде, капиталистический мир пытался найти выход из своих затруднений за счёт СССР. Реакционные империалистические круги ряда стран готовили к весне 1930 г. военную интервенцию против Советского Союза.

В мае 1930 г. французский министр иностранных дел Аристид Бриан обратился к 27 странам Европы с предложением «об организации режима европейского федерального союза», французские газеты писали, что бриановский план пан-Европы является логическим продолжением Локарно. Главная цель Бриана заключалась в противопоставлении объединённой в федеральный союз Европы Советскому Союзу.

В этих условиях советская дипломатия предприняла шаги, направленные к охране мира и укреплению сотрудничества с другими странами. В течение 1929—1932 гг. советская дипломатия подготовила и оформила ряд соглашений и конвенций с Германией, Турцией, Литвой, Францией. Эти соглашения содержали обязательства сторон не участвовать во враждебных блоках, обязательства об экономическом ненападении, о неучастии в экономическом и дипломатическом бойкоте и т. д. Эти меры советской дипломатии ослабили антисоветские замыслы Бриана.

Между тем под ударами кризиса угрожающе трещало здание версальско-вашигтонской системы. В 1931 г. на Дальнем Востоке, в результате агрессии Японии, возник первый очаг войны. Выход Японии из Лиги наций, безнаказанность её агрессии наглядно показали бессилие и беспомощность Лиги наций.

Провалилась и созванная в феврале 1932 г. конференция по разоружению. СССР выдвинул на конференции предложение о всеобщем и полном разоружении. Однако

своекорыстная позиция руководящих кругов английской и французской дипломатии, японская агрессия, противодействие Германии и Италии сорвали конференцию. Германия, например, поставила вопрос не о сокращении вооружений, а о равноправии в вооружениях. В своём меморандуме от 17 ноября 1932 г. английская дипломатия поддержала требование Германии о довооружении. «Это решение под давлением английской делегации было проведено на совещании пяти держав — Великобритании, Франции, Италии, США и Германии, созванном в Женеве в декабре 1932 г.» (стр. 457).

Так Англия, Франция и США своими руками готовили перевооружение своего смертельного врага.

Захватив власть в Германии в январе 1933 г., фашисты поставили вопрос о новом переделе мира в порядок дня.

Процесс главных фашистских преступников в Нюрнберге показывает, с какими дьявольской злобой и упорством фашистские маньяки готовились к захвату мирового господства. Факты, вскрытые на процессе, проливают свет на многие фазы международных отношений последних предвоенных лет. Теперь то, о чём громко говорили советские люди задолго до войны и что некоторые буржуазные политики называли советскими преувеличениями, получило документальное подтверждение.

Советское правительство ясно видело агрессивную природу фашизма: Советские люди предупреждали, что «фашизм — это война». Однако вместо действенных мер к созданию системы коллективной безопасности дипломатия Англии и Франции не нашла ничего лучшего, как заключить с Германией и Италией «пакт четырёх держав» (июнь 1933 г.). Значение Лиги наций сводилось на-нет. «Пакт четырёх» означал вместе с тем возвращение к политике изоляции СССР.

Что касается гитлеровской Германии, то она не скрывала своих антисоветских планов. В июне 1933 г. на международной экономической конференции германский министр хозяйства Гугенберт выступил с меморандумом, в котором поставлен был вопрос о возвращении Германии колоний и о предоставлении ей «жизненного пространства» на Востоке Европы. Гитлеровцы занимались сколачиванием русско-украинских белогвардейских организаций. Германская дипломатия использовала антисоветские настроения руководящих кругов тогдашней Польши и вовлекла их в орбиту антисоветских планов.

Советская дипломатия энергично боролась против надвигающейся угрозы войны. В июле 1933 г. СССР подписал конвенцию об определении агрессора с Афганистаном, Эстонией, Польшей, Латвией, Ираном, Турцией, странами Малой Антанты, Литвой и позднее с Финляндией. СССР предложил всем своим соседям заключить пакты о ненападении. Важное значение для дела мира имело восстановление дипломатических отношений между Советским Союзом и США в ноябре 1933 года. Напуганная вооружением Германии, французская дипломатия

¹ И. Сталин «Вопросы ленинизма», стр. 221. 11-е изд.

стала искать сближения с Советским Союзом. Начались переговоры о заключении восточноевропейского пакта взаимопомощи. Энергичную деятельность в этом направлении развил французский министр иностранных дел Барту. В сентябре 1934 г. СССР вступил в Лигу наций.

Но враги мира помешали осуществить восточноевропейский пакт. Убийство Барту, инспирированное из Берлина, вырвало из рядов французской дипломатии наиболее энергичного сторонника коллективной безопасности. Возглавивший после Барту внешнюю политику Франции предатель Лаваль принял все меры к тому, чтобы сделать франко-советский пакт о взаимопомощи бессильным, и взял курс на соглашение с агрессором. В январе 1935 г., во время личного свидания с Муссолини, Лаваль вполне определённо дал понять Муссолини, что французское правительство не будет препятствовать осуществлению замыслов Муссолини против Абиссинии. «О том, что английское правительство было не безгрешно в отношении Абиссинии, поведал сам Муссолини в одном из своих позднейших интервью» (стр. 517). Лига наций, где английская и французская дипломатия занимала господствующее положение, естественно, не захотела принять действенных мер против явной агрессии Италии. Провозглашённые Лигой наций санкции имели лишь демонстративный характер и скорее служили средством обмана общественного мнения, чем действенным средством борьбы. «Только Советский Союз, — заявил тов. Молотов на второй сессии ЦИК СССР в январе 1936 г., — занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия»¹.

Политика сговора с агрессором не могла не ободрить Германию, Японию и Италию к новым захватам. В марте 1936 г. Гитлер сконцентрировал своими войсками демилитаризованную Рейнскую зону. Это сошло ему безнаказанно. Германия открыто перевооружалась, лихорадочными темпами создавая современное оружие нападения. Италия и Германия подготовили и поддержали мятеж фашистского генерала Франко против законного правительства Испании. Франко победил; Германия и Италия посадили своего агента в тылу у Франции. В октябре 1936 г. оформилась «ось» — Рим — Берлин. В ноябре 1936 г. был оформлен так называемый антикоминтерновский пакт между Германией и Японией. В ноябре 1937 г. к этому пакту присоединилась Италия. Это был сговор агрессоров для борьбы за передел мира. В небывалых ещё размерах раз-

вернулся германо-итало-японский шпионаж.

Наиболее позорным и мрачным событием в истории дипломатии капиталистических стран останется известный мюнхенский сговор с агрессором. 18 марта 1938 г. гитлеровская Германия насильственно присоединила к себе Австрию. Нюрнбергский процесс подробно вскрыл методы, при помощи которых был осуществлён этот захват. Вслед за Австрией наступила очередь Чехословакии. Дипломатия Франции и Англии осуществила сильнейший нажим на чехословацкое правительство с целью принудить его к капитуляции. В книге ярко показаны методы англо-французского давления на Чехословакию.

Чехословакия была предана. Захватив в сентябре 1938 г. Судетскую область, Гитлер в марте 1939 г. оккупировал всю Чехословакию и объявил её протекторатом Германской империи.

Своей узко классово-антисоветской политикой реакционная правящая дипломатия Англии и Франции добилась лишь чрезвычайного военного и политического усиления Германии. Чемберлен и Даладье не могли или не хотели понять, что захват Чехословакии был лишь этапом в борьбе Германии за мировое господство. Они удорно хотели направить агрессию Германии против СССР. Это была удивительно близорукая политика, крайне опасная для Англии и Франции.

Только Советский Союз смело, открыто и честно заявил, что он не признаёт законным захват Чехословакии Германией. Когда в самый критический момент, в сентябре 1938 г., чехословацкое правительство запросило Советский Союз, готов ли он оказать ей помощь ввиду угрожающего положения, занятого Германией, Советский Союз немедленно ответил согласием. Советское правительство кроме того предложило созвать международную конференцию для выработки мер по оказанию коллективной помощи Чехословакии.

Этот и другие мудрые и смелые шаги советского правительства, направленные на обуздание агрессии, справедливо создали ему славу честного и верного защитника мира и безопасности, покровителя слабых народов, нетерпимого поборника демократии. «На СССР можно положиться». — таков был вывод, который сделали даже весьма далёкие от социализма представители капиталистических кругов. Специальный посол Рузвельта, Девис, отмечал, что его общение с советскими руководителями «происходило в атмосфере такой прямоты, какой он не встречал нигде и никогда в дипломатическом мире. Способные и солидные люди. — писал Девис, — были проинформированы честными убеждениями, неподкупны и преданны делу мира» (стр. 611).

Но даже полный провал мюнхенской политики не отрезвил тогдашние реакционные правящие круги Англии и Франции и не отклонил их от попыток натравить Германию на СССР. Об этом свидетельствует вся история переговоров правительств Чемберлена и Даладье о заключении англо-франко-советского пакта о взаимопомощи.

¹ См. Молотов В. «Статьи и речи. 1935—1936», стр. 176.

Выступая на внеочередной, четвёртой сессии Верховного совета СССР в августе 1939 г., тов. Молотов заявил: «В немногих словах дело заключается в следующем. С одной стороны, английское и французское правительства боятся агрессии и ввиду этого хотели бы иметь пакт взаимопомощи с Советским Союзом, поскольку это усиливает их самих, поскольку это усиливает Англию и Францию. Но, с другой стороны, английское и французское правительства имеют опасения, что заключение серьёзного пакта взаимопомощи с СССР может усилить нашу страну, может усилить Советский Союз, что, оказываясь, не отвечает их позиции. Приходится признать, что эти опасения у них взяли верх над другими соображениями»¹.

Мир был ввергнут в войну, принесшую неисчислимы страдания человечеству. Значительную долю вины несёт за это буржуазная дипломатия.

«Не будут оправданы судом человечества те реакционные политики, которые жертвовали интересами своих народов и всеобщего мира ради своих узко понимаемых классовых целей, стремились к изоляции Страны Советов, заигрывали с фашистскими агрессорами, рассчитывая задобрить их политикой уступок, попустительства и прямого поощрения в надежде направить напор фашистской стихии против страны победившего социализма» (стр. 699).

Тем большую признательность и уважение окажет потомство благородным и бескорыстным усилием СССР сохранить мир для всего мира, предупредить чудовищное истребление человеческих жизней и материальных ценностей, которое принесла вторая мировая война.

Исторический анализ событий, данный в этой книге, приводит к следующим неоспоримым выводам: все попытки задуть, ослабить или ограничить СССР всегда оканчивались провалом и конфузом для инициаторов этих попыток, к невыгоде для народов, имеющих у себя таких незадачливых дипломатов. Все попытки решать крупные международные вопросы без СССР и вопреки мнению СССР также оканчивались провалом и лишь углубляли трудности, переживаемые мировой капиталистической системой. СССР является необходимой и важнейшей частью мировой системы государств. Мирное сосуществование противоположных политических систем вполне возможно, как это и доказал опыт 27 лет. СССР был и является важнейшим оплотом мира и безопасности народов. В нём силы демократии видят свою опору, а малые и слабые народы — своего бескорыстного защитника. Отношение к СССР является истинным критерием демократичности и миролюбия внешней политики других держав мира.

Советские читатели, несомненно, будут внимательно изучать «Историю дипломатии». Этот фундаментальный, в большей своей части исследовательский труд может многому научить и не только советского читателя. Книга эта, опираясь на непреложные факты, многому учит, она даёт объективную оценку дипломатии и дипломатам, многие из которых живы сейчас и продолжают свою деятельность.

Книга помогает понять действительное лицо государств, правительств, партий и отдельных государственных деятелей, как они показали себя на протяжении последних двадцати лет.

Авторы широко использовали имеющийся разнообразный материал по истории международных отношений. Помимо таких общих и широко известных работ, как книги Темперлея, Тойнби, Гейдена, К. Рисса, Новака и др., авторы часто обращались к богатой мемуарной литературе. Цитируются мемуары Бекера, Гофмана, д'Абернона, Эрибергера, Черчилля, Ллойд Джорджа, Гендерсона, Вильяма и Марты Додд, Ширера Стида, Штреземана, Хауза, Берги, Тардье, Женевьевы Табуи, Раушинга, Людеке.

Основательно использованы также английские и французские публикации по вопросам политики новейшего времени, издания Наркоминдела, Центрархива, материалы Лиги наций, парламентские отчёты, а также русские, французские, английские, американские и немецкие газеты.

Что особенно отрадно — это широкое привлечение архивных материалов, значительная часть которых публикуется впервые. Этот разнообразный и богатый фактический материал объединён единой марксистско-ленинской концепцией, позволившей авторам разобраться в хаосе фактов международной жизни, выявить основные её закономерности и дать правильный анализ событий в их возникновении и развитии, а также вытекающие из этих закономерностей следствия. Авторы — проф. И. Миц, проф. А. Панкратова, акад. Е. Тарле, акад. В. Потёмкин и Н. Колчановский много и плодотворно потрудились над созданием этой капитальной книги.

Содержание её, в сущности, шире названия. Шире в том смысле, что в ней изложены не только история дипломатии в узком смысле этого слова, но история внешней политики Англии, Франции, Германии и СССР. Анализу внешней политики Италии отведено меньше места. К сожалению, ещё меньше места отведено анализу внешней политики США. Она показывается только эпизодически — во время Версальской конференции, в период вашингтонских переговоров, при разработке планов Дауэса и Юнга и позднее, при назревании предвоенного политического кризиса в Европе. Разумеется, это не охватывает всей внешней политики США. Нет, в частности, анализа взаимоотношений США с Англией и тех противоречий, которые разделяли и разделяют эти страны. Недостаточно показаны также политика США на Тихом океане, в

¹ Внеочередная, четвёртая сессия Верховного Совета СССР, стр. 198.

Китае, в Латинской Америке, политика в отношении свободы морей, борьба между долларом и фунтом стерлингов, борьба за нефть, сырьё, рынки сбыта и сферы приложения капитала.

Ещё меньше освещена внешняя политика Японии. Что касается Турции, Ирана, Китая, то о них в книге упоминается лишь, как об объектах внешней политики европейских стран, и то только в тех случаях, когда эти страны становились в центре внимания европейских держав. О внешней политике латино-американских стран даже не упоминается. Книга, таким образом, даёт лишь историю внешней политики главных стран Европы.

Но нельзя, разумеется, предъявить авторам претензию на всестороннее освещение дипломатии всех стран в период между двумя войнами. Это задача дальнейших исследований, требующая большого труда.

Третий том «Истории дипломатии» заложил фундамент для этой работы, наметил некоторые основные закономерности, но он не мог разрешить все вопросы. То, что уже сделано, является большим вкладом в историческую науку. Рецензируемый труд значительно облегчает историку дальнейшее исследование; он даст преподавателям ясный, подробный компендиум необходимых знаний по истории этого двадцатилетия, насыщенного гигантскими событиями. Кадры нашей советской интеллигенции получают ценное пособие для изучения внешней политики Советского Союза и капиталистических стран.

Желающие углубить свои познания в области внешней политики найдут в книге подробную библиографию на основных языках. Живой, а местами красочный язык книги очень облегчает её изучение. Некоторые места читаются с захватывающим интересом, например, описание переговоров на Версальской конференции и генуэзские переговоры, описание подготовки и захвата Чехословакии и т. д. Имеется много ярких характеристик буржуазных политиков: Невилля Чемберлена, Барту, Лавала, Леона Блюма, Идена, Черчилля, Даладьё, Эттли и др. Только что окончившаяся война была проверкой не только материальных и духовных сил народов, не только проверкой политики государств, но и проверкой государственных деятелей. В книге удачно обрисована и международная политика и её деятели.

«История дипломатии» будет настольной книгой наших советских кадров, её должен прочитать каждый советский патриот.

При последующих изданиях желательно было бы устранить некоторые недоговорённости и фактические неточности.

Не точно изложены задачи английской дипломатии в борьбе за пути из Евро-

пы в Азию (стр. 391—392). По мнению автора, эта задача в основном сводилась к распространению и укреплению английского влияния на те государства и земли, которые могли служить прикрытием индийских владений Великобритании. «Усилия британской дипломатии были устремлены на создание системы смежных с Индией буферных государств, которые могли бы служить её прикрытием» (стр. 392). Не говоря уже о том, что политика английской дипломатии интерпретируется здесь как чисто оборонительная, следует иметь в виду, что задача создания буферных государств вокруг Индии была поставлена ещё в XIX в. и решена в пользу английской дипломатии. Послевоенная английская дипломатия выдвинула новую, гораздо более сложную задачу — укрепления и развития британского содружества наций. Вопрос об Индии и других британских владениях рассматривается ныне в этом аспекте. Кстати, о британском содружестве наций, об имперских конференциях, об экономических и политических основах этой политики в третьем томе почему-то не сказано ни слова, несмотря на большое актуальное значение этого факта.

Есть и другие неточности в книге. Оказывается, например, что англо-иракский договор 14 декабря 1927 г. был заключён «в ответ на происки итальянской дипломатии» (стр. 393). Может быть, эти происки и сыграли какую-либо третьестепенную роль, но основным было всё же другое, а именно — мощное национально-освободительное движение, развернувшееся на Ближнем Востоке и, в частности, в Ираке. Главная цель договора заключалась в том, чтобы ослабить национально-освободительное движение и сделать Ирак одной из опор английского влияния на Ближнем Востоке. Авторы, далее, необоснованно и вопреки фактам превращают Чжан Цзо-лина в сторонника национально-освободительного движения. По мнению авторов, Чжан Цзо-лин под влиянием национально-освободительного движения превратился из агента Японии в её противника (см. стр. 429).

Эти и подобные неточности, имеющиеся, к сожалению, в книге, оставляют досадное впечатление. Хотелось бы, чтоб они были устранены в последующих изданиях.

Желательно также снабдить книгу картами. Даже квалифицированному читателю необходимо время от времени обращаться к карте для того, чтобы разобраться в больших изменениях, внесённых версальско-ваппингтонской системой. Все эти недостатки не могут, однако, существенно изменить общую высокую оценку этого труда, которую сделает каждый читатель.

С. Ростовский

ДРЕВНЕЙШАЯ ИСТОРИЯ СССР В ОСВЕЩЕНИИ Г. ВЕРНАДСКОГО

A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich. Vol. 1. Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history in Yale University, 425 p. 8 maps. New Haven. Yale University press. 1943 (Lec. printing. 1944).

★

Огромный интерес к Советскому Союзу и его культуре, к героическому настоящему и великому прошлому его народов — одна из наиболее характерных особенностей современной культурной жизни зарубежных демократических стран, наших союзников в победоносной войне с гитлеровской Германией. Вопросы истории народов СССР, особенно русского народа, живо интересуют прогрессивную мировую общественность.

Одним из проявлений этого, неизменно растущего интереса к истории России и СССР является начатая издательством Изельского университета (США) публикация многотомной работы Г. Вернадского и М. Карповича «A History of Russia», первый том которой «Ancient Russia» Г. Вернадского вышел в Нью-Гавене в 1943 — 1944 годах.

Издание, как сообщают авторы в предисловии к первому тому, исходя из того, что «в течение последних десятилетий в области русской истории имело место внушительное накопление новых материалов первоисточников, и в монографической литературе как в России, так и в других странах, выявилось много новых существенных точек зрения», ставит своей целью «систематически представить общий ход русской истории» с широким «использованием вновь собранного материала, так же как и результатов специальных научных исследований».

Серия планируется в десяти томах, первые шесть из которых — от начала русской истории до конца XVIII века — пишутся Г. Вернадским, остальные же четыре — с начала XIX в. до наших дней — М. Карповичем.

Авторы ставят своей целью «помимо выявления основных направлений политической, экономической и социальной истории России, попытаться увязать это с культурным развитием страны. Особое внимание будет обращено на историю составных частей Российской империи, как до, так и после их вхождения в единую политическую систему. На каждом последовательном этапе русской истории будет исследовано место русского народа в мире, с выявлением не только международной политики правительств, но также и культурных связей народов» (стр. V—VI).

Широта поставленных задач, обширность планируемого издания, отвечающего на живой интерес американского читателя к русской истории, не могут не привлечь к изельской «Истории России» внимания советских специалистов.

Критический разбор книги Вернадского особенно важен потому, что автор—впер-

вые в таком масштабе в зарубежной литературе — берёт на себя задачу синтезировать результаты новейших исследований советских историков и археологов, выступая, таким образом, в роли популяризатора и интерпретатора не только русской истории, но и советской исторической науки. Весьма важно выяснить, насколько эта интерпретация соответствует действительному направлению наших исследований и их результатам, насколько правильное представление о последнем слове науки в области древней истории России вынесет американский читатель из первого тома этого широко задуманного труда.

★

Книга Г. Вернадского состоит из введения и 8 глав.

I. Преемственность. 1) Постановка проблемы о происхождении русского народа. 2) Историкографические заметки. 3) Палеолитическая эра. 4) Неолитический век. 5) Медный и бронзовый век. II. Киммерийская и скифская эра (1000—200 гг. до н. э.). 1) Переход от бронзового к железному веку. 2) Киммерийцы и скифы в Южной России. 3) Греческие колонии на северных берегах Чёрного моря. 4) Северные соседи скифов. 5) Восточные соседи скифов. 6) Отзвуки политической истории Скифии. III. Сармато-готская эпоха (200 г. до н. э.—370 г. н. э.). 1) Обобщения главы. Источники и справки. 2) Центральная Евразия в сарматский век. 3) Сарматы в Южной России. 4) Боспорское царство и греческие города на северных берегах Чёрного моря. 5) Наследство иранского века в русской истории. 6) Западные и северные соседи сарматов. 7) Восточные славяне в сарматский период. 8) Некоторые данные о славянской цивилизации и сарматский период. 9) Готы на Украине. IV. Гунно-антский период (370—558 гг. н. э.). 1) Предварительные заметки. 2) Гуннское вторжение и готско-антская война. 3) Великое переселение и экспансия аланов на запад. 4) Гуннская империя на Дунае. 5) Последние годы царствования Аттилы. 6) Азовский район, Таврида и Северо-Кавказская область в IV и первой половине V века. 7) Падение гуннской империи. 8) Анты с конца IV до середины VI века. 9) Византия, анты и болгары в первой четверти VI века. 10) Политика Юстиниана I в отношении антов и болгар. V. Аваро-антский период (558—650 гг.). 1) Предварительные заметки. 2) Нашествие аваров и появление тюрков. 3) Византия, авары и анты в царствование Маврикия. 4) Аваро-славянские отношения. 5) Таврида и Северный

Кавказ в VI веке. 6) Авары, славяне и Византия в первой четверти VII века. 7) Великая Болгария, авары и славяне во второй четверти VII века. 8) Происхождение Хазарского государства и падение Великой Болгарии. VI. Хазаро-болгарский период (650—737 гг.). 1) Предварительные заметки. 2) Хазарский каганат. 3) Волжские болгары. 4) Литовцы и финны в Северной России. 5) Угры и асы в Южной России. 6) Дунайские болгары, анто-славяне и Византия в 670—701 годы. 7) Булгары, хазары и Византия в 701—739 годы. 8) Асы и русы в Азовской области. VII. Норманны и русский каганат (737—839 гг.). Предварительные заметки. 2) Норманны в Северной и Центральной России. 3) Норманны, асы и русы в Азовском районе. 4) Варяго-русская проблема. 5) Первый русский каганат. 6) Хазарское государство во второй половине VIII и в начале IX века. 7) Византия и болгары, франки и авары в 739—805 годы. 8) Византия и болгары во время царствования хана Крума. 9) Болгарская политика при хане Омортаге в 814—831 годы. 10) Политический кризис в севернопонтийской области в 831—839 годы. VIII. Предпосылки Киевской Руси (839—878 гг.). 1) Русские племена в IX веке. 2) Наступление хазар и мадьярский контроль над южнорусскими племенами. 3) Рюрик и варяго-русское княжество в Новгороде. 4) Русь на Днепре и в Понтийской области. 5) Хазарская миссия Константина Философа и первое крещение Руси. 6) Паннонская миссия Константина и Мефодия и начало славянской письменности. 7) Крещение дунайских болгар. 8) Киев в 870 г. и его подчинение Олегом. 9) Обобщающие заметки.

Этот сухой перечень параграфов, которым мы решились утомить читателя, в сущности даёт представление не только об обширном круге проблем, охваченных автором, но и об его концепции. Мы воздерживаемся пока от критических замечаний по поводу периодизации, положенной автором в основу его книги и ярко отражённой уже в оглавлении, чтобы не повторяться в дальнейшем. Мы должны отметить, что автор действительно очень широко использовал новейшую советскую литературу, как историческую, так и археологическую. В книге мы найдём ссылки на труды историков и востоковедов: акад. Б. Д. Грекова, акад. Ю. В. Готье, акад. В. В. Бартольда, акад. П. К. Коковцева, акад. И. Ю. Крачковского, проф. М. В. Левченко, Е. Липшиц, акад. Н. Я. Марра, проф. В. В. Мавродина, проф. В. А. Пархоменко и других; археологов: проф. М. Н. Артамонова, проф. А. В. Арциховского, проф. А. С. Башкирова, проф. В. Д. Блаватского, проф. П. П. Ефименко, проф. Б. Н. Гракова, проф. В. А. Городцова, проф. А. А. Иессена, проф. С. В. Киселёва, И. И. Лялушкина, проф. Л. А. Мацулевича, С. А. Пахомова, Т. С. Пассек, проф. В. И. Равдоникаса, проф. Б. А. Рыбакова, проф. С. П. Толстова, проф. К. В. Тревер и многих других. Ссылки охватывают советскую литературу вплоть до начала

1941 года. Г. Вернадский даёт весьма положительную оценку трудам многих из этих авторов, широко использует материалы их публикаций и исследований. В частности особо высоко он оценивает развитие советской археологической науки: «После революции 1917 г. археологические изучения привлекли больше внимания, исследования получили более организованную форму. Институт истории материальной культуры Академии наук СССР — лучшее учреждение в этой области. Академия наук Украинской ССР в Киеве возглавляет археологические исследования в Советской Украине. Государственный Исторический музей в Москве организовал серию археологических экспедиций в различные части РСФСР. Ряд местных музеев также весьма активен. Наиболее замечательные открытия за последние 2 десятилетия сделаны в области палеолита, но серьёзное внимание было обращено также на неолитическую и бронзовую культуру» (стр. 12).

Нельзя, однако, не отметить, что не везде автор стоит на уровне наших современных сведений о предмете. Так, опираясь почему-то преимущественно на работы польских антропологов (Талько-Гринцевич, Чекановский), он пользуется очень устарелыми сведениями в отношении антропологии древних славян и других восточно-европейских народов (стр. 329—330). Ни специальное исследование проф. В. В. Бунака по антропологии древних восточных славян по курганным материалам, ни работы проф. Г. Ф. Дебеца, Т. А. Трофимовой и других советских антропологов по славянским, финским и тюркским народам Восточной Европы почему-то совершенно не были использованы автором.

В главе о волго-камских булгарах (стр. 222—228) автор совершенно не использовал работы виднейшего знатока болгарских древностей, руководителя ряда экспедиций по раскопкам древних городов Булгара и Сувара проф. А. П. Смирнова, оставаясь в отношении археологических сведений о Булгарии на уровне «Железного века» акад. Ю. В. Готье — исследования, опубликованного в 1930 году.

Из трудов, посвящённых анализу письменных источников, не использованы замечательные труды акад. С. А. Жебелева по истории греческих городов Северного Причерноморья, интереснейшие публикации и исследования проф. Н. Пигулевской о сирийских источниках по истории народов СССР.

По истории древних тюрков не использованы ценные работы крупнейшего нашего специалиста в этой области А. Н. Бернштама.

Это накладывает на книгу отпечаток значительной неровности. Если в некоторых главах мы находим вполне свежий материал, то другие, наоборот, ко дню выхода книги устарели на 10, 15, а то и более лет.

Надо отметить, что автор использует не только материал, опубликованный советскими исследователями. В ряде мест книги

стается несомненное влияние новейших идей советских учёных. К ним, например, относятся некоторые замечания автора по проблеме этногенеза славян (стр. 1—3), где автор полемизирует с теорией славянского «праязыка» и «прародины». Здесь местами его тезисы отражают правильное влияние акад. Н. Я. Марра и советской школы в области вопросов этногенеза.

Частные обобщения и выводы советских историков и археологов используются автором постоянно. Характерно, что автор нигде не полемизирует с советскими авторами, давая нередко весьма лестные оценки их работам. Это на первый взгляд создаёт впечатление, что книга отражает основные достижения советской исторической науки, что её направление адекватно направлению советской историографии. Между тем это далеко не так. Эта иллюзия очень быстро исчезает при внимательном изучении книги. Если в библиографической её базе можно было указать ряд досадных пробелов, то в области теоретической нам придётся указать уже не на частные, хотя бы и важные лакуны, а на последовательное игнорирование в а ж н е й ш е г о, что внесла в историографию именно советская наука. Часто, сочувственно цитируя те или иные работы советских учёных (акад. Б. Д. Грекова, проф. Б. А. Рыбакова и др.), автор развивает в своей книге взгляды прямо противоположные концепциям этих исследователей, ни словом не пытаясь оговорить расхождения, развернуть научную полемику.

Это делает особенно неотложной соответствующую реакцию советской критики на рецензируемую книгу Г. Вернадского.

Уже из оглавления, приведённого нами выше, видны основные контуры концепции автора. Для него древняя история народов СССР, завершившаяся в IX в. созданием Русского государства с центром в Киеве, — это прежде всего история смены народов, вытесняющих или подчиняющих друг друга. Мы напрасно будем искать здесь анализ внутреннего развития населяющих обширную территорию нашей родины племён, эволюцию их хозяйства, смену форм социально-экономического строя, реальные, вытекающие из внутренних закономерностей исторической жизни народов, предпосылки тех этнических смен, которые детально проследживает автор. Факты внешнеполитической истории государств и племён, которые проходят перед нами на страницах книги, остаются лишёнными социально-экономической базы, выступают как произвольная игра стихийных политических сил или свободной воли политических деятелей.

Мы напрасно будем искать здесь того, что давно и прочно установлено марксистско-ленинской исторической наукой и во многих своих звеньях разработано советскими историками в применении к эпохе, которой посвящена книга: смены общественно-экономических формаций, двигателем

которой являются развитие производства и классовая борьба. Ни слова нет, например, о таком важном моменте в истории Боспорского царства, как восстание рабов под руководством Савмака, которому посвящено блестящее исследование акад. С. А. Жебелева, вообще забытого автором.

Социальные характеристики, местами встречающиеся в книге, весьма далеки от того, чтобы удовлетворить советского историка. Так, на стр. 5—6 мы узнаём, что «различие естественных и экономических условий привело к раннему формированию различных типов экономической и социальной организации народа (речь идёт о ранних славянских племенах ещё в «сарматский период». — С. Т.). Роды (clans) и семейные общества типа задруги преобладали среди групп, основным занятием которых было земледелие. Охотничьи и рыболовные сообщества представляли другой тип социальных объединений, в то время как те, которые продвинулись на юг в степи и были использованы сарматскими вождями (sic!) как воины, были, возможно, организованы в военные общины типа позднейших казаков».

Не говоря уже о том, что остаётся загадочным, откуда всё это известно автору (аргументировать этот тезис, как и многие другие, он не пытается), концепция эта находится в резком противоречии с господствующей среди советских учёных, продолжающих в этом вопросе лучшие традиции передовой этнологической науки XIX в., концепцией о господстве у всех славян (как и всех народов в доклассовый период их истории) родового строя, лежащего в основе всех остальных «форм ассоциаций» первобытных народов.

Надо отдать справедливость автору, что он несколько отошёл в трактовке скифского и сарматского обществ от традиций своего преемника и учителя — Ростовцева. У Г. Вернадского мы уже не находим ни феодализма, ни централизованной феодальной монархии, управляемой из кочевой ставки могущественных скифских царей.

«Их (скифов. — С. Т.) царство было лишь одной из длинной серии кочевых империй, сменявших одна другую в Евразийских степях, и скифская империя не была централизованным государством. Власть царя главной орды признавалась вождями меньших орд, но главный царь не был абсолютным правителем. Скифское государство было скорее конфедерацией сильных кочевнических родов. И социально и юридически это было государство, основанное на родовом праве» (стр. 51).

Это, конечно, шаг вперёд по сравнению с Ростовцевым, но шаг недостаточный и непоследовательный. А главное — автор не находит никакой принципиальной разницы между скифской «империей» и державами гуннов, аваров, хазар. Тезис Ростовцева о том, что в «скифской империи» можно видеть прототип и Хазарии и даже Золотой Орды, целиком разделяется

Г. Вернадским. Он так и пишет на стр. 52: «Скифская империя может быть социологически охарактеризована как господство кочевой орды над соседними племенами земледельцев. Хазарское государство (VII—X вв. н. э.) так же, как Монгольская Золотая Орда (XIII—XV вв. н. э.), было построено на той же основе». Здесь, по существу, мы подходим к стержневой идее книги, отнюдь не являющейся простым прагматическим изложением исторических фактов.

Автор имеет свою социологическую концепцию, которая красной нитью пронизывает книгу. Это концепция смены «народов-господ», подчиняющих и «организуемых» другие, более слабые племена, образуя в итоге господствующий класс возникающих этим путём политических объединений.

«Кажется, что время от времени, — пишет Г. Вернадский, — новые господствующие роды захватывали контроль над страной и в то время, как часть предшествующих групп выселялась, основная масса туземного населения оставалась, получая примесь крови пришельцев. Южная Россия была сперва политически организована киммерийцами (1000—700 гг. до н. э.), затем скифами (700—200 гг. до н. э.) и сарматами (200 г. до н. э. — 200 г. н. э.), далее следуют готы (200—300 гг. н. э.), чтобы быть заменёнными гуннами (370—454 гг. н. э.)» (стр. 49).

Автор уводит деятельность этих политических «организаторов» гораздо глубже.

Он видит их появление уже в конце эпохи Трипольской культуры.

«Около 1800 г. до н. э., — пишет он на стр. 33—34, — какая-то большая катастрофа должна была произойти в Днепровском районе, некое вражеское вторжение, в результате которого трипольский народ был частью уничтожен, частью вытеснен из своей страны. Кто были завоеватели и откуда они пришли, — остаётся дискуссионным. Согласно А. М. Тальгрену, они были индо-европейской расы и пришли с северозапада. Он предполагает, что после подчинения Трипольской области они продолжали своё движение на юго-восток, пока не достигли района Кубани».

Деятельность «народов-господ», по мнению авторов, продолжается и после гуннов. За гуннами следуют болгары, за болгарями — авары и тюрки, за последними — хазары и мадьяры, и, наконец, цепь завершается старыми знакомыми — варягами шведского, датского и норвежского происхождения. Но об этом ниже.

Несколько слов о концепции этногенеза Г. Вернадского. Как я отметил, автор нередко сочувственно цитирует Н. Я. Марра, полемизирует против «теории миграций», «праязыков» и «прародии».

Однако, по существу, он чрезвычайно далёк от господствующего в советской науке исторического взгляда на этногенетический процесс. Как известно, суть этого

взгляда вовсе не в тех частноисторических, хотя и важных, заключениях, каким является вывод Н. Я. Марра о яфетической языковой принадлежности древнейшего населения Восточной Европы и всего Средиземноморья, и не в отрицании праязыков, прародии и миграций, т. е. положений, с которыми Г. Вернадский в той или иной мере солидаризируется. Это лишь внешняя сторона вопроса, сущность которого совершенно в ином — в историческом взгляде на все этнографические категории, в отрицании их практической извечности и качественной неизменяемости, в утверждении качественной трансформации языковых (а следовательно, и этнографических) систем на базе внутреннего социально-экономического развития народов, сопровождаемого племенными и языковыми скрещиваниями. Советская наука давно оставила представление об истории взаимодействия народов на ранних этапах их развития как истории механических территориальных перемещений, экспансий и вытеснений или поглощений одних, практически изначала сущих народов, другими, также изначала сущими.

И какими бы оговорками ни снабжал своё изложение Г. Вернадский, существо его идеологических позиций именно таково: вопрос о происхождении славян у него, в сущности, и не стоит, хотя он и начинает своё изложение с палеолита. Весь раздел его труда, посвящённый первобытным временам, в этом отношении никак не связан с последующим изложением. Славяне (или, если угодно, протославяне) как особая противостоящая иранцам-скифам, фракийским киммерийцам и т. д. этнографическая общность существует для него уже в эпоху Геродота, уходя своими корнями явно в доскифскую эпоху. Между тем именно эта презумпция и мешает понять действительный характер процесса. Автор не хочет порвать с вредным для исторического исследования фетишизированием категорий формально-лингвистической классификации, не хочет признать, что антиисторично объединять общим термином «иранцы» среднеазиатских скифов, сарматов, аланов, древних персов и современных иранцев, что нельзя на одну историческую полку ставить древних фракийцев, иллирийцев, тохаров, (прибавим — скифо-сарматов) и современные этнолингвистические группы индоевропейских народов, как иранцы, славяне, романцы и германцы, исторически формирующиеся на базе скрещения древних протоевропейских групп. С нашей точки зрения, опирающейся на исследования акад. Державина, акад. Соболевского, проф. Удальцова и других, славяне — продукт исторической трансформации и скрещения, по меньшей мере, трёх древнеиндоевропейских групп, почти целиком вошедших в состав славянства, — иллирийцев, фракийцев и европейских скифо-сарматов, в свою очередь сложившихся в результате более древних трансформаций и скрещиваний различных яфетических языков Восточной и Центральной Европы, происходивших тысяче-

летиями на обширном ареале от Дона до Эльбы и от Балкан до Балтики. Поэтому бесплодными остаются поиски «славянского пранарода» во времена Геродота, даже в модифицированном понимании Вернадского, рассматривающего этот «пранарод» как совокупность различающихся между собой племён, живущих на обширной территории лесостепной зоны Восточной Европы.

Г. Вернадский не отрицает скрещения языков. Но для него, в силу вышеотмеченной ложной отправной позиции, это скрещение имеет только 2 формы: или навязывание завоевателями своего языка покорённым или принятие первыми языка последних. Форма социального скрещения народов, для Г. Вернадского, — только одна — это завоевание. По существу, к одной сводятся и обе формы языкового скрещения — это вытеснение одним языком другого. «Хорошо известно, например, — пишет он, — что норманны, которые образовали господствующий класс Киевского государства в IX и X столетиях, быстро ассимилировались с туземцами, приняв славянский язык... Сходные процессы могли иметь место и в древнейшие времена. Анты, согласно историкам VI века, бывшие сильнейшими из славянских племён, управлялись иранскими родами (см. об этом ниже. — С. Т.), возможно, с II в. н. э. Во время Прокопия их язык был, однако, славянским» (стр. 5).

Признание существенной роли скрещения языков оказывается, таким образом, удобным оружием для доказательства недоказуемого. Если нет никаких лингвистических следов иранства антов, — значит «иранские» «господствующие кланы» ассимилировались, как столь же мало оставивший следов в восточно-славянском языке «норманский господствующий класс» Киевской Руси.

Такова центральная линия исторических обобщений автора. Предки славян во времена Геродота скрываются под именем скифов не потому, что европейские скифы — протославяне, а потому, что эти последние были подчинены господствующим скифским кланам.

То же повторяется в последующий, сарматский период. Здесь мы подходим к одному из узловых моментов книги Вернадского: его теории об иранизме антов, о тождестве их «господствующих кланов» с аланами-асами. Эта теория, первоначально выдвинутая автором в специальной работе¹, имеет более чем узкую базу. По существу, эта база сводится к попытке фонетической идентификации имён *Asii* и *Anti*, навеянной мнимым созвучием китайской транскрипции имени аорсов-аланов Приаралья («янь-цай», они же — «аланьца») и славянских антов (стр. 82).

Прежде всего, как давно доказано в специальной синологической литературе,

форма «янь-цай» закономерно соответствует форме *arsi*, *aorsi*, хорошо известной как имя восточной группы аланских племён. Это имя в форме *al Arsia* дожило как имя хорезмийских (resp. восточно-аланских) наёмников в Хазарском каганате до X века. Наоборот, кроме формы «янь-цай», никакой, хотя бы отдалённо напоминающей имя антов, термин не зарегистрирован для районов к востоку от Волги.

Далее, попытка автора подкрепить свою сомнительную идентификацию новым филологическим аргументом — наличием в греческом переходе *S* → *nt*, ср. *gigas* → *gigantes* и т. д. (стр. 82—83, 106 и др.) — не выдерживает критики потому, что эта специфически греческая закономерность не проявляется именно в греческих источниках, которые до времён Иордана и Прокопия нигде не употребляют имени антов, везде сохраняя форму *Assi*, *Asaei* и т. д., в то время как имя *Anti*, если верить самому Вернадскому, впервые за полтысячелетия до византийских греков встречается у латинских авторов — Помпония Мелы и Плиния. Никаких других аргументов в пользу своего отождествления автор не в состоянии привести, если не считать более чем сомнительной попытки отнести несколько личных имён антов, упоминаемых источниками, к «иранским». Таковы имена Ардагаст, Пейрагаст, Келагаст (стр. 159). Автор сам вынужден признать, что вторая часть каждого (из этих имён) — «гаст», — также известна как отдельное имя из одной керченской надписи (*grastes*). Оно может быть иранским, кельтским, фракийским или славянским, но тот факт, что оно употреблялось в Боспорском царстве, показывает, что оно, во всяком случае (?), было воспринято иранцами (?). Некоторые славянские имена построены по тому же образцу, например Доброгаст. Надо отдать честь автору: он здесь сам продемонстрировал полную произвольность своего отнесения этого окончания, наиболее типичного как раз для славянских имён (включая антские), к «иранским». Это мешает ему в дальнейшем использовать этот критерий для доказательства ирано-антского происхождения того или иного из славянских исторических деятелей. Вот, в сущности, и всё. 2—3 более чем спорных филологических сопоставления — и налицо оказывается широкая концепция асо-славянского объединения в Приазовье с его последующей экспансией на запад, теория асского, иранского происхождения господствующего класса древнейшего, докиевского политического объединения славян.

Напрасны, выходит, исследования советских археологов и историков — проф. Б. А. Рыбакова и других — по антским древностям. Б. А. Рыбаков в соответствии с разработанным им обширным археологическим материалом, доказывает, что славянские племена задолго до «призвания варягов» сами создали в Поднепровье свою богатую культуру, сами заложили первые

¹ G. Ver n a d s k y. On the origins Antae «Journal of American oriental Society». Vol. 50. 1939, p. 56—66.

основы восточнославянской государственности. Оказывается, это не так.

Иллюзия «иранства» скифо-сарматской группы племён порождена слабой сохранностью многих звеньев древней этнографо-лингвистической карты. Однако и те более чем скудные данные, которыми мы располагаем о фракийских, фригийских и иллирийских языках, позволяют говорить, что эта карта характеризовалась бóльшим количеством отдельных индоевропейских языковых групп и бóльшей близостью смежных групп между собой, чем это наблюдается сейчас. Процесс индоевропейского глоттогенеза (как это наблюдается и в других лингвистических системах) представляет собой противоречивое сочетание интеграции, укрупнения языков и языковых групп путём слияния древних групп и дифференциации — расхождения — новых, укрупнённых групп между собой в процессе развития и обогащения структурной и материальной, лексической сокровищницы языка. В силу этого, упомянутое выше выпадение ряда звеньев древней цепи этих групп неизбежно создаёт предпосылки для грубых ошибок в классификации, одной из которых, бесспорно, является отнесение в иранскую группу скифо-сарматских языков (видимо, к тому же представлявших не одну, а несколько индоевропейских групп, наряду с доказанным Н. Я. Марром, И. Джавахишвили и другими исследователями наличием в составе скифо-сарматских по культуре народов значительных групп, сохранивших ещё яфетический строй речи). На деле, видимо, древнеиндоевропейские скифо-сарматские племена представляли собой лингвистически ряд промежуточных звеньев между фракийцами, с одной стороны, и собственно древнеиранскими народами (персами, мидянами, бактрийцами) — с другой.

Западные скифо-сарматы — это, с исторической точки зрения, не «иранцы», а протославяне, как протославяне, видимо, иллирийские негры или нуры и веныты и фракийские племена.

Мы далеки, конечно, от того, чтобы отрицать тесные историко-культурные связи предков славян с Кавказом, Средней Азией и даже далёким Ираном. Наоборот: в своих работах мы многократно подчёркивали эти связи. Но связи эти носили существенно иной характер. Во-первых, как мы показали выше, скифо-сарматские племена, представляющие особые группы древнеиндоевропейских племён, в процессе своего исторического развития влились во вновь формирующиеся новые этнографические общности, войдя как компонент, с одной стороны, в состав славянства, с другой — в состав иранских и неиранских народов Востока (армян, грузин, горцев Кавказа, среднеазиатских тюрков и даже далёких индийцев).

Причём эти связи и скрещения носили сложный и разнообразный характер. Племена, объединяемые нами в понятие скифо-сарматских, как мы отмечали, принадлежали к ряду лингвистико-этнографиче-

ских групп. Те группы предков славян, которые обитали с древнейших времён в степной зоне, — чего не отрицает и Г. Вернадский, — естественно, должны были выработать сходный с остальными степными народами комплекс культуры, при этом сходство, несомненно, усиливалось широким культурным обменом, для которого степные условия и развитое скотоводство, содействовавшие подвижности племён, открывали почти неограниченный простор.

В этом процессе играли, конечно, роль и переселения и завоевания — скифы, как известно, отнюдь не были примером миролюбия, — но они не носили и не могли носить столь монотонно-одностороннего характера. Автор сам признаёт, что в лице среднеазиатских массагетов мы наблюдаем смещение фракийских и собственно скифских элементов (стр. 67). Мои исследования давно привели меня также к этому заключению. Но это значит, что не было в ту эпоху искомого «иранского» этнографического массива, выталкивавшего то одни, то другие орды завоевателей на запад, а была сложнейшая амальгама разнородных племён, находившихся между собой в разнообразнейших взаимодействиях, основным двигателем которых было внутреннее, закономерно развивающееся, хозяйственное, социальное и культурное развитие этих народов, как мы видели, последовательно игнорируемое автором.

И, в частности, те самые «бесспорно иранские» (стр. 74 и др.) аланы, которые якобы составили «господствующий класс» антского объединения, были, — по авторитетному свидетельству Аммиана Марцеллина, подтверждаемому и другими данными, — потомками массагетов, то есть в своей основе — фракийцев, тесные связи которых со славянами блестяще доказаны акад. Н. С. Державиным.

Вопрос оказывается, таким образом, сложнее и богаче. Проблема алаво-славянских отношений отнюдь не должна быть снята: она сулит богатые перспективы исследователю. Но разрешать её в духе порочной «теории завоевания», антинаучной теории образования классов путём покорения одного племени другим — значит только компрометировать эту проблему.

В этой связи нельзя не отметить также и другой лейтмотив книги Вернадского — «евразийскую» концепцию. Автор, продолжая здесь теоретическую традицию группы так называемых евразийцев, консолидировавшейся в 20-х годах среди белоэмигрантских историков культуры в Праге, считает географической базой русского исторического процесса «Евразию», т. е. «Европейскую и Азиатскую Россию, взятые вместе» (стр. 6).

«Западная Евразия, таким образом, может рассматриваться как первый или, взятый вместе, древний и средневековый этап русской экспансии и Евразия в целом — как её второй и финальный этап» (там же).

Понятие «Евразия» или бесполезно, если

то просто географический псевдоним для СССР, или вредно, если оно противопоставлено Европе, с одной стороны, и Азии — другой, — а именно так обстоит дело и у «евразийцев» и у Вернадского.

Историко-географическая концепция «евразийцев» и автора рецензируемой книги стержнем своим берёт взаимоотношение степных, кочевых и лесостепных и лесных оседлых народов «Евразии», ограничивая, таким образом, область подлежащих исследованию исторических связей южной границей «евразийских» степей. Древние культурные народы Средней Азии и Кавказа, таким образом, оказываются выключенными из предистории Руси, а степные кочевые племена, на всех этапах их истории, вплоть до монгольского завоевания включительно, оказываются основной связующей силой «евразийского единства», пока не начинается «второй и финальный этап русской экспансии».

В полном соответствии с идеологами евразийства автор сознательно совершенно элиминирует все вопросы славяно-среднеазиатских и славяно-кавказских исторических связей, вопреки своему обещанию «обратить особое внимание на историю составных частей Российской империи как до, так и после их вхождения в единую политическую систему». Только для каменного и бронзового веков он делает некоторые частные исключения. Между тем и в истории народов Восточной Европы и в особенности в истории кочевников нельзя разобраться вне учёта мощных и многообразных связей их с древними культурными очагами южных окраин нашей страны.

Вернёмся, однако, к центральной теме автора — к истории смены «народов-господ».

Мы не будем подробно останавливаться на «готском вопросе». В полном соответствии со своей основной концепцией автор конструирует период почти двухвекового господства готов над южной частью Восточной Европы — «сарматское господство над Южной Россией было заменено господством готов» (стр. 75). В духе тенденциозного предания о «великой державе Эрманириха» готское государство рисуется уже в феодальных тонах (стр. 118). Как и у немецких филологов, готским оказывается солидный пласт славянских политических и военных терминов.

В отношении готов и антов автор готов столь же охотно видеть прототип отношений норманнов и славян (стр. 121). Регистрируя факты, когда «готские» вожди выступают под славянскими именами, автор сопоставляет это с имевшим место якобы аналогичным процессом славянизации личных имён «варяжских» правителей Руси. Автор только вскользь отмечает факт заимствования готами многих форм культуры у местного населения северного Причерноморья. Он оставляет совершенно неиспользованными исследования ряда советских авторов (В. И. Равдоникаса, М. А.

Тихановой, Б. А. Рыбакова и др.), показавших полную несостоятельность привившейся с лёгкой руки немецких писателей «теории» могущественного «готского государства» и пышной «готской культуры на юге России».

Движение вооружённых банд отсталых скандинавских варваров, в погоне за живой пробившихся к берегам Чёрного моря и влившихся в наступательное движение местных племён против Империи; последующая быстрая культурная, а в значительной части и языковая ассимиляция с местными племенами, ярко отражённая памятниками; претенциозная попытка Эрманириха подчинить себе ряд местных племён, кончившаяся его гибелью от руки антов-русов, и последующее изгнание готов за пределы северного Причерноморья силами антов, аланов и гуннов подменяются Г. Вернадским картиной готской империи феодального типа, оставившей якобы столь глубокий след в жизни славянских народов, что ещё в IX—X вв. поляне и древляне именовали себя так из подражания «грейтунгам» и «тервингам». «Мы можем предположить, что во время готского господства, в III и IV столетиях, предки полян были подданными грейтунгов, и предки древлян — тервингов», — пишет автор.

Мы оставляем в стороне «аварский», «болгарский» и значительную часть «хазарского периода» — здесь автор в общих своих суждениях мало оригинален, на деталях же останавливаться мы, к сожалению, не имеем возможности.

Отметим лишь, что, не довольствуясь унаследованными от своих предшественников списком «народов-господ» и двухвековым «господством» готов, автор добавляет сюда еще трёхвековое (VII—IX вв.) «господство мадьяр», абсолютно бездоказательно расширяя на VII в. сведения арабов IX—X столетий о славяно-мадьярских отношениях в период движения мадьярских орд из северокавказских степей в Паннонию (стр. 240, сл.).

Единственным «основанием» ему служат националистические выводы венгерского археолога Феттиха и некоторых других авторов о якобы «мадьярском» характере верхнесалтовских древностей (стр. 241). На деле в Верхнем Салтове и аналогичных памятниках мы видим черты, общие очень широкой культурной сфере раннесредневековых племён различного происхождения, охватывающей область от Среднего Дуная до восточных районов Средней Азии, где исследованиями Воеводского, Потапова, Бернштама и других открыты древности, не менее близкие к салтовским, чем синхронные древности Паннонии, которые уже хронологически нельзя определять как мадьярские. Бесспорно, в культуре мадьяр, как и аланов, и, добавим мы, славян, очень много салтовских реминисценций, но строить на этом выводы о целой эпохе мадьярского господства чуть ли не над всеми славянскими племенами, по меньшей мере, смело.

Перейдём к заключительной и центральной теме нашей рецензии — к вопросу о происхождении Русского государства.

Автор занимает здесь весьма своеобразную позицию. Он делает попытку примирить все основные направления, выявившиеся в двухвековой дискуссии по варяжскому вопросу.

Отмечу два основных тезиса автора:

1. Термин «Русь» — южного происхождения. Он связан с именем Роксоланов (как у Ломоносова, Иловайского и большинства антинорманистов). Это увязывается с асо-антской «теорией». «Русь» выводится от Rukhs-As, Rukhs-Alan. «Светлые асы», «Светлые аланы» (стр. 107—108 и др.). Здесь автор смыкается с доминирующим среди антинорманистов XVIII—XX вв. течением, отличаясь от них тем, что в роксоланах видит иранцев, а не протославян.

Автор целиком разделяет антинорманистскую критику гипотез о скандинавском или скандинаво-финском происхождении термина «Русь» (стр. 277—278).

2. Первое русское государство возникло на юге. Правда, не в Поднепровье, а в Приазовье. Это «первый русский каганат», с центром на Таманском полуострове, сложившийся в первой половине VIII в. (стр. 261). Здесь автор тоже близок к антинорманистам.

Однако далее положение меняется. Создателями «первого русского каганата» оказываются шведы. И автор на протяжении двух заключительных глав своей работы предлагает читателю поразительную по своей неожиданности картину

Оказывается, в начале VIII в. в Приазовье существовало некоторое алано-славянское объединение, государство асов или «Светлых асов» (Rukhs-ae)¹, находящееся в вассальной зависимости от Хазарин и игравшее в её системе крупную роль. Не-

¹ Между прочим, автор в качестве одного из аргументов своей «азовской, шведско-алано-славянской» Руси привлекает «Светлых асов» скандинавской мифологии и хочет видеть мифический Асгард где-то близ Тамани (стр. 274—275). Надо иметь поистине поразительные взгляды на формирование мифов, чтобы предположить, что центральное звено скандинавской теогонии сложилось после VII в. н. э., накануне христианизации Скандинавии, и что поколение главных богов скандинавского пантеона — водворённые на небо... тмудараканские алано-славяне! Нельзя, конечно, отрицать интересных ассоциаций скандинавской мифологии с северным Причерноморьем, на которое в связи с анализом легенды об Одине обратил внимание ещё Гиббон (Т. I. Гл. X, стр. 277, сл. и серия «The World's Classics» N. XXXV. Oxford University Press 1907). Впрочем, в прим. 9, на стр. 347 VII тома своего труда, Гиббон иронически говорит о своей собственной гипотезе: «Я пользуюсь случаем,

задолго до середины VIII в. начинается движение скандинавских народов — эра викингов, о которых, по мнению Г. Вернадского, «в рамках русской истории мы можем говорить, как о предшественниках казаков»² (1) (стр. 260).

Эти викинги открыли, по мнению Вернадского, путь к Чёрному морю, шедший восточнее позднейшего пути из варяг в греки. Западная Двина — Верхняя Волга — от Ярославля по озеру Неро, затем через волок до Нерли, по последней в Клязьму — вверх по Оке до верховьев, отсюда до верховьев Зуши, далее волоком в Верхний Дон или Сосну, а от верхнего течения притока Сосны, Тима, рукой подать до верхнего Оскола и далее вниз до Донца и, наконец, в Дон и Азовское море (стр. 268—269, ср. карту на стр. 267).

Этот причудливый путь имеет столь же убедительную аргументацию: находка отдельных предметов скандинавского происхождения в «мерянских курганах», раскопанных Уваровым, и отсюда вывод: «Мы можем заключить, что эти варяги правили финнами в Ростово-Суздальской области уже в VIII в.» (отметим, что норманские вещи «мерянских курганов» датируются X—XI вв. — С. Т.).

На дороге стояло Верхнее Салтово, занятое мадьярами (гипотеза, не менее голословная, «основанная» на отмеченных формальных аналогиях некоторых салтовских вещей с находками в Венгрии)³. Варяги, по мнению автора, изгнали мадьяр и заняли Верхнее Салтово, освободив от мадьярского ига здешних асов. Всё это основано на... «красивом мече» норманского типа, найденном около Кулянска, и на том, что «большое количество «восточных» вещей, найденных в Швеции, поразительно напоминают некоторые из раскопок в Верхнем Салтове» (стр. 270). Если вспомнить, что вещи, похожие на вещи из Верхнего Салтова, находят от Венг-

чтобы заявить, что за 12 лет я позабыл или отрёкся от бегства Одина из Азова в Швецию, в которое я никогда особенно серьёзно не верил», — и, в частности, о связи асов. Эдды с этнонимом ас. Однако наиболее вероятным истолкованием этих ассоциаций должно явиться либо занесение этого мотива из Сарматии в Скандинавию в эпоху Великого переселения народов либо к ещё более древним временам первоначальной индоевропеизации неиндоевропейских прагерманцев выходцами из древних областей индоевропейского глоттогенеза — вероятнее всего из южнорусских степей. Во всяком случае, старик Гиббон был более логичен, заставляя своего Одина бегать из Азова в Швецию, а не наоборот.

² Отметим, впрочем, что в следующей фразе Вернадский сам себя опровергает: «Однако, в то время как казачье войско было долго демократической организацией, движение викингов имело аристократическую природу».

³ Мы не разбираем здесь не менее причудливую конструкцию автора о господстве мадьяр над славянами вплоть до Угры (Смоленской области!) в VII в. н. э.!!

... до Тянь-Шаня, то мы поймём, сколь «бедительна» аргументация Вернадского. Но автор идёт дальше. Он оперирует точными датами. Около 700 г. (откуда эта дата?) шведы покоряют Ростовскую область, около 730 г. — они прогоняют мадьяр из Салтова. Никто иной, как эти самые шведы оказываются Sabartoi Asfaloi. Константин Багрянородного Sevordik армянских источников Пусть Константин считает их отраслью мадьяр. Вернадский легко выходит из положения: Константин просто спутал. Саварты — это не мадьяры, а их победители: «Разве мы не можем предположить, что мадьяры (или часть их) были названы савартами потому, что их (или часть их) завоевали саварты?» (стр. 271).

Итак, при помощи своей основной панацеи Вернадский обращает угров в скандинавов, и тогда остаётся только выбрать любую из трёх скандинавских этимологий, которые широким жестом предлагает нам автор (стр. 272):

- 1) Savarti — Svitjord («Шведы»).
- 2) Savarti — Savartz («Чёрный»).
- 3) Savarti — Sverik («Меч»).

«Меч был типичным скандинавским оружием (а чьим типичным оружием он в те времена не был? — С. Т.), и можно утверждать с некоторой степенью достоверности, что по приходе варягов на Дону туземцы сейчас же узнали, какое слово употребляется для главного оружия пришельцев в собственном языке последних, и стали тогда соответственно их именовать» (стр. 272).

Если бывают «дикие этимологии», то, пожалуй, более своеобразную трудно найти, особенно, если учесть, что в это время не только Русь, но и весь Кавказ и Средняя Азия были вооружены мечами, и эти последние вряд ли могли быть в диковину салтовским асам, которым автор напрасно приписывает свою собственную неосведомлённость.

Главная опора автора — Бертинская летопись. Правда, это не 730, а 839 год. Однако всё же бесспорно, император Феофил действительно послал к Людовику людей, оказавшихся шведами, которые называли себя послами русского кагана, возвращающимися к себе из Византии кружным путём, так как прямой был преграждён враждебными варварами.

Что около половины IX в. шведы могли быть послами русского (киевского) князя-кагана, как бывали шведы таковыми и во второй половине IX в., нет ничего невероятного. Но при чём тут VIII в. и Тмутаракань? Какой варварский народ мог перерезать морской путь из Тамани в Царьград? Чтобы увязать концы с концами и подкрепить одну шаткую гипотезу, немедленно создаётся другая, не менее шаткая (стр. 306—307). Оказывается, это всё выдумал сам Феофил: из-за обострения отношений с русским каганатом он решил отослать его послов в Ингельгейм к Людовику под предлогом небезопасности обратной дороги из-за вымышленных варваров и тайно упрямил Людовика арестовать злосчастных

шведо-русов. Зачем был избран такой, более чем оригинальный, путь разрешения дипломатических затруднений? Не проще ли принять гораздо более правдоподобную гипотезу, что послы киевского князя были отрезаны от Руси развёртывавшимся в это время (а не за 150 лет до этого) движением мадьяр и что Людовик арестует их именно из-за того, что вместо хорошо, вероятно, ему известных славяно-русов он вдруг увидел выдающих себя за таковых и также известных ему шведов, только что начавших появляться в Киеве? Во всяком случае, такое толкование непосредственно вытекает из текста и не требует «чтения в сердцах».

Вот и все аргументы, которыми располагает Г. Вернадский, вся фактическая база длинной и занимательной истории «первого русского каганата», которую он нам рассказывает. Я не собираюсь отрицать возможности сравнительно очень раннего возникновения на Тамани славяно-алано-черкесского государства под гегемонией русских князей. Это весьма вероятно, и, видимо, именно здесь локализуется Арсания арабских авторов. Однако причём тут шведы? Зачем понадобилось всё это нагромождение гипотез?

Далее развёртывается новая, ещё более эффектная глава авантюрино-исторического романа о варягах. Автор безоговорочно принимает гипотезу Крузе-Беляева об историчности Рюрика и легенды о призвании варягов (стр. 337, сл.). Рюрик — датско-фризский феодал-авантюрист Рорик Ютландский, отец которого бежал из Ютландии и получил в Фрисландии лен от Карла Великого. Рорик после многих приключений, кидавших его то к берегам Англии, то на родину его отца, то опять в Фрисландию, наконец, благополучно получает в 873 г. свой наследственный лен и исчезает в дальнейшем со страниц франкских летописей. Случайное созвучие двух имён, не подкрепляемое никакими другими данными, кроме самой легенды о призвании, позволило авторам гипотезы заставить этого «храброго бродягу» основать Русское государство, а затем без всякой видимой причины вернуться в родное захолустье. Оригинально (для XX в.) выглядит в этом изложении происхождение государств!

Датско-фризских варягов призвали в Новгород, конечно, из-за новых неприятностей, которые хазары и мадьяры стали чинить торговле шведско-азовской Руси с её северной родиной.

Варяжская колония в Приладожье — своего рода посредническая контора — оказалась взволнованной этим обстоятельством и явилась инициатором призвания датских любителей приключений на помощь попавшим в затруднение их шведским предшественникам. И, наконец, дело завершает Олег, оказывающийся, в соответствии с Иоакимовской летописью Татищева, норвежцем для полной скандинавской коллекции автора (стр. 366).

Вернадский не может не видеть, что генеалогия Рюриковичей до Святослава ши-

та белыми нитками. Два первых поколения (Рюрик, родившийся, если верить Беляеву, около 800 года, и Игорь, убитый в 945 г.) занимают полтора столетия — случай, в природе, как известно, встречающийся редко. Он вынужден признать, что под летописным Игорем скрывается, по меньшей мере, 2 лица (стр. 366), этим фактически ставя под удар всю свою конструкцию, основанную на доверии к точности летописной генеалогии.

Так фольклорный мотив русской летописи, весьма далёкое от исторической точности генеалогическое предание вопреки ясным чертам искусственности превращается в «исторический факт».

Мы далеки, конечно, от примитивного национализма, возвеличивающего всё своё и презирающего всё чужое. Ничего, оскорбляющего русское национальное достоинство, не было бы в факте инородного, датского или шведского происхождения первой исторически известной русской династии. Примерами подобного рода изобилует история многих стран. Но одно дело — возможность, другое — действительность. А доказать историческую достоверность варяжской теории киевского летописца XI в. не удаётся Г. Вернадскому так же, как не удалось это доказать его предшественникам в течение всей двухвековой истории проблемы.

Я позволю себе акцентировать один, не достаточно ещё использованный в полемике по варяжскому вопросу момент, который, на наш взгляд, совершенно необходимо учесть при анализе генеалогии Рюриковичей.

Новейшие этнографические исследования показывают, что, как правило, в условиях позднего родового общества и в эпоху перехода к обществу классовому, да и позднее, поскольку сохраняются пережитки родовых отношений, устные родовые генеалогии отличаются большой точностью. Особенно интересны в этом отношении результаты сравнительного изучения полинезийских генеалогий (Перси Смит, Питер Бак и др.).

Это и не удивительно, ибо на этом этапе истории генеалогические расчёты играют решающую роль в регулировке браков, заменяя отмирающие нормы «направленной экзогамии» дуально-родовой организации. Мне самому пришлось наблюдать недавно использование в этих целях писанных генеалогий у туркмен и казахов. Важнейшим, выдерживающим наиболее придирчивую проверку моментом этих генеалогий, является счёт поколений и взаимных отношений различных линий родословных с целью установления степени родства тех или иных лиц.

Между тем именно в этом, всегда наиболее точно фиксируемом звене генеалогическая традиция Рюриковичей наиболее темна и неправдоподобна.

К полутора столетней истории Рюрика и Игоря надо прибавить ещё и мафусайлов возраст последнего и его жены Ольги в год рождения Святослава (настоя-

щие Авраам и Сарра: Игорю, по летописи, около 67 лет, Ольге — около 55).

Выводы сравнительно-этнографического изучения генеалогии позволяют сделать заключение, что перед нами бесспорно сознательно фальсифицированная родословная.

Каковы могли быть мотивы этой фальсификации?

М. Н. Тихомиров считает, что эта фальсификация была произведена летописцем в целях исторического обоснования прав династии Ярослава Мудрого, пришедшего на Киевский стол из Новгорода при помощи варяжских наёмников¹.

Таким образом, летописец лепит события IX в. по образцу и подобию событий начала XI столетия — приём, как мы знаем, весьма распространённый в древней и средневековой историографии.

Я думаю, что эта теория вполне убедительно разъясняет весь комплекс вопросов, связанных с «варяжской проблемой», оставляя не вполне исследованным лишь вопрос о фольклорных источниках летописной фальсификации.

Здесь, бесспорно, мы имеем сочетание двух фольклорно-генеалогических традиций: новгородского сказания о трёх братьях — древний фольклорный сюжет, находящий прямую параллель в киевском предании о Кие, Щеке и Хориве, с южно-русским киевским преданием об Аскольде и Дире и низвержении их Олегом и об основании киевской, русской династии Игоревичей.

Как уже давно доказал, вслед за Колларом, Геденов, имя «Рюрик» находит широкие параллели в западнославянском мире (племя Reregí, город Reric) и может быть объяснено из тотемической ономастики (чешское roroh — сокол, польское rorog — сокол, roryk — стриж). Весьма вероятно, что и пресловутый Рорик Ютландский носил западнославянское имя, как позднее славянское «Владимир» стало именем датского короля, правнука Мономаха. Я не склонен следовать за Геденовым в его далеко идущей гипотезе славянства летописных варягов, в конечном счёте исходящей также из достоверности сказания о призвании. (Кстати сказать, в коллекции «согласованных» Вернадским противоречивых теорий фигурирует и теория Геденова о мадьярстве Аскольда: правда, Вернадский считает Аскольда и Диря шведами, но якобы «правившими от имени мадьяр»).

Но вполне возможно в новгородском сказании о пришедших из-за моря трёх братьях искать древний фольклорный мотив, связанный с балтийско-славянским миром, может быть, восходящий к отдалённым временам, когда Балтийское море называлось Венедским заливом.

¹ Цитирую по стенограмме доклада на сессии Института этнографии АН СССР по вопросам этногенеза славян (1943) «О происхождении названий «Русь» и «Русская Земля».

Последующая историзирующая модернизация древнего мифа связала его деятелей с доминирующими мореходами северной Балтики IX—X столетий — норманскими варягами — явление, хорошо знакомое фольклористам (ср. роль калмыков в эпосе среднеазиатских народов, — несомненно, итог модернизирующей переработки древних сказаний в XVII—XVIII вв.).

Историческим зерном в «варяжском» новгородском цикле мне представляется не сказание о «призвании», а сказание об изгнании варягов в Новгородской летописи, видимо, отражающее действительный исторический факт, сохранённый в местном предании, но вытравленный в официальной версии XI в. как несоответствующий её историко-политической тенденции.

Чрезвычайно интересен киевский комплекс Аскольда, Дира и Олега. В его основе, в противоположность новгородской легенде, явно лежит исторический факт, вероятно, впрочем, не совсем точно датированный (мифический цикл дан в киевских трёх братьях), факт смены одной династии другой, связанный с политическим переворотом. Рюриковская генеалогия, как мы видели, пришита сюда большими нитками. Видимо, истинную генеалогию летописец, а возможно, и его предшественники хотели скрыть. Намёки на происхождение новой династии надо, как мне кажется, искать в деталях самого летописного рассказа, в «маскараде» Олега и его дружины. Перед нами вооружённый переворот, приведший к захвату власти активной военной группировкой, овирающейся на купеческие элементы и, вероятно, вышедшей из их среды. «Низкая» родословная новой династии, вероятно, создана предположительно для сочинения родословной, приличествующей престижу правителей великой Киевской державы, завершённой созданием рюриковского мифа в том виде, в каком он выступает у летописца.

Перед нами довольно обычный в фольклоре разных стран образец генеалогической циклизации разнородных преданий. Игорь — преемник Олега, которого по каким-то основаниям оказалось невозможным связать генеалогически с Рюриком, — превращён в сына Рюрика, которому, будучи тот существовал бы, он мог бы быть правнуком. Олег стал тоже варягом, полководцем Рюрика, а Аскольд и Дир, легитимные князья Киева, изложенные узурпаторами, превратились, для вящего возвеличения последних, в инокорных военачальников Рюрика.

Историзация фольклора или, если угодно, фольклоризация истории — явление, весьма типичное для аналогичных ситуаций. Потанин блестяще доказал, например, что генеалогия и, в значительной мере, биография Чингис-хана, несмотря на то что она получила свою официальную обработку ещё в XIII в., — это награждение ходячих фольклорных мотивов,

совершенно затемнивших уже для современников действительную генеалогия и раннюю биографию Темучина — выходца из незнатных слоёв общества, узурпировавшего власть в Орде, устранив легитимные аристократические фамилии.

Рецидив генеалогического мифотворчества в книге Г. Вернадского, его эклектическую попытку «циклизовать» теории различных последователей как норманской, так и антинорманской школ, примирив и «связав» все их варианты, — нельзя не оценить как явление, весьма мало способствующее прогрессу научной разработки проблемы происхождения Русского государства. Тень Рюрика, вызванная Беляевым и Вернадским, как и всякая нежить, только мешает живой работе. То, что было исторически закономерно во времена Ярослава, только вредно в середине XX века.

Нам остаётся подвести некоторые итоги.

Книга Г. Вернадского не отражает современного состояния науки по вопросам древней истории нашей Родины.

Всё то, что на первый взгляд производит на читателя благоприятное впечатление, — широкий исторический фон, увязка фактов русской истории с историей других народов и с далёким, античным и первобытным прошлым нашей страны, широкое использование разнообразных источников, особенно археологических, многочисленные ссылки на советскую литературу, вплоть до новейшей, положительные оценки, даваемые автором советской науке и трудам советских учёных, — всё это только внешняя оболочка.

Теория «завоевания» как основа «социологии» Г. Вернадского, концепция бесконечной смены «народов-господ», «организаторов», снова и снова, с неолита до Киевской Руси, образующих «господствующий класс» у предков восточных славян и у самих восточных славян, увенчиваемая новым изданием норманской теории происхождения Русского государства — вот идейная основа работы автора.

Крайняя степень эклектизма, некритическое использование самых разнообразных и противоречивых гипотез, датировок и археологических определений, фантастические конструкции, подкрепляемые каждой двумя—тремя непроверенными филологическими или археологическими гипотезами, игнорирование всего, что противоречит этим гипотезам, принятие подлежащего доказательству за доказанное, нагромождение одной недоказанной конструкции на другую — вот метод исследования Г. Вернадского.

Книга Г. Вернадского глубоко чужда самому духу советской исторической науки, для которой характерно соединение строгой, придирчивой критики источника с последовательным стремлением раскрыть внутреннюю, закономерную связь явле-

ний, осветить исторический процесс не как безразличное, механическое нагромождение событий, развивающихся на качественно-неизменяемой социальной основе, а как действительное, прогрессивное развитие самого общества, переживающего смену глубоких

качественных трансформаций, базирующихся на развитии материальной основы общества — его производительных сил и обусловленных ими социальных отношений.

Проф. С. Толстов

СЛАВЯНЕ В «ИСТОРИИ РОССИИ» ПРОФ. Г. ВЕРНАДСКОГО

A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich. Vol. I. Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history. Yale University 425 8 maps. New Haven). Yale University press. 1943. (Lec. printing. 1944).

Проф. Вернадский, конечно, прав в том, что начинает историю России с отдалённых, первобытных времён. Это внимание к отдалённым эпохам составляет, несомненно, ценную сторону труда проф. Вернадского, так как многие явления позднейших периодов уходят своими корнями в очень далёкое прошлое. Тем не менее при чтении его книги возникает вопрос, что же именно проф. Вернадский понимает под названием «Россия»? Является ли для него «Россия» только определённым географическим понятием, или речь идёт о большем, не только о территории, но и о народе, её населяющем. Автор оперирует необычными географическими понятиями. По его мнению, территория, обычно называемая Европейской Россией, должна скорее называться западной Евразией, а термин «Евразия» означает, по автору, общее пространство Европейской и Азиатской России (стр. 6). Таким образом границы Евразии, о которой говорит проф. Вернадский, в основном совпадают у него с границами России. Но границы России — образование сравнительно недавнего времени. Возьмём раннюю историю восточных славян. Территория их на востоке не доходила даже до среднего и нижнего течения Волги. Самыми восточными племенами были северяне и вятичи, далее на восток жили неславянские народы, а на Волге находились царства хозар и болгар. Продвижение русского народа на восток относится к более позднему времени, когда образовалось Русское государство с центром в Москве, что началось с царствования Ивана Грозного. Заселение Сибири происходило в ту же эпоху, когда происходило заселение Америки.

Неправильная общая концепция автора привела к неправильному построению всей книги. Проф. Вернадский, в сущности, изучает даже не историю Восточной Европы, а историю только степных её районов. Скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары — вот те народы, на историю которых обращено главное внимание автора. Все они приходят с востока и действуют на широкой арене причерноморских степей. Только в последних двух главах внимание автора обращается на север в связи с возникновением Киевского государства. Проф. Вернадский, в сущности, пишет не историю славян и России, а историю тех народов, которые жили или появлялись на юге России. Создание же

русской государственности в основном происходило не на юге, в полосе степей, а на севере, в полосе лесов. Нет спора, история южных областей имеет прямое и непосредственное отношение к истории России, но не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находиться в поле внимания историка России, а не те народы, которые давно исчезли с мировой арены. Между тем истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места. Только в главе о Киевском государстве мы находим параграфы о русских племенах в IX веке.

Автор знает новейшую литературу, но использует её очень слабо. Он, повидимому, совершенно не знаком с трудами по исторической географии России проф. Середонина, не говоря уже о литографированном курсе исторической географии проф. М. К. Любавского. Поражает и то, что книга покойного акад. Ю. В. Готье «Железный век», известная проф. Вернадскому, использована для этих параграфов крайне слабо. Не отмечен даже тот многозначительный факт, что поселения кривичей заходили далеко на запад по течению Западной Двины, что кривичи поддерживали тесные сношения с леттами и ливами, вследствие чего вся русская земля известна у латышей, как земля кривичей. Особенно не повезло вятичам, о которых автор говорит только в связи со своей странной теорией, согласно которой имя легендарного родоначальника вятичей (Вяток) происходит от осетинского *faetaeg* («leader»), т. е. вождь. Автор весьма существенно видоизменил показания летописей (стр. 319—320). Там читается не «Вяток», а «Вятко» («Радим, а другой Вяток»; ниже: «а Вятко седе») ¹.

Вяток — имя славянское, вероятно, производное от «вятский» — лучший (как и Вячеслав). Надо очень большое воображение, чтобы произвести его от какого-то осетинского слова. К сожалению, проф. Вернадский на этом подробно не останавливается и делает неожиданную поправку к летописи. Оказывается, текст летописи о Радиме и Вятке — «бьяста два брата в Лясах» — надо чи-

¹ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 7. СПб. 1871.

ний, осветить исторический процесс не как безразличное, механическое нагромождение событий, развивающихся на качественно-неизменяемой социальной основе, а как действительное, прогрессивное развитие самого общества, переживающего смену глубоких

качественных трансформаций, базирующихся на развитии материальной основы общества — его производительных сил и обусловленных ими социальных отношений.

Проф. С. Толстов

СЛАВЯНЕ В «ИСТОРИИ РОССИИ» ПРОФ. Г. ВЕРНАДСКОГО

A History of Russia by George Vernadsky and Michael Karpovich. Vol. I. Ancient Russia by George Vernadsky, research associate in history. Yale University 425 8 maps. New Haven). Yale University press. 1943. (Lec. printing. 1944).

Проф. Вернадский, конечно, прав в том, что начинает историю России с отдалённых, первобытных времён. Это внимание к отдалённым эпохам составляет, несомненно, ценную сторону труда проф. Вернадского, так как многие явления позднейших периодов уходят своими корнями в очень далёкое прошлое. Тем не менее при чтении его книги возникает вопрос, что же именно проф. Вернадский понимает под названием «Россия»? Является ли для него «Россия» только определённым географическим понятием, или речь идёт о большем, не только о территории, но и о народе, её населяющем. Автор оперирует необычными географическими понятиями. По его мнению, территория, обычно называемая Европейской Россией, должна скорее называться западной Евразией, а термин «Евразия» означает, по автору, общее пространство Европейской и Азиатской России (стр. 6). Таким образом границы Евразии, о которой говорит проф. Вернадский, в основном совпадают у него с границами России. Но границы России — образование сравнительно недавнего времени. Возьмём раннюю историю восточных славян. Территория их на востоке не доходила даже до среднего и нижнего течения Волги. Самыми восточными племенами были северяне и вятичи, далее на восток жили неславянские народы, а на Волге находились царства хозар и болгар. Продвижение русского народа на восток относится к более позднему времени, когда образовалось Русское государство с центром в Москве, что началось с царствования Ивана Грозного. Заселение Сибири происходило в ту же эпоху, когда происходило заселение Америки.

Неправильная общая концепция автора привела к неправильному построению всей книги. Проф. Вернадский, в сущности, изучает даже не историю Восточной Европы, а историю только степных её районов. Скифы, сарматы, готы, гунны, авары, хазары — вот те народы, на историю которых обращено главное внимание автора. Все они приходят с востока и действуют на широкой арене причерноморских степей. Только в последних двух главах внимание автора обращается на север в связи с возникновением Киевского государства. Проф. Вернадский, в сущности, пишет не историю славян и России, а историю тех народов, которые жили или появлялись на юге России. Создание же

русской государственности в основном происходило не на юге, в полосе степей, а на севере, в полосе лесов. Нет спора, история южных областей имеет прямое и непосредственное отношение к истории России, но не готы, авары или аланы создали русскую государственность, а славяне. Поэтому славяне и должны были находиться в поле внимания историка России, а не те народы, которые давно исчезли с мировой арены. Между тем истории славян отведено в книге проф. Вернадского поразительно мало места. Только в главе о Киевском государстве мы находим параграфы о русских племенах в IX веке.

Автор знает новейшую литературу, но использует её очень слабо. Он, повидимому, совершенно не знаком с трудами по исторической географии России проф. Середонина, не говоря уже о литографированном курсе исторической географии проф. М. К. Любавского. Поражает и то, что книга покойного акад. Ю. В. Готье «Железный век», известная проф. Вернадскому, использована для этих параграфов крайне слабо. Не отмечен даже тот многозначительный факт, что поселения кривичей заходили далеко на запад по течению Западной Двины, что кривичи поддерживали тесные сношения с леттами и ливами, вследствие чего вся русская земля известна у латышей, как земля кривичей. Особенно не повезло вятичам, о которых автор говорит только в связи со своей странной теорией, согласно которой имя легендарного родоначальника вятичей (Вяток) происходит от осетинского *faetaeg* («leader»), т. е. вождь. Автор весьма существенно видоизменил показания летописей (стр. 319—320). Там читается не «Вяток», а «Вятко» («Радим, а другой Вяток»; ниже: «а Вятко седе») ¹.

Вяток — имя славянское, вероятно, производное от «вятский» — лучший (как и Вячеслав). Надо очень большое воображение, чтобы произвести его от какого-то осетинского слова. К сожалению, проф. Вернадский на этом подробно не останавливается и делает неожиданную поправку к летописи. Оказывается, текст летописи о Радиме и Вятке — «бьяста два брата в Лясах» — надо чи-

¹ «Летопись по Ипатскому списку», стр. 7. СПб. 1871.

вать с поправкой — «в Ясек» («v Jasekh»). Но для такой поправки нет никаких оснований, так как в летописи написано совершенно недвусмысленно: «Радимичи бо и Вятичи от Ляхов». Полагаем, что и проф. Вернадский не может здесь внести поправку и читать «от яхов», что было бы совершенно бессмысленно.

Приведённые примеры уже до некоторой степени вскрывают перед нами характер труда проф. Вернадского. Обратимся теперь непосредственно к тем главам «Ancient Russia», которые относятся, собственно, к истории славян. Наше внимание привлекает история антов. По мнению автора, анты получили своё название от аланов-асов. Правда, для отождествления антов с асами автору приходится преодолеть кое-какие трудности. Асы, по китайским источникам, жили около 127 г. до н. э. у Аральского моря, тогда как анты, по византийским источникам, вели оседлый образ жизни. Но автор не затрудняет себя особыми исследованиями (стр. 83—84). Он просто пытается объяснить, каким образом название анты связывается с асами. Это, по его словам, может быть выведено из фонетических законов греческого языка. Так из законов греческой речи выводится объяснение названия племени, говорившего на совсем ином, негреческом языке. Возникает вопрос: как называли себя сами анты — антами или асами? Возникает и другой вопрос: кто же были анты — славяне или асы? По мнению проф. Вернадского, дело происходило так: между другими племенами, подчинёнными антам, были некоторые славянские племена, и, «наконец, одно из них, анты, приняло имя своих новых господ» (стр. 90). Но где же доказательства подчинения славянских племён этим предполагаемым асамантам? Доказательств таких автор не приводит. Проф. Вернадский указывает лишь на то, что имена антских вождей во многих случаях иранского или полуйранского происхождения. Таковы имена: Ардагаст, Пейрагаст, Келагаст (стр. 159). Автор утверждает, что вторая половина этих слов — «гаст» — может быть иранской, кельтской, фракийской или славянской, но так как имя Гастес имеется в одной боспорской подлинке, то это указывает, что окончание «гаст» было ассимилировано славянами именно от иранцев. Нельзя не подивиться той простоте, с которой любое славянское имя превращается автором в какую-то учебную загалку. Укажем только на то, что «гаст» (гост), по греческим источникам, в именах антских вождей — излюбленная часть русских имён. По Новгородской летописи, например, известны Войгост и Гостил¹. Напомним и Гостомысла из наших летописей. Не забудем и того, что имена антских вождей известны нам в греческой передаче. «Пейрагастас» у Феофилакта — это славянский Пирогост, имя, употреблявшееся в Киевской Руси XII в. где известна была икона Богородицы Пирогощей,

т. е. икона, принадлежавшая Пирогосту. Совсем уж по-славянски звучит имя Доброгаста, упоминаемого среди антов.

Если бы речь шла о народе, о котором сохранились только отрывки письменных известий, предположения проф. Вернадского могли бы иметь какую-то ценность. Однако с историей антов дело обстоит совсем не столь безнадежно. О них говорит Иордан, прямо причисляющий антов к венетам, т. е. славянам. Он указывает, что венеты, анты и склавины происходят от одного племени. Об антах говорит Прокопий Византийский, указывающий прямо, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же». Антов знает Менандр, о них пишет подробно Маврикий, который также подчёркивает, что «племена славян и антов сходны по своему образу жизни». Маврикий отмечает особенную любовь антов и славян к свободе: «Их никоим образом нельзя склонять к рабству или подчинению в своей стране»².

Всё это прекрасно известно проф. Вернадскому, но тщетно мы стали бы искать в его книге рассказа о жизни и общественном устройстве антов. Автор занят только изложением внешних событий, особенно много места уделяя рассуждениям об иранском, фракийском, славянском и т. д. происхождении того или иного имени. При этом переделка любого имени производится проф. Вернадским с большой лёгкостью. В хронике Малалы, по словам проф. Вернадского, упомянут Мугель или Муиль («a certain Mugal or Muil»). Но «б» и «м» в тюркских языках очень часто меняются. «Не могло ли быть имя вождя восстания Буйль или Бойль вместо Муиль?» Если так («if so»), то «бойль» означает не собственное имя, а имя боярина, ибо по-болгарски «бойль» — боярин (стр. 168—169). Однако и подобная, малобедительная система доказательств не находит никакой опоры в источниках. В печатном издании хроники Малалы, на которое ссылается проф. Вернадский, мы найдём только имя Мугель. Никакого имени Муиль мы там не найдём³. Значит, и все рассуждения о Муиле-бойле ничем автором не обоснованы. Пресловутая замена звуков помогает отождествить двух вождей антов — Мусокия и Божу (Буса). Дело обстоит очень просто: «Мусокий» должен читаться, по мнению проф. Вернадского, как «Бусокий». И далее уже без всяких оговорок речь идёт о Бусоке: «Busok's campaign ended in catastrophe» (стр. 186—187). Пусть не подумает читатель, что мы что-нибудь прибавляем или упрощаем в доказательствах проф. Вернадского. Такова именно система доказательств автора «Истории России». Не лишне тут же отметить, что «Бусок» проф. Вернадского произошёл из слияния «Мусокия» и «Божа». О смерти Божа известно из рассказа Иордана, который относит его жизнь к концу X в., а Мусокий жил в конце VI века. О нём говорят Феофилакт и Феофан, называя

¹ «Новгородская летопись по Синод. хр. сн. списку», стр. 121, 244. СПб. 1888.

² См. подбор сведений об антах в «Вестнике древней истории» № 1(4) за 1941 год.
³ Malalas «Chronographia», ed. Dindorf, p. 432. Bonn. 1831.

Мусокия властителем славян. Даты жизни того и другого исторического лица известны, и спутать их невозможно.

Общая концепция книги проф. Вернадского — обязательно находить для восточных славян каких-нибудь господ — особенно ярко сказалась на тех страницах его работы, где речь идёт об истории венгров. После гибели аваров наступило время, когда в Восточной Европе не было уже столь могущественной державы, какими были державы аваров и гуннов. Однако автор находит новых господ славян в лице венгров. Глава об уграх и асах в Южной России («The Ugrians and the as in South Russia») особенно интересна для характеристики учёных приёмов автора. Ссылаясь на Константина Багрянородного, автор указывает, что до прихода в Паннонию венгры (угры) жили в Лебедии. Где находилась эта загадочная Лебедия, неизвестно, но автор легко выходит из положения, ссылаясь на различные географические названия на Украине. Эти названия следующие: Лебедин — деревня в Чигиринском уезде, Лебедин в Брацлавщине, Лебедин в Харьковщине, Лебедянь в Тамбовщине, речка Лыбедь в Киеве. К этому небольшому списку мы добавим от себя ряд подобных названий: озеро Лебедино у Тихвина, деревня Лебедино в Татарской АССР, село Лебедицы в 40 км от Бердичева, река Лебедь в Томской области, Лебяжий камень на Каспийском море, село Лебяжье на Полтавщине, село Лебяжье в Харьковщине, Лебяжье озеро среди Манычских озёр. Эти сведения взяты нами из географического словаря Семёнова¹, а сколько подобных же названий не вошло в указанный словарь. Ведь мало указать сходство названия, а надо объяснить время его возникновения. Речка Лыбедь течёт не только в Киеве, но такое же название имеет ручей во Владимире на Клязьме, вероятно, получивший своё название в подражание киевской Лыбеди. О Лебедии на Харьковщине становится известным не ранее середины XVII в., ничто также не говорит о раннем возникновении Лебедянки, столь известной по рассказу Тургенева. Как прихотливо возникновение географических названий, видно на примере харьковской Ахтырки, которую автор (правда, несмело) возводит к осетинскому *khtyr* (стр. 96). Между тем село Ахтырка имеется и под Москвой (в бывшем Дмитровском уезде); оно получило своё название от церкви в честь иконы Ахтырской богородицы.

В каждом отдельном случае географическое название должно быть тщательно изучено, раньше чем автор может сказать об его происхождении что-либо обоснованное. А между тем проф. Вернадский с необыкновенной лёгкостью обходит законные вопросы, возникающие в связи с его изложением венгерской истории, и необоснованно объявляет венгров господами славян (стр. 245). При этом по вопросу об археологических древностях принимаются во внимание доводы только иностранных авторов вроде

Феттиха, мнения же представителей русской археологической науки оставлены без внимания (стр. 241). Но проф. Вернадский не останавливается на этом и идёт дальше. Говоря о распространении хазарского и мадьярского владычества на южнорусские племена (стр. 330), он разбирает известия хроники нотариуса короля Белы. Он соглашается с тем, что хроника нотариуса была составлена в XIII в., но указывает, что эта хроника использовала так называемые «Деяния Венгров» («Gesta Hungarorum»), «которые были написаны в начале XII столетия, значит, одновременно с русской летописью» («which was written in the beginning of the twelfth century — that is, simultaneously with the Russian Book of Annals»).

Здесь, что ни слово, то искажение фактов. Прежде всего неизвестно, что включено из «Деяний» в сочинения нотариуса Белы, следовательно, ставить равенство между хроникой нотариуса и русской летописью нельзя. Кроме того проф. Вернадский прекрасно знает, что и Повесть временных лет основана на более ранних исторических трудах XI в. и кроме того включила в себя кое-какие материалы X в. (договоры Руси с греками). Он сам пишет на стр. 177, что первые русские летописи были написаны в XI веке. Знает проф. Вернадский и о том, что Повесть временных лет в смысле достоверности стоит несравненно выше хроники нотариуса Белы, произведения, очень посредственного по качеству сообщаемых в нём сведений. Однако это несколько не смущает проф. Вернадского, и он продолжает ряд сопоставлений. Венгерский воевода Олом (Almus — нотариус) назван у Константина Багрянородного, а Повесть временных лет упоминает Ольмин дворец (Ольмин двор), который был расположен на холме близ Киева. Холм был известен как угорский (т. е. мадьярский) квартал (Ugorskoe). Ввиду важности этого места приведём его в передаче самого автора: «It must be noted in this connection that the Book of Annals mentions Olom's palace (Olmin dvor), which was situated on a hill near Kiev. The hill was known as the Ugrian (i. e. Magyar) settlement (Ugorskoe)» (стр. 332).

Проф. Вернадский уверяет, что воевода Олом упомянут у Константина Багрянородного в книге «Об управлении империей». Идём по следам проф. Вернадского и находим по его же ссылке, что Константин Багрянородный называет воеводу Сальмушнем, причём издатели указывают на ошибочность чтения Альмуций, так как первое чтение дважды имеется в тексте². Опять проф. Вернадский приписывает предположения историков самому источнику. Но и этого мало. В летописи говорится об Олме в связи с рассказом об убиении Аскольда и Дира с добавлением: «и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорское, где ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Олма церковь»

¹ Семёнов П. «Словарь Российской империи». Т. III. СПб. 1867.

² Migne J. «Patrologiae Cursus Completus». Series Graeca. T. 113.

того Николу»¹. К какому времени относится это «ныне»? К тому времени, когда Олма и построил свой двор. А это могло произойти только после крещения Руси, т. е. не ранее XI века. Ведь Олма был современником летописца. Олма жил в Киеве, там указывали его двор, там он построил церковь Николая, тогда как Олом Константина Багрянородного жил задолго до этого времени, а по истории Белы — увёл венгров в Паннонию. Простая справка в летописи — и рушатся построения автора.

Здесь же проф. Вернадский переходит к преданию об основании Киева. Имя «Кий» выводится из тюркского «kiu» — берег реки («bank of a river») — и тотчас же связывается с хазарами. Хорив — библейское имя, Цек — болгарский боярин, убитый на Днепре по одной надписи в Абопе-Плиска. Тут же добавлено, что имя Шок (Саак) упоминается в венгерских хрониках («a similiar name Shok (Saac), is mentioned in old Magyar chronicles»). Сестра трёх братьев Лыбедь связывается с именем венгерского воеводы Лебедия. Тут же добавлено, что царевна Лебедь популярна в русских былинах и сказках (стр. 333). Не отрицая последнего, добавим ещё, что лебедь подавалась на царских пирах, а фамилия Лебедев очень распространена у русских. Но почему же проф. Вернадский не обратил внимания на то, что венгерский воевода у Константина Багрянородного носит славянское прозвание воеводы (слово, несколько раз повторяемое греческим текстом), почему венгерский воевода носит славянское имя Лебедь? Ведь, если уж быть последовательным, то отсюда надо сделать вывод, что славяне господствовали над венграми, а не наоборот. Какой же народ-завоеватель занимает имена и титулы вождей у побеждённых? Далее, по какой причине проф. Вернадский так упорно игнорирует рассказ русской летописи о начале Киева? Ведь летописец знал разные версии о первоначальной истории и ни одну из этих версий не связывал с уграми. Никто не отрицает ранних сношений венгров со славянами, но отсюда далеко до вывода об их господстве над славянами. И зачем искать тюркское «кий», когда известно славянское слово «кый» — молот.

В последних главах своего труда проф. Вернадский касается вопроса об образовании Киевского государства. Как и следовательно предполагать по общему направлению этой книги, проф. Вернадский целиком стоит на позициях норманистской школы, хотя и упоминает о Гедеонове и некоторых других историках иного направления. Проникновение варягов в Восточную Европу автор излагает без всякого учёта географических условий. Например проф. Вернадский полагает, что варяги достигли верховьев Оки и её притока Зуши. Здесь к Зуше подходит верховье реки Сосны, впадающей в Дон, а река Тим — приток той же Сосны, впадающей в Дон, — протекает близко от верхнего течения Оскола. Так проф. Вернадский от-

крывает прямой путь для поездок варягов с верховья Оки к Донцу.

Что русские реки близко подходят притоками друг к другу, это давно известно, но это ещё не значит, что по всей Восточной Европе было легко разъезжать на речных судах. Стоит только посмотреть на карту, чтобы увидеть полное отсутствие возможности ехать на речных судах по пути, намеченному проф. Вернадским. Между Новосилем, на повороте Зуши к северу, и Ливнами, на повороте Сосны к югу, лежит пространство в добрых 50 км при полном отсутствии притоков этих рек, которые могли бы быть использованы даже для мелкого, лодочного судоходства. Не лучше дело обстоит и с Тимом, протекающим по высокой, водораздельной местности, к тому же подверженной нередким засухам. Ведь речь идёт не о лесной, а лесостепной полосе. Поэтому какой-то насмешкой звучат слова автора, что по этой сети речных путей варяги могли легко проникнуть с Верхней Оки в область Верхнего Донца и Оскола (стр. 269). Этот воображаемый путь создан проф. Вернадским только для того, чтобы дать варягам возможность достигнуть Верхнего Салтова, где, по мнению автора, раньше сидели мадьяры. Какие особые удобства сделали из района Верхнего Салтова столь привлекательный центр, куда тянулись асы, мадьяры, а теперь с далёкого севера прибыли варяги, — в книге не объяснено. Но проф. Вернадскому и этого мало. Он даже указывает точную дату столкновения мадьяров с варягами в этом районе. Это случилось около 730 года (стр. 269).

Тут и сам проф. Вернадский приходит в некоторое смущение по поводу чересчур большой гипотетичности своих построений («we admit that the argument is rather hypothetical») и пытается обосновать свою гипотезу: во-первых, прекрасный меч северного типа найден в Краснянке у Купянска, во-вторых, большое число «восточных» вещей, найденных в Швеции, сходны с вещами, выкопанными в Верхнем Салтове (стр. 270). Нетрудно заметить, что это «археологическое доказательство» звучит несколько странно. С таким же правом можно говорить о том, что арабы завоевали Скандинавию, так как арабские дирхемы и восточные предметы найдены на её территории. Второй аргумент проф. Вернадского сложнее. Народ Саворти, о котором говорится в трактате Константина Багрянородного, проф. Вернадский отождествляет с... шведами. Для этого ему приходится непрерывно вносить поправки к известиям византийского императора, который этим термином обозначал венгров и ни одним словом не упоминал о норманнах. Скажем откровенно, спорить с проф. Вернадским в этом вопросе бесполезно, так как он оперирует и такими доказательствами: чёрный цвет — это цвет севера, меч — типично скандинавское оружие и т. д. Всё это совершенно голословно. Перейдём к последней главе, повествующей о начале Киевской Руси.

Никто из серьёзных учёных в настоящее время не отрицает того, что летописные варяги были скандинавами, речь идёт не об

¹ «Полное собрание русских летописей». Т. I, стр. 10.

этом, а о том, какая роль принадлежала варягам в создании Киевского государства. Проф. Вернадский и не думает ставить этот вопрос. Свои рассуждения о начале Киевского государства он начинает с того, что считает поход датчан в 852 г. в страну славян тем же эпизодом, который в Повести временных лет отнесен к 862 г. (стр. 335). Но «Житие св. Анскария», откуда взято известие о походе датчан, вовсе не говорит о Новгороде, а просто о городе в земле славян, тогда как летопись сообщает об изгнании варягов за море. Паивно звучит ссылка проф. Вернадского на Иоакимовскую летопись — памятник очень позднего происхождения. Не имеет смысла обращаться к помощи этой летописи и летописи Татищева, чтобы найти Гостомысла, о котором говорят многие летописи.

Что же это был за народ, который известен у летописца под именем «Русь»? Проф. Вернадский решает этот вопрос следующим образом. Летопись знает шведов, норвежцев, англичан и готов, но не упоминает датчан; поэтому датчане и были «Русью» (стр. 337). Однако если уж верить летописному рассказу о призвании князей, то его надо цитировать полностью. Говоря о приходе Рюрика в Новгород, летописец замечает: «И избрашася 3 брата с роды своими, пояша по себе всю Русь»¹. Летописец, следовательно, полагал, что «вся Русь» выселилась на новую родину, а этого никак нельзя сказать о датчанах.

Написал же так летописец потому, что он прекрасно знал, что никакой Руси, кроме славянской, в его время найти было нельзя. Думать же, что датчан на Руси в XI—XII вв. вовсе не знали, невозможно.

Проф. Вернадский далее переходит к установлению тождества Рюрика Ютландского с Рюриком нашей летописи, основываясь на статье Беляева. Несчастье только в том, что ни один источник ничего не знает о походах Рюрика на восток в русские пределы. А между тем о Рюрике Ютландском известно немало. Биография Рюрика у проф. Вернадского получается полной, но несколько странной. Он пишет, что в 855 или даже в 856 г. Рюрик появляется в Новгороде. Почему же понадобилось Рюрику поместить в Новгород не в 862 г., как в Начальной летописи, а лет за 7—6 до того? Да потому, что в 867 г., по западным известиям, Рюрик делает попытку вернуть себе Фрисландию, а это чересчур уж близко к 862 году. В 873 г. Рюрик получил Фрисландию обратно, после чего исчезает из западноевропейских хроник (стр. 365—366) и попадает, по проф. Вернадскому, в Новгород. Если принять во внимание, что Рюрик родился около 800 г., нельзя не подивиться прыти и отваге семидесятилетнего датского князя, который одним махом берёт Новгород и держит в руках столь отдалённые владения, как Фрисландия и Новгород. Нечего и говорить, что, кроме созвучия в именах Рюрик и Рюрик, никаких доказательств их тождества привести нельзя. Начинаясь чув-

ствовать полную неловкость, когда проф. Вернадский ссылается на Иоакимовскую летопись в доказательство того, что Олег был урманнином (норвежцем). Ведь Иоакимовская летопись — произведение конца XVII в., подобных которому немало имеется в рукописях этого столетия.

Нам пришлось остановиться только на некоторых вопросах, затронутых в книге проф. Вернадского, и отметить стремление автора говорить об истории России, по возможности менее упоминая о славянах, хотя автор, конечно, не будет отрицать того, что Россия — государство славянское. Конечно, в древнерусской истории много спорных вопросов, требующих разрешения, но подход к этим вопросам должен быть строго объективным. К сожалению, этого нельзя сказать о научных приёмах проф. Вернадского.

Прежде всего следует отметить недостаточно серьёзное отношение автора к цитированию и анализу письменных источников которыми он пользуется. Так например проф. Вернадский уверяет, что анты впервые упоминаются в сочинениях географа Помпония Мелы (стр. 83), но так говорится далеко не во всех текстах Помпония Мелы. В других же имеются указания, что «выше» («super») амазонов и гиперборейцев находятся кимерии, зиги и т. д.² Следовало бы подробнее изучить указания на антов у Помпония Мелы и Плиния.

Проф. Вернадский говорит (стр. 226), что, по Ибн-Фадлану, «царь Булгар имел вассала, который был известен, как царь Аскал, то есть король племени Аскал» («king of the Askal tribe»). Автор делает ссылку на «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу» под редакцией акад. И. Ю. Крачковского, с указанием 76-й страницы. В подлиннике находим несколько иное: «Другая группа была с царём из некоего племени, которого называли царь Аскал³. Имя собственное передано проф. Вернадским как название племени, и отсюда сделаны выводы о реке Осколе и т. д., хотя, казалось бы, Аскал арабского путешественника мог бы напомнить об Аскольде нашей летописи.

Произвол в цитировании документов вообще очень характерен для приёмов проф. Вернадского. В параграфе, посвящённом дунайским болгарам, анто-славянам и Византии в 670—701 гг. (стр. 246), автор описывает наряд болгарского хана. Ссылка сделана на известную работу Калайдовича об Иоанне — эвзархе болгарском. Между тем Иоанн писал не в VII, а в X в., на 2½ столетия позднее, во времена царя Симеона, когда порядки периода болгарских ханов давно уже отошли в прошлое. Такой же характер имеет и другая справка из болгарской истории, сделанная проф. Вернадским. Он упоминает о болгарской надписи с именем утонувшего в Днепре некоего Окорса из рода Чакагар («Chakagare») (стр. 301).

² Nisard M. «Collection des auteurs latins. Macrobe. Varron. Pomponius. Melas». p. 663 Paris. 1845.

³ «Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу». стр. 76. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. и Л. 1939.

¹ «Полное собрание русских летописей». Т. I, стр. 8.

от Окорс из рода Чакагар через 32 строки (со ссылкой на предыдущее упоминание) делается Chok'ом, болгарским бойлем, воевавшим на Днепре (стр. 333). Проф. Вернадский, видимо, уже успел забыть, что этого героя он называл Окорсом из рода Чакагар. При этом надо отметить, что в подлинной надписи стоит не «Чакагар», а «Чакарар»¹.

Случаев подобного искажения текстов источников найдётся в книге проф. Вернадского достаточное количество. И происходит это не от незнания автором основных методов исследовательской работы над источниками, а от своеобразного к ним отношения. Проф. Вернадский не столько изучает источники, сколько подбирает их для уже готовых выводов. Там, где источники упрямо противоречат его выводам, он их отбрасывает или видоизменяет. Причём предположения, поправки и дополнения к источнику так причудливо переплетаются друг с другом, что порой не знаешь, что цитирует автор — подлинный источник или чьё-либо мнение об этом источнике.

Отсюда вытекает и другая особенность работы проф. Вернадского: полный произвол в хронологических датах. В этом отношении особенно поучительна хронология, составленная автором (стр. 390—396). Автор отметил звёздочкой предположительные даты. К их числу отнесён, например, 840 год с пометкой: «Киев занят хозарами и мадярами. Мадьярский вождь Альмуе (Олом) делается правителем (воеводой) Киева». Мы видели уже, как неубедительны домыслы

¹ А б о б а - П л и с к а, стр. 190. («Известия Русского археологического института в Константинополе»).

автора о венгерском господстве над Киевом. Замечательнее всего, что самая хроника нотариуса Белы ничего не говорит о взятии Киева венграми и сообщает только об осаде Киева и мире между венграми и русскими. Проф. Вернадский оказывается куда более воинственным, чем сам королевский нотариус. Историки Венгрии, придерживаясь в основном хронологии нотариуса Белы, относят осаду Киева к 887 г., а прибытие венгерской орды в Паннонию — к 889 году².

Такой же необоснованной датой является 852 год — нападение датчан на Новгород. «Житие св. Анскария» не даёт никакого права говорить, что «славянские пределы» — это обязательно Новгород. Подобного рода датами наполнена книга проф. Вернадского. Конечно, наша «Начальная летопись» давала далеко не идеальную хронологию, но хронология проф. Вернадского является просто его личными предположениями и не может быть принята наукой.

Ещё больший произвол проф. Вернадский допускает в области объяснения имён и географических названий. Одно сходство названий говорит ещё очень мало, если не объяснены причины этого сходства. Казалось бы, развитие лингвистики и вообще исторической науки должно удерживать проф. Вернадского на какой-то грани, после перехода через которую история перестает быть наукой. Такой грани в рецензируемой книге мы, к сожалению, не находим. «Ancient Russia» — большая неудача проф. Вернадского.

Проф. М. Тихомиров

² См., например, Борецкий-Бергфельд Н. «История Венгрии». СПб. 1908.

МОРДВИНОВ Н. *Избранные произведения*. Огиз. Госполитиздат. 1945. 254 стр. Тираж — 10000 экз. Цена — 5 руб.

Н. С. Мордвинов, известный государственный деятель конца XVIII и первой половины XIX в., завоевал себе видное место в истории русской экономической и политической мысли. Его патриотизм, прогрессивная позиция, которую он занимал по ряду самых актуальных вопросов исторического развития России, широкое образование и оригинальное, свободное от подражательства решение важнейших экономических проблем, стоявших перед Россией, дали ему возможность создать ряд работ, являющихся ценными памятниками нашей экономической науки.

В настоящий сборник избранных произведений Н. С. Мордвинова включены «Проект трудопоощрительного банка» (1801 г.), «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815 г.), «Дополнительные рассуждения противу возражений, сделанных по предмету мануфактур и тарифа» (1816 г.), «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (1816 г.), «О мерах улучше-

ния государственных доходов» (1825 г.). Таким образом, в сборнике представлены только основные экономические произведения Мордвинова. Между тем Мордвинов был также видным представителем политической мысли в России. Его трактаты на политические темы, однако, не воспроизведены в данном издании.

Основными темами вошедших в рецензируемый сборник сочинений Мордвинова являются вопросы о государственном и частном кредите, о путях экономического развития России: остаться ли ей земледельческой страной или превратиться в промышленную; о задачах, целях и путях экономической политики правительства. В связи с этим Мордвинов затрагивает вопрос о крепостном праве и разрешает ряд важнейших теоретических проблем, делая шаг вперёд в развитии мировой экономической мысли.

Мордвинов выступал со своими произведениями в период разложения феодально-крепостнического строя, когда в лагере

от Окора из рода Чакагар через 32 строки (со ссылкой на предыдущее упоминание) делается Чок'ом, болгарским бойлем, воевавшим на Днестре (стр. 333). Проф. Вернадский, видимо, уже успел забыть, что этого героя он называл Окорсом из рода Чакагар. При этом надо отметить, что в подлинной надписи стоит не «Чакагар», а «Чакарар»¹.

Случаев подобного искажения текстов источников найдётся в книге проф. Вернадского достаточное количество. И происходит это не от незнания автором основных методов исследовательской работы над источниками, а от своеобразного к ним отношения. Проф. Вернадский не столько изучает источники, сколько подбирает их для уже готовых выводов. Там, где источники упрямо противоречат его выводам, он их отбрасывает или видоизменяет. Причём предположения, поправки и дополнения к источнику так причудливо переплетаются друг с другом, что порой не знаешь, что цитирует автор — подлинный источник или чьё-либо мнение об этом источнике.

Отсюда вытекает и другая особенность работы проф. Вернадского: полный произвол в хронологических датах. В этом отношении особенно поучительна хронология, составленная автором (стр. 390—396). Автор отметил звёздочкой предположительные даты. К их числу отнесён, например, 840 год с пометкой: «Киев занят хозарами и мадьярами. Мадьярский вождь Альмуе (Олом) делается правителем (воеводой) Киева». Мы видели уже, как неубедительны домыслы

¹ А б о б а - П л и с к а, стр. 190. («Известия Русского археологического института в Константинополе»).

автора о венгерском господстве над Киевом. Замечательнее всего, что самая хроника нотариуса Белы ничего не говорит о взятии Киева венграми и сообщает только об осаде Киева и мире между венграми и русскими. Проф. Вернадский оказывается куда более воинственным, чем сам королевский нотариус. Историки Венгрии, придерживаясь в основном хронологии нотариуса Белы, относят осаду Киева к 887 г., а прибытие венгерской орды в Паннонию — к 889 году².

Такой же необоснованной датой является 852 год — нападение датчан на Новгород. «Житие св. Анскария» не даёт никакого права говорить, что «славянские пределы» — это обязательно Новгород. Подобного рода датами наполнена книга проф. Вернадского. Конечно, наша «Начальная летопись» давала далеко не идеальную хронологию, но хронология проф. Вернадского является просто его личными предположениями и не может быть принята наукой.

Ещё больший произвол проф. Вернадский допускает в области объяснения имён и географических названий. Одно сходство названий говорит ещё очень мало, если не объяснены причины этого сходства. Казалось бы, развитие лингвистики и вообще исторической науки должно удерживать проф. Вернадского на какой-то грани, после перехода через которую история перестает быть наукой. Такой грани в рецензируемой книге мы, к сожалению, не находим. «Ancient Russia» — большая неудача проф. Вернадского.

Проф. М. Тихомиров

² См., например, Борецкий-Бергфельд Н. «История Венгрии». СПб. 1908.

МОРДВИНОВ Н. *Избранные произведения*. Огиз. Госполитиздат. 1945. 254 стр. Тираж — 10000 экз. Цена — 5 руб.

Н. С. Мордвинов, известный государственный деятель конца XVIII и первой половины XIX в., завоевал себе видное место в истории русской экономической и политической мысли. Его патриотизм, прогрессивная позиция, которую он занимал по ряду самых актуальных вопросов исторического развития России, широкое образование и оригинальное, свободное от подражательства решение важнейших экономических проблем, стоявших перед Россией, дали ему возможность создать ряд работ, являющихся ценными памятниками нашей экономической науки.

В настоящий сборник избранных произведений Н. С. Мордвинова включены «Проект трудопоощрительного банка» (1801 г.), «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» (1815 г.), «Дополнительные рассуждения противу возражений, сделанных по предмету мануфактур и тарифа» (1816 г.), «Рассуждение о пользах, могущих последовать от учреждения частных по губерниям банков» (1816 г.), «О мерах улучше-

ния государственных доходов» (1825 г.). Таким образом, в сборнике представлены только основные экономические произведения Мордвинова. Между тем Мордвинов был также видным представителем политической мысли в России. Его трактаты на политические темы, однако, не воспроизведены в данном издании.

Основными темами вошедших в рецензируемый сборник сочинений Мордвинова являются вопросы о государственном и частном кредите, о путях экономического развития России: остаться ли ей земледельческой страной или превратиться в промышленную; о задачах, целях и путях экономической политики правительства. В связи с этим Мордвинов затрагивает вопрос о крепостном праве и разрешает ряд важнейших теоретических проблем, делая шаг вперёд в развитии мировой экономической мысли.

Мордвинов выступал со своими произведениями в период разложения феодально-крепостнического строя, когда в лагере

господствующего класса разгорелась острая борьба по самым насущным вопросам экономической политики. Мордвинов неизменно выступал от имени того прогрессивного дворянства, которое считало неизбежным приспособление к развивающимся капиталистическим отношениям. В связи с этим Мордвинов горячо отстаивал развитие в России промышленности, городов, внедрение машин, увеличение оборотов внешней и внутренней торговли; сознавал необходимость постепенной замены крепостного труда вольнонаёмным; ставил вопрос о борьбе за экономическую независимость России. Дворянская ограниченность мешала представителям этой группы, в том числе и Мордвинову, поставить вопрос о решительной ликвидации крепостного строя; они считали, что он будет изжит постепенно, по мере осознания дворянами невыгодности крепостного труда, при сохранении за дворянами всей земли. Они мечтали также, что приспособившееся к новым хозяйственным условиям дворянство сумеет сохранить за собою политическое руководство, признавая, однако, необходимость сотрудничества с развивающейся буржуазией.

Успехи капиталистической и кризис дворянской крепостной мануфактуры показали дворянству, что дальнейшее развитие в промышленном направлении грозит ему утратой экономической гегемонии. Помимо этого дворянство, как потребитель иностранных товаров и экспортёр сельскохозяйственного сырья и хлеба, было заинтересовано в режиме свободы внешней торговли. Высокий таможенный тариф оно рассматривало как налог, взимаемый с дворянства в пользу буржуазии. В связи с этим представители и идеологи дворянства выступали в качестве убеждённых фритредеров, выдвигали программу одностороннего аграрного развития России, которая должна, вывозя сельскохозяйственные товары, покупать более дешёвые и добротные иностранные товары, не неся тягот и расходов, связанных с насаждением собственной отечественной индустрии. Представители буржуазии отстаивали прямо противоположные принципы экономической политики, требуя отказа от ввоза изделий роскоши, запрета импорта тех товаров, потребность в которых может быть удовлетворена собственной индустрией, высоких покровительственных тарифов для новых, зарождающихся отраслей промышленности и государственной помощи для их укрепления.

В этой борьбе идеологи дворянства с успехом пользовались модной тогда теорией Адама Смита о невмешательстве государства в хозяйственную деятельность, о свободе торговли и о разделении труда между отдельными нациями и государствами, забывая, что эти идеи были порождены успехами капиталистического развития Англии, уже не боявшейся соперничества конкурентов и стремившейся превратить отсталые страны в рынки для сбыта английских фабрикатов и покупки дешёвого сырья.

Заслуга Н. С. Мордвинова в том, что он, олицетворяя интересы прогрессивной части дворянства, мужественно и смело стал на защиту интересов промышленного развития России, не сходя с этих позиций до самого конца своей жизни. Мордвинов считал необходимым «переманить систему внутреннего в России хозяйства, т. е. вывести Россию из земледельческого состояния в рукодельное и промышленное»¹.

Изучив в совершенстве экономическую систему Смита и восприняв её основные положения, Мордвинов, однако, подверг резкой критике выводы Смита о гармоническом (в рамках капитализма) разделении труда между народами и о неограниченной свободе торговли между ними как условия богатства народов.

В противовес Смигу он доказывает необходимость разделения труда внутри страны, которая должна обеспечить свои основные потребности, если хочет быть экономически независимой. Разделение труда между народами не может заходить слишком далеко. «Странно было бы условие между народами, составляющими миллионы душ и счисляющими пространство занимаемых ими земель тысячами вёрст, — писал Мордвинов, — если бы один принимал на себя всех кормить, другой же одевать, третий обувать, четвёртый снабжать потребным для защиты оружием, пятый воспитывать юношество, шестой рыболовствовать, седьмой развозить морем и по сухому пути товары и проч. и проч. Такое разделение не обрратило ли бы их в состояние дикое и лишённое способов ко всякому дальнейшему преуспеянию в просвещении и образовании?».

Политическое усовершенствование каждого народа, — продолжал Мордвинов, — состоит в том, чтобы число людей, оный составляющее, так было разделено, дабы все совокупно могли себя пропитать, одевать, обувать, обстроипать, наполнять дома всеми потребностями и проч.» (стр. 76).

В связи с этим Мордвинов высказывается за неограниченную, свободную конкуренцию внутри страны и ограничение иностранной конкуренции запрещениями и высокими пошлинами: «Дав беспредельную свободу иностранной торговле в российских портах, при существующих воспретительных узаконениях в иностранных землях, внутренняя наша промышленность, рукоделия, фабрики и самая торговля внутренняя не будут ли во власти чуждых народов, и не будут ли ими подавлены и искоренены? Одна неограниченная свобода внутренней торговли для каждого государства полезна...» (стр. 100).

При этом Мордвинов выдвинул положение о разнице в уровне экономического развития отдельных стран, делающей невозможным успешную конкуренцию для более отсталой страны. Возражая слепым последователям доктрины Адама Смита,

¹ «Архив графов Мордвиновых». Т. IX, стр. 32. М. 1902.

Мордвинов заявлял, что «мечтания о беспредельной всемирной торговле» есть «отвратительное правило», которое «...не может служить верным и неизменным руководством ни в управлении, ни в устройении. Каждый народ имеет особливую свою степень просвещения, свои обычаи, привычки, предрассудки, местные обстоятельства, деятельность и дух собственный; всё сие не должно забываемо быть, когда рассуждают о каком-либо правиле отвлечённом, сколь бы оно ни важную заключало в себе истину умственную, могущую правильно быть в общем токмо соображении» (стр. 100).

Выдвигая принцип разделения труда в национальном масштабе, отстаивая идею покровительства отечественной промышленности, вскрывая неправильность универсального применения свободной торговли и необходимость для более отсталой страны запретительных мер и защитительного таможенного тарифа, Мордвинов, как это показали ещё Иконников¹ и Святловский², был основоположником в Европе так называемой национальной политической экономии, за несколько десятилетий до Фридриха Листа³.

Главный довод, который приводит Мордвинов, доказывая, что правительство обязательно должно развивать в России промышленность, не останавливаясь перед серьёзными материальными затратами, состоит в том, что земледельческая, аграрная страна не способна обеспечить свою политическую самостоятельность и экономическую независимость. «...народ, имеющий одних токмо земледельцев да купцов, покупающих необработанные произведения, ...шествует к благосостоянию самыми медленными шагами, коснит в бедности и всякого рода недостатках и, что важнее всего, не может быть народом свободным, ибо зависит от других держав по удовлетворению первейшим его нуждам; ...не пользуется политической свободой, нужной всякому народу, желающему быть властелином и независимым на своей земле; лишён той степени уважения от иных земель, на которую каждый независимый народ имеет право: подчиняет себя руководству и воле соседей своих и должен нередко угождать прихотливым требованиям союзных с ним держав. ...Словом, таковой народ не может быть ни просвещён, ни богат, не

может ни процветать, ни пользоваться политической свободой» (стр. 79—80).

Вместе с тем Мордвинов доказывал, что и «земледелие не может даже достигать высших степеней распространения и усовершенствования своего без ремёсел и фабрик». Мордвинов высказывался за «разделение работ по родам» и за «усиление введения на фабриках машин», так как «каждая паровая машина, вновь где-либо введённая, сотворит вдруг 1000 человек в прибавку к существующим» (стр. 86).

Понимая необходимость развития индустрии, повышения производительности народного труда для сохранения за Россией подobaющего ей места в системе великих держав, Мордвинов стоит за право крестьян на недвижимую собственность и даже за постепенную ликвидацию крепостной зависимости на основе безземельного освобождения крестьян за выкуп. Он сумел поднять спор о перераспределении доходов между дворянством и купечеством на уровень коренных проблем экономического развития России.

Прогрессивность позиции Мордвинова подчёркивается тем неизменным вниманием, которое уделялось им развитию кредита как орудия для мобилизации свободных средств на развитие промышленности и земледелия. Существовавший в то время Дворянский заёмный банк выдавал ссуды под залог имений и был средством финансирования паразитического дворянства. Мордвинов резко выступал против такого назначения кредита. «Очень вредно, — писал он, — помогать людям, разоряющим себя. Практика довольно наставила нас, что такая помощь и для самих тех вспомогательных людей вовсе бесполезна. Где те, которые, будучи и не один раз вспомогательны, удержали за собой свои имения?.. Самую природу предусловлено благоразумию и трудам капиталы составлять и содержать, а легкомыслию терять оные. Работа против природы всегда тщетна»⁴. В связи с этим он предлагает проектируемому им государственному банку дать название «трудоподпоощрительного» и финансировать через него только производительные затраты по улучшению земледелия, созданию и расширению фабрик и заводов. Ссуды должны выдаваться под залог имений, фабричных строений, а при наличии надёжного поручительства, и лицам, не имеющим недвижимости. Если же взявший в банке ссуду для устройства заведения не приступит к нему в срок, то банк имеет право затребовать возвращение всей ссуды с уплатою двойных процентов. По проекту Мордвинова, банк должен изучать возможности развития производительных сил каждого района и побуждать предпринимателей к вложениям в предприятия, обещающие дать наибольший эффект.

¹ Иконников В. «Граф Н. С. Мордвинов». СПб. 1873.

² Святловский В. «История экономических идей». М. 1923.

³ «Некоторые соображения по предмету мануфактур в России и о тарифе» были опубликованы в 1815 г., первое издание «Национальной системы политической экономии» Ф. Листа вышло в 1842 году. Кроме того работа Листа была пронизана реакционно-агрессивными тенденциями и имела целью обосновать условия и предпосылки для осуществления программы захватов, уже тогда разрабатывавшейся прусскими милитаристами.

⁴ «Архив графов Мордвиновых». Т. III, стр. XIII.

Большое значение Мордвинов придавал также организации по губерnskим городам частных банков с целью привлечения на производительные цели праздных капиталов и сбережений населения.

Несмотря на всю ограниченность и противоречивость этой программы, ибо подлинный экономический прогресс был несовместим с сохранением крепостного права, Мордвинов будет всегда привлекать внимание своей горячей защитой интересов индустриального развития России, своей борьбой с реакционным дворянством и его иностранными союзниками, пытавшимися сорвать развитие русской промышленности. Мордвинов — видная фигура в истории не только русской, но и мировой экономической мысли, ибо, сохраняя положительные выводы классиков буржуазной политической экономии, он по-новому разработал вопрос о соотношении между национальным и мировым хозяйством в условиях развивающегося капитализма, о международном разделении труда, об условиях конкуренции на внутреннем и внешнем рынке и т. д.

Автор вступительной статьи к настоящему изданию, Ф. Морозов, даёт обширную характеристику экономических воззрений Мордвинова, показывая формирование их на фоне хозяйственного развития России начала XIX века. Касаясь классового анализа позиций Мордвинова, Ф. Морозов пишет, что «Мордвинов объективно защищал программу буржуазных экономических преобразований, капиталистического пути развития» (стр. 39). Отмечая образование обуржуазившегося дворянства и совпадение интересов этой группы «дворян и фабрикантов, а также торговцев этой начальной эпохи развития капитализма в России», Ф. Морозов пишет: «...политическая слабость и незрелость, культурная отсталость буржуазии являлись теми условиями, при которых выразителем интересов нарождающейся буржуазии в России выступил Мордвинов, представитель передового либерального дворянства» (стр. 43). Эта характеристика нуждается в серьёзном уточнении. Мордвинов был представителем и выразителем интересов той части дворянства, которая стала на путь буржуазной эволюции. Он стремился к тому, чтобы дворянство сохранило за собою политическое руководство, а для этого оно, по мнению Мордвинова, должно было перестроиться.

В своих политических проектах Мордвинов, желая оставить за дворянами политическое руководство, выдвигал идею создания двухпалатной системы, причём члены верхней палаты, или Думы вельмож, должны были назначаться императором. Отстаивая принцип несменяемости и наследственности членов Думы вельмож, Мордвинов писал: «Государь император жалует в sine верховное достоинство, но потом оно соделывается наследственным и идёт всегда к старшему

сыну»¹. При этом каждый вельможа должен быть наделён 10 тыс. душ из казённых имуществ, причём это имущество не подлежало ни отчуждению, ни раздроблению, а переходило на началах майората целиком старшему сыну.

Позднее Мордвинов выступил с менее аристократическим проектом. Верхняя палата по новому проекту должна была состояться из выборных представителей дворянства, которые выбирали бы по два депутата от губернии. Хотя звание депутата верхней палаты было пожизненным, но не наследственным: «убылые места... пополняются новым избраньем». Нижняя палата должна была состояться по избранию от 1) дворян, 2) купцов, фабрикантов и заводчиков, имеющих свыше 10 тыс. руб. чистого дохода, 3) вольных землевладельцев, имеющих не менее тысячи десятин земли. Члены нижней палаты должны были избираться на срок от трёх до пяти лет.

Таким образом, политические проекты Мордвинова показывали его дворянскую ограниченность, стремление во что бы то ни стало сохранить власть в руках помещиков. Эта же дворянская ограниченность сказывалась и на его осторожном отношении к крепостному праву.

Итак, Мордвинов был идеологом прогрессивной части дворянства, связавшей свою судьбу с интересами буржуазного развития России. Эта группа дворянства стояла за блок с купечеством и фабрикантами, и, наоборот, последние поддерживали программу либерального дворянства. Это, однако, не даёт основания для отождествления политических программ этих общественных групп или для утверждения, что выразителем интересов нарождающейся буржуазии могли быть только либеральные дворяне.

Автор предисловия дал также неправильную характеристику экономической политики правительства и русских таможенных тарифов конца XVIII — начала XIX века.

Внешняя экономическая политика России в этот период определялась совершившимся промышленным переворотом в Англии, победой в ней машинной промышленности, работавшей на капиталистической основе, при помощи вольнонаёмного труда. Английская промышленность, а вслед за нею и промышленность передовых стран континентальной Европы получила новую энергетическую базу в виде паровой машины; английская металлургия стала с успехом применять минеральное топливо при выплавке чугуна и железа; текстильная промышленность получила механические прядильный и ткацкий станки. В этих новых условиях русская крепостная мануфактура могла сохраниться и избежать полного краха только при условии запрещения к привозу из-за границы тех фабрикатов, которые производились на

¹ «Архив графов Мордвиновых». Т. III, стр. 13.

русских мануфактурах. Покровительственные пошлины, как бы велики они ни были, уже не могли защищать русскую промышленность при резком разрыве цен на изделия капиталистической фабрики и крепостной мануфактуры. Требовался переход от протекционистской системы, охранявшей нашу промышленность высокими пошлинами, к системе запретительной (или, ещё точнее, — к запретительно-протекционистской, поскольку запрещения не могли коснуться многих видов товаров).

Поворотным пунктом в этом смысле был указ 8 апреля 1793 г., запрещающий ввоз свыше ста наименований различных товаров, по преимуществу фабричных изделий, изготовлявшихся на русских мануфактурах, и предметов роскоши. При издании тарифа 14 сентября 1796 г. список запрещённых товаров был несколько пополнен. Что касается ставок таможенного тарифа на разрешённые к привозу товары, то они были повышены незначительно и частично, поскольку ставки тарифа 1782 г. уже были достаточно высокими, а их дальнейшее повышение, при слабой таможенной охране границ, развязывало контрабанду. Система запрещений держалась с 1793 до 1819 г., и только по тарифу 1819 г. запрещения были сняты. Однако уже в 1822 г., в связи с крахом ряда промышленных предприятий и пассивностью торгового баланса, правительство вынуждено было вновь перейти к запретительному тарифу. Такова действительная картина русской внешнеторговой политики. Между тем Ф. Морозов пишет, что в конце XVIII в., когда Россия нуждалась в запретительном таможенном тарифе больше чем когда-либо раньше, «Павел I нашёл возможным установить на 1797 г. свободный таможенный тариф» (стр. 13). Это заявление совершенно неверно. На самом деле тариф 1797 г. не только сохранил запрещения к привозу товаров по спискам 1793 и 1796 гг. за некоторыми несущественными исключениями, но и внёс в эти списки добавления (медь, изделия из меди, кисея и др.)¹. Точно так же неверно заявление, что в 1801 г. была разрешена вполне свободная торговля с Францией. Торговые отношения с Францией были восстановлены на основе соблюдения системы запрещений и с уплатою таможенных пошлин. Неверно, что «общим таможенным принципом» (что такое «таможенный принцип»? — С. П.) тарифа 1797 г., подтверждённым Александром I, был принцип свободной торговли. Запрещение привоза английских товаров в порядке осуществления континентальной блокады было сделано не в 1804 г., когда никакой континентальной блокады не было, а в марте 1808 года.

¹ Полное собрание законов. Т. XXV, № 18207; т. XLV, «Книга тарифов», I. — «Тарифы по европейской торговле». Приложения к отделению 2, стр. 18—21; ср. там же, стр. 60 и там же, III. — «Общее дополнение к тарифам», стр. 43—46.

Неточна также характеристика тарифа 1810 года. Ф. Морозов пишет, что тариф строился на принципе возможно большего сокращения привоза иностранных товаров. На самом деле тариф запрещал к привозу фабрикаты, производившиеся на русских мануфактурах, изделия роскоши. Ввоз иностранного сырья, машин и инструментов был, наоборот, облегчён. Тариф установил повышенные пошлины на многие виды русского сырья, способствуя переработке их на русских мануфактурах, а не просто имел целью облегчить вывоз русских произведений, как пишет Ф. Морозов.

Даже о тарифах 1816 и 1819 гг. нельзя сказать, что они были «свободными». В 1819 г. были полностью уничтожены запрещения, но сохранены достаточно высокие таможенные пошлины. В связи с этим нельзя не упрекнуть автора вступительной статьи в том, что он не усвоил, что в экономической литературе под свободой торговли понимается не только отсутствие запрещений, но и отказ от таможенного покровительства. В связи с этим в корне неправильна характеристика, как «свободного», не только тарифа 1797 г., но даже и тарифа 1819 года. Вопреки неоднократным утверждениям Ф. Морозова, Россия, начиная со времён Петра, не применяла принципа свободной торговли в своих внешнеторговых сношениях.

Нельзя, однако, согласиться с заявлением Морозова, что «экономическая программа Мордвинова в основном совпадала с национальными интересами страны» (стр. 29). Коренной вопрос национального развития страны в то время состоял в ликвидации крепостного права и, как отмечал В. И. Ленин, «все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками»². Между тем, как признаёт сам Морозов, «Мордвинов не ставил вопроса об отмене крепостного права; процесс уничтожения крепостного права Мордвинов представлял себе процессом стихийного его отмирания» (стр. 25), причём за помещиками должны быть сохранены их власть, земля и доходы. Выходит, что программа Мордвинова выражала не национальные интересы страны, а интересы помещиков, становившихся на путь буржуазной эволюции. В этом смысле программа Мордвинова была большим шагом назад по сравнению с позицией русских революционеров — А. Н. Радищева и П. И. Пестеля.

Отметим некоторые недостатки издания. Оно осуществлено не вполне безупречно. В оглавлении не выделены «Дополнительные рассуждения», приведённые в тексте работы. Сочинения Мордвинова перемешаны с рецензиями на них в иностранных журналах, с предисловиями, написанными другими лицами, — всё это следовало бы поместить в приложении.

Проф. С. Покровский

² В. И. Ленин. Соч. Т. II, стр. 473. 4-е изд.

Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. I. Изд. Московского ордена Ленина государственного университета. М. 1945. 3½ п. л. Тираж 1000 экз. Цена 7 р. 50 к.

Настоящим изданием исторический факультет Московского университета возобновил выпуск научных сборников. Рецензируемый сборник состоит из отделов: статей, авторефератов, научной хроники и библиографии.

Три статьи посвящены памяти акад. Ю. В. Готье. Это статьи проф. Г. А. Новицкого — «Академик Ю. В. Готье (1873—1943)», чл.-корр. АН СССР проф. В. И. Пичеты — «Труды Ю. В. Готье по истории Литвы, Белоруссии, Украины и славянских народов» и проф. А. В. Арциховского — «Ю. В. Готье как археолог».

В статье проф. Г. А. Новицкого сделан краткий обзор почти полувековой научной и педагогической деятельности акад. Ю. В. Готье, скончавшегося 17 декабря 1943 года. Огромная эрудиция и исключительная работоспособность были отличительными чертами Ю. В. Готье. Его перу принадлежит свыше 150 работ по истории СССР, в том числе ряд широко известных монографий и архивных публикаций, представляющих большую научную ценность.

Выдающийся учёный, неутомимый исследователь, Ю. В. Готье не замыкался в кругу чисто «академических» интересов и до конца своих дней откликался на все значительные события научной и общественной жизни. Глубокий патриотизм и преданное служение интересам советской исторической науки, любовное отношение к учащейся молодёжи, большой педагогический такт и умение направить творческий рост молодых научных кадров снискали Ю. В. Готье всеобщую любовь и уважение. «Человек большой общей культуры, приветливый, ровный и спокойный, требовательный, но лишённый всякой педантичности, Ю. В. как преподаватель, бесспорно, был одним из самых любимых студентами профессором», — пишет в своей статье Г. А. Новицкий.

Проф. В. И. Пичета отметил большие заслуги Ю. В. Готье в изучении истории Литвы, Белоруссии и Украины, характеризуя его как прекрасного знатока истории этих народов и видного специалиста по истории южных славян. Опубликованная в 1926 г. «История южных славян» Ю. В. Готье, отличающегося прекрасным знанием источников и историографии, до настоящего времени сохраняет своё научное значение. В этой работе Ю. В. Готье подчеркнул исторические связи южнославянских народов с русским народом и роль России в национально-политическом возрождении балканских славян.

«Особенностью «Истории южных славян» Ю. В. Готье, — пишет проф. Пичета, — является то, что им уделено много внимания социально-экономическому, политическому и культурному развитию южных славян».

Статья проф. А. В. Арциховского посвящена оценке научной деятельности Ю. В. Готье в области археологии. В результате собственных археологических раскопок, а также многолетнего изучения археологических коллекций и изданий, Ю. В. Готье написал такие выдающиеся исследования, как «Очерки по истории материальной культуры Восточной Европы» и «Железный век в Восточной Европе», а также ряд небольших археологических работ. «Объединение истории и археологии», провозглашение необходимости единства этих наук были одной из наиболее ценных научных заслуг Ю. В. Готье, который, по словам проф. Арциховского, «первый подошёл к археологическому материалу с требованиями историка».

С большим интересом читается опубликованная в сборнике статья проф. М. Н. Тихомирова «Иван Грозный и Сербия», представляющая собою часть главы из большой работы автора о связях России с южными славянами.

Анализ «Родословца» Ивана Грозного, записанного сербским летописцем в так называемом Руварчевском родословце (Карловицкая патриаршая библиотека), список которого XVII в. проф. Тихомиров обнаружил также в Государственном историческом музее (Москва), позволил автору выяснить любопытные подробности из истории русско-сербских политических и культурных связей в XVI столетии и пролить в связи с этим новый свет на некоторые важные обстоятельства внутренней и внешнеполитической истории русского государства. Как устанавливается «Родословцем», мать Ивана IV, княгиня Елена Глинская, по женской линии происходила из сербского рода Якшичей.

Сопоставляя свои общеисторические наблюдения с анализом технических приёмов издания книг, напечатанных в Москве до 1564 г. (характер заставок и украшений, киноварь, отсутствие выходного листа и т. д.), этих, по словам автора, «настоящих первенцев русского книгопечатания», проф. Тихомиров приходит к заключению, что «безвыходные московские издания по своим заставкам и украшениям близки к венецианским и южнославянским изданиям». Вывод о наличии южнославянских и венецианских традиций в русском книгопечатании XVI в., подтверждаемый и тем обстоятельством, что русские печатные мастера XVI в. употребляли итальянские, а не немецкие термины, позволит отказаться от обычного представления о заимствовании книгопечатания из немецких стран.

Ц. С. Бабинская-Телицына опубликовала в сборнике статью, посвящённую анализу взглядов С. Сташица по аграрному вопросу в эпоху четырёхлетнего сейма в Польше.

Подробно выяснив значение аграрного вопроса в деле национального возрождения Польши, автор пишет о полном бессилии польских политических деятелей эпохи четырёхлетнего сейма направить разрешение этого центрального вопроса польской истории по революционному пути.

«Компромисс со шляхтой, — пишет автор, — к которому пришёл Сташиц, самый яркий писатель польского третьего сословия в эпоху реформаторского шляхетско-буржуазного движения, характерен для соотношения классовых и общественных сил Польши того времени». Этот компромисс между «необходимыми буржуазными реформами» и своекорыстными интересами польской шляхты отразился на взглядах Сташица по аграрному вопросу, внутренние противоречивых и половинчатых.

Поскольку статья Ц. С. Бабинской-Телицкой представляет законченный, хотя и сжатый очерк, читатель вправе был бы ожидать постановки вопроса об исторических условиях, породивших непоследовательность радикальных элементов Польши и их «компромисс» с крепостниками.

В разделе «Докладов и сообщений» помещены авторефераты докторских диссертаций — проф. А. Л. Сидорова на тему «Экономика России в период мировой войны 1914—1917 гг.» и проф. С. А. Токарева на тему «Общественный строй якутов в XVII—XVIII вв.».

Проф. Сидоров поставил перед собой задачу исследовать «экономическую политику царского правительства в последние годы его существования, развитие промышленности и железнодорожного транспорта, организацию военного хозяйства и роль в этом процессе буржуазии, запутанный клубок финансово-экономических отношений с союзниками и усиление экономической и политической зависимости от них России». Для разработки всех этих вопросов автор привлёк обширные архивные фонды, а также современную периодическую печать, статистические сборники, ведомственные издания и другие печатные источники и литературу.

Проф. Сидоров убедительно показал, что «царская Россия оказалась совершенно неподготовленной к войне с Германией ни в военном, ни в финансово-экономическом отношениях». Военная неподготовленность России была обусловлена не только экономической отсталостью страны, она явилась также результатом экономической и военной политики правительства перед началом и в ходе войны, результатом «преступной бездеятельности правительства и военного министерства, оказавшихся неспособными поставить и удовлетворительно разрешить вопросы вооружения армии».

Ни прогнивший бюрократический аппарат царизма, ни многочисленные «особые совещания» и «комитеты» с участием буржуазии оказались не в состоянии перестроить хозяйство страны на военный лад

и обеспечить бесперебойное снабжение армии. «Между фронтом и тылом русской армии в войне 1914 г. лежала глубокая пропасть».

Подробно анализируя состояние и развитие в годы войны важнейших отраслей промышленности, железнодорожного транспорта, сельского хозяйства, проф. Сидоров раскрыл картину постепенного нарастания экономического кризиса в стране, полного развала национальной экономики, что тяжело отзывалось на фронтах и привело вооружённые силы страны на грань катастрофы. Своекорыстная и близорукая политика господствующих классов, использовавших военный ажиотаж как средство наживы и спекуляции, губительно отражалась на положении армии и народа, на плечи которых легла вся тяжесть войны. «Трудящиеся классы нашей страны и русская армия заплатили кровью за эти преступления помещиков и буржуазии».

Проф. Сидоров детально изучил вопрос об экономических отношениях России в период войны 1914—1917 гг. с союзными странами. Он показал, что финансовая помощь союзников России «носила кабальный характер, опутывая страну новыми нитями экономической и политической зависимости». Хотя иностранные кредиты и военные поставки смягчили несколько кризис боевого снабжения русской армии, однако размеры и условия помощи не соответствовали ни потребностям войны, ни той роли, которую играли в ней восточный фронт и русская армия. Неисчислимые жертвы русской армии не были по достоинству оценены правительствами союзных стран.

«Бюрократическое, антинародное правительство России, — пишет автор, — не смогло обеспечить должного уважения к русской армии, её огромным жертвам». В то же время, «имея полную возможность оказать России большую помощь, союзники не сделали этого, заплатив за эту недопустимую ошибку миллионами жизней своих солдат и затянув войну».

Проф. С. А. Токарев для разработки своей темы использовал главным образом судебные дела якутов (общим числом около 2500), а также фольклорные и этнографические источники. В результате изучения новых исторических материалов он показал неправильность взглядов о господстве у якутов до половины XVII в., по мнению одних исследователей, родового строя, а по утверждению других, — развитых феодальных отношений. В действительности родовой строй у якутов накануне прихода русских подвергся глубокому разложению; появилась уже частная собственность на землю и скот, зарождалось рабовладение (тойоны — рабовладельцы, кулуты — рабы). Однако основную массу населения составляли ещё свободные общинники («улусные мужики» русских документов), в среде которых намечалось уже социальное расслоение (богатая верхушка — «лучшие улусные люди»).

Автор пришёл к выводу, что «развитие классовых отношений у якутов до прихода русских было направлено в сторону формирования рабовладельческого строя». Русская администрация, ограничивая рабовладельческие права тойонов (обложение рабов ясаком), вместе с тем расширяла их власть над свободным улусным населением, поручая тойонам сбор ясака и наделяя их судебно-административными правами. Передача судебно-полицейских функций в руки тойонов была узаконена «Уставом об инородцах» 1822 года. В результате «ускоренный процесс разложения общинной земельной собственности и рост тойонского землевладения довершили процесс превращения старого военно-рабовладельческого тойоната в новую полуфеодално-служилую тойонскую знать». Земельная реформа 1760-х годов запрещением купли-продажи земли и созданием так называемой «классной системы» землепользования нарушила процесс развития феодального землевладения тойонов и привела к образованию совершенно своеобразного земельного строя якутов, с остатками общинно-родового земельного права и с фактическим господством полуфеодалного тойоната, поддерживаемого царской администрацией.

Общие выводы автора, основанные на изучении богатого фактического материала, имеют большое научное значение. Работа С. А. Токарева проливает новый свет на историю социально-экономического развития якутов в XVII—XVIII веках.

В разделе хроники напечатаны обзоры о юбилейных и научных заседаниях, состоявшихся на историческом факультете в 1944 году. Опубликованные с опозданием материалы сессий, однако, не потеряли своего большого интереса. Об этом можно судить хотя бы по тематике заслушанных

на сессиях докладов. Так, на сессии по истории Красной Армии, состоявшейся 6 марта 1944 г., были прочитаны доклады: проф. И. И. Минца «Традиции Красной Армии», проф. Е. Н. Городецкого «Роль русского фронта в 1918 году», проф. Э. Б. Генкиной «Красная Армия в боях за Сталинград» и проф. А. Л. Сидорова «Московское народное ополчение в боях за Москву». На теоретической конференции «Борьба за морально-политический разгром фашизма», в мае 1944 г., заслушаны доклады: проф. А. С. Ерусалимского «Пути морально-политического разгрома фашизма», проф. А. Л. Сидорова «Советский Союз — во главе прогрессивных сил в борьбе за морально-политический разгром фашизма» и проф. В. И. Пичеты «Польша и её отношение к Советскому Союзу».

Обзорные статьи аспирантов Л. Фридберга и М. Гефтера подробно знакомят читателя с содержанием докладов и выступлений участников сессий.

В разделе библиографии напечатана интересная рецензия доц. М. Дьяконова на книгу Б. Гафурова и П. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины» (изд. Редакции истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1944).

Первый выпуск «Докладов и сообщений» оправдывает ожидания читателя. В дальнейшем при сохранении имеющихся разделов сборника следовало бы расширить отдел хроники (обзор защищаемых на факультете дипломных работ и диссертаций, планы научной работы кафедр и отдельных профессоров) и уделить место проблемам методики преподавания и организации учебного процесса.

П. Епифанов

«Византийский сборник». Издательство Академии наук СССР. М. и Л. 1945.

«Византийский сборник» был подготовлен к печати ещё до начала Великой Отечественной войны. Его выход в свет задержался в связи с обстоятельствами военного времени.

Продолжая лучшие традиции русского византиноведения, советские византилисты уделяют большое внимание вопросам социально-экономической истории Византии. Этот интерес к вопросам внутренней истории отражён и в рецензируемом сборнике. К этому разделу относятся работы М. В. Левченко «Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв.», Е. Э. Липшиц «Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно, по данным земельного закона)» и покойного А. П. Дьяконова «Византийские димы и факции в V—VI вв.».

Большая статья М. В. Левченко (стр. 12—95) посвящена изучению социально-эконо-

мической истории Восточной Римской империи V—VI веков. Внутренняя история Византии в этом периоде совершенно недостаточно исследовалась в буржуазной историографии. Между тем, как справедливо отмечает автор, без изучения этих вопросов нельзя понять и объяснить последующих процессов в развитии общественно-экономического и политического строя Византийской империи.

Первый раздел работы М. В. Левченко носит название «Metropolis et vici publici» (стр. 12—52). Автор на большом материале показывает, что кризис рабовладельческого общества на Востоке отразился в значительно меньшей степени, чем на Западе, что на Востоке мы не наблюдаем характерных для внутренней истории Запада падения городской жизни и возвращения к натуральному хозяйству. Говоря о том, что уцелевшая на Востоке промышленность, торговля, а также разветвлённый финансовый аппарат

Автор пришёл к выводу, что «развитие классовых отношений у якутов до прихода русских было направлено в сторону формирования рабовладельческого строя». Русская администрация, ограничивая рабовладельческие права тойонов (обложение рабов ясаком), вместе с тем расширяла их власть над свободным улусным населением, поручая тойонам сбор ясака и наделяя их судебно-административными правами. Передача судебно-полицейских функций в руки тойонов была узаконена «Уставом об инородцах» 1822 года. В результате «ускоренный процесс разложения общинной земельной собственности и рост тойонского землевладения довершили процесс превращения старого военно-рабовладельческого тойоната в новую полуфеодално-служилую тойонскую знать». Земельная реформа 1760-х годов запрещением купли-продажи земли и созданием так называемой «классной системы» землепользования нарушила процесс развития феодального землевладения тойонов и привела к образованию совершенно своеобразного земельного строя якутов, с остатками общинно-родового земельного права и с фактическим господством полуфеодалного тойоната, поддерживаемого царской администрацией.

Общие выводы автора, основанные на изучении богатого фактического материала, имеют большое научное значение. Работа С. А. Токарева проливает новый свет на историю социально-экономического развития якутов в XVII—XVIII веках.

В разделе хроники напечатаны обзоры о юбилейных и научных заседаниях, состоявшихся на историческом факультете в 1944 году. Опубликованные с опозданием материалы сессий, однако, не потеряли своего большого интереса. Об этом можно судить хотя бы по тематике заслушанных

на сессиях докладов. Так, на сессии по истории Красной Армии, состоявшейся 6 марта 1944 г., были прочитаны доклады: проф. И. И. Минца «Традиции Красной Армии», проф. Е. Н. Городецкого «Роль русского фронта в 1918 году», проф. Э. Б. Генкиной «Красная Армия в боях за Сталинград» и проф. А. Л. Сидорова «Московское народное ополчение в боях за Москву». На теоретической конференции «Борьба за морально-политический разгром фашизма», в мае 1944 г., заслушаны доклады: проф. А. С. Ерусалимского «Пути морально-политического разгрома фашизма», проф. А. Л. Сидорова «Советский Союз — во главе прогрессивных сил в борьбе за морально-политический разгром фашизма» и проф. В. И. Пичеты «Польша и её отношение к Советскому Союзу».

Обзорные статьи аспирантов Л. Фридберга и М. Гефтера подробно знакомят читателя с содержанием докладов и выступлений участников сессий.

В разделе библиографии напечатана интересная рецензия доц. М. Дьяконова на книгу Б. Гафурова и П. Прохорова «Таджикский народ в борьбе за свободу и независимость своей родины» (изд. Редакции истории таджиков и Таджикистана. Сталинабад, 1944).

Первый выпуск «Докладов и сообщений» оправдывает ожидания читателя. В дальнейшем при сохранении имеющихся разделов сборника следовало бы расширить отдел хроники (обзор защищаемых на факультете дипломных работ и диссертаций, планы научной работы кафедр и отдельных профессоров) и уделить место проблемам методики преподавания и организации учебного процесса.

П. Епифанов

«Византийский сборник». Издательство Академии наук СССР. М. и Л. 1945.

«Византийский сборник» был подготовлен к печати ещё до начала Великой Отечественной войны. Его выход в свет задержался в связи с обстоятельствами военного времени.

Продолжая лучшие традиции русского византиноведения, советские византилисты уделяют большое внимание вопросам социально-экономической истории Византии. Этот интерес к вопросам внутренней истории отражён и в рецензируемом сборнике. К этому разделу относятся работы М. В. Левченко «Материалы для внутренней истории Восточной Римской империи V—VI вв.», Е. Э. Липшиц «Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно, по данным земельного закона)» и покойного А. П. Дьяконова «Византийские димы и факции в V—VI вв.».

Большая статья М. В. Левченко (стр. 12—95) посвящена изучению социально-эконо-

мической истории Восточной Римской империи V—VI веков. Внутренняя история Византии в этом периоде совершенно недостаточно исследовалась в буржуазной историографии. Между тем, как справедливо отмечает автор, без изучения этих вопросов нельзя понять и объяснить последующих процессов в развитии общественно-экономического и политического строя Византийской империи.

Первый раздел работы М. В. Левченко носит название «Metropolis et vici publici» (стр. 12—52). Автор на большом материале показывает, что кризис рабовладельческого общества на Востоке отразился в значительно меньшей степени, чем на Западе, что на Востоке мы не наблюдаем характерных для внутренней истории Запада падения городской жизни и возвращения к натуральному хозяйству. Говоря о том, что уцелевшая на Востоке промышленность, торговля, а также разветвлённый финансовый аппарат

казали правительству большие денежные ресурсы, автор указывает, что эти крупные средства позволяли центральной власти подавлять центробежные стремления (стр. 13). Здесь идёт речь, очевидно, о центробежных стремлениях представителей крупного светского землевладения. Между тем в дальнейшем изложении автор вступает в явное противоречие с этим своим положением, когда он утверждает, что крупное землевладение было заинтересовано в укреплении государства и сознавало необходимость сплочения вокруг императорской власти (стр. 92). Если это так, то как будто никаких центробежных стремлений и быть не могло, и центральной власти нечего было с ними бороться. Между тем эти стремления имели место. И если они в последующие века достигают большой силы, то и в рассматриваемом периоде мы наблюдаем уже их явные, отчётливые ростки, что можно проследить даже на материале, который приводит автор в последней части своей работы, говоря о взаимоотношениях императорского и крупного частного землевладения.

Показывая, что экономический кризис в Восточной империи проявился значительно слабее, чем на Западе, автор тем не менее утверждает, что о дальнейшем росте производительных сил здесь не может быть и речи. С этим положением в такой абсолютной форме согласиться нельзя. Бесспорно, в византийской экономике рассматриваемого периода мы встречаем застойные явления, бедственное положение земледельческого населения, о чём убедительно говорят приводимые автором описания Ливания. Однако и в Восточной Римской империи, как и на Западе, смена рабовладельческого строя более прогрессивной общественно-экономической формацией, каковую мы усматриваем в появившихся уже в этом периоде ростках феодализма, неизбежно влекла за собой известный подъём в развитии производительных сил. Этот подъём не отрицает и сам автор, когда в конце своей работы говорит о роли общинных порядков в ослаблении позиций крупного землевладения. Отметим, кстати, замечание автора о том, что Юстиниан I в 532 г. разгромил димы, единственные сколько-нибудь демократические организации византийского общества VI в. (стр. 19). Между тем в помещённой в этом же сборнике работе А. П. Дьяконова убедительно доказано, что димы и до VII в. не потеряли своей политической роли (стр. 227). А. П. Дьяконов напоминает в связи с этим мнение известного французского византиниста Ш. Диля о том, что димы сохраняли свою политическую роль и в VIII—IX вв. и что в VII в. их политическая роль даже усиливается.

В рецензируемой работе автор приводит большой материал о характере держаний крестьянства. На основании изучения законодательного материала отчётливо вырисовывается различие между свободными и приписными колонами, а также стремление правительства лишить свободных колонов свободы передвижения. Наряду с этим в

работе рассматривается процесс превращения колонов из подданных императора в подданных магнатов, всё более присваивавших себе функции государственной власти.

Одним из основных положений М. В. Левченко является наличие в Восточной империи больших остатков свободного общинного землевладения в IV—VI веках. Он оспаривает положение Цахариз Лингенталля и В. Г. Васильевского о том, что в этом периоде вольные крестьянские волости удерживались в небольшом количестве и в виде исключения (стр. 28), и утверждает, что на основании изучения законодательства и других источников IV—VI вв. нужно прийти к выводу, что рядом с крупным землевладением сохранялись значительные слои мелких свободных крестьянских землевладельцев. В этой же связи автор утверждает, что общинное землевладение появилось у византийских крестьян не в результате славянской иммиграции в VII в., а значительно раньше (стр. 37). Но в этом утверждении автор вступает в противоречие с самим собой, так как в заключение своей работы (стр. 95) он указывает, что образование класса свободных крестьян и оживление общинных порядков происходят в связи с массовым вселением в Византию славян в VII веке. Таким образом М. В. Левченко ни в какой степени не поколебал точки зрения В. Г. Васильевского.

Значительный интерес представляют собранные автором сведения о внутреннем устройстве *metropoiae* и *vici publici*. Мы встречаем здесь интересные материалы о различных степенях деревенской администрации, рисующие вместе с тем тяжёлое положение органов деревенского самоуправления. Эти сведения извлечены из папирологических публикаций. Следует отметить, что этот материал можно было использовать шире, чем это сделано в работе. Недостаточно использована и литература, основанная на папирологическом материале¹.

Много внимания уделяет автор анализу развития патронатных отношений в провинциях Восточной Римской империи.

Вторая часть работы посвящена императорским доменам (стр. 53—69). Особенный интерес в этой части вызывает анализ форм аренды императорских земель. Автор показывает держания, не ограниченные временем, аренду, превращающуюся в почти полную собственность держателя, связанного лишь уплатой ренты, и, наконец, полное право собственности без обязанности уплаты ренты. Материалы, привлечённые автором, убедительно показывают, что уже в этом периоде можно наблюдать ростки феодализации и усиления закрепощения крестьянства. Развитие форм аренды создавало значительный слой крупных землевладельцев-динатов. Автор

¹ Укажем хотя бы на работу Н а r d у Е. К. «The largest estates of Byzantine Egypt». New-York. 1931.

делает правильный и важный вывод, что к началу VI в. значительная часть императорских земель перешла в руки династов (стр. 65).

Переходя к третьему разделу своей работы «Крупное частное землевладение и императорская власть» (стр. 69—95), автор ставит своей задачей выяснить, какую роль играло крупное частное землевладение в экономике и социальном строе Восточной империи V—VI веков. Изучение этого вопроса имеет большое значение, так как именно здесь следовало бы показать корни процесса феодализации Византии. Между тем нужно признать, что этот раздел наименее разработан. Правда, здесь приведены интересные отрывки, рисующие быт владельцев крупных имений, но роль крупного землевладения в этом периоде остаётся задачей, над решением которой нужно ещё много работать советским византинистам. Нельзя, в частности, согласиться с утверждением, что крупное имение не превратилось в хозяйственный организм, покупающий лишь предметы роскоши (стр. 76—77). Как раз те сведения, которые автор приводит о быте антиохийских и константинопольских крупных землевладельцев Иоанна Златоуста, Ишо Стилита, Феодорита Киррского, Василия Нисского, свидетельствуют о том, что владельцы крупных имений приобретали главным образом предметы роскоши: дорогую мебель, дорогие ткани, как парчу и шёлк, дорогие вина и т. п. Говоря о налоговых и других льготах крупного землевладения, следовало бы отметить, что эти льготы являются зачаточной формой будущего иммунитета. До настоящего времени изучение развития форм византийского поместья происходило в отрыве от изучения развития иммунитета. Между тем именно развитие иммунитета на всех этапах является основным рычагом постепенного превращения поместья в замкнутую, слабо связанную с центральной властью хозяйственно-административную единицу, которую мы наблюдаем в поздне-византийское время.

Укажем ещё на одно положение автора, с которым нельзя согласиться. Автор рассматривает политический трактат VI в., фрагменты которого были изданы Angelo Mai «Scriptorum veterum nova collectio», (II), приписавшим этот трактат Петру Патрикию. М. В. Левченко правильно отмечает, что основная цель трактата — теоретическое обоснование роли крупной земельной аристократии в управлении государством. Однако приведённые фрагменты ни в какой степени не дают оснований для утверждения, что целью автора трактата было обоснование необходимости «обуздать феодализирующие тенденции провинциальных магнатов» (стр. 94). Ещё менее оснований говорить о попытках «передовой» аристократии «ограничить эксплуатацию непосредственного производителя известными нормами» и даже «сгладить всё глубже расширяющуюся пропасть между верхами и низами восточно-римского общества». Ни-

каких подобных целей автор трактата, конечно, не ставил и ставить не мог.

М. В. Левченко собрал значительный материал и внёс много нового в изучение внутренней истории ранне-византийской империи. Однако многие вопросы в его работе остались нерешёнными и подлежат дальнейшему углублённому исследованию.

Следующая статья сборника «Византийское крестьянство и славянская колонизация (преимущественно по данным земельного закона)» принадлежит перу Е. Э. Липшиц (стр. 96—143). Положение о влиянии славянской колонизации на развитие процессов феодализации Византии прочно вошло в научный фонд советской исторической науки. Работа Е. Э. Липшиц ценна тем, что в ней делается попытка подкрепить это общее положение конкретным материалом. С этой точки зрения, исследование Е. Э. Липшиц представляет, бесспорно, большой интерес.

В начале статьи автор приводит сравнительные данные о различных рукописных версиях земельного закона с целью установить первоначальный состав его текста, переходя затем к определению даты закона. Этот вопрос неоднократно становился предметом исследования, и вокруг него создавалась значительная литература. Исключительный интерес и оживлённая полемика, продолжающаяся в византиноведческой литературе до самого последнего времени, объясняются тем, что споры в основном вращались вокруг различного отношения византийцев к важному вопросу о характере деятельности иконоборческих императоров. Пересматривая заново и всесторонне аргументацию Цахариз Лингенталя, В. Г. Васильевского, Мортрейля, Б. А. Панченко, К. Н. Успенского и Эшбернера, автор присоединяется к выводам Цахариз Лингенталя и В. Г. Васильевского о том, что земельный закон должен быть рассматриваем как памятник иконоборческой эпохи.

Подвергая тщательному анализу земельный закон, автор восстанавливает живую картину византийской деревни VI—VIII вв., сводя в единое целое данные о системе сельского хозяйства, состоянии хлебопашества, виноградарства и виноделия, садоводства, животноводства. К анализу соответствующих статей земельного закона автор дополнительно привлекает большой археологический материал, в том числе и данные новейших археологических исследований, как например результаты раскопок близ деревни Садовицы в 1934 г., а также и данные агнографии.

Автор детально рассматривает формы землевладения и землепользования, характеризует группы крестьянства (апоры, исполыщики, мортиты, мистоты, рабы), анализ которых позволяет прийти к выводу о расслоении крестьянства и наличии получивших уже в этом периоде значительное развитие имущественных и классовых противоречий. Анализ закона даёт возможность установить рост зависимости крестья-

яства, развитие феодализационных процессов, причём зависимость крестьян устанавливается автором и в рамках самой общины. Автор своим анализом византийской общины ярко иллюстрирует известное положение К. Маркса о взрывающем общину изнутри дуализме, который являлся, по К. Марксу, важнейшим законом развития сельской общины.

Чрезвычайно ценной является выполненная автором работа по сравнению земельного закона и варварских правд и на этой основе византийской сельской общины и западноевропейской марки. К составленным автором таблицам соответствия статей земельного закона и варварских правд неоднократно будут обращаться последующие исследователи.

Последний раздел статьи посвящён непосредственно обоснованию влияния славянской колонизации и общины на формирование византийского феодализма. Автор приходит к важному и правильному выводу — о том, что изученный земельный закон является памятником более прогрессивных, чем колонат, общинных отношений, способствовавших подъёму производительных сил в Византии, позволивших империи выйти из кризиса VII—VIII вв. и приобрести силы для дальнейшего длительного существования. Своей работой Е. Э. Липшиц внесла ценный вклад в дело изучения ранне-византийского феодализма.

Тема работы покойного А. П. Дьяконова «Византийские димы и факции в V—VII вв.» (стр. 144—227) также неоднократно привлекала внимание исследователей. Ф. И. Успенский своей работой «Партии цирка и димы в Константинополе», появившейся в 1894 г. в I томе «Византийского временника», произвёл значительный перелом в изучении димов, обратив внимание исследователей на политическое значение димов и факций. Изучение социальной природы этих организаций было впервые поставлено Манойловичем, написавшим свою работу на сербо-хорватском языке в 1904 году. Эта работа стала широко известной европейским учёным лишь в 1936 г., когда она появилась в журнале «Byzantion» во французском переводе. А. П. Дьяконов считает, что и Манойлович и другие исследователи, работавшие над этим вопросом (И. Янсенс, Г. Братиану), совершают методическую ошибку, не делая никакого различия между димами и факциями. Поэтому в своей работе А. П. Дьяконов поставил задачей пересмотреть весь этот сложный вопрос заново. Для своего исследования автор привлёк большой и широкий круг источников.

Установив, что димы и факции являются различными организациями, автор переходит к раздельному анализу тех и других. Он устанавливает, что димы являются более древними учреждениями, чем факции, и в этой связи изучает их эллинические и эллинистические традиции. Эти эллинистические традиции, как отмечает автор, должны были оживиться после перенесения

центра империи в Константинополь в 330 г. и дальнейшего обособления Восточной империи от Западной. И действительно, привлекая обширный и разносторонний материал источников, автор освещает военные и политические функции димов. Для этого ранне-византийского периода вырисовывается роль димов при избрании нового императора, их политические демонстрации в столице с целью одобрения или неодобрения правительственной политики, их вмешательство в судебные дела и т. д.

Показав, далее, историю развития факций, А. П. Дьяконов отмечает, что эти, в основном, спортивные организации постепенно превращаются в политические объединения и спортивные состязания приобретают характер политической борьбы, что являлось одним из основных фактов политической жизни Византии в V—VII веках. Изучая социальный состав факций, автор приходит к выводу, что в факции прасинов преобладали торгово-промышленные элементы, в то время как у венетов — крупная землевладельческая аристократия. Важен вывод о том, что эти классовые различия относились лишь к верхушечным группам факций, в то время как массы димов обеих факций были социально однородны. На этой основе и противоречия между факциями объясняются, как противоречия между их руководящими группами. Что касается широких масс факций, то их не разделяли противоречия между собой, а лишь противоречия с руководящими группами, со стороны которых они подвергались эксплуатации. А. П. Дьяконов собрал в своей работе большой материал для изучения истории восстаний факций и димов, в том числе и знаменитого восстания «Ника» 532 г., которое в исследовании автора приобретает новые интересные черты. К половине VII в. факции перестают играть политическую роль. Автор приходит, однако, к выводу, который мы уже отмечали выше, о том, что прекращение политической роли факций не означало прекращения политической роли димов.

В начале своего исследования А. П. Дьяконов указывает, что задачей его работы является не разрешить проблему, а ещё раз её поставить. Такое утверждение можно отнести лишь за счёт исключительной скромности автора. Если и не все вопросы окончательно решены, то в изучение политических организаций ранней Византии внесено много нового. Ни один византист, занимающийся исследованиями в области политической жизни этого периода, не сможет обойтись без этой прекрасной работы.

В сборнике помещена статья М. А. Шангина «Византийские политические деятели первой половины X в.» (стр. 228—248). Эта работа представляет собой публикацию неизданного произведения Арефы Кесарийского о Хирсофакте, извлечённого покойным М. А. Шангиным из рукописи № 315 Московского исторического музея (бывшее собрание московской Синодальной библио-

теки). Эта новая публикация рисует деятельность Арефы и Хирсфакта. Борьба Арефы и Хирсфакта проявляется как борьба аристотелизма и платонизма в византийской философии X века. Извлечённые М. А. Шангиным из той же рукописи № 315 письма Арефы политического содержания публикуются в I (XXVI) томе восстановленного «Византийского временника», находящемся в производстве. Письма Арефы юридического содержания предложено опубликовать во II (XXVII) томе «Византийского временника», подготавливаемом к печати. Эти неизданные до сих пор документы, публикацию которых подготовил покойный М. А. Шангин, дают византистам новый ценный источник для изучения политической и культурной истории Византии X века.

В сборнике помещён, далее, небольшой этюд В. Вальденберга из истории малоизу-

ченной византийской философии — «Философские взгляды Михаила Пселла» (стр. 249—255), статьи А. В. Вишняковой «К вопросу о культуре и просвещении болгар в XIV в.» (стр. 256—259) с анализом надгробного эпитафического памятника из Дойрана, написанного на славянском и греческом языках, и М. К. Каргера «К истории византийской сфрагистики» (стр. 260—264). В конце сборника приведены библиографические обзоры: 1) Н. С. Лебедева и Ф. М. Россейкина «Издания византийских текстов в западноевропейской литературе» и 2) Ф. М. Россейкина «Византия и славяне».

Появление этого сборника, впервые после длительного перерыва объединившего работы советских византистов, нужно горячо приветствовать.

Б. Горянов

РАПП ДЖ. Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878 гг.

В книге Раппа, носящей несколько необычное название «Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878 гг.», освещаются главным образом русско-австрийские отношения в период второго восточного кризиса, второй русско-турецкой войны (1877—1878 гг.). Историческое исследование автора распадается на пятнадцать глав: 1. Основание Антанты (имеется в виду «Союз трёх императоров»). 2. Развитие кризиса 1875—1876 годов. 3. Свидание в Рейхштадте. 4. Миссия Сумарокова-Эльстона. 5. Апелляция к Германии. 6. «Невесомость Бисмарка». 7. Европа даёт косвенное предписание. 8. Будапештская конвенция. 9. Путешествие Игнатьева по Европе. 10. Начало войны на Балканах. 11. Британские планы ограничения России. 12. Позиция Андраши и падение Плевны. 13. Адрианополь и Сан-Стефано. 14. Игнатьев в Вене. 15. Крах Рейхштадтского соглашения.

В приложении даны документы об Андраши и политических партиях в Австрии. В конце книги — «избранная библиография» документальных и иных изданий по восточному вопросу (русские, британские, венские издания документов, исследования, монографии, пресса).

Автор рецензируемой книги весьма сожалеет, что он, как и Самнер (автор объёмистого исследования «Russia and the Balkans»), не работал в московских архивах, которые, по его мнению, хранят документы, позволяющие «окончательно решить загадки в восточном вопросе» (стр. VIII). Полутно заметим, что эти «загадки» автор мог вполне разрешить на основе венских и лондонских архивов. Всякий, кто сколько-нибудь знаком с дипломатической перепиской, знает, что один и тот же вопрос в переговорах заинтересованных сторон более или менее одинаково освещается и документируется. Загадкой могут оставаться лишь те действия во внешнеполитических делах, ко-

торые по своему характеру являются односторонними и предвзятыми. Вот эта предвзятость, как видно из работы Раппа, более всего относилась к дипломатическим шагам Андраши, руководителя внешней политики Австро-Венгерской империи в период второго восточного кризиса.

Автор слишком раздробил свою книгу, тем самым рассредоточил внимание читателя, тогда как сокращение количества глав (V, VI, VII) только бы улучшило архитектуру книги.

Для подтверждения своих выводов в оценке внешней политики России Рапп, как Самнер и многие другие, ссылается как на «неоспоримый источник» на работу М. Н. Покровского (стр. 3, 4, 21, 124).

В книге много повторений, большое количество цитат из хорошо известных нашему читателю книг Татищева и Горянова. Достоинство книги в том, что в ней, пожалуй, впервые систематически изложена история австро-русских отношений в период второго восточного кризиса. Заслуга Раппа состоит ещё и в том, что он даёт яркую характеристику Андраши, одного из серьёзных противников русской дипломатии в 70-е годы прошлого столетия, и, наконец, советский читатель в книге Раппа найдёт весьма много ценных фактов, особенно для выяснения вопроса о возникновении, оформлении, развитии и крахе Рейхштадтского соглашения. Известно, что этот вопрос до сих пор не получил всестороннего освещения в нашей исторической литературе. Не нужно доказывать, какое значение имеет доскональное выяснение этого вопроса для понимания внешней политики России 70-х годов XIX века. Франко-прусская война внесла резкие изменения в международное положение европейских стран. В итоге, в Центральной Европе образовалась крупная военная держава — воссоединённая Германия. Отныне Франция и Россия должны

теки). Эта новая публикация рисует деятельность Арефы и Хирсфакта. Борьба Арефы и Хирсфакта проявляется как борьба аристотелизма и платонизма в византийской философии X века. Извлечённые М. А. Шангиным из той же рукописи № 315 письма Арефы политического содержания публикуются в I (XXVI) томе восстановленного «Византийского временника», находящемся в производстве. Письма Арефы юридического содержания предполагается опубликовать во II (XXVII) томе «Византийского временника», подготавливаемом к печати. Эти неизданные до сих пор документы, публикацию которых подготовил покойный М. А. Шангин, дают византистам новый ценный источник для изучения политической и культурной истории Византии X века.

В сборнике помещён, далее, небольшой этюд В. Вальденберга из истории малоизу-

ченной византийской философии — «Философские взгляды Михаила Пселла» (стр. 249—255), статьи А. В. Вишняковой «К вопросу о культуре и просвещении болгар в XIV в.» (стр. 256—259) с анализом надгробного эпитафического памятника из Дойрана, написанного на славянском и греческом языках, и М. К. Каргера «К истории византийской сфрагистики» (стр. 260—264). В конце сборника приведены библиографические обзоры: 1) Н. С. Лебедева и Ф. М. Россейкина «Издания византийских текстов в западноевропейской литературе» и 2) Ф. М. Россейкина «Византия и славяне».

Появление этого сборника, впервые после длительного перерыва объединившего работы советских византистов, нужно горячо приветствовать.

Б. Горянов

РАПП ДЖ. Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878 гг.

В книге Раппа, носящей несколько необычное название «Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878 гг.», освещаются главным образом русско-австрийские отношения в период второго восточного кризиса, второй русско-турецкой войны (1877—1878 гг.). Историческое исследование автора распадается на пятнадцать глав: 1. Основание Антанты (имеется в виду «Союз трёх императоров»). 2. Развитие кризиса 1875—1876 годов. 3. Свидание в Рейхштадте. 4. Миссия Сумарокова-Эльстона. 5. Апелляция к Германии. 6. «Невесомость Бисмарка». 7. Европа даёт косвенное предписание. 8. Будапештская конвенция. 9. Путешествие Игнатьева по Европе. 10. Начало войны на Балканах. 11. Британские планы ограничения России. 12. Позиция Андраши и падение Плевны. 13. Адрианополь и Сан-Стефано. 14. Игнатьев в Вене. 15. Крах Рейхштадтского соглашения.

В приложении даны документы об Андраши и политических партиях в Австрии. В конце книги — «избранная библиография» документальных и иных изданий по восточному вопросу (русские, британские, венские издания документов, исследования, монографии, пресса).

Автор рецензируемой книги весьма сожалеет, что он, как и Самнер (автор объёмистого исследования «Russia and the Balkans»), не работал в московских архивах, которые, по его мнению, хранят документы, позволяющие «окончательно решить загадки в восточном вопросе» (стр. VIII). Полутно заметим, что эти «загадки» автор мог вполне разрешить на основе венских и лондонских архивов. Всякий, кто сколько-нибудь знаком с дипломатической перепиской, знает, что один и тот же вопрос в переговорах заинтересованных сторон более или менее одинаково освещается и документируется. Загадкой могут оставаться лишь те действия во внешнеполитических делах, ко-

торые по своему характеру являются односторонними и предвзятыми. Вот эта предвзятость, как видно из работы Раппа, более всего относилась к дипломатическим шагам Андраши, руководителя внешней политики Австро-Венгерской империи в период второго восточного кризиса.

Автор слишком раздробил свою книгу, тем самым рассредоточил внимание читателя, тогда как сокращение количества глав (V, VI, VII) только бы улучшило архитектуру книги.

Для подтверждения своих выводов в оценке внешней политики России Рапп, как Самнер и многие другие, ссылается как на «неоспоримый источник» на работу М. Н. Покровского (стр. 3, 4, 21, 124).

В книге много повторений, большое количество цитат из хорошо известных нашему читателю книг Татищева и Горянова. Достоинство книги в том, что в ней, пожалуй, впервые систематически изложена история австро-русских отношений в период второго восточного кризиса. Заслуга Раппа состоит ещё и в том, что он даёт яркую характеристику Андраши, одного из серьёзных противников русской дипломатии в 70-е годы прошлого столетия, и, наконец, советский читатель в книге Раппа найдёт весьма много ценных фактов, особенно для выяснения вопроса о возникновении, оформлении, развитии и крахе Рейхштадтского соглашения. Известно, что этот вопрос до сих пор не получил всестороннего освещения в нашей исторической литературе. Не нужно доказывать, какое значение имеет доскональное выяснение этого вопроса для понимания внешней политики России 70-х годов XIX века. Франко-прусская война внесла резкие изменения в международное положение европейских стран. В итоге, в Центральной Европе образовалась крупная военная держава — воссоединённая Германия. Отныне Франция и Россия должны

были считаться с Германией, ставшей на путь непрерывных военных приготовлений. Отсюда постоянная напряжённость во взаимоотношениях этих стран. Быстрое развитие тяжёлой промышленности в Германии рождало тревогу как во Франции, так и в России. Германия была недовольна активным вмешательством Горчакова во франко-германский конфликт 1874—1875 годов. Бисмарк затаил злобу против Горчакова за то, что последний предотвратил войну между Германией и Францией в 1875 году. К тому же Бисмарк побаивался ещё реванша и со стороны Австрии, которая теперь составляла часть единой так называемой Дунайской монархии. Андраши играл крупную роль в делах Дунайской монархии после Седана, был тесно связан с мадьярской земельной аристократией и промышленниками Австро-Венгрии. Будучи германофилом, он возглавлял наиболее агрессивные группы и стремился к тесному союзу с германскими военными кругами.

В своих средствах и приёмах он был бесцеремонен, так же как и Бисмарк и Дизраэли. Однажды на вопрос своего собеседника, что он, Андраши, любит в искусстве, последний ответил: «То, что не претит в политике». Близко соприкасавшиеся с ним люди называли его «реалистом без порядочности», «макиавеллистом». Видя, что Бисмарк озабочен французским и русским вопросами, Андраши усиливал своё влияние на Балканах, терпеливо ожидая удобного момента для выступления против России.

В первых двух главах Рапп подробно описывает экономическое и политическое положение Австро-Венгрии и России, приводя при этом интересные данные о роли банков и промышленных компаний в выработке внешнеполитического и внутриполитического курсов.

По мнению Раппа, бурный рост железнодорожного строительства в Австрии и в России в 1860—1875 гг., рост промышленных компаний, банков неизбежно толкал «новые экономические круги» Австро-Венгрии и России на Балканы. Кроме того Австрия «желала уравновесить потерю Ломбардии, Венеции, Южной Германии балканскими территориями».

Аграрные круги Австро-Венгрии настаивали на том, чтобы дорога на Салоники была открыта для Дунайской империи (стр. 31). Андраши говорил по этому поводу: «Мы хотим завоевать Восток мирными средствами, без войны» (We want to conquer the East by peaceful means, not by war). Он стремился не только к политической гегемонии, но и к экономическому господству Австро-Венгрии на Балканах. Для этой цели он желал сохранения Турецкой империи. Одного опасался Андраши — это увеличения славянского населения в Австро-Венгрии. Он ревниво оберегал интересы мадьярской нации от «славянского наводнения» (стр. 37), и тевтонские элементы всегда были заодно с Андраши, против славян.

Выступая с планами экономической экспансии на Балканах, Андраши неизменно полагал, что от балканской проблемы зависят «жизнь и смерть как австро-венгерской монархии, так и венгерской нации» (стр. 37).

Рапп приходит к выводу, что «балканская проблема по своему характеру была всегда австро-венгерской проблемой, тесно связанной с жизнью и смертью дуалистической монархии» (стр. 17). Андраши, руководивший австро-венгерской внешней политикой, ревностно отстаивал этот принцип, который исключал внешнеполитические планы царской России на Балканах.

Игнатъев своими панславистскими планами добивался установления на Балканах прежде всего политической гегемонии России, превращения балканских славян «в аванпост России на Востоке». Константинополь представлялся городом будущего, центром славянских государств. Такова была программа воинствующей панславистской группы, окружавшей Александра II.

Представителем так называемой умеренной либеральной группы был канцлер Горчаков, который считал, что Россия должна стремиться к тому, чтобы договориться с Турцией и Австро-Венгрией о разделе сфер влияния на Балканах. «Настоящая политика России в восточном вопросе должна состоять не в ускорении разрушения, а в спокойном выжидании. Россия призвана не уничтожить Турцию односторонним действием, а помогать зреющим племенам всякий раз, как позволяют время и обстоятельства»¹.

Игнатъев был, пишет Рапп, в «энергичной оппозиции к политике Горчакова» и шёл напролом. Отсюда и резкость в отношениях между Австро-Венгрией и Россией в вопросе о Балканах. Игнатъев считал, что разрешение балканского вопроса невозможно без борьбы с Австро-Венгрией, ибо, по его мнению, Дунайская монархия стремится сделать Вену центром «славяно-католической федерации», что означало бы конец русскому влиянию.

Игнатъев был враждебно настроен к Андраши. Последний являлся в свою очередь ярким противником Игнатъева и неоднократно давал знать в Петербург о том, что критерием искренности, дружественных отношений между Австро-Венгрией и Россией явится отзыв Игнатъева из Стамбула, где он занимал пост посла. Но этой дружбы не было и не могло быть, особенно в период восстаний славянских народов против варварского гнёта султанской Турции.

«На восстания славян Балканского полуострова, — пишет Рапп, — конечно, оказывали своё влияние интриги и махинации крупных европейских держав, но несмотря

¹ Архив внешней политики (АВП). Министерство иностранных дел, секретный фонд, дело № 54—55. Бумаги А. М. Горчакова, л. 29.

на это восстания были народными движениями».

Австро-Венгрия и Россия по-своему и в своих интересах использовали эти движения. В 1875—1876 гг. восточный кризис шёл по восходящей линии. Недаром Балканы уже тогда именовали вулканом, а Боснию и Герцеговину — кратером. Сербь и черногорцы угрожали своей борьбой господству Турции на Балканах. Подрывались устои абсолютистских варварских учреждений султанской Турции. Это беспокоило Андраши. Начиная с 1875 г., пишет Рапп, Андраши только и был занят тем, чтобы подавить славянские движения, предотвратить русское влияние на Балканах и установить экономическую гегемонию Австро-Венгрии вплоть до Константинополя. Игнатьев требовал немедленного отпора Андраши, но Александр II принял точку зрения Горчакова, предложившего во избежание войны заключить сделку с Австро-Венгрией, каковая и состоялась 8 июля 1876 г. в рейхштадтском замке в Богемии.

Рапп до мельчайших подробностей описывает это одно из самых коротких, продолжавшееся только несколько часов, и самых таинственных свиданий Александра II и Горчакова, с одной стороны, Франца-Иосифа и Андраши — с другой, на котором имел место «основательный обмен мыслями» (а *fundamental exchange of ideas*) (стр. 137). Свидание в Рейхштадте носило необычный характер. Переговоры по сокровенным вопросам не были оформлены однотипным дипломатическим документом. Сохранились две параллельные записи: Андраши и Горчакова. Эти записи не совпадают одна с другой в такой же мере, как не совпадали точки зрения России и Австро-Венгрии на балканскую проблему и Константинополь. Горчаков настаивал на требовании независимости Болгарии, Андраши ограничивался автономией. Андраши сознательно не упоминал о Герцеговине как территории, будущее которой связано с судьбами Австро-венгерской монархии. В обеих записях было сформулировано решение «придерживаться принципа невмешательства, сохраняя за собой право сговориться впоследствии, если того потребуют обстоятельства». О Боснии и Герцеговине было записано, что державы будут настаивать в Константинополе на том, чтобы они получили устройство, основанное на делеше Андраши от 30 декабря 1875 года. Затем обе стороны в весьма общей и туманной формулировке соглашались «не оказывать содействия образованию большого славянского государства». Предусматривалось «вернуть России часть Бессарабии, уступленной согласно трактату 1856 года». И в заключение стороны решили, что «Константинополь мог бы стать вольным городом».

Рапп пишет, что Рейхштадтское соглашение отражало недоговорённость между Россией и Австро-Венгрией по целому ряду крупных вопросов и что эта недогово-

рённость дала себя знать немедленно после заключения этого соглашения.

Рапп воспроизвёл следующий разговор между Андраши и Горчаковым во время рейхштадтского свидания: «Мой князь, прежде всего я хочу Вам поставить вопрос о решающем: хотите ли Вы Константинополь?» Горчаков, поражённый этим неожиданно поставленным вопросом, к ответу на который он не был подготовлен, ответил следующей короткой фразой: «Да нет». На что Андраши быстро заметил: «Слава богу, так как иначе была бы у нас война» (стр. 138).

Следовательно, Рейхштадтское соглашение было вынужденным, ибо Горчаков знал, что Россия не подготовлена к большой войне. Тяжёлое внутреннее состояние России с её острыми противоречиями заставило русскую дипломатию ограничиться полумерами, сделкой.

Жомини, правая рука Горчакова по министерству иностранных дел, заметил по этому поводу в одном из своих писем: «Мне остаётся сказать Вам лишь одну вещь. Мы глубоко убеждены в нашей полной неспособности разрешить гигантскую задачу, раскрывающуюся перед нами подобно пропасти; мы уверены, что она поглотит без какой-либо пользы для нас представителей самой чистой русской крови и что она нас обессилит. Мы молим бога, чтобы мы не были вынуждены выпить чашу до дна»¹.

Новиков, русский посол в Вене, совершенно откровенно называл панславистские и иные притязания на Константинополь хищниками. «Не напоминайте мне, — с горечью замечал он, — моих «заблуждений молодости».

Враждебность к России Австро-Венгрии, Германии, Англии и султанской Турции была очевидна. Горчаков видел опасность, угрожавшую России, но не в силах был предотвратить её. Военная панславистская партия Игнатьева бряцала оружием, а это было только наруку врагам России, желавшим её ослабления. Вынуждаемый обстоятельствами, Горчаков шёл на сделку с Андраши, зная при этом, что последний в своих враждебных действиях против России связан с Бисмарком и Дизраэли. «Я не желаю прорыва в наших дружеских сношениях с Гр. Андраши; слишком многие ищут пробить в них брешь. Они в особенности выгодны Австрии, и их звеном служит Андраши», — писал Горчаков Убри в 1876 году.

Андраши стремился при помощи России усилить влияние Австро-Венгрии на Балканах. Горчаков на временную сделку с Австро-Венгрией смотрел реалистически. «Не со вчерашнего дня пришёл я к убеждению, — писал он Новикову, — что нам должно рассчитывать лишь на самих себя, делая, однако, вид, что мы верим всем изъяснениям, которые нам расточа-

¹ Moschiller M. «L'Europe devant Constantinople», p. 32. Paris. 1916.

от. Это относится отчасти к Берлину, но преимущественно к Вене».

Исходя из необходимости избежать войны, Горчаков идёт на вторую сделку с Австро-Венгрией, которая и была оформлена в Будапештской конвенции 3 (15) марта 1877 года. Эта конвенция по своему содержанию являлась продолжением Рейхштадтского соглашения. В случае распада Османской империи договаривающиеся стороны согласились на следующем: Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину, Россия получает часть Бессарабии, Батум и территорию в Азии, равную пространствам Боснии и Герцеговины. Австро-Венгрия, на случай войны России с Турцией, давала торжественное обязательство поддерживать доброжелательный нейтралитет (см. гл. VIII — «Framing the Budapest Convention») ¹.

¹ Недавно обнаруженные мною в архиве внешней политики личные документы Горчакова дают возможность точно установить уступки русской дипломатии в балканском вопросе. Горчаков говорит по поводу Боснии и Герцеговины: «Минимум того, что мы должны требовать, это автономия административная, местная. Ибо события так складывались, что нужно было любой ценой обеспечить правый фланг русской армии в предстоящей войне с Турцией» (АВП, Министерство иностранных дел, секретный фонд, д. № 54—55, л. 15).

Когда русская армия вступила на Балканы, взяла Плевну, Андраши устроил туркофильские демонстрации в Будапеште.

Более того: он настаивал на объявлении войны России. И это несмотря на то, как замечает Рапп, что конвенция была куплена Россией «крайней ценой» (the extreme price).

Для обеспечения своего правого фланга Россия принесла в жертву Австро-Венгрии Герцеговину — «знаменосца антитурецкого движения».

На Берлинском конгрессе Андраши полностью поддерживал Бисмарка. Австро-Венгрия шаг за шагом соединялась с Германией, «играя второстепенную роль при доминирующем значении Германии» (стр. 519). Австро-Венгрия тесно связала свою судьбу с Германией. Центр тяжести внешней политики Австро-Венгерской империи переносился на Балканы, где для неё открывался путь экономического и политического проникновения на Восток. Политика венгерской земельной аристократии, промышленных магнатов, тевтонской военщины превратила Австро-Венгрию «в авангард германских интересов».

Книга Раппа заканчивается фразой австрийского эрцгерцога Альбрехта: «После Берлинского конгресса дружба Австрии с Россией оказалась уже в прошлом, по крайней мере для нашего поколения» (at least for our lifetime) (стр. 535).

История дальнейшего развития германского империализма со всей очевидностью показала губительные последствия австро-германского альянса прежде всего для самой Австрии.

Проф. С. Бушув

Новые работы по исторической картографии США

Atlas of American History. James Truslow Adams, editor in chief R. V. Coleman, managing editor. New York. 1943. *Historical Atlas of the United States* by Clifford L. Lord and Elizabeth Lord. New York. 1944.

В мировой научной исторической картографии за последние десятилетия наметились два основных направления. Представители первого из этих направлений, возникшего ещё в самом конце XIX в., обрабатывая с большой тщательностью актовый материал, стараются локализовать на географической карте, по возможности, даже наиболее мелкие населённые пункты прошлого и другие места, имеющие хотя бы минимальное историческое значение, а также границы древних административных и церковных единиц.

Первыми историческими атласами этого рода были «Geschichtlicher Atlas der Rheinprovinz» Фабрициуса, выходявший отдельными листами с 1895 г., и «Historischer Atlas der österreichischen Alpenländer» Рихтера (1906).

Характерной чертой атласов второго направления является стремление их авторов, не ограничиваясь только локализацией на карте географических названий прошлого и картами политической и военной истории,

также картографически отразить в атласах кроме того и явления социально-экономической истории и истории духовной культуры.

Это второе направление исторической картографии появляется только после первой мировой войны. Первым атласом этого рода можно считать «Geschichtlicher Atlas von Rheinprovinz», изданный в 1926 г. под редакцией Аубина (Aubin). Именно к этому направлению принадлежит фундаментальный академический атлас по истории США, составленный при участии многочисленных сотрудников Ч. О. Поллином (Charles O. Paulin) по заданию исторического отдела Института имени Карнеги в Вашингтоне (Carnegie Institution of Washington) и Нью-Йоркского географического общества, т. е. крупнейших научно-исследовательских организаций США в области истории и географии.

Составление атласа потребовало более пятнадцати лет труда. Атлас вышел в свет в 1932 г. под заглавием «Atlas of the Historical Geography of the United States, by

от. Это относится отчасти к Берлину, но преимущественно к Вене».

Исходя из необходимости избежать войны, Горчаков идёт на вторую сделку с Австро-Венгрией, которая и была оформлена в Будапештской конвенции 3 (15) марта 1877 года. Эта конвенция по своему содержанию являлась продолжением Рейхштадтского соглашения. В случае распада Османской империи договаривающиеся стороны согласились на следующем: Австро-Венгрия аннексирует Боснию и Герцеговину, Россия получает часть Бессарабии, Батум и территорию в Азии, равную пространствам Боснии и Герцеговины. Австро-Венгрия, на случай войны России с Турцией, давала торжественное обязательство поддерживать доброжелательный нейтралитет (см. гл. VIII — «Framing the Budapest Convention») ¹.

¹ Недавно обнаруженные мною в архиве внешней политики личные документы Горчакова дают возможность точно установить уступки русской дипломатии в балканском вопросе. Горчаков говорит по поводу Боснии и Герцеговины: «Минимум того, что мы должны требовать, это автономия административная, местная. Ибо события так складывались, что нужно было любой ценой обеспечить правый фланг русской армии в предстоящей войне с Турцией» (АВП, Министерство иностранных дел, секретный фонд, д. № 54—55, л. 15).

Когда русская армия вступила на Балканы, взяла Плевну, Андраши устроил туркофильские демонстрации в Будапеште.

Более того: он настаивал на объявлении войны России. И это несмотря на то, как замечает Рапп, что конвенция была куплена Россией «крайней ценой» (the extreme price).

Для обеспечения своего правого фланга Россия принесла в жертву Австро-Венгрии Герцеговину — «знаменосца антитурецкого движения».

На Берлинском конгрессе Андраши полностью поддерживал Бисмарка. Австро-Венгрия шаг за шагом соединялась с Германией, «играя второстепенную роль при доминирующем значении Германии» (стр. 519). Австро-Венгрия тесно связала свою судьбу с Германией. Центр тяжести внешней политики Австро-Венгерской империи переносился на Балканы, где для неё открывался путь экономического и политического проникновения на Восток. Политика венгерской земельной аристократии, промышленных магнатов, тевтонской военщины превратила Австро-Венгрию «в авангард германских интересов».

Книга Раппа заканчивается фразой австрийского эрцгерцога Альбрехта: «После Берлинского конгресса дружба Австрии с Россией оказалась уже в прошлом, по крайней мере для нашего поколения» (at least for our lifetime) (стр. 535).

История дальнейшего развития германского империализма со всей очевидностью показала губительные последствия австро-германского альянса прежде всего для самой Австрии.

Проф. С. Бушув

Новые работы по исторической картографии США

Atlas of American History. James Truslow Adams, editor in chief R. V. Coleman, managing editor. New York. 1943. *Historical Atlas of the United States* by Clifford L. Lord and Elizabeth Lord. New York. 1944.

В мировой научной исторической картографии за последние десятилетия наметились два основных направления. Представители первого из этих направлений, возникшего ещё в самом конце XIX в., обрабатывая с большой тщательностью актовый материал, стараются локализовать на географической карте, по возможности, даже наиболее мелкие населённые пункты прошлого и другие места, имеющие хотя бы минимальное историческое значение, а также границы древних административных и церковных единиц.

Первыми историческими атласами этого рода были «Geschichtlicher Atlas der Rheinprovinz» Фабрициуса, выходявший отдельными листами с 1895 г., и «Historischer Atlas der österreichischen Alpenländer» Рихтера (1906).

Характерной чертой атласов второго направления является стремление их авторов, не ограничиваясь только локализацией на карте географических названий прошлого и картами политической и военной истории,

также картографически отразить в атласах кроме того и явления социально-экономической истории и истории духовной культуры.

Это второе направление исторической картографии появляется только после первой мировой войны. Первым атласом этого рода можно считать «Geschichtlicher Atlas von Rheinprovinz», изданный в 1926 г. под редакцией Аубина (Aubin). Именно к этому направлению принадлежит фундаментальный академический атлас по истории США, составленный при участии многочисленных сотрудников Ч. О. Поллином (Charles O. Paulin) по заданию исторического отдела Института имени Карнеги в Вашингтоне (Carnegie Institution of Washington) и Нью-Йоркского географического общества, т. е. крупнейших научно-исследовательских организаций США в области истории и географии.

Составление атласа потребовало более пятнадцати лет труда. Атлас вышел в свет в 1932 г. под заглавием «Atlas of the Historical Geography of the United States, by

Charles O. Paullin, Carnegie Institution of Washington. Edited by John K. Wright, Librarian American Geographical Society of New York. Published jointly by Carnegie Institution of Washington and the American Geographical Society of New York». Как справедливо сказано во введении к атласу, это первый большой исторический атлас США и, вероятно, наиболее крупный по объёму, из числа атласов, посвящённых истории какой-либо одной страны. В этом атласе число карт и картограмм, посвящённых истории исследования и освоения страны, истории населения и народного хозяйства США, истории народного образования и другим подобным проблемам, значительно больше, чем число карт политической и военной истории.

Новый академического типа атлас по истории США—«Atlas of American History»—под общей редакцией Дж. Т. Адамса вышел в свет в 1943 году. Над атласом работали 64 историка в течение двух лет.

В предисловии редакция подчёркивает, что каждая карта и вся работа в целом потребовали огромного количества внимательного и терпеливого труда. Атлас составлен в качестве приложения к пятитомному «Словарию американской истории», изданному под редакцией того же Дж. Т. Адамса¹. В коллективе историков, составивших «Словарь», возникла и самая идея издания данного исторического атласа.

Карты атласа отличаются большой детальностью, показом исторических подробностей, могущих конкретизировать для историка географическую сторону отображаемого на данной карте исторического факта. В качестве примера можно привести карту № 14—«Plymouth Plantation 1620—1630». Здесь показано не только самое поселение так называемых «отцов пилигримов», но и путь, каким приехал и двигался вдоль побережья их корабль «Майский цветок», по каким маршрутам производилось обследование местности, где впервые произошла встреча с индейцами, где были расположены деревни последних и как они назывались и т. д. По содержанию карты атласа могут быть разделены на несколько групп.

Ряд карт посвящён отдельным поселениям или группам поселений в ту или иную эпоху, например Джемстаун в 1607—1619 гг., Детройт, в 1763—1764 гг., Новый Орлеан в 1764 г., Бостон в 1775—1776 годах. Другая группа карт показывает состояние в определённый период отдельных колоний—будущих штатов, например Пенсильвания в 1681—1740 гг., Джорджия в 1732—1755 гг., или отдельных территорий до их приёма в число штатов, например территория Мичиган в 1805—1837 годах.

Много карт являются изображением отдельных местностей, иногда небольших по пространству, а иногда очень крупных, например район Великих озёр в 1688—1753 гг., Новые Нидерланды в 1614—1661 гг., Фран-

цузская Луизиана в 1699—1763 гг., район Верхнего Огайо в 1753—1759 гг., район Красной реки в 1865—1885 годах.

Большое внимание уделено в атласе путям, по которым осуществлялось первоначальное ознакомление с внутренними частями страны и продвижение колонистов в глубь материка.

Несколько карт иллюстрируют продвижение на запад политической границы США и связанные с этим договоры с соседями о границах, например «Покупка Луизианы и Замиссисипский запад в 1803—1817 гг.» или «Договоры о границах и продвижение на запад в 1818—1836 гг.».

Ряд карт посвящён войнам с индейцами, войне за независимость, войне с Англией 1812—1814 гг. и гражданской войне 1861—1865 годов. На этих картах обычно изображены театры военных действий.

Проблемам истории народного хозяйства в атласе уделено мало внимания. Из 147 карт атласа 81 карта посвящена периоду до 1783 г., 54 карты относятся к 1783—1865 гг. и только 11 карт—ко времени после окончания гражданской войны. Таким образом, в противоположность атласу Ч. О. Поллина данный атлас посвящён по преимуществу более отдалённым временам американской истории.

Как видно из сделанного мною краткого обзора содержания атласа Дж. Т. Адамса, он гораздо уже по содержанию, чем атлас Ч. О. Поллина. Но зато по картам этого атласа можно в деталях проследить процесс формирования территории отдельных штатов и территории США в целом. Его карты хороши также для справок при чтении литературы по истории США: географические названия, связанные с событиями американской истории, помещены на картах атласа.

Вышедший из печати в 1945 г. в США новый учебный атлас Клиффорда и Елизаветы Лорд посвящён в целом исторической географии Соединённых Штатов и резко отличается по содержанию от традиционных учебных атласов. По тематике карт новый учебный атлас похож на «Atlas of the Historical Geography of the United States», который во многих случаях авторы используют как источник. Сами авторы в предисловии подчёркивают эту особенность своего труда, объясняя своё нововведение усилением в течение последних десятилетий изучения в американских учебных заведениях социально-экономической истории.

По формату и по числу карт (312) атлас является довольно большим для учебного исторического атласа. Он делится на пять отделов. 19 карт первого отдела являются, так сказать, введением к последующим историческим картам. Здесь помещены карты, характеризующие природные условия США, а также карта первоначального расселения индейских племён.

Второй отдел посвящён колониальному периоду американской истории. В нём 26 карт. Третий отдел, насчитывающий уже 119 карт, охватывает 1775—1865 годы. Четвёртый, самый обширный отдел атласа отведён периоду 1865—1941 годов. В нём 140 карт. Последний, пятый отдел—самый маленький—

¹ О словарях по истории США см. мою статью «Развитие исторической науки в США» («Исторический журнал» № 12 за 1944 г.).

Его задача — показать роль современных США в мировом хозяйстве.

Остановимся кратко на содержании карт, посвящённых первому и последнему периодам истории США. Из 26 карт по истории колониального периода 15 являются картами политическими; 2 карты показывают пути великих путешественников 1492—1600 гг., а также испанскую экспансию в Центральной Америке и на Антильских островах; одна карта показывает расселение на атлантическом побережье англичан, шотландцев, голландцев и немцев; 4 карты показывают географию народного хозяйства колоний в XVIII в. (география промышленности в 1775 г., сельскохозяйственные районы в 1700 и 1775 гг. и пути внешней торговли); одна карта показывает географические различия по имущественному цензу, обладание которым давало право на участие в выборах в 1775 г.; одна карта показывает географическое размещение колледжей в 1775 г., и две карты дают географию газет в 1725 и 1775 годах.

В данном отделе, как это видно из приведённых данных, преобладают политические карты. Иначе обстоит дело с картами, относящимися к периоду 1865—1941 годов. Здесь преобладают карты по истории населения, народного хозяйства и культуры. Мы найдём в этом отделе и картограммы роста арендных отношений в сельском хозяйстве (по штатам), и сдвиги в географии промыш-

ленности с 1900 по 1940 г., и карты линий высокого напряжения в 1923 и 1935 г., и картограммы ограничения детского труда и рабочего дня взрослых с 1880 по 1930 г. (по штатам), и много других данных из исторической географии США. Но что чрезвычайно характерно: мы не найдём ни одной карты рабочего движения.

В качестве приложения к атласу даны несколько статистических таблиц. Приведены цифры населения по штатам, по каждой переписи с 1790 по 1940 г., цифры голосов, поданных по каждому штату на президентских выборах, цифры иммигрантов за 1831—1940 гг. по странам выхода (по десятилетиям), данные по внешней торговле за 1800—1938 гг. и по динамике железнодорожной сети.

Вполне удачной надо признать мысль изображать рельеф местности на картах движения войск, гужевых и железных дорог, каналов и т. д. Это чётко сделано и чрезвычайно повышает наглядность восприятия.

Перед историками СССР стоит сложная задача — создания большого академического атласа по истории нашей страны. Нужны нам и учебные атласы, роль которых у нас в данное время играют картографические приложения к учебникам.

В этой работе нам надо учесть опыт как Западной Европы, так и США.

В. Яцунский

ХРОНИКА

Институт истории Академии наук СССР в 1945 году

Первый мирный год сказался в жизни института естественным оживлением и дальнейшим развёртыванием научной работы. В истекшем году в институте было завершено около 40 научных работ и столько же примерно работ находилось в стадии разработки; на заседаниях Учёного совета института, его секторов, групп заслушано и обсуждено более 300 научных докладов; в издательствах находится до 30 монографий, коллективных работ, сборников; в стенах института состоялся ряд встреч с историками зарубежных стран, и совершены поездки работников института в Польшу, Болгарию, Чехословакию и т. д. В истекшем году было уточнено направление дальнейшей работы института. В конце 1944 г. президиум Академии наук утвердил перечень основных проблем в области исторических наук, подлежащих первоочередному изучению (см. «Исторический журнал» № 3 за 1945 г.). На основании этого перечня и был построен план исследовательских работ института на 1945 год. Уточнённый при дополнительных обсуждениях, этот перечень в более широких масштабах был использован при составлении пятилетнего плана института (1946—1950 гг.).

В области истории СССР в 1945 г. наиболее значительные работы велись по вопросам этногенеза народов СССР, истории общественных классов, истории городов, истории русской общественной мысли и культуры, истории государства и внешних отношений, истории советского общественного и государственного строя, истории русской армии и истории отдельных народов СССР.

По первому разделу членом-корреспондентом А. Д. Удадьцовым завершена работа «Древнейшее население Восточной Европы и происхождение славян». На основании археологических и письменных источников автор выяснил этнический состав населения Восточной Европы с древнейших времён и процесс происхождения славянства как результат скрещивания автохтонных племён этой территории.

Сложность изучения вопросов этногенеза вызывает необходимость разрешить их совместными усилиями работников Института истории, Института истории материальной культуры, Института этнографии и других научных учреждений Академии наук. В этом направлении и организуется в настоящее время работа по изучению происхождения

ряда народов СССР. В ближайшее время состоится обсуждение вопроса о происхождении татарского народа, намечено обсуждение вопроса о происхождении башкирского народа и т. д.

По разделу истории общественных классов академик Б. Д. Греков закончил исследование на тему «Крестьяне на Руси». Впервые после одноимённой работы И. Д. Беляева, вышедшей в свет в 1860 г., появляется обобщённый труд, в котором подведены итоги достижений русской исторической науки по одному из коренных вопросов истории страны в период феодализма. Огромный хронологический (с Киевского периода до завершения процесса закрепощения) и территориальный (Северовосточная Русь, Южная и Западная) материал позволил исследователю широко и полно изобразить общую картину изменений в положении земледельцев, по-новому поставить и решить целый ряд частных проблем.

Специальная группа по истории крестьянства объединяла усилия русских и всеобщих историков. На заседаниях группы были заслушаны и обсуждены доклады по истории крестьянства России, Запада и Востока (Иран, Индия, Япония и Китай). С докладами выступили академики Б. Д. Греков, Р. Ю. Виппер, члены-корреспонденты Е. А. Косминский, С. Д. Сказкин, А. И. Яковлев, С. Б. Веселовский, старшие научные сотрудники В. М. Лавровский, Н. В. Пигулевская и др. Подготавливаемый к печати сборник докладов этой группы позволит вести сравнительное изучение судеб крестьянства различных стран в эпоху феодализма. Наряду с конкретно-историческими сборник будет содержать статьи общего методологического порядка.

Положение крестьян в России в более позднее время было освещено в докладе проф. Н. Н. Першина «Крестьяне в первой русской революции», сделанном на сессии Учёного совета, посвящённой 40-летию революции 1905 года.

По этому же разделу истории общественных классов России продолжает вести свою работу член-корреспондент А. М. Панкратова по теме «История рабочего класса в России».

В области истории городов усилия института были сосредоточены на создании многотомной истории Москвы. Коллектив авторов в составе члена-корреспондента С. В. Бахрушина, члена-корреспондента С. К.

Богоявленского, проф. М. Н. Тихомирова, проф. К. В. Базилевича и др. закончил работу по I тому, охватывающему период от возникновения города до начала XVIII века. На основе литературы и новых архивных материалов в I томе показан рост Москвы как экономического, политического, военного и культурного центра страны до момента перенесения столицы в Петербург. Книга выходит в свет под редакцией члена-корреспондента С. В. Бахрушина. Ближе к окончанию работы по II (XVIII в.), III (XIX в.) и IV (1894—1917 гг.) томам. Институт предполагает выпустить в свет все четыре тома к юбилею столицы (1947 г.). Остальные тома выйдут позднее.

Коллективом сотрудников Ленинградского отделения института подготовлен очерк «Петровский Петербург». По частным вопросам общей проблемы развития русского города закончена работа К. Н. Сербининой на тему «Монастырский посад XVII века», членом-корреспондентом С. К. Богоявленским закончена I-я часть монографии «О Московской мещанской слободе», сдал в издательство книгу проф. П. П. Смирнов «Посадские люди в XVII веке».

По разделу истории русской общественной мысли и культуры в 1945 г. институт закончил редактирование составленного в предшествующий год тома «Истории русской культуры», охватывающего период от Киевского государства до конца XIX века. Вопросы истории русской культуры заняли также значительное место в многотомной «Истории Москвы» и в кратком очерке истории «Петровского Петербурга». В связи с 220-летним юбилеем Академии наук был поставлен ряд докладов: академика Б. Д. Грекова «Историческая наука в Академии наук за 220 лет», доктора исторических наук А. И. Андреева «Основание Петром I Академии наук» и «Русские экспедиции на Восток в 1714—1735 гг.», доктора исторических наук И. И. Любименко «Основание Академии наук». По истории русской общественной мысли закончила своё исследование доктор исторических наук М. В. Нечкина на тему «Грибоедов и декабристы», часть этой работы опубликована в 1945 г. под названием «Следственное дело о Грибоедове».

При разработке вопросов истории Русского государства и внешних отношений России центральное внимание было уделено проблеме образования Русского национального государства. Из трудов, завершённых в 1945 г., следует отметить работу члена-корреспондента С. Б. Веселовского, неутомимо отыскивающего новые источники в областях, казалось бы, уже давно исследованных с этой стороны, и подвергающего новому анализу уже известные источники. С. Б. Веселовский дал в 1945 г. ряд этюдов о деятельности Ивана IV по созданию централизованного государства. Вопросы внешнеполитической истории России заняли значительное место в работах Петровской группы. Были заслушаны специальные доклады С. А. Фейгиной «Алланский конгресс» (докладчица познакомила слушате-

лей с частью завершаемой в 1946 г. большой работы автора на ту же тему) и Крыловой Т. Г. «Дипломатическая подготовка вступления русской армии в Померанию в 1711 г.»; Т. К. Крылова работает над монографией на тему «Внешняя политика Петра I». В 1945 г. выпущена в свет работа проф. Б. В. Кафенгауза «Северная война и Ништадтский мир». Академик Е. В. Тарле вёл работу о внешней политике при Екатерине II.

При разработке вопросов советского периода основное внимание в 1945 г. было уделено истории коллективизации сельского хозяйства СССР. Коллектив сотрудников под руководством члена-корреспондента А. М. Панкратовой закончил работу над первым томом. В книге освещены вопросы: аграрные отношения и пути борьбы крестьянства за землю до 1917 г.; борьба за землю и за власть Советов в условиях перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую; уничтожение частной собственности на землю Великой Октябрьской социалистической революцией; роль комитетов бедноты в переходе к общественным формам хозяйства; вовлечение середняка в социалистическое строительство и меры перехода к социалистическому земледелию; колхозы в период гражданской войны, правовое положение колхозов с октября 1917 г. по 1920 г.; борьба советского государства за подъём сельского хозяйства.

Исследованию вопросов претворения в жизнь национальной политики ВКП(б) в конкретных условиях Казахстана в 1925—1929 гг. посвящена работа старшего научного сотрудника А. П. Кучкина «Казахстан в период индустриализации 1925—1929 г.»; старший научный сотрудник Д. А. Баевский исследовал историю хозяйственной политики советской власти и перестройки хозяйственной жизни Советской России на военный лад в период гражданской войны (монография «Советское государство и оборона страны в 1918—1920 гг.»). Вопросами истории Великой Отечественной войны занималась Комиссия по истории Великой Отечественной войны, включённая в состав института только в декабре 1945 года.

В докладе директора института акад. Б. Д. Грекова на Учёном совете на тему «Основные вопросы истории народов СССР» и в процессе его обсуждения были рассмотрены ошибки, допущенные в работах по истории Казахстана, Башкирии и Татарии, вскрытые в постановлении ЦК ВКП(б) и в рецензии в журнале «Большевик» на «Историю Казахской ССР», и определена дальнейшая работа института по разработке вопросов истории отдельных народов СССР. Институт осуществлял и осуществляет эту задачу совместно с научными силами соответствующих республик Союза. В 1945 г. закончены переработка и подготовка нового издания «Истории Казахской ССР». Работа велась под руководством члена-корреспондента А. М. Панкратовой и при участии сотрудников института проф. Н. М. Дружини-

на, В. П. Вяткина, А. П. Кучкина и ряда научных работников Казахстана. Начала работу комиссия по подготовке к печати очерков по истории Башкирии, объединяющая научные силы Москвы и Башкирской АССР (председатель — В. И. Лебедев), и продолжала работу комиссия по оказанию помощи местному институту в написании истории Татарской АССР (председатель — А. П. Кучкин). Из монографических работ этого направления Я. Я. Зутис закончил в 1945 г. исследование «Остзейский вопрос», посвятив его истории народов Латвийской ССР и Эстонской ССР. Я. П. Крастынь закончил первую часть своего исследования «1905 год в Латвии». Начаты также работы по написанию истории коми и других народов СССР.

Активно работал в 1945 г. военно-исторический сектор института. В основном он занимался историей русской армии и флота и русского военного искусства второй половины XVIII и XIX веков. Сектор совместно с ГАУ НКВД подготовил и выпустил в свет сборник документов «Адмирал Н. С. Нахимов», подготовил к изданию сборник документов об адмирале В. А. Корнилове и в основном закончил подбор материалов для двухтомного сборника о деятельности адмирала Ушакова.

В работах института по всемирной истории центральное внимание было уделено изучению второй мировой войны. В 1945 г. институт закончил в этой области две работы. Академик А. М. Деборин написал «Историю идеологии германского империализма». В этом исследовании автор вскрывает идеологические корни фашизма, начиная с немецкого классического идеализма, и показывает, как с развитием империализма националистическая идеология немцев постепенно принимает форму расизма, который с приходом к власти гитлеровцев пробуждает и культивирует звериные инстинкты, подготавливая развязывание войны за мировое господство и уничтожение и порабощение других народов. Закончена также коллективная работа «История второй мировой войны», том I (1939—1941 гг.). Работа прослеживает нарастание противоречий между странами, экономическую, военную и дипломатическую подготовку войны, определяет её характер и показывает борьбу СССР за коллективную безопасность и отношение других держав к этой политике Советского Союза. Работа выполнялась под руководством академика А. М. Деборина.

В области изучения истории отдельных народов и государств на первое место нужно поставить работы по истории славянских народов. Член-корреспондент В. И. Пичета продолжал работу над последней частью своего исследования по истории Польши (2-я половина XIX—XX в.). Под его же руководством составлен «Славянский сборник I» со статьями академика Б. Д. Грекова, покойного академика Ю. В. Готье, проф. З. Р. Нееллы, члена-корреспондента В. И. Пичеты и др. (по отдельным вопросам истории славянских стран). В 1945 г. вышла в

свет работа акад. Н. С. Державина «История Болгарии».

Деятельно работала группа по истории Византии, подготовившая к изданию «Византийский временник» и выпустившая в 1945 г. в свет «Византийский сборник». Работа советских византистов привлекает усиленное внимание зарубежных историков, привыкших видеть в России научный центр византиноведения. Работа группы ведётся в двух направлениях. Помимо новых исследований группа готовит к печати наследия наших прежних византистов. В 1945 г. были подготовлены не опубликованные в своё время работы акад. Успенского, велась работа над незавершённым трудом Безескула.

В 1945 г. закончен ряд монографических исследований по всемирной истории. Это — работы члена-корреспондента Е. А. Косминского «Исследование по аграрной истории средневековой Англии», старшего научного сотрудника В. М. Лавровского «К истории английского манора XVI—XVII вв.», проф. А. И. Неусыхина «Понятие о свободе в Варварских Правдах», старшего научного сотрудника М. М. Смирнова «Томас Мюнцер и левое крыло реформации в Германии».

Из не завершённых в 1945 г. следует отметить большую группу монографий по истории международных отношений (А. С. Ерусалимский «История внешней политики германского империализма», Б. Е. Штейн «История Лиги наций», Л. И. Зубок «Внешняя политика США в 1919—1941 гг.», Э. А. Желубовская «Франко-прусская война 1870—1871 гг.», Б. Ф. Поршнева «Тридцатилетняя война и Вестфальский мир» и др.); по истории античного Причерноморья и большой коллективный труд «Революция 1848 г.», выполняемый под руководством акад. В. П. Волгина и доктора исторических наук Ф. В. Потёмкина.

Помимо исследовательской работы институт вёл в 1945 г. работы археографического порядка и продолжал работать над учебниками для высших учебных заведений. В первом направлении работали группы законодательных памятников, актов и летописей. Группой законодательных памятников подготовлен к печати очередной, второй том монументального издания «Русская правда», содержащий комментарии к тексту (Б. Д. Греков, Б. А. Романов, В. Г. Гейман). Группой актов закончена работа над томом «Акты Новгорода и его земель до конца XV в.» (С. Н. Валк, К. Н. Сербина, Н. Б. Мюллер) и очередной том «Писем и бумаг Петра Великого» (А. И. Андреев, Е. П. Подъяпольская и др.). Летописная группа подготовила к печати Архангелогородскую летопись (К. Н. Сербина). Н. Г. Бережков завершил исследование о хронологии русских летописей по XIV в. включительно.

В 1945 г. закончена подготовка новых изданий учебников для высших учебных заведений по «Истории СССР» (ч. I-я) и по «Новой истории».

Аспирантурой Института истории в 1945 г. был представлен ряд законченных работ. Успешно защитили диссертации на соискание степени кандидата исторических наук

Г. Аполдова «Присоединение Казахстана к России в 30-е годы XVIII в.», Г. Айдарова «Чехан Чингисович Вадков», С. Ш. Гринберг «Вступление России в первую мировую войну», Н. В. Ковалевская «Образование Белорусской ССР», Н. Юлкина «Восстание Аристоника падение Пергама», Н. А. Ерофеев «Англо-американские отношения в 1914—1917 гг.». Кроме того представили работы на соискание степени доктора исторических наук А. А. Новосельский «Борьба Москвы с татарами в XVII в.», Л. В. Черепнин «Феодальные отношения и русская церковная вотчина XIV—XVI вв.» и на соискание степени кандидата исторических наук И. Я. Дернер «Маркилий Падунский», С. И. Якубовская «Образование СССР».

Совокупность всех работ института в 1945 г., значительная часть которых перейдет на 1946 и последующие годы, при всём размахе этих работ говорит о необходимости развития исследований в ряде дополнительных направлений. К таким направлениям относится усиление работ по экономической истории, особенно эпохи империализма, усиление работ в области изучения советского общественного и государственного строя и т. д. Пятилетний план работы института, разработанный в 1945 г. и пересмотренный в свете исторического выступления товарища Сталина 9 февраля 1946 г. на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы, и предусматривает подобное расширение.

В. Шунков

Заседание памяти декабристов

В связи со 120-летием восстания декабристов (14 (26) декабря 1825 — 26 декабря 1945 г.) сектор истории СССР XIX — начала XX в. Института истории Академии наук СССР устроил специальное заседание 23 января с. г. с докладом М. В. Нечкиной «Основные проблемы декабристологии» и Б. Е. Сыроечковского «Археографическая работа по истории движения декабристов». Кроме научных работников сектора, в заседании приняли участие отдельные сотрудники Института права, Московского университета, Московского городского педагогического института, Государственного Исторического музея, Союза советских писателей и пр.

В содержательном докладе, обоснованном большим количеством фактов, М. В. Нечкина охарактеризовала современное состояние декабристологии в Советском Союзе и за границей. Движение декабристов, по сообщению М. В. Нечкиной, продолжает привлекать к себе сосредоточенное внимание советских и зарубежных исследователей как одно из крупнейших явлений русской истории XIX века. Усилиями многих учёных значительно подвинуто изучение этой темы: существуют специальные монографии об идеологии декабристов, о восстании 14 декабря 1825 г., об Обществе соединённых славян, об отдельных крупных представителях Тайного общества; есть много статей, касающихся различных сторон декабристского движения. Однако многие вопросы декабристологии остаются мало исследованными. В настоящее время мы подходим к движению декабристов шире и глубже, чем подходили раньше. Развитие научной мысли выдвинуло ряд новых проблем, которые не находились в поле зрения прежних исследователей.

Нам необходимо монографически изучить важнейшие, ещё не достаточно освещённые этапы декабристского движения: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное общество, Южное общество, восстание 14 декабря 1825 г., восстание Черниговского полка. Необходима также специальная работа о «Русской Правде» Пестеля, важнейшем идеологическом документе Южного общества, не только не подвергнувшемся специальному монографическому исследованию, но

до сих пор не опубликованному по подлинным, критически проверенным рукописям П. И. Пестеля.

Но не менее важно подойти к движению декабристов с новой, более глубокой точки зрения. Исходя из ленинского понимания декабристского движения, мы должны разрешить ряд научных проблем, которые до сих пор не поставлены и не подвергнуты всестороннему анализу в исторической литературе. Наиболее важными, первоочерёдными проблемами М. В. Нечкина считает следующие: экономические корни движения декабристов; место декабристов во всемирноисторическом процессе; декабристы и проблема революционной ситуации; русская действительность и формирование идеологии декабристов.

Проблема экономической базы движения декабристов подробно изучалась советскими историками, но изучалась недостаточно всесторонне. Если вскрыты социально-экономические процессы, которые привели к формированию революционной идеологии, то мало изучено отражение этих процессов в экономических взглядах декабристов. С этой точки зрения ждёт своего изучения тема «Отношение декабристов к развитию производительных сил России».

Совершенно не изучено место декабристов во всемирноисторическом процессе. Ленин в статье «Под чужим флагом»¹ своей характеристикой 1789—1871 гг. как периода «восходящей линии буржуазии», буржуазно-демократических движений и «быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» дал методологическую основу для постановки и разрешения этого важного вопроса. Движение декабристов не случайно, как утверждали буржуазные историки, а тесно связано с общеевропейской революционной ситуацией 1815—1830 гг., которая переросла в южноевропейские революции 1820—1822 гг., в июльскую революцию 1830 г. и пр.

Закономерность движения декабристов вскроется ещё более, если мы свяжем его с вызреванием революционной ситуации в России в 1815—1825 годах. Без изучения этой проблемы невозможно понять причины

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 108.

Г. Аполдова «Присоединение Казахстана к России в 30-е годы XVIII в.», Г. Айдарова «Чехан Чингисович Ваидов», С. Ш. Гринберг «Вступление России в первую мировую войну», Н. В. Ковалевская «Образование Белорусской ССР», Н. Юлкина «Восстание Аристоника падение Пергама», Н. А. Ерофеев «Англо-американские отношения в 1914—1917 гг.». Кроме того представили работы на соискание степени доктора исторических наук А. А. Новосельский «Борьба Москвы с татарами в XVII в.», Л. В. Черепнин «Феодальные отношения и русская церковная вотчина XIV—XVI вв.» и на соискание степени кандидата исторических наук И. Я. Дернер «Маркилий Падунский», С. И. Якубовская «Образование СССР».

Совокупность всех работ института в 1945 г., значительная часть которых перейдет на 1946 и последующие годы, при всём размахе этих работ говорит о необходимости развития исследований в ряде дополнительных направлений. К таким направлениям относится усиление работ по экономической истории, особенно эпохи империализма, усиление работ в области изучения советского общественного и государственного строя и т. д. Пятилетний план работы института, разработанный в 1945 г. и пересмотренный в свете исторического выступления товарища Сталина 9 февраля 1946 г. на собрании избирателей Сталинского избирательного округа Москвы, и предусматривает подобное расширение.

В. Шунков

Заседание памяти декабристов

В связи со 120-летием восстания декабристов (14 (26) декабря 1825 — 26 декабря 1945 г.) сектор истории СССР XIX — начала XX в. Института истории Академии наук СССР устроил специальное заседание 23 января с. г. с докладом М. В. Нечкиной «Основные проблемы декабристологии» и Б. Е. Сыроечковского «Археографическая работа по истории движения декабристов». Кроме научных работников сектора, в заседании приняли участие отдельные сотрудники Института права, Московского университета, Московского городского педагогического института, Государственного Исторического музея, Союза советских писателей и пр.

В содержательном докладе, обоснованном большим количеством фактов, М. В. Нечкина охарактеризовала современное состояние декабристологии в Советском Союзе и за границей. Движение декабристов, по сообщению М. В. Нечкиной, продолжает привлекать к себе сосредоточенное внимание советских и зарубежных исследователей как одно из крупнейших явлений русской истории XIX века. Усилиями многих учёных значительно подвинуто изучение этой темы: существуют специальные монографии об идеологии декабристов, о восстании 14 декабря 1825 г., об Обществе соединённых славян, об отдельных крупных представителях Тайного общества; есть много статей, касающихся различных сторон декабристского движения. Однако многие вопросы декабристологии остаются мало исследованными. В настоящее время мы подходим к движению декабристов шире и глубже, чем подходили раньше. Развитие научной мысли выдвинуло ряд новых проблем, которые не находились в поле зрения прежних исследователей.

Нам необходимо монографически изучить важнейшие, ещё не достаточно освещённые этапы декабристского движения: Союз спасения, Союз благоденствия, Северное общество, Южное общество, восстание 14 декабря 1825 г., восстание Черниговского полка. Необходима также специальная работа о «Русской Правде» Пестеля, важнейшем идеологическом документе Южного общества, не только не подвергнувшемся специальному монографическому исследованию, но

до сих пор не опубликованному по подлинным, критически проверенным рукописям П. И. Пестеля.

Но не менее важно подойти к движению декабристов с новой, более глубокой точки зрения. Исходя из ленинского понимания декабристского движения, мы должны разрешить ряд научных проблем, которые до сих пор не поставлены и не подвергнуты всестороннему анализу в исторической литературе. Наиболее важными, первоочерёдными проблемами М. В. Нечкина считает следующие: экономические корни движения декабристов; место декабристов во всемирноисторическом процессе; декабристы и проблема революционной ситуации; русская действительность и формирование идеологии декабристов.

Проблема экономической базы движения декабристов подробно изучалась советскими историками, но изучалась недостаточно всесторонне. Если вскрыты социально-экономические процессы, которые привели к формированию революционной идеологии, то мало изучено отражение этих процессов в экономических взглядах декабристов. С этой точки зрения ждёт своего изучения тема «Отношение декабристов к развитию производительных сил России».

Совершенно не изучено место декабристов во всемирноисторическом процессе. Ленин в статье «Под чужим флагом»¹ своей характеристикой 1789—1871 гг. как периода «восходящей линии буржуазии», буржуазно-демократических движений и «быстрой ломки переживших себя феодально-абсолютистских учреждений» дал методологическую основу для постановки и разрешения этого важного вопроса. Движение декабристов не случайно, как утверждали буржуазные историки, а тесно связано с общеевропейской революционной ситуацией 1815—1830 гг., которая переросла в южноевропейские революции 1820—1822 гг., в июльскую революцию 1830 г. и пр.

Закономерность движения декабристов вскроется ещё более, если мы свяжем его с вызреванием революционной ситуации в России в 1815—1825 годах. Без изучения этой проблемы невозможно понять причины

¹ Ленин. Соч., т. XVIII, стр. 108.

неудачи восстания 1825 года. Традиционная постановка вопроса, которая ограничивается констатацией оторванности декабристов от широких народных масс, извержена, не учитывает своеобразия исторической обстановки, того важного факта, что революционная ситуация в силу определенных причин в это время окончательно не сложилась.

Формирование взглядов декабристов нельзя изучать, ограничиваясь указанием западноевропейских идеальных источников: необходимо гораздо больше внимания уделить реальным жизненным впечатлениям декабристов, их зависимости от русской действительности, от общественно-политического движения в России конца XVIII и начала XIX века.

Намечая проблематику данной темы, нужно исходить из положения, что декабристы прежде всего были борцами против самодержавия и крепостного права; всё, что помогает всестороннему научному раскрытию этого положения, составляет первоочередную задачу исследования.

Б. Е. Сыроечковский в своём докладе подробно осветил основные этапы археографической работы по истории декабристов, связав опубликование материалов о декабристах, с одной стороны, с основными историческими периодами, с другой стороны — с развитием научной мысли. Первый этап охватывает собой время николаевской реакции (1826—1856), когда публиковались исключительно правительственные документы, некажённо освещавшие движение декабристов, а литература ограничивалась официально-клеветнической книгой Корфа. Во втором этапе (1856—1904) в связи с политическим оживлением, реформами, смягчением цензуры появляются многочисленные мемуары декабристов, а некоторые официальные историки (генералы Богданович, Шильдер, Дубровин) получают доступ к следственному делу декабристов и частично вводят его в научный оборот. Однако публикаций этого времени были несовершенными и неточными. Благодаря накопленному материалу уже в этот период могла появиться книга А. Н. Пыпина «Общественное движение в царствование Александра I». Революция 1905 г. открыла собой новый период в развитии археографической и исследовательской работы: исследователи (Семевский, Добнар-Запольский, Павлов-Сильванский и др.) получили возможность работать в архивах над подлинными показаниями декабристов и частично обнародовать их, соблюдая более строгие правила публикации документов. Только при этих условиях могла появиться в свет фундаментальная работа Семевского «Политические и общественные идеи декабристов». После Октябрьской социалистической революции научное изучение и опубликование документов сразу приобрели широкий размах, особенно в связи с 100-летним юбилеем восстания декабристов. Центральным была развернута большая работа по выработке правил издания материалов. Было выпущено семь томов следственного дела, абсолютно точно воспроизводивших показания важнейших членов Об-

щества, и справочный алфавит фамилий декабристов. При Обществе политкаторжан был создан центр научно-исследовательской работы — секция по изучению декабристов. Появились публикации различных научных учреждений, сборники статей («Декабристы и их время», 1—2-й выпуски, «Вунт декабристов», «Памяти декабристов» и др.), специальные монографии Преснякова, Нечкиной, Дружинина и др. Оживлённая работа велась на местах краеведческими организациями.

После ликвидации Общества политкаторжан декабристоведение не имеет руководящего центра. Публикация материалов прекратилась. Между тем интерес к истории декабристов огромный, ею занимаются научные коллективы, отдельные исследователи, семинары различных университетов и институтов. Закончена археографическая работа Главного архивного управления над «Русской Правдой» Пестеля. Необходимо возобновить издание документов и связать разрозненные научные усилия над изучением движения декабристов, которое включает в себе такие большие исследовательские, археографические и педагогические возможности.

В обмене мнений приняли участие Б. И. Сыромятников (Институт права АН СССР), В. И. Газенко (философский факультет МГУ), писательница Марич (Союз советских писателей) и научные работники Института истории АН СССР: С. С. Дмитриев, Н. М. Дружинин, А. С. Нифонтов. Выступавшие единодушно отмечали необходимость возобновить издание материалов по истории декабристов, без чего невозможна дальнейшая, более углублённая работа историков и художников слова. Был сделан ряд дополнений к проблематике, намеченной М. В. Нечкиной; В. И. Сыромятников обратил внимание на необходимость изучить преемственную связь декабристов с XVIII веком, дать критическое исследование декабристских мемуаров как исторического источника, написать монографию о ходе следственного дела. С. С. Дмитриев выдвинул тему об отношении декабристов к славянскому вопросу, о связи декабристов с национально-освободительным движением Польши, об участии декабристов в масонских организациях. Н. М. Дружинин напомнил о необходимости изучения жизни и деятельности крупнейших декабристов (Пестель, Трубецкой и др.). В. И. Газенко указал на важность изучения философских воззрений декабристов.

В заключение собрание единодушно приняло следующее постановление: 1) считать первоочередной задачей исследователей декабристского движения монографическое изучение проблем, намеченных М. В. Нечкиной и участниками прений; 2) признать неотложным возобновление прерванной публикации материалов по истории декабристов, в первую очередь «Русской Правды» П. И. Пестеля, следственных дел членов общества: Северного, Южного и Соединённых славян (5—6 томов), «Донесения следственной комиссии» (с вариантами текста), докладной записки следственного комитета, правитель-

важных сообщений; 3) признать крайне необходимым напечатание описей дел следственного комитета и верховного суда, составленных Н. П. Павловым-Сильванским и Б. С. Пушкиным, а также составление и издание истории самого «фонда» декабристов; 4) признать не менее настоящей задачей издание «Библиографического обзора литературы по истории декабристов» в качестве продолжения и дополнения книги Н. М. Ченцова; 5) признать желательным издание полных собраний сочинений (трак-

татов, проектов, статей, воспоминаний, писем) крупнейших декабристов: П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, Н. И. Тургенева, М. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина и др.; 6) считать желательным возобновление издания сборников мемуаров («Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ»), научно-исследовательских статей («Декабристы и их время») и учебных пособий по истории декабристов для занятий студентов.

Проф. Н. Дружинин

Защита диссертаций в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина

22 мая 1945 г. на заседании Учёного совета исторического факультета Московского государственного педагогического института имени Ленина происходила защита докторской диссертации К. В. Сивковым на тему «Очерки по истории политических процессов в России последней трети XVIII века».

Монография, над которой диссертант работал свыше пяти лет (с 1939 г.), написана на основе архивных материалов — фондов Тайной канцелярии (с 1762 г. переименованной в Тайную экспедицию). Кроме того автором широко привлекались законодательные акты времён Екатерины II (Полное собрание законов и др.).

Работа состоит из девяти глав: 1. «Тайная экспедиция, её деятельность и документы» — носит историко-ведческий характер. Остальные главы излагают самую тему, разделяя многочисленные политические процессы на несколько групп — по принципу социального положения их участников: 2. «Процессы недовольных среди разных слоёв населения России»; 3. «Процессы в связи с секуляризацией церковных имуществ»; 4. «Процессы о подпольной литературе»; 5. «Процессы о попытках раскрыть злоупотребления властей»; 6. «Процессы о самозванцах»; 7. «Процессы о подготовке нового переворота»; 8. «Процессы об авторах проектов» и 9. «Процессы о вольнодумцах».

Автор приходит к заключению, что политические процессы конца XVIII в. самым наглядным образом свидетельствовали об обострении классовой борьбы в екатерининской России, когда феодально-крепостнический строй подвергся значительному разложению и когда уже зарождались новые, буржуазные отношения. В монографии уделено большое внимание народным движениям второй половины XVIII в. («самозванство»). Однако тему о пугачёвском восстании диссертант намеренно не включил в план своей работы как требующую особого монографического исследования. Из движений высших и средних социальных слоёв автор сосредоточил главное внимание на двух группах — дворянской оппозиции и движении разночинцев. Не включая в своё исследование таких классических представителей передовой общественной мысли XVIII в., как Новиков и Радищев, К. В. Сивков постарался осветить деятельность

других, менее известных, но более многочисленных просветителей, — современников Новикова и Радищева, развивавшихся под их влиянием.

В работе даны исчерпывающие характеристики Кречетова, Г. Попова, В. Пассека и других видных «вольнодумцев» XVIII века. Изучение деятельности и взглядов этих лиц, по мнению диссертанта, может показать нам тот, довольно широкий литературно-общественный фон, на котором развивалась деятельность самих классиков-просветителей — Новикова и Радищева. Русская буржуазия XVIII в. непосредственно в политических процессах выступала сравнительно мало. Но влияние новых буржуазных отношений всё же сказывалось не только на произведениях «вольнодумцев» из разночинной среды, но и на «вольнодумцах»-дворянах. В частности в проектах, выдвигавшихся дворянскими прожекторами, большое место занимали вопросы промышленности, торговли, освобождения крестьян и другие темы буржуазной экономики.

В качестве официальных оппонентов по диссертации К. В. Сивкова выступали чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета, проф. В. Н. Бочкарёв и проф. Г. А. Новицкий; в качестве неофициальных оппонентов — проф. С. В. Бахрушин, проф. Н. М. Дружинин и проф. А. А. Савич. Все выступавшие на диспуте отметили большую эрудицию диссертанта, чрезвычайную трудоёмкость его исследования, обилие впервые использованного архивного материала. Оппоненты отмечали, что монография К. В. Сивкова является большой сводной работой на важную тему и что одновременно диссертант даёт много нового, ранее недостаточно освещённого, особенно в отношении «вольнодумцев» — последователей Новикова и Радищева.

Несколько особой точки зрения на диссертацию К. В. Сивкова держался проф. В. Н. Бочкарёв. Признавая факт, что диссертантом использован для монографии громадный архивный материал и что работа его была плодом многих лет упорного труда, оппонент считает, что всё же диссертация носит очерковый, недостаточно цельный и систематичный характер. В. Н. Бочкарёв поставил также автору в вину то, что он не включил в своё исследование ни пугачёвское движение — наиболее яркое из народных движений типа «самозванства», —

важных сообщений; 3) признать крайне необходимым напечатание описей дел следственного комитета и верховного суда, составленных Н. П. Павловым-Сильванским и Б. С. Пушкиным, а также составление и издание истории самого «фонда» декабристов; 4) признать не менее настоящей задачей издание «Библиографического обзора литературы по истории декабристов» в качестве продолжения и дополнения книги Н. М. Ченцова; 5) признать желательным издание полных собраний сочинений (трак-

татов, проектов, статей, воспоминаний, писем) крупнейших декабристов: П. И. Пестеля, Н. М. Муравьева, М. С. Лунина, Н. И. Тургенева, М. А. Фонвизина, И. Д. Якушкина и др.; 6) считать желательным возобновление издания сборников мемуаров («Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ»), научно-исследовательских статей («Декабристы и их время») и учебных пособий по истории декабристов для занятий студентов.

Проф. Н. Дружинин

Защита диссертаций в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина

22 мая 1945 г. на заседании Учёного совета исторического факультета Московского государственного педагогического института имени Ленина происходила защита докторской диссертации К. В. Сивковым на тему «Очерки по истории политических процессов в России последней трети XVIII века».

Монография, над которой диссертант работал свыше пяти лет (с 1939 г.), написана на основе архивных материалов — фондов Тайной канцелярии (с 1762 г. переименованной в Тайную экспедицию). Кроме того автором широко привлекались законодательные акты времён Екатерины II (Полное собрание законов и др.).

Работа состоит из девяти глав: 1. «Тайная экспедиция, её деятельность и документы» — носит историко-ведческий характер. Остальные главы излагают самую тему, разделяя многочисленные политические процессы на несколько групп — по принципу социального положения их участников: 2. «Процессы недовольных среди разных слоёв населения России»; 3. «Процессы в связи с секуляризацией церковных имуществ»; 4. «Процессы о подпольной литературе»; 5. «Процессы о попытках раскрыть злоупотребления властей»; 6. «Процессы о самозванцах»; 7. «Процессы о подготовке нового переворота»; 8. «Процессы об авторах проектов» и 9. «Процессы о вольнодумцах».

Автор приходит к заключению, что политические процессы конца XVIII в. самым наглядным образом свидетельствовали об обострении классовой борьбы в екатерининской России, когда феодально-крепостнический строй подвергся значительному разложению и когда уже зарождались новые, буржуазные отношения. В монографии уделено большое внимание народным движениям второй половины XVIII в. («самозванство»). Однако тему о пугачёвском восстании диссертант намеренно не включил в план своей работы как требующую особого монографического исследования. Из движений высших и средних социальных слоёв автор сосредоточил главное внимание на двух группах — дворянской оппозиции и движении разночинцев. Не включая в своё исследование таких классических представителей передовой общественной мысли XVIII в., как Новиков и Радищев, К. В. Сивков постарался осветить деятельность

других, менее известных, но более многочисленных просветителей, — современников Новикова и Радищева, развивавшихся под их влиянием.

В работе даны исчерпывающие характеристики Кречетова, Г. Попова, В. Пассека и других видных «вольнодумцев» XVIII века. Изучение деятельности и взглядов этих лиц, по мнению диссертанта, может показать нам тот, довольно широкий литературно-общественный фон, на котором развивалась деятельность самих классиков-просветителей — Новикова и Радищева. Русская буржуазия XVIII в. непосредственно в политических процессах выступала сравнительно мало. Но влияние новых буржуазных отношений всё же сказывалось не только на произведениях «вольнодумцев» из разночинной среды, но и на «вольнодумцах»-дворянах. В частности в проектах, выдвигавшихся дворянскими прожекторами, большое место занимали вопросы промышленности, торговли, освобождения крестьян и другие темы буржуазной экономики.

В качестве официальных оппонентов по диссертации К. В. Сивкова выступали чл.-корр. АН СССР В. И. Пичета, проф. В. Н. Бочкарёв и проф. Г. А. Новицкий; в качестве неофициальных оппонентов — проф. С. В. Бахрушин, проф. Н. М. Дружинин и проф. А. А. Савич. Все выступавшие на диспуте отметили большую эрудицию диссертанта, чрезвычайную трудоёмкость его исследования, обилие впервые использованного архивного материала. Оппоненты отмечали, что монография К. В. Сивкова является большой сводной работой на важную тему и что одновременно диссертант даёт много нового, ранее недостаточно освещённого, особенно в отношении «вольнодумцев» — последователей Новикова и Радищева.

Несколько особой точки зрения на диссертацию К. В. Сивкова держался проф. В. Н. Бочкарёв. Признавая факт, что диссертантом использован для монографии громадный архивный материал и что работа его была плодом многих лет упорного труда, оппонент считает, что всё же диссертация носит очерковый, недостаточно цельный и систематичный характер. В. Н. Бочкарёв поставил также автору в вину то, что он не включил в своё исследование ни пугачёвское движение — наиболее яркое из народных движений типа «самозванства», —

ни историю деятельности и взглядов Новикова и Радичева, которые нельзя опустить исследователю, занимающемуся проблемой развития общественной мысли в России XVIII века.

Учёный совет исторического факультета, заслушав выступления диссертанта К. В. Сивкова и оппонентов, признал возможным присвоить диссертанту степень доктора исторических наук. Учёный совет института утвердил решение Учёного совета факультета.

10 июля 1945 г. в Учёном совете исторического факультета происходила защита кандидатской диссертации Т. Г. Песоцкой.

Т. Г. Песоцкая, молодой научный работник, до войны была в аспирантуре Московского государственного педагогического института имени К. Либкнехта и работала под руководством недавно умершего профессора Н. П. Грацианского. Сравнительно небольшая по объёму диссертация Т. Г. Песоцкой на тему «Развитие манориального строя в графстве Бедфорд» представляет собою локальное исследование по истории английской средневековой деревни XI—XIII веков. На исследовании Т. Г. Песоцкой, в особенностях метода и тематики, сказалось влияние крупных советских учёных-медиевистов — Н. П. Грацианского и Е. А. Косминского. Диссертантка изучила два источника: известную в среде медиевистов Книгу страшного суда и Сотенные свитки. Сравнение данных обоих источников, одного — XI в., другого — XIII в., дало возможность автору выяснить ряд изменений, происходивших в развитии английского феодализма почти за двухсотлетний период.

В своей диссертации Т. Г. Песоцкая подвергла критике определение и понимание манора историками-классиками Виноградовым и Метлендом, из которых первый неправильно усматривал в маноре и некоторые капиталистические черты; Метленд же определял манор с чисто юридической стороны.

На основании анализа Книги страшного суда по графству Бедфорд автор приходит к выводу, что в XI в. манориальный строй в Англии находился ещё в стадии становления. Сложившихся («классических») маноров с ясно выраженным доменом и вилланами-крепостными в графстве Бедфорд тогда было всего 44,1% из числа всех зарегистрированных в графстве маноров, но они занимали 78,4% обрабатываемой земельной площади графства. Встречалось много маноров, где доменная и вилланская земли трудно различимы. Значительное количество владений находилось ещё вне манориальной организации. В XIII в. манор окончательно превратился в господствующую форму феодального производства. Манор с доменом и вилланами попрежнему главенствует — 44,2% всех поместий, по земельной площади — 70%. Но встречается много маноров с преобладанием свободных

держателей — 38,2% всех маноров; по земельной площади — 26,2%, что свидетельствует об эволюции деревни в смысле разложения крепостнической системы. Автору путём сравнений и довольно сложных вычислений удалось отметить значительное уменьшение размеров крестьянских наделов в XIII в. по сравнению с размерами их в XI веке.

В качестве официальных оппонентов по диссертации Т. Г. Песоцкой выступали чл.-корр. АН СССР Е. А. Косминский и проф. В. Ф. Семёнов. Кроме них выступил проф. Н. П. Грацианский. Все оппоненты выражали удовлетворение тем, с какой тщательностью и чёткостью была выполнена работа. Т. Г. Песоцкая показала умение пользоваться статистическим методом, разобралась в весьма трудных источниках, обнаружила хорошее знание латинского и английского языков; в методологическом отношении диссертация вполне выдержана.

В качестве отрицательных сторон диссертации оппоненты указывали, что, используя главным образом материалы источников, диссертантка не обратила внимания на некоторые английские специальные работы по тому же вопросу (помимо исследований Виноградова и Метленда). Выяснив вопросы о различных типах маноров в XI и XIII вв., о размерах и характере крестьянских держаний, диссертантка оставила вне рассмотрения другие важные вопросы, например, вопрос о рабочей силе в английской деревне, особенно в XIII веке. Однако оппоненты считали, что работа, представленная Т. Г. Песоцкой, даёт полное право на присуждение ей степени кандидата исторических наук. Учёный совет факультета единогласно постановил присвоить Т. Г. Песоцкой эту степень. Постановление Учёного совета факультета утверждено Учёным советом МГПИ имени Ленина.

20 ноября 1945 г. на Учёном совете исторического факультета происходила защита диссертации на соискание учёной степени кандидата исторических наук А. В. Конокотиным.

А. В. Конокотин, старший преподаватель Ивановского педагогического института, представил диссертацию на тему «Деревня Парижского района в XIII веке». Диссертация, весьма обширная по своим размерам, состоит из восьми глав: 1. «Общая характеристика землевладения парижской церкви»; 2. «Изменения в землевладении парижской церкви в XIII веке»; 3. «Некоторые особенности поместной организации на землях парижской церкви в XIII веке»; 4. «Примеры отдельных поместий парижской церкви»; 5. «Земли монастыря св. Антония и епископа парижского»; 6. «Среднее землевладение»; 7. «Крестьянское землевладение»; 8. «Дифференциация крестьянства и обострение классово-вой борьбы в деревне».

В диссертации А. В. Конокотина даёт исследование многочисленных церков-

ных поместий самого центра Франции — Парижского района. В качестве основного источника автором использован картулярий собора Парижской Богоматери. Из 1814 хартий автор исследовал 1638. Кроме того им были привлечены многочисленные картулярии других крупных церковных учреждений Парижского округа.

Диссертант обнаружил знание специальной французской литературы, выходящей во Франции в конце XIX и в XX в. по этому вопросу.

В монографии поставлен и разрешён ряд интересных вопросов. Автору удалось показать продолжающийся в XIII в. рост церковного землевладения. И в XIII в., как и в предшествующие века, продолжался процесс поглощения крестьянского землевладения, вернее, остатков свободного крестьянского землевладения церковным крупным землевладением. В диссертации показана хозяйственная сторона церковных поместий XIII века. Поместья, как правило, продолжали ещё сами заниматься хозяйством, поместье не превратилось ещё в «рентное имение». Но в парижской деревне XIII в. обнаруживалась явная тенденция к торжеству денежной ренты. Автор подверг тщательному изучению положение французского крестьянства во всех его видах — вилланское держание (крепостные), гостизы и цензивы. Последние две формы представляют собою как бы вариант французского свободного держания, до сих пор недостаточно изучавшийся.

Характеризуя положение различных категорий крестьянства, особенно вилланов, Л. В. Конокотин вскрывает напряжённое положение во французской деревне уже в середине и особенно к концу XIII века. Многочисленные конфликты крестьян с помещиками (автором зарегистрировано 58 конфликтов — движений французских крестьян в Парижском районе за изучаемый период) свидетельствовали, что предпосылки знаменитой французской Жакерии середины XIV в. зрели ещё задолго до Столетней войны, в течение XIII в., в условиях разложения феодально-крепостнического строя Франции.

Официальными оппонентами по диссертации А. В. Конокотина были проф. Н. П. Грацианский и проф. А. О. Неусыхин. Оппоненты в своих выступлениях отмечали, что диссертация А. В. Конокотина по своему научному уровню стоит выше обычных кандидатских диссертаций и что поэтому вопрос о присуждении её автору кандидатской степени является бесспорным, и выразили пожелание видеть диссертацию напечатанной.

В качестве недостатка диссертации было указано на отсутствие в монографии заключительной главы, где частные выводы автора, даваемые в отдельных главах, должны были бы найти наиболее полное и обобщающее научно-теоретическое выражение. Оппоненты обратили внимание диссертанта также на то, что он не ис-

пользовал старой юридической французской литературы по вопросам цензивы, которая имела своих теоретиков во Франции в последние столетия средневековья.

Учёный совет исторического факультета, а в дальнейшем и Учёный совет института единогласно в обоих случаях постановили присвоить диссертанту А. В. Конокотину степень кандидата исторических наук.

Значительный теоретический интерес представляли кандидатские диссертации по основам марксизма-ленинизма (раздел истории ВКП(б) и по советскому периоду истории СССР). В своих работах диссертанты использовали большие архивные материалы местных и центральных архивных фондов.

8 мая 1945 г. И. А. Ильиних защищал диссертацию на тему «Профессиональные союзы в период русской революции 1905—1907 гг.». Официальными оппонентами выступали чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратова и проф. Д. Ю. Эльжина. В качестве наиболее положительной стороны диссертации оппонентами отмечалось выяснение диссертантом той большой роли партии большевиков, которую она играла в руководстве профсоюзами в период революции 1905 года.

10 июля 1945 г. М. И. Григорьев защищал диссертацию на тему о национальной политике советской власти — «Кришкенский вопрос в Татарии и его разрешение при советской власти». Официальными оппонентами выступали чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратова и кандидат исторических наук И. М. Раимов.

19 июля с большим оживлением прошла защита диссертации А. В. Гавриловой на тему «Петербургский Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Официальными оппонентами выступали проф. М. Л. Москалёв и проф. М. И. Гришин. Диссертантке удалось показать всероссийское значение «Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса», вскрыть его роль в создании Российской социал-демократической рабочей партии.

20 ноября М. Л. Пенчанская защищала диссертацию на тему «Рабочий контроль над производством в 1917—1918 гг.» Диссертантка правильно подчеркнула значение рабочего контроля не только в том смысле, что он был своего рода школой, подготовлявшей пролетариат к управлению промышленностью, но и в том, что благодаря ему были сохранены в интересах народа и социалистического государства большие материальные ценности, которые без рабочего контроля в критический, переходный период были бы буржуазией расхищены или уничтожены. В прениях приняли участие официальные оппоненты чл.-корр. АН СССР А. М. Панкратова и проф. И. Э. Разгон, а также выступавшие в качестве неофициальных оппонентов проф. В. Г. Юдовский и проф. И. М. Бровер.

Учёный совет исторического факультета все названные диссертации — И. А. Ильиных, М. И. Григорьева, А. В. Гавриловой и М. Л. Пенчанской — признал достаточными для присуждения их авто-

рам учёной степени кандидата исторических наук. Учёный совет института утвердил эти решения факультетского совета.

Проф. В. Семёнов

О дипломных работах студентов отделения истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова

Переход от старой практики подачи курсовых сочинений к защите студентами-выпускниками дипломных работ в 1944 — 1945 и 1945 — 1946 учебных годах отмечен кафедрой и Учёным советом исторического факультета Московского университета как положительное явление.

Защита дипломных работ протекает следующим образом. Каждый студент-выпускник перед сдачей государственного экзамена должен представить письменную работу на избранную им историческую тему с письменным отзывом научного руководителя — профессора или доцента, — после чего эта работа передаётся на рецензию другим членам кафедры. Каждая такая работа заслушивается на заседании кафедры с участием студентов, представителей общественных организаций и деканата. После выступления дипломанта, излагающего содержание своей работы, она подвергается обсуждению со стороны научного руководителя, рецензентов и других участников заседания. Затем решением кафедры определяется её оценка.

Такой порядок защиты дипломных работ студентами-историками повысил качество этих работ в сравнении со старыми курсовыми сочинениями, которые оценивались научными руководителями и по их отчётам утверждались кафедрой.

Как правило, темы дипломных работ студентов кафедры истории СССР, окончивших курс в декабре 1945 г., определились в процессе работы специальных семинаров 1944/45 учебного года.

На заседаниях кафедры истории СССР и её секций с 27 ноября по 10 декабря 1945 г. было заслушано 40 дипломных работ. 15 работ по истории СССР на темы древнего и феодального периодов представлены слушателями специальных семинаров: акад. Б. Д. Грекова — «История древнего Новгорода», проф. В. И. Лебедева — «Внешняя политика Петра I» и доц. Г. Н. Анпилова — «Реформы Петра I». Отличную оценку получили девять работ, три — хорошую, три — удовлетворительную. Наиболее примечательной оказалась дипломная работа студентки Шифман на тему «Сказание иностранцев о Новгороде Великом». Эта солидная по объёму (117 стр.) работа получила высокую оценку научного руководителя, акад. Б. Д. Грекова.

Большой интерес представляет работа студентки Костиной на тему «Фискалы при

Петре I». Научный руководитель, доцент Анпилов, охарактеризовал эту работу как оригинальную, имеющую научный интерес, поскольку данная тема мало разработана в нашей исторической литературе. Та же работа высоко оценена рецензентом доц. Б. Б. Кафенгаузом.

Из шести дипломных работ по истории СССР XIX в. участников специальных семинаров проф. Н. М. Дружинина и доц. С. С. Дмитриева получили отличную оценку три, хорошую — одна, удовлетворительную — две. Среди этих работ особенно выделяется работа студентки Ионкиной на тему «Чернышевский и круг «Современника» в период революционной ситуации 1859—1861 годов». Проф. Н. М. Дружинин в своём отзыве отмечает, что тов. Ионкина обнаружила «задатки научно-исследовательских способностей». На тему о «Современнике» имеется специальная монография проф. Евгеньева-Максимова, тем не менее тов. Ионкина не повторила приёмов и содержания этой монографии, а дала самостоятельное и углублённое изложение вопроса.

Интересно прошла защита 16 дипломных работ тех студентов V курса, которые специализировались по истории СССР XX в., в особенности по истории советского периода. Из них десять получили отличную оценку, три — хорошую и три — удовлетворительную. Дипломные работы этих студентов написаны слушателями специальных семинаров чл.-корр. АН СССР проф. И. И. Минца и профессоров И. Э. Разгона, Э. Б. Генкиной и А. Л. Сидорова. Проф. Разгон провёл специальный семинар по вопросам истории национальных формирований Красной Армии в годы гражданской войны. Из докладов студентов в этом семинаре вырос впоследствии ряд оригинальных дипломных работ.

Тов. Рябова получила отличную оценку за дипломную работу, посвящённую боевой истории бригады Котовского. Студентка Никитина исследовала роль башкирских соединений в борьбе с Деникиным и Юденичем в 1919 году. Её работа также получила отличную оценку. Студентка Шелова в своей дипломной работе, показала роль латышской дивизии в разгроме войск Деникина под Орлом в 1919 году. Она использовала всю доступную ей литературу на русском и латышском языках. Работа её оценена как отличная. Тов. Борисова написала

Учёный совет исторического факультета все названные диссертации — И. А. Ильиных, М. И. Григорьева, А. В. Гавриловой и М. Л. Пенчанской — признал достаточными для присуждения их авто-

рам учёной степени кандидата исторических наук. Учёный совет института утвердил эти решения факультетского совета.

Проф. В. Семёнов

О дипломных работах студентов отделения истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова

Переход от старой практики подачи курсовых сочинений к защите студентами-выпускниками дипломных работ в 1944 — 1945 и 1945 — 1946 учебных годах отмечен кафедрой и Учёным советом исторического факультета Московского университета как положительное явление.

Защита дипломных работ протекает следующим образом. Каждый студент-выпускник перед сдачей государственного экзамена должен представить письменную работу на избранную им историческую тему с письменным отзывом научного руководителя — профессора или доцента, — после чего эта работа передаётся на рецензию другим членам кафедры. Каждая такая работа заслушивается на заседании кафедры с участием студентов, представителей общественных организаций и деканата. После выступления дипломанта, излагающего содержание своей работы, она подвергается обсуждению со стороны научного руководителя, рецензентов и других участников заседания. Затем решением кафедры определяется её оценка.

Такой порядок защиты дипломных работ студентами-историками повысил качество этих работ в сравнении со старыми курсовыми сочинениями, которые оценивались научными руководителями и по их отчётам утверждались кафедрой.

Как правило, темы дипломных работ студентов кафедры истории СССР, окончивших курс в декабре 1945 г., определились в процессе работы специальных семинаров 1944/45 учебного года.

На заседаниях кафедры истории СССР и её секций с 27 ноября по 10 декабря 1945 г. было заслушано 40 дипломных работ. 15 работ по истории СССР на темы древнего и феодального периодов представлены слушателями специальных семинаров: акад. Б. Д. Грекова — «История древнего Новгорода», проф. В. И. Лебедева — «Внешняя политика Петра I» и доц. Г. Н. Анпилова — «Реформы Петра I». Отличную оценку получили девять работ, три — хорошую, три — удовлетворительную. Наиболее примечательной оказалась дипломная работа студентки Шифман на тему «Сказание иностранцев о Новгороде Великом». Эта солидная по объёму (117 стр.) работа получила высокую оценку научного руководителя, акад. Б. Д. Грекова.

Большой интерес представляет работа студентки Костиной на тему «Фискалы при

Петре I». Научный руководитель, доцент Анпилов, охарактеризовал эту работу как оригинальную, имеющую научный интерес, поскольку данная тема мало разработана в нашей исторической литературе. Та же работа высоко оценена рецензентом доц. Б. Б. Кафенгаузом.

Из шести дипломных работ по истории СССР XIX в. участников специальных семинаров проф. Н. М. Дружинина и доц. С. С. Дмитриева получили отличную оценку три, хорошую — одна, удовлетворительную — две. Среди этих работ особенно выделяется работа студентки Ионкиной на тему «Чернышевский и круг «Современника» в период революционной ситуации 1859—1861 годов». Проф. Н. М. Дружинин в своём отзыве отмечает, что тов. Ионкина обнаружила «задатки научно-исследовательских способностей». На тему о «Современнике» имеется специальная монография проф. Евгеньева-Максимова, тем не менее тов. Ионкина не повторила приёмов и содержания этой монографии, а дала самостоятельное и углублённое изложение вопроса.

Интересно прошла защита 16 дипломных работ тех студентов V курса, которые специализировались по истории СССР XX в., в особенности по истории советского периода. Из них десять получили отличную оценку, три — хорошую и три — удовлетворительную. Дипломные работы этих студентов написаны слушателями специальных семинаров чл.-корр. АН СССР проф. И. И. Минца и профессоров И. Э. Разгона, Э. Б. Генкиной и А. Л. Сидорова. Проф. Разгон провёл специальный семинар по вопросам истории национальных формирований Красной Армии в годы гражданской войны. Из докладов студентов в этом семинаре вырос впоследствии ряд оригинальных дипломных работ.

Тов. Рябова получила отличную оценку за дипломную работу, посвящённую боевой истории бригады Котовского. Студентка Никитина исследовала роль башкирских соединений в борьбе с Деникиным и Юденичем в 1919 году. Её работа также получила отличную оценку. Студентка Шелова в своей дипломной работе, показала роль латышской дивизии в разгроме войск Деникина под Орлом в 1919 году. Она использовала всю доступную ей литературу на русском и латышском языках. Работа её оценена как отличная. Тов. Борисова написала

хорошую работу «Щорс — организатор первой украинской дивизии».

Наиболее интересную работу представила тов. Новомяст. Её дипломная работа называется «Корпус червонного казачества на фронтах гражданской войны». Тов. Новомяст несмотря на сложность темы, её военный характер отлично справилась с задачей. Она написала краткий очерк боевого пути «червонцев» от конной сотни до большого соединения — корпуса червонных казаков. Работа иллюстрируется схемами, изложена хорошим, литературным языком. Очень удачно даны рейды «червонцев» по тылам белых в ноябре 1919 года. Ярко описаны примеры массового героизма червонных казаков: тяжёлые суточные рейды на десятки километров в 1919 г., бой с танками Врангеля в 1920 году. Хорошо показана организация политработы среди казаков и политработа самих казаков-коммунистов — среди местного населения.

Среди дипломных работ по истории советского периода особенно выделяется работа студента Розенцвейга на тему «Большевизация петроградского гарнизона в 1917 году». Работа отличается тщательным и хорошо продуманным подбором интересных и ярких фактов, глубоким и правильным анализом их, стройностью и последовательностью изложения. Тов. Розенцвейг весьма умело использовал для своей дипломной работы новую литературу, изданную после выхода в свет первого тома «Истории гражданской войны в СССР». Научный руководитель и рецензент, выступая на защите этой дипломной работы, единодушно заявили, что дипломант обладает способностями к научному исследованию, а его работа должна войти в специальный печатный сборник лучших дипломных работ настоящего выпуска студентов исторического факультета МГУ.

Проф. Генкина вела специальный семинар по истории восстановительного периода СССР. Под её руководством участники семинара написали ряд интересных дипломных работ, главным образом по истории 1920—1922 годов. Из этой группы работ выделяется дипломная работа тов. Гельфер «Ленинский декрет о продналоге». Дипломантка глубоко изучила ленинские и сталинские высказывания по этому вопросу, материалы и решения партийных и советских съездов. Она широко использовала не только центральные газеты «Правда» и «Беднота», но и ряд местных органов печати. Тов. Гельфер изучила по своей теме материалы музеев Ленина и Революции и ряд документов одного из архивных фондов Центрального государственного архива Октябрьской революции. Она раскрыла со всей полнотой, как В. И. Ленин глубоко изучал настроения широких масс крестьянства в период подготовки им исторического декрета о продналоге. Совещания Ленина с рядом крестьян, изучение им крестьянских писем в редакцию газеты «Беднота», ленинские записки и заметки, воспоминания и рассказы самих крестьян о встречах с Ильичем —

всё это со скрупулёзной точностью собрано, внимательно и глубоко проанализировано автором дипломной работы. Работа отмечена как одна из выдающихся, а дипломантка рекомендована в аспирантуру.

Из специального семинара проф. Сидорова вырос ряд интересных дипломных работ.

Студентка Корпачёва в дипломной работе «Потсдам» использовала дипломатические документы на русском и немецком языках, русскую прессу и мемуары русских дипломатов. Она весьма убедительно доказала, что потсдамское свидание 1910 г. закончилось победой русской дипломатии. Студентка Ступак взяла очень трудную тему — «Русская политика в вопросе о проливах в 1908 — 1914 гг.», но хорошо справилась с нею. Она правильно подчеркнула значение проливов для экономики России. Хорошо объяснены дипломанткой русская политика 1908—1914 гг. в вопросе о проливах и причины её слабости в ту эпоху. Наиболее выдающейся как в этой группе, так и среди всех дипломных работ по XX в. является работа тов. Мендельсона «Англо-русское соглашение 1907 года». Автор дал подробный обзор истории подготовки этого соглашения. Он сделал правильный анализ проектов обеих сторон, раскрыл историческое значение соглашения и показал отношение к нему различных политических партий царской России. Автор использовал не только публикации на русском и английском языках, но и мемуарную литературу на двух иностранных языках. Кроме того, он привлёк архивные материалы из двух фондов Центрального военно-исторического архива. В результате, по оценке научного руководителя и рецензента, получилась не просто прекрасная дипломная работа, но и нечто большее: самостоятельное исследование, которое в своей основной части может быть напечатано как солидная и интересная журнальная статья. Автор работы единодушно рекомендован профессурой в аспирантуру.

Рядом с ним стоит другая выдающаяся дипломная работа — тов. Рабиновича. Она освещает весьма важную и сложную тему: «Стратегические и мобилизационные планы России 1909—1914 годов». Тов. Рабинович сумел оригинально и правильно решить ряд важных вопросов. Он показал характер русско-французского военного сотрудничества, раскрыл проблему реорганизации русской армии и мобилизационные планы 1910 года. Наконец, он проанализировал стратегические и мобилизационные планы кануна войны 1914 г., ясно сформулировав их слабые стороны и коренные недостатки. Как по объёму (146 стр.), так и по серьёзности и глубине анализа поставленных вопросов, работа тов. Рабиновича выходит за рамки студенческой дипломной работы. Материалом для неё послужили не только специальные исследования военных авторов, мемуары и журнальные статьи, но и значительные по объёму архивные документы одного из фондов Центрального военно-исторического архива.

Опыт защиты студентами-историками дипломных работ показывает несомненный рост выпускников исторического факультета МГУ. Дипломные работы показали, как нужно строить работу специальных семинаров. Первостепенное значение имеет не только актуальность темы семинарских занятий, но и чёткая формулировка темы студенческого доклада в специальном се-

минаре, что определяет успех работы студента над дипломной работой.

Переход от курсового сочинения к дипломной работе оказался весьма ценным, полностью себя оправдал и принят Всесоюзным Комитетом по делам Высшей школы при СНК СССР для исторических факультетов университетов.

Г. Анпилогов,
Б. Верховень

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Очередная (39-я) ежегодная конференция Английской исторической ассоциации состоялась в Бостоне (Англия) 29 декабря 1944—2 января 1945 года. Центральным пунктом повестки дня конференции явились организационные вопросы, планы будущей работы Исторической ассоциации в связи с переходом к миру. Председательствовавший на конференции историк Тербервилль в пространном докладе охарактеризовал задачи ассоциации, её нынешнее финансовое и материальное положение и наметил дальнейшие перспективы (доклад Тербервиля полностью напечатан в журнале ассоциации «History» за март 1945 г.). Указав на трудности, связанные с переживаемым периодом, докладчик отметил уменьшение числа членов ассоциации, сокращение денежных поступлений и т. д. Эти трудности, особенно финансовые, которые, по словам докладчика, начали ощущаться ещё до войны, заставили ассоциацию в 1937 г. переехать в Лондон, в более скромное помещение, ограничить подбор литературы для библиотеки и урезать свою деятельность в других отношениях. Тербервилль подчеркнул, что для дальнейшего развития деятельности ассоциации необходимо увеличение доходов. По докладу Тербервиля, конференция приняла решение, получившее название «Бостонской хартии». В резолюции предусматривается проведение следующих мероприятий: развитие и усиление деятельности ассоциации в помощь преподавателям истории; популяризация исторических знаний; создание соответствующих материальных условий для исполнения указанных задач: помещение ассоциации, библиотека, штаты и т. д.; расширение издательской деятельности; кампания по вербовке новых членов ассоциации (довести общее число до 10 тыс. и число отделений — до 100); создание путём добровольных пожертвований фонда ассоциации в сумме 25 тыс. фунтов стерлингов.

◆ Вашингтонский институт Карнеги в период войны продолжал археологические изыскания в Центральной Америке. В настоящее время получены (с запозданием) сведения о деятельности археологических экспедиций института за 1941—1942 гг., работавших в Гондурасе, Гватемале, Никарагуа и Мексике. Экспедиция в Гондурас (руководитель — Стромовик) продолжала начатые ещё в 1934 г. работы по раскопкам и реставрации развалин в Копане, где находится известный древний храм. Последний состоит из ряда зданий, ныне находящихся

в разной стадии реставрации. При раскопках продолжают находить разнообразнейшие предметы: изображения из глины и камня, посуду и пр. Особенно богатые находки сделаны в здании, занумерованном под № 20: под обломками рухнувшего фасада, подмытого протекавшей здесь рекой, обнаружены любопытнейшие образцы геометрической скульптуры, фигурки животных и людей, а также большое количество глиняных слепков человеческих голов разных размеров; предполагается, что эти слепки — скульптурные портреты. При раскопках захоронений на кладбище, вблизи храма, обнаружили несколько разных типов погребений; наличие предметов культа и керамики в могильниках позволяет наметить периодизацию. За исходную точку взят период сооружения копанских храмов, и намечено три последовательных периода. В «поздний период акрополя» трупы в согнутом положении помещались вместе с большим количеством посуды разных типов в прямоугольные ямы, выложенные камнем. В «ранний период акрополя» трупы, также в согнутом положении, помещались в открытые ямы, иногда выложенные камнями; в этот период преобладает чёрнофигурная посуда. Самый древний тип — «доакропольный период» — характеризуется тем, что трупы в нормальном положении помещались в могильники из грубых камней, захоронения иногда заваливались тяжёлыми глыбами.

Экспедиция, работавшая в Мексике под руководством Морлея, сосредоточила своё внимание на изучении группы уступчатых пирамид, давно обнаруженных в Уксмале (провинция Юкатан). Внимание исследователей особенно привлекает самая большая пирамида, вышиной в 27,5 метра. Тщательно изучена структура сооружения, произведены обмеры, зарисовки и снимки. Все эти материалы предназначены к публикации. Исследователи относят сооружение пирамиды к XII—XIII вв., к так называемому «периоду Пуук» (по схеме периодизации, разработанной для древнейшей культуры Центральной Америки). Археологи Эндрюс и Брейнерд изучали другие памятники древнейшей архитектуры, богато представленные в провинции Юкатан, и обследовали ряд развалин. В результате этой работы оба учёных приходят к выводу, что принятая периодизация культуры индейцев Центральной Америки на «период майя» и «период мексиканского влияния» не соответствует действительности. Они наметили иную периодизацию истории культуры

Опыт защиты студентами-историками дипломных работ показывает несомненный рост выпускников исторического факультета МГУ. Дипломные работы показали, как нужно строить работу специальных семинаров. Первостепенное значение имеет не только актуальность темы семинарских занятий, но и чёткая формулировка темы студенческого доклада в специальном се-

минаре, что определяет успех работы студента над дипломной работой.

Переход от курсового сочинения к дипломной работе оказался весьма ценным, полностью себя оправдал и принят Всесоюзным Комитетом по делам Высшей школы при СНК СССР для исторических факультетов университетов.

Г. Анпилогов,
Б. Верховень

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

◆ Очередная (39-я) ежегодная конференция Английской исторической ассоциации состоялась в Бостоне (Англия) 29 декабря 1944—2 января 1945 года. Центральным пунктом повестки дня конференции явились организационные вопросы, планы будущей работы Исторической ассоциации в связи с переходом к миру. Председательствовавший на конференции историк Тербервилль в пространном докладе охарактеризовал задачи ассоциации, её нынешнее финансовое и материальное положение и наметил дальнейшие перспективы (доклад Тербервиля полностью напечатан в журнале ассоциации «History» за март 1945 г.). Указав на трудности, связанные с переживаемым периодом, докладчик отметил уменьшение числа членов ассоциации, сокращение денежных поступлений и т. д. Эти трудности, особенно финансовые, которые, по словам докладчика, начали ощущаться ещё до войны, заставили ассоциацию в 1937 г. переехать в Лондон, в более скромное помещение, ограничить подбор литературы для библиотеки и урезать свою деятельность в других отношениях. Тербервилль подчеркнул, что для дальнейшего развития деятельности ассоциации необходимо увеличение доходов. По докладу Тербервиля, конференция приняла решение, получившее название «Бостонской хартии». В резолюции предусматривается проведение следующих мероприятий: развитие и усиление деятельности ассоциации в помощь преподавателям истории; популяризация исторических знаний; создание соответствующих материальных условий для исполнения указанных задач: помещение ассоциации, библиотека, штаты и т. д.; расширение издательской деятельности; кампания по вербовке новых членов ассоциации (довести общее число до 10 тыс. и число отделений — до 100); создание путём добровольных пожертвований фонда ассоциации в сумме 25 тыс. фунтов стерлингов.

◆ Вашингтонский институт Карнеги в период войны продолжал археологические изыскания в Центральной Америке. В настоящее время получены (с запозданием) сведения о деятельности археологических экспедиций института за 1941—1942 гг., работавших в Гондурасе, Гватемале, Никарагуа и Мексике. Экспедиция в Гондурас (руководитель — Стромовик) продолжала начатые ещё в 1934 г. работы по раскопкам и реставрации развалин в Копане, где находится известный древний храм. Последний состоит из ряда зданий, ныне находящихся

в разной стадии реставрации. При раскопках продолжают находить разнообразнейшие предметы: изображения из глины и камня, посуду и пр. Особенно богатые находки сделаны в здании, занумерованном под № 20: под обломками рухнувшего фасада, подмытого протекавшей здесь рекой, обнаружены любопытнейшие образцы геометрической скульптуры, фигурки животных и людей, а также большое количество глиняных слепков человеческих голов разных размеров; предполагается, что эти слепки — скульптурные портреты. При раскопках захоронений на кладбище, вблизи храма, обнаружили несколько разных типов погребений; наличие предметов культа и керамики в могильниках позволяет наметить периодизацию. За исходную точку взят период сооружения копанских храмов, и намечено три последовательных периода. В «поздний период акрополя» трупы в согнутом положении помещались вместе с большим количеством посуды разных типов в прямоугольные ямы, выложенные камнем. В «ранний период акрополя» трупы, также в согнутом положении, помещались в открытые ямы, иногда выложенные камнями; в этот период преобладает чёрнофигурная посуда. Самый древний тип — «доакропольный период» — характеризуется тем, что трупы в нормальном положении помещались в могильники из грубых камней, захоронения иногда заваливались тяжёлыми глыбами.

Экспедиция, работавшая в Мексике под руководством Морлея, сосредоточила своё внимание на изучении группы уступчатых пирамид, давно обнаруженных в Уксмале (провинция Юкатан). Внимание исследователей особенно привлекает самая большая пирамида, вышиной в 27,5 метра. Тщательно изучена структура сооружения, произведены обмеры, зарисовки и снимки. Все эти материалы предназначены к публикации. Исследователи относят сооружение пирамиды к XII—XIII вв., к так называемому «периоду Пуук» (по схеме периодизации, разработанной для древнейшей культуры Центральной Америки). Археологи Эндрюс и Брейнерд изучали другие памятники древнейшей архитектуры, богато представленные в провинции Юкатан, и обследовали ряд развалин. В результате этой работы оба учёных приходят к выводу, что принятая периодизация культуры индейцев Центральной Америки на «период майя» и «период мексиканского влияния» не соответствует действительности. Они наметили иную периодизацию истории культуры

индейцев Юкатана доиспанского периода: первый период характеризуется зданиями из грубо отёсанных камней, отсутствием украшений; второй период отмечается преобладанием булыжника в качестве строительного материала и широким применением каменной резьбы; третий период (авторы относят его к середине XIV в. н. э.) отличается архитектурой, напоминающей постройки современных индейцев этого района, с преобладанием грубо отёсанного камня.

В Гватемале группа археологов (руководитель — Томсон) занималась главным образом общей разведкой тихоокеанского побережья для подготовки будущего детального исследования. Этой группой, между прочим, были найдены стелы, характер и надписи которых позволяют археологам отнести их к весьма отдалённым периодам.

В Никарагуа археологи Ричардсон и Руперт неподалеку от г. Манагуа обнаружили хорошо сохранившиеся следы ног животных и людей в слоях, относящихся к весьма древнему периоду. Слой, сохранявший следы, представляет собой застывшую, твёрдую массу вулканического происхождения. Люди и животные прошли по ней в момент, когда она представляла собой застывавший грязевой поток, сохранивший ещё эластичность. Непосредственно вслед за этим грязевой поток был засыпан сухим вулканическим пеплом и при засыхании превратился в камень с ясными следами ног. Геологическое изучение слоя позволяет отнести происхождение его к древнему периоду. При изучении отпечатков обнаружены следы бизона. До сих пор признаков пребывания этого животного в Центральной Америке не наблюдалось.

◆ В первые месяцы после вступления США в войну отдел рукописей библиотеки Конгресса эвакуировал все свои материалы в безопасное место. В 1944 г. началось возвращение рукописей, закончившееся к концу 1944 года. Продолжается пополнение библиотеки новыми материалами. Важнейшее место среди них занимают фотографические репродукции ряда испанских рукописей XVI и XVII вв. из Севильского и Мадридского архивов, а также материалов о Колумбе, хранящихся в других испанских архивах. Библиотека получила также одно новое письмо Дж. Вашингтона (фотокопия), подлинник неизвестного ранее письма ген. Гранта, том дневника президента У. Г. Тафта и ряд писем В. Вильсона. В архиве получен также оригинал документов о капитуляции Германии, подписанных в мае 1945 г. в Люнебурге, Реймсе и Берлине. Фотокопии этих документов продаются посетителям.

◆ Архивариус США направил в правительственные инстанции проект нового порядка хранения официальных документов. Отметив, что в настоящее время в правительственных учреждениях накопилось огромное количество архивных документов, архивариус указывает, что национальный архив ввиду загруженности не сможет принять более одной десятой всех этих материалов. Он предлагает новую систему хранения материалов: бумаги, ненужные учреждениям, передавать на известный срок в особое хранилище, где они подвергнутся предварительной архивной обработке и от-

бору; а то же время заинтересованные лица и организации смогут наводить здесь любые справки. По истечении срока отобранные материалы перейдут на общих основаниях в архивное хранение. Такой порядок гарантирует сохранность материалов, их правильный отбор, сортировку и обработку. Для этого «промежуточного» хранения архивариус предлагает построить в окрестностях Вашингтона специальное обширное здание. Проект нового хранения архивных материалов в настоящее время рассматривается в правительственных органах.

◆ Библиотека Ф. Д. Рузвельта получила ряд новых материалов о деятельности покойного президента, в том числе черновики речей, произнесённых Рузвельтом за период 1929—1938 годов. В числе самых последних поступлений имеются материалы Белого дома о конференции в Касабланке (январь 1943 г.). В настоящее время решается судьба колоссального личного архива Рузвельта, который находится в Белом доме и занимает 9 тыс. кубических футов. В ближайшее время ожидается, что этот архив будет передан в библиотеку Ф. Д. Рузвельта и частично станет доступным для исследователей.

◆ 23 сентября 1944 г. в Гаванне (Куба) открылось новое здание национального архива, сооружённое специально для этой цели. На открытии присутствовал ряд гостей — от правительства Кубы, архивного управления США и архивные работники Латинской Америки. С речью выступил президент Кубы Ф. Батиста. Архивариус США прислал в новый архив ряд фоторепродукций с документов, хранящихся в архивах США и представляющих интерес для истории Кубы.

◆ Национальный архив США подготовил к печати сборник архивных материалов о деятельности так называемого «Управления национального восстановления» («National recovery administration»), которое в период 1933—1937 гг. безуспешно пыталось внести элементы планирования и регулирования в экономическую жизнь США и навлекло в своё время на Ф. Рузвельта ожесточённые нападки со стороны консервативных предпринимательских кругов. В сборнике опубликованы богатые статистические данные об экономике США этих лет, особенно о заработной плате отдельных групп трудящихся, о ценах и т. д.

◆ Британская историческая ассоциация начала выпуск нового периодического издания под названием «Обычные ошибки в истории». Это оригинальное издание имеет целью довести до широкого круга лиц, занимающихся историей, главным образом педагогов, результаты новейших исследований по различным разделам исторических наук. Ставится задача: бороться с устарелыми, ошибочными взглядами на различные события, лица и факты истории. По этим вопросам будут помещаться статьи, подводющие итоги последних исследований. Тематика статей разрабатывается на основании анализа экзаменационных работ студентов и учащихся старших классов: статьи будут ответом на ошибочные взгляды, наиболее часто встречающиеся в этих работах

и просекающие не из невежества экзаменующего, а из источника его знания (учебники или преподаватель). В первом выпуске даны статьи в ответ на двадцать наиболее распространенных ошибок, в том числе такие: Колумб и теория плоскости Земли, роль монастырей в просвещении, уния Англии и Уэльса, капитан Кук, огораживавшая в Англии, причины войны США за независимость, блокада в эпоху Французской революции и Наполеона, хлебные законы, Гладстон и Турция, маньчжурский кризис 1931—1932 гг. и др.

◆ В июне 1945 г. умер известный английский историк Джон Марриотт. Его перу принадлежат такие известные работы, как «George Canning and his times», «French revolution of 1848», «Life of Castlereagh», «Short history of France», «Queen Victoria and her ministers» etc.

◆ В начале текущего года в издании Западного института в Познани вышла в свет крупная по своему значению работа проф. Леер-Славинского «О происхождении и первоначальной родине славян».

Проф. Леер-Славинский (ректор краковского Ягеллонского университета) является одним из крупнейших учёных в области языкознания. При рассмотрении проблемы происхождения славян он взял за основу результаты изысканий в области сравнительного языкознания и подкрепил их достиже-

ниями тех отраслей науки, которые помогают осветить вопрос, а именно — археологии, антропологии, этнографии, истории и т. д. Автор пришёл к предположению, что древняя родина славян непосредственно примыкала к древним поселениям балтов и вместе с тем соприкасалась с одной стороны с районами поселений германцев, с другой — с народами иранскими, о которых нет точных сведений. При сопоставлении сведений, которые имеются о древнейших местах поселений балтов и германцев, автор приходит к выводу, что древняя родина всего славянского племени находилась в бассейне Одера и Вислы и сверх того, захватывала Вольню и Подолье. Он считает, что именно отсюда, из области по Одере и Висле, после расчленения этническо-языкового древнеславянского комплекса, отдельные группы славян частично двинулись на восток и на юг, частично на запад. В результате возникли известные в истории славяне: восточные, южные и западные. Это имело место, по мнению автора, не ранее, чем на границе III—IV вв. нашей эры.

Сопоставляя результаты изысканий по археологии с результатами исследований в области сравнительного языкознания, Леер-Славинский считает возможным сделать вывод, что этническо-языковой праславянский элемент постепенно выкристаллизовался из более древних протобалтийских и древнеиндоевропейских объединений.

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Никитин С. — Русская политика на Балканах и начало Восточной войны	3
Смирнов И. — О путях исследования русского централизованного государства (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	30
Мавродин В., проф. — Несколько замечаний по поводу статьи П. П. Смирнова «Образование русского централизованного государства в XIV — XV вв.»	45
Юшков С. — К вопросу об образовании русского государства в XIV — XVI вв. (по поводу статьи проф. П. П. Смирнова)	55
Мирошевский В. — Хосе-Гаспар Франсиа — вождь парагвайской революционной демократии (1814—1840)	68
Неусыхин А. — Эволюция собственности и свободы в родоплеменном и варварском обществе	82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Сидоров А., проф. — Библиотека внешней политики «История дипломатии». Том II. Дипломатия в новое время (1872 — 1919)	100
Ростовский С. — Библиотека внешней политики. «История дипломатии». Том III. Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919—1939)	107
Толстов С., проф. — Древнейшая история СССР в освещении Г. Вернадского	113
Тихомиров М. — Славяне в «Истории России» проф. Г. Вернадского	124

РЕЦЕНЗИИ

Покровский С., проф. — Мордвинов Н. Избранные произведения	129
Елифанов П. — Доклады и сообщения исторического факультета. Вып. I	134
Горянов Б. — «Византийский сборник». Издательство Академии наук СССР М.—Л. 1945	136
Бушуев С., проф. — Рапп Дж. Колебания в русско-австрийской дружбе 1876—1878 гг.	140
Яцунский В. — Новые работы по истории картографии США	143

ХРОНИКА

Шунков В. — Институт истории Академии наук СССР в 1945 году	146
Дружинин Н. — Заседание памяти декабристов	149
Семёнов В., проф. — Защита диссертаций в Московском государственном педагогическом институте имени Ленина	151
Апилогов Г., Верховень Б. — О дипломных работах студентов отделения: истории СССР исторического факультета Московского ордена Ленина государственного университета имени М. В. Ломоносова	154
Историческая наука за рубежом	156

CONTENTS:

ARTICLES: Nikitin S. The Russian policy on the Balkans and the beginning of the War in the Balkans. Smirnov I. On an investigation into Russian Centralized State. Mavrodin V., Prof. Some notes on the article by P. Smirnov („The formation of the Russian Centralized State“). Ushkov S., Prof. On the question of the formation of the Russian State in the 14th—16th centuries. Miroshhevski V. José Gaspar Francia—the Leader of Paraguay revolutionary democracy (1814—1840). Neussikhin A., Prof. The evolution of Property and Freedom in Barbarian Clan society. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY. CRITICAL ARTICLES. CALENDAR OF EVENTS.

SOMMAIRE:

ARTICLES: Nikitine S. La politique russe dans les Balkans et le commencement de la guerre Balcanique. Smirnov I. Les voies d'exploration de l'Etat russe centralisé. Mavrodine V., prof. Quelques remarques sur l'article de P. Smirnov „La formation de l'Etat russe centralisé“. Yuchov S., prof. Contribution à la formation de l'Etat russe du XIV au XVI siècles. Mirochevski V, José Caspar Francia — chef de la démocratie révolutionnaire du Paraguay (1814—1840). Neoussykhine A., prof. Evolution de la propriété et de la liberté dans le système des clans et la société barbare. CRITIQUE ET BIBLIOGRAPHIE. ARTICLES CRITIQUES. CHRONIQUE.

Редакционная коллегия:

В. П. Волгин (отв. редактор), Е. Н. Городецкий, Б. Д. Греков, Н. М. Дружинин, Е. А. Косминский, И. А. Кудрявцев, И. И. Минц, А. М. Панкратова, С. Н. Ростовский, А. Л. Сидоров, М. Н. Тихомиров.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24, комн. 239.
А—02000.

Изд. № 417.

Заказ № 583.

Д 3-31-04.
Тираж 33.200.

Подписано к печати 17/VI 1946 г.

10 печ. л.

68 000 печ. зн. в печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.